НОВЫЙ РОМАН МИХАЭЛЯ ДРАУ

ГЕНМУ

www.dizzaster.ru www.muzicona.com

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Он не должен был родиться вообще. Такие, как он — «генетический мусор» — подлежат уничтожению ради сохранения чистоты генома Империи. Однако волею судьбы он выжил. И воплотил мечту древних философов о Сверхчеловеке. А что насчёт его собственной мечты? И может ли быть мечта у машины, которая когда-то была человеком?

- Михаэль Драу
  - ЧАСТЬ I
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
  - ЧАСТЬ II
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25
    - Глава 26
    - Глава 27
    - Глава 28
    - Глава 29
    - Глава 30
    - Глава 31

- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37

ЧАСТЬ III

- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52

ЭПИЛОГ

Михаэль Драу
ГЕНМУ

ЧАСТЬ I

Глава 1

Генерал Агласис Шибта вышел из вылизанного до блеска мувера, поправил жёсткий и неудобный воротничок, после чего размашисто, по-военному прошагал к кованым воротам пятиэтажного особняка. Камеры наблюдения с чувствительными датчиками движения повернулись к нему, словно живые.

Нажав кнопку звонка, Агласис вытянулся в струнку по неистребимой привычке.

— Ну наконец-то! — раздался голос из маленького динамика чуть ниже кнопки. — Кофе уже инеем покрылся!

— Виноват, Мастер Ирон! — отчеканил генерал. Но тут же прыснул со смеху и слегка стукнул по динамику. — Открывай давай, и так сколько времени потерял из-за твоего моста. Градостроитель ты наш.

В ответ прозвучала усмешка, и створки ворот медленно разъехались в стороны.

Генерал прошагал к особняку по мощёной белым камнем тропинке, казавшейся в буйной зелени сада пробором в густых кудрях. Господин Шибта с наслаждением вдыхал медвяный аромат натуральной растительности.

Брокса — городишко крошечный, хорошо если наберётся миллион жителей. Всего два уровня. И даже на нулевом уровне есть жилые кварталы, чего никогда не увидишь ни в родном Нидрэде, ни тем более в блистательной столице, где генерал служил вот уже восемь лет. Как хорошо иногда приехать в такую милую глушь к старинному приятелю, окунуться в размеренное, неспешное существование и отвлечься от суеты и жёсткого ритма больших городов. Конечно, старик Ирон из кожи вон лезет, чтобы превратить захолустье и сырьевой придаток столицы в город, который хоть чего-нибудь стоит. Вот и Академию построил двадцать лет назад. На празднование круглой даты организовал общегородские гуляния и пригласил старинного друга, с которым последний раз виделись на выпуске Нидрэдской Академии. Сколько воды утекло с тех пор! А Брокса почти не изменилась. Вряд ли она когда-нибудь сравнится с мегаполисами, Мастера которых лично целовали руку Императору. Но зато где ещё удастся дышать полной грудью и не кашлять при этом?

Впрочем, генерал уже забыл, что такое кашель. Благодаря многочисленным сложным «вшивкам» его лёгкие прекрасно фильтровались, а работа рецепторов слизистой могла подвергаться сознательному контролю. Неоценимая польза в бою, когда страдает защитное обмундирование.

Господин Шибта уже поднялся на мраморное крыльцо, как вдруг заметил справа какое-то движение. Резко развернулся. Мелькнуло что-то белое. Медленно качались тяжёлые от сочно-зелёной листвы ветки ближайшего дерева.

— Я тебя вижу, — усмехнулся генерал. — Выходи, не бойся!

Он слукавил. Он видел лишь тепловой силуэт, перестроив визоры в режим инфракрасного зрения.

Из-за дерева робко выступило трогательное в своей болезненности и *неправильности* существо — мальчик-альбинос лет двенадцати. Длинный, тощий, с чуть косящими розоватыми глазами, которые он подслеповато щурил на ярком свету. Мальчик был одет в простые штаны и рубашку белого цвета. Казалось, он весь светится, как маленький ангел.

— Ты чей такой? — спросил генерал, улыбнувшись.

Мальчик судорожно ахнул и спрятался обратно за дерево.

— Не бойся, я не обижу! Выходи, — господин Шибта доверительно протянул руку и присел на корточки.

Мальчик с опаской приблизился.

— Привет! — подмигнул генерал.

— Зд…расьте, — неуверенно проговорил мальчик и смущённо улыбнулся.

— Тебя как зовут, ты чей?

— Я… Я Найт. Вот, — мальчику, судя по всему, сложно давались простые слова. Он весь пылал от смущения и часто хлопал белыми ресницами.

Генерал не мог удержаться от улыбки умиления и протянул руку, чтобы потрепать мальчишку по жиденьким волосам. Тот вдруг коротко вскрикнул от ужаса и бросился бегом прочь.

— Куда ты, дурень? — генерал поднялся и засмеялся. — Не укушу же!

Но мальчик уже скрылся из поля зрения, затерялся среди изумрудных пятен свежей растительности. Пожав плечами и вздохнув, генерал наконец нажал кнопку звонка.

* * *

Целого дня и части вечера едва хватило закадычным друзьям, чтобы обсудить хотя бы треть всего произошедшего с ними за эти годы.

Мигель Ирон закончил Академию Нидрэда с отличием, получив диплом высококлассного инженера и не опозорив имени своей весьма известной и старинной семьи. Тогда ещё молодой и амбициозный, но не слишком интеллектуально развитый киборг

Агласис Шибта, напротив, едва дотянул до выпуска, постоянно попадая в истории, связанные с нарушением дисциплины. Но зато в бою ему не было равных. Он намеревался взять от жизни всё и со временем перебраться в столицу. И уговаривал друга составить ему компанию на этом тернистом пути. Но вместо того чтобы остаться в Нидрэде, Ирон решил попытать счастья на чужбине. И неплохо «попытал», как любил шутить его друг: сумел расположить к себе старого Мастера так, что тот миром передал ему все полномочия, а сам с облегчением удалился на покой.

И Ирон, и Шибта засучив рукава принялись строить свою судьбу. Казалось, что впереди вся жизнь, но вот им обоим чуть за сорок, и теперь очевидно, что времени ни на что так и не хватило. Особенно киборгу, которому предстоит через каких-то три года встретиться лицом к лицу с неизвестностью, ожидающей всех киборгов без исключения.

Но грусти и унынию не было места в разговорах старинных приятелей. Мастер Ирон хвастался самым настоящим кофе, выращенным в личной оранжерее. Генерал, как мальчишка, демонстрировал свои воинские умения, с завязанными глазами подбивая подброшенные в воздух предметы.

— Ты жульничаешь, киборг! — хохотал Мастер Ирон, грозя приятелю пальцем. — Ты же можешь перестроить визоры в режим любого видения, даже рентгеновского!

Генерал лишь усмехался на это.

И вот, когда весь кофе был выпит, банки и стеклянные блюдца перебиты, сплетни обсуждены по десять раз и былое вспомянуто, двое мужчин расположились в удобных плетёных креслах в тени натурального ливанского кедра, блаженно жмурясь на закатное солнце, похожее на апельсин. Многочисленные жёны хозяина Броксы сидели тут же на расшитых подушках. Одни пели нежную и чуть грустную песню, аккомпанируя себе на странных инструментах, другие разминали плечи мужчинам, третьи готовы были по первому намёку наполнить бокал вином или свежевыжатым соком.

— Чего же ты мне свои генетические лаборатории не показал, а то ведь мне ехать скоро, хотелось бы успеть глянуть, — проговорил генерал, чуть повернув голову к другу.

— Я пока не построил. Некогда мне всяческих уродцев создавать, — усмехнулся Ирон. — Думаешь, я бы не похвастался?

Одна из женщин замерла, как будто ей под лопатку вонзили иголку. Мастер Ирон ничего не заметил, но от цепкого взгляда киборга это не укрылось.

— Пойдём-ка покурим, — генерал встал, мягко отстранив от себя двух молчаливых красавиц.

— А чем тебе тут не нравится? — Мастер Ирон развёл руками.

— Пойдём, пойдём. Поболтаем.

Киборг довольно бережно поднял Ирона с кресла и повёл с собой по белоснежной дорожке.

* * *

— Я… Я тотчас уничтожу этого выродка! — сбивчиво обещал Мастер Ирон, когда генерал рассказал ему о своих подозрениях. Точнее, логических выводах. Киборги лучше кого бы то ни было умели мыслить логически.

— Успокойся, Миги, ты что же думаешь, я донесу на тебя? Сдам лучшего друга только потому, что у него не поднялась рука на собственного сына?

Мастер Ирон нервно чиркал зажигалкой и тихонько ругался, потому что никак не удавалось добыть огня. Киборг мягко забрал зажигалку и сам помог другу прикурить.

— Спасибо, — глухо поблагодарил тот, несколько раз глубоко затянулся и буквально рухнул на скамеечку.

— Господи, и кто только выпустил этого уродца с женской половины дома!

— Ну ты же не думал, что его удастся скрывать вечно, — генерал сел рядом и сочувственно похлопал друга по плечу. — Если бы ты жил в столице или хотя бы в Нидрэде, то твоего генму уже давно бы вычислили, уничтожили, да и тебе бы досталось. Он ведь генму?

— Я не знаю, относится ли его отклонение к классу недопустимых, — пальцы Мастера Ирона ощутимо дрожали, тиская сигарету. — Он альбинос. Вопрос об альбиносах постоянно поднимается в генетических комиссиях, ты же знаешь. Их то причисляют к генетическому мусору, генму, или гемам, то снова убирают из списков. В год, когда он родился, альбиносы считались генму. Я должен был его уничтожить. Я должен был обнаружить отклонение ещё на стадии беременности Лилии, но так замотался… Эта Академия, и мосты новые… Чёрт…

Мастер Ирон обхватил лоб ладонью.

— Я не смог бы… Я хотел этого ребёнка. Я люблю его любым. Пусть даже он имел бы более серьёзное отклонение. Пусть даже в нём проявились бы рецессивные признаки изначальной мутации…

Он посмотрел на Шибту, и в глазах его стояли слёзы.

— Это же мой сын… Как можно убить собственное дитя?

Киборг ничего не ответил. Генетические комиссии запрещали киборгам иметь детей: слишком тяжёлые приобретённые хромосомные нарушения ни в коем случае нельзя передавать по наследству. Поэтому подобные сантименты были очень далеки от генерала. Но он счёл нужным снова доверительно похлопать друга по плечу.

— Ты не можешь его больше прятать. И не потому, что я не стану молчать. Нет. Вам обоим стоит перестать жить в постоянном страхе. Сейчас ситуация с альбиносами, включая таких стопроцентных, как Найт, смягчена. Их даже принимают в Академию. Я, конечно, не всемогущ, но кое-чем могу помочь. Тем более по возрасту он как раз подходит.

— Я… я больше никогда его не увижу? — тихо пробормотал Мастер Ирон, меланхолично разглядывая окурок.

— Если захочешь, я могу устроить вашу встречу. Но ты же понимаешь, что генму может здорово подпортить твою репродуктивную репутацию. Ты хочешь, чтобы тебя лишили права на дальнейшую репродукцию и обязали вернуть половину жён в Оазисы? Не говоря уж о весьма немалом штрафе.

Мастер Ирон молчал, глядя на свои руки.

— Разве тебе не будет достаточно того, что твой сын жив и даже неплохо устроился? — нарушил тишину господин Шибта.

Молчание в ответ.

Генерал ещё некоторое время посидел рядом. Закурил. Когда тонкая, как спица, сигарета истлела полностью, он встал. Мастер Ирон подскочил следом.

— Не бойся, — крепкие руки киборга легли на поникшие плечи хозяина города. — Пока я жив, хотя бы в оставшиеся три года мальчику ничто не будет угрожать. Я очень надеюсь, что он воспитан хорошо, не проболтается, кто его отец. Завтра же устрою его в Академию. Правда, мои полномочия распространяются только на Боевое отделение.

Мастер Ирон нервно расхохотался.

— Да какой из него киборг, что ты! Он почти слепой, глуховат, болеет часто, тщедушный, как… как генму! Ха-ха-ха!

Генерал терпеливо дождался окончания этой тщательно контролируемой, сдержанной истерики. Потом крепко обнял друга и похлопал его по спине.

* * *

Найт лежал, свернувшись клубочком, на коленях своей матери. Его остренькие плечи чуть дрожали, тонкие ноздри

трепетали, словно он пытался надышаться перед смертью.

Мать не спала, всё гладила и гладила мягкой тёплой ладонью шелковистые, похожие на пух, белоснежные волосы сына — болезненного, диковинного уродца, но самого любимого создания на земле. Как бы ни исказили правила и законы нового мира отношение к женщине и отношение женщин к собственным детям, всегда останется то, что не подвластно искусственному порядку вещей. Материнское сердце. Оно тоскливо сжималось и замирало, холодея от неопределённого, неприятного предчувствия.

А когда в увитую шелками и полупрозрачными драпировками общую комнату вошли двое — муж и его гость, женщина горестно взвыла, перебудив половину товарок, прижала к себе затихшего мальчика и закричала:

— Не убивайте его! Он не виноват! Это я виновата, что родила его! Убейте лучше меня!

— Тихо ты, глупая самка! — проговорил Мастер Ирон без злобы, лишь с недовольством. — Никто его не собирается убивать.

— Не убивайте! — словно не слыша никого, завывала Лилия. Найт в ужасе вращал влажными прозрачными глазами, по его белым щекам катились слёзы.

— Всё в порядке, — приблизился к ней генерал. Он взял Найта за руку.

И тут мальчишка, коротко рявкнув, рванулся изо всех сил. И даже стукнул генерала по плечу.

Господин Шибта невольно отпустил его. Потом повернулся к отцу Найта и усмехнулся:

— И ты говоришь, из него не получится киборга? — он снова глянул на мальчика и подмигнул ему. — Ну чего ты ноешь, как самка? Ты уже большой. Давай, вытирай сопли и пошли. Боец.

Лилия ровным счётом ничего не понимала, да и не пыталась. Генерал повёл Найта к выходу. Мальчик оглянулся на пороге.

— Мама… — пробормотал он.

Женщина кинулась в ноги киборгу, заливаясь слезами. Мастер Ирон едва смог её оттащить. Мальчик попытался вырваться, забился, как зверёк, даже начал кусаться, но всё тщетно. Руки, которые перехватили его поперёк туловища и оторвали от матери и от привычной жизни, способны были оторвать и башню у танка.

Найт боролся молча, и лишь когда его запихали в дорогой, начищенный до блеска мувер, истошно, хрипло завопил: «Мамааа!»

Генерал дрогнул. Он успел забыть значение этого слова. И уж

точно не мог вспомнить чувств, которые оно вызывало. Но оно что-то надорвало в нём, где-то очень глубоко в душе.

Найт рвался наружу и плакал, пока не получил увесистую затрещину. После чего вдруг осознал неотвратимые изменения, произошедшие в его судьбе, и сел на скрипучем кожаном сидении напротив генерала, робко хлопая тонкими белыми ресницами.

— Вот и молодец, — кивнул генерал. — Надеюсь, ты не заставишь ни меня, ни твоих родителей жалеть о том, что случилось. Генму.

С этими словами он улыбнулся искренне и ласково и потрепал мальчика по голове.

Глава 2

Над кварталами старинных домов, перестроенных или восстановленных многие десятилетия назад, как поговаривают, в том самом виде, в котором они существовали ещё до Пыльной Войны, возвышалась Академия Броксы. Изящное здание из тёмно-синего зеркального стекла и хромированного металла стремилось в небеса. От него, словно ветви от ствола гигантского дерева, расходились мосты, соединяющие Академию с несколькими, пока малочисленными в Броксе, небоскрёбами.

В городе ещё не было Столпов: всего два уровня вполне могут обойтись без дополнительной поддержки. Маленькие, максимум этажей пятнадцать-двадцать, дома-коробки жались к подножию великолепных современных небоскрёбов и почти всегда оставались в их тени. А обширные залы и казармы Академии купались в солнечных лучах.

Найт щурил слезящиеся глаза, изредка шмыгал носом, мелко и часто моргал, стараясь уставиться в пол. Но он не имел такого права. Пока раздают инструкции, надо стоять по стойке «смирно» и смотреть на старшего.

Старшим оказался совсем молодой парень с чёрной вертикальной полоской на нижней губе, как у всех киборгов. Видно было, что он тяготится своим незавидным положением и наверняка мечтает о головокружительной карьере ликвидатора где-нибудь в крупном городе, а не няньки для малышни в этом захолустье.

— Правила всем ясны? — недовольным тоном буркнул куратор начальных курсов по прозвищу Литий, продолжая жевать жвачку и почти не глядя на мальчишек, выстроившихся перед ним шеренгой на пороге общей казарменной спальни. Они согласно забубнили.

— Так точно, сэр! — звонко крикнул громче всех смуглый черноволосый мальчишка, обратив на себя внимание и новичков, стоявших рядом, и уже обитающих в казарме более старших курсантов, и даже куратора.

— Не слышу, — повторил тот, переведя взгляд на Найта, который лишь кивнул и что-то невнятно пискнул.

— Не слышу!

— Так точно, сэр! — почти жалобно выдал хрипловатым фальцетом Найт, вскинув голову. Солнечный свет, отразившись от зрачков, сделал его глаза почти красными.

— Тьфу ты, нечисть! — скривился куратор. — Видать, плохо дело Академии, раз даже генму начали принимать.

— Никак нет, сэр! — снова звонко выкрикнул чёрненький мальчишка. — Согласно принятому в 312 году закону альбиносы официально не являются генму.

— Опа! У нас тут умник! — скривился куратор.

— Так точно, сэр! — не моргнув глазом, снова выкрикнул чёрненький и уставился на старшего киборга с вызовом и нагловатым весельем.

Тот сохранял суровое выражение лица всего несколько секунд, потом криво усмехнулся.

— Ладно, всем вольно. Идите выбирайте себе койки. Через час медосмотр и первая тренировка.

С этими словами он ушёл, а новенькие остались один на один со старшими мальчиками. Большинству было лет одиннадцать-двенадцать, встречались и юноши, вступившие в пору полового созревания. У четверых уже были чёрные полоски на нижней губе.

Несколько парнишек, при кураторе стоявших у спинок кроватей, вытянувшись в струнку, сейчас расслабились, кто-то улёгся на кровать с электронной книжкой, кто-то как будто лениво и неспешно принялся отжиматься. Но кое-кто и вызывающе смотрел на новеньких.

Чернявый как ни в чём не бывало прошагал к одной из четырёх свободных кроватей, стоявших рядком.

— Эй, тебе что, разрешили двигаться с места? — окликнул его один из старших.

Чернявый оглянулся, не замерев ни на секунду, и по-хозяйски засунул потёртый рюкзак, разрисованный черепами, в шкафчик у кровати.

— Ты типа тут главный? — спросил он спокойным тоном. Потом закрыл шкафчик и приблизился к окликнувшему. Поднял кулаки.

— Ладно, давай по-быстренькому, а то всего час на отдых остался. Успеешь ещё в лазарет сбегать.

Вокруг раздались посвистывания и улюлюканья. Найт неловко переминался с ноги на ногу, но наконец решился и занял кровать в углу, куда не проникал солнечный свет.

— Нет-нет-нет, так не пойдёт! — сказал вдруг один тринадцатилетний мальчик с полоской на губе, до того лежавший на кровати с журналом. Он обошёл замершую парочку — черноволосого маленького агрессора и окликнувшего его забияку. Приблизился к Найту и указал на кровать напротив высокого окна.

— Ты будешь спать тут. Детям полезно солнышко.

— Я… я не могу… мне нельзя… — залепетал Найт, опустив голову.

— Ты что не видишь, что он альбинос? — чернявый отвлёкся от предполагаемого противника. И тут же получил кулаком в ухо.

— Эй! Не честно! — несмотря на лёгкое оглушение, он поднялся на ноги. Получил снова.

— Ну всё!

— Махач!!! — повскакивали с кроватей мальчишки помладше и поагрессивнее, кинулись помогать дерущимся, и вскоре в широком проходе между рядами кроватей образовалась настоящая свалка.

Некоторые мальчики не проявляли никакого интереса к драке. Кто-то лежал на кровати в наушниках, кто-то читал, кто-то продолжал отжиматься. Найт стоял, сжавшись под изучающим взглядом тринадцатилетки, и кусал губы.

— Вот видишь, из-за тебя всё, — покачал головой парень. — Ты должен слушаться.

Найт угрюмо глянул на него. Тот усмехнулся и спокойной походочкой приблизился к куче дерущихся подростков. Затем, не прилагая практически никаких усилий, оттащил одного, потом второго, потом отшвырнул на ближайшую кровать третьего. Наиболее агрессивным легонько двинул в ухо или челюсть. И вот все мальчишки кое-как расползлись по своим койкам. Остался только тот, чернявый. Он кинулся в бой, но старший мальчик вдруг молниеносно схватил его за горло и медленно приподнял. Чернявый захрипел, едва касаясь пола носками ботинок. Найт вздрогнул и неуверенно шагнул к ним.

— Значит так, — заговорил тринадцатилетка. — Для тех, кто в танке. Главный тут я. Зовут меня Бофи. Когда я говорю, вы слушаетесь.

— Пошшшёл ты! — хрипел черноволосый, извиваясь в его хватке.

Скрипнула кровать.

Бофи оглянулся через плечо. В ярком солнечном пятне на постели сидел Найт, жмурясь и стараясь не отворачиваться от света. Он весь как будто сиял — кожа, волосы, и даже форменная роба, какую выдавали всем новичкам, казалась на нём светлее, чем у прочих. Он старался изо всех сил показать послушание.

— Вот умница, — кивнул Бофи.

Его пальцы разжались, и чернявый бухнулся на задницу, надсадно кашляя, сплёвывая кровь из разбитой губы. Отрывисто прорычал ругательства.

— А теперь зачинщики безобразия, помешавшие мне во время законного отдыха, сходят вон туда, в подсобку, принесут вёдра и швабры и хорошенько помоют полы. А то наплевали тут!

Он брезгливо глянул на пятна крови. Затем вернулся к

кровати, достал журнал и улёгся, закинув ногу на ногу.

Мальчишки некоторое время не шевелились. Он глянул на них, чуть приподняв бровь.

— Ну? Чего стоим? Живо! Ты, ты и ты, кстати, тоже, Тод! Лезть к маленьким нехорошо, так что расплачивайся.

Мальчишка, первым приставший к новичкам, со вздохом поплёлся в маленькую подсобку. Один только черноволосый остался на месте. Он поднялся, вытер кровь рукавом, и заявил:

— Я тебе не уборщик! И вообще, я первый никого не трогал.

Бофи отложил книгу, задумчиво нахмурился.

— Хм. И то верно. Вроде как несправедливо заставлять тебя работать.

Затем он перевернулся на бок и подпёр голову рукой, глядя ему в глаза.

— Однако жизнь вообще штука несправедливая, дружок. Так что давай, шагом марш.

— Не буду! — черноволосый сжал кулаки и весь подобрался, готовый к новой драке.

— Лениться нехорошо, — покачал головой Бофи и медленно встал с кровати.

Наказанные драчуны, успевшие принести вёдра и швабры, чуть попятились. Черноволосый не двигался с места, глядя Бофи в глаза.

Тот приблизился.

— Ну что ж, раз ленишься, то и ленись дальше. Какую, говоришь, кровать выбрал?

Сказав это, он взвалил мальчишку на плечо, игнорируя отчаянное сопротивление, отнёс на койку, которую тот себе облюбовал, свалил, словно мешок цемента, и выдрал из-под него простое тонкое одеяло.

— Какого… — начал было черноволосый. Бофи тем временем преспокойно разорвал одеяло на несколько длинных лоскутов и принялся привязывать мальчишку к спинке и изголовью кровати за руки и за ноги. Почуяв неладное, черноволосый взвился, принялся брыкаться, но крепкая затрещина прервала его попытки сопротивления.

Через пару минут он не мог пошевелиться, распятый на кровати в позе морской звезды.

— Ну вот, валяйся, сколько влезет, — усмехнулся Бофи.

— А и буду! — рявкнул в ответ черноволосый.

Бофи покачал головой и повернулся к наказанным.

— Ну! Полы заждались!

Мальчишки тут же принялись вытирать кровь с пола. Но Бофи, как не сложно было догадаться, этого показалось мало, и

он велел вымыть все полы в спальне, «заодно, раз уж взялись».

Черноволосый даже принялся что-то насвистывать. Но почему-то никто не разделял его веселья.

Найт всё ещё сидел на кровати, щурясь от нестерпимого для его чувствительных глаз солнца.

— А этого белобрысого чего к уборке не припашешь? — возмутился кто-то.

— А он хороший послушный мальчик, — ответил на это Бофи, переключая очередную страничку электронного журнала.

Мальчишки с ненавистью поглядывали на альбиноса, а тот не знал, куда и деваться.

— Как тебя зовут-то, мыш лабораторный? — добродушно спросил Бофи.

Найт не расслышал, потому Бофи пришлось повторить вопрос.

— Найт! Меня зовут Найт, — поспешно ответил он.

— Что, просто Найт? А фамилия?

Мальчик сглотнул и проговорил сдавленно:

— Просто Найт.

Ему запретили называть свою фамилию и зарегистрировали в картотеке Академии без какой бы то ни было фамилии вообще.

— А, ну оно и ясно, ты ж генму! Откуда у тебя фамилия, чучелко инкубаторское? Как ты вообще до сего дня дожил, не понимаю! — усмехнулся Бофи. — Иди-ка сюда.

Найт замер, но повиновался быстрее, чем Бофи повторил приказ.

— Садись, — велел тринадцатилетка.

— Куда? — промямлил Найт.

— Сюда, — Бофи похлопал ладонью по одеялу рядом с собой. Мальчишки украдкой поглядывали на них, ожидая развития событий. Черноволосый фыркнул с презрением:

— Ага, щаз он тебя и отсосать попросит, а ты и не откажешь, сопля!

Найт испуганно заморгал, неуверенно оглянулся. Несколько мальчишек сдавленно прыснули со смеху.

— Каков пошляк, вы не находите, господа? — Бофи всплеснул руками.

Заметив, что наказанные мальчишки закончили работу и собрались унести грязную воду, он приподнял руку и щёлкнул пальцами:

— Стоп! Мне кажется, жидкости можно найти более полезное применение. У нас тут кое-кто перегрелся.

Потом он молча кивнул в сторону черноволосого. Тот нахмурился.

— Чего?! Да только попробуй!

Он дёрнулся, но был настолько крепко привязан, что не сдвинулся с места.

Мальчишки понурили голову. Они не очень-то хотели ссориться с этим новеньким.

— Ну давайте, устройте нашему герою-одиночке освежающий душ! — засмеялся Бофи. И наказанные подчинились.

На беспомощного черноволосого обрушился грязный поток. Одежда и простыни мигом вымокли, а ругательства не прекращались потом несколько минут. Черноволосый так буйствовал, что аж кровать слегка постукивала ножками по полу. Нашлись и такие, кто злорадно хихикал.

— Так на чём мы остановились? — повернулся Бофи к Найту.

Тот быстро сел к нему на постель.

— Знаешь, ты похож на самочку, послушную, тихую, хорошую самочку, — заговорил Бофи томным голосом. — Ты знаешь, для чего нужны самочки?

Найт закусил губу и решительно встал. Бофи расхохотался.

— Да не только для того, что ты подумал, ещё и для массажа! Разомни-ка мне плечи.

С этими словами он лёг на живот. Найт прижал к его тёплой коже чуть дрожащие ладони и принялся разминать крупные, твёрдые мышцы. Бофи даже заурчал. Найт постепенно расслабился и показал то, чему научила его мать.

Женщин в Оазисах обучают различным премудростям, далёким, правда, от политики, науки или бизнеса, поэтому всё, что смогла Лилия передать своему сыну, — это любовь к искусству и умение делать массаж. Бофи блаженно жмурился и, казалось, забыл о том, что он должен всеми здесь командовать. Найт помалкивал и продолжал разминать его плечи, пока в казарме не раздался резкий звуковой сигнала, объявлявший о начале тренировок.

Найт вздрогнул, Бофи усмехнулся и встал.

— Молодец. Уважаю твою любовь к дисциплине.

— А… м… можно я всё-таки на другую кровать лягу? Солнце… Оно… Я… Мне нельзя так много солнца… — сбивчиво пробормотал Найт, смиренно опустив лицо.

Бофи взял его за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза.

— Детка, да ты что же, думаешь, что я настолько могу размякнуть от простого массажа? Когда я скажу, тогда кровать и сменишь.

Открылись двери. На пороге стоял Литий. Оглядев казарму, он сказал:

— Ну, познакомились-подружились уже? Вот и чудно… О, это ещё что?! Делейт Лебэн, ну-ка объяснись!

— Нарушение устава Академии! — взвизгнул привязанный к кровати чернявый мальчишка, которого назвали Делейтом Лебэном. Он снова дёрнулся, но безрезультатно.

— Утихомирили зачинщика драки, сэр, — вышколенно сказал Бофи.

— Вот так и знал, что с ним проблемы будут, — вздохнул куратор. — Ладно, новички за мной. Остальные — в третий зал.

— Эй! А меня развязать? — крикнул Делейт.

Но его никто не слушал. Двери закрылись, когда спальню покинул последний из мальчишек.

— Мать вашу! — сипло орал Делейт. — Я не виноват! Я не нарушал ничего! Эй! Да чтоб вас всех!

Но вскоре он понял, что надрываться бесполезно, и угрюмо затих на своей мокрой, липкой и грязной постели.

Глава 3

В этом году в Академию поступило в три раза больше курсантов, чем в прошлом. Несколько десятков тысяч мальчишек из разных семей, с разными способностями поступали на то или иное отделение в разном возрасте, в зависимости от будущей профессии. Здесь были и аутичные восьмилетки, которым предстояло посвятить свою жизнь наукам Синтеза, — будущие генные инженеры, кибертроники, роботроники и прочая «элита». И ехидные девятилетки с внимательными, цепкими глазами — будущие координаторы, программисты, операторы различных сложных машин. И десятилетние мальчишки, которым суждено вступить во взрослую жизнь уже не вполне людьми, а наполовину машинами, — будущие киборги. И деловитые, плутоватые одиннадцатилетки, только что поступившие на отделение наук Управления, — будущие политики и бизнесмены. И бесчисленное множество двенадцатилетних мальчиков, которым удалось пристроиться на все остальные, менее престижные отделения.

Большинство было сразу после Интернатов, но попадались и «безродные», подобранные добрыми людьми на улицах или пришедшие в Академию добровольно и успешно сдавшие тесты.

Генерал Агласис Шибта научил Найта правдоподобной легенде, в которой никто не сомневался. Альбинос без биокарты и без диплома об окончании Интерната не вызвал подозрений. Наверняка какая-нибудь не слишком породистая женщина родила его по недосмотру, да и выбросила, словно мусор, пока её оплошность не заметил хозяин. Альбинос каким-то образом смог выжить на улицах и наконец решил «стать человеком».

Никто не понимал, почему двенадцатилетнего мальчика, да ещё не самых выдающихся физических и умственных качеств, приняли на Боевое отделение, а не определили на какой-нибудь малозначимый курс, по окончании которого ему светила бы разве что грязная, монотонная и низкооплачиваемая работа. Слухи поползли сразу. И подозрения зародились в головах тех, кто умел внимательно смотреть и делать логические выводы.

Бофи Талофф заинтересовался альбиносом, как забавной зверушкой. Найт производил впечатление слегка отсталого, но преподносил сюрприз за сюрпризом.

На обязательном медосмотре перед тренировкой Найт очень быстро, «по-солдатски» снял робу, аккуратно и ловко сложил её ровным прямоугольничком и повесил на спинку стула. На тренировке беспрекословно подчинялся приказам инструктора, хотя толком не мог выполнить ни одного упражнения, в то время

как прочие курсанты постоянно норовили побезобразничать. А когда все курсы отправились в столовый блок Академии, Бофи окончательно утвердился в мысли, что Найт — никакой не подзаборный найдёныш. Многие мальчишки его возраста держали ложку в кулаке, а этот альбинос — как надлежит, пальцами, аккуратно обхватывал губами, не открывая рта слишком широко и не втягивая жидкую протеиновую смесь с шумом и бульканьем. Где же мог генму научиться таким манерам и дисциплине?

Мальчишки из пятого блока, к которому относилась казарма Найта, с хихиканьем и шепотками поглядывали на альбиноса и Бофи.

Но не стоило терять время на ерунду, надо было всё съесть, ведь следующий и последний за день приём пищи только через восемь часов, а никаких кусочков припрятать никто не позволит: на выходе стоят дежурные и проверяют. Впрочем, унести с собой что-либо и тихонько слопать потом под одеялом в принципе невозможно. Всё выдаётся в уже открытых тюбиках и легко может оттуда вытечь, выдав запасливого курсанта.

После обеда мальчишки разошлись по классам на лекции, видео- и мнемокурсы согласно направленности своего отделения и возрасту.

Перед ужином, на малой вечерней тренировке, курсанты разных отделений и возрастных групп, но до четырнадцати лет, снова оказались вместе. Нагрузка, впрочем, не была одинаковой для всех. Если будущие программисты и прочие химики с нейрохирургами всего лишь слегка размялись, то будущие киборги пахали вовсю. От них не отставали мальчики с Армейского отделения, которым предстояло пополнить ряды государственной армии, но при этом сохранить тело почти человеческим.

Старшие курсанты Боевого и Армейского отделений занимались на специальных полигонах. Для прочих «физкультура» после четырнадцати лет заканчивалась в пользу увеличивающейся интеллектуальной нагрузки, и они посещали тренировочные залы исключительно по желанию и в личное время.

К концу дня у Найта разболелась голова. Слишком много впечатлений, шума, незнакомых людей, информации, да ещё и недавно вшитая биокарта даёт о себе знать. Мальчик не чуял под собой ног от усталости. Всё, что он хотел, это упасть сейчас на свою казённую кровать и уснуть мёртвым сном.

Но как только он вместе с остальными вошёл в общую спальню, сон как рукой сняло. Делейта никто не отвязал, хотя

Найт был уверен, что в их отсутствие кто-нибудь обязательно сделает это.

Когда зажёгся автоматический свет, Делейт пошевелился на кровати и радостно воскликнул:

— Чёрт, я так рад вас видеть! Думал, обоссусь!

— А тебе никто не мешает это сделать, — меланхолично заметил Бофи, доставая из шкафчика полотенце.

— Э! То есть как?! Отвяжите меня уже кто-нибудь, а то мочевой пузырь лопнет!

— Писай, писай, все свои. Ничего страшного. Тем более, ты и так весь грязный и мокрый, заметно не будет, — улыбнулся Бофи, и несколько мальчишек заржало.

Делейт побагровел, принялся рваться из крепких пут и орать благим матом, удивительно цветастым для его нежного возраста.

— Все оперативненько в душ, — распорядился Бофи, не обращая на буйство Делейта никакого внимания.

Одни мальчишки проходили мимо молча, понурив голову, другие хихикали или даже откровенно дразнили беспомощную жертву местного лидера, третьи не выказывали своих чувств. Найт замер в нерешительности.

— Ну, чего встал? Не задерживай движение, — сказал Бофи.

— Нельзя так. Наверное, — сбивчиво произнёс Найт, посмотрев на кровать Делейта. — Ему же плохо.

Бофи вздохнул, положил руки на плечи Найта и произнёс почти ласково:

— Эх, Мыш, вокруг тебя ещё стольким людям будет плохо, в миллион раз хуже, чем ему. Ты же будущий киборг. Привыкай к чужим страданиям.

Он рассмеялся и прошёл мимо, в душевую.

* * *

Найт вошёл через какое-то время, неловко прикрываясь полотенцем. В душевой всё было белым — пол, стены, потолок, яркий свет, клубы пара. Найт осторожно двинулся вперёд, но упал, сбитый с ног налетевшим на него Тодом. Это был тот самый мальчишка, что первым стал задираться к новеньким.

— Вот чёрт! — ругнулся он. — Не заметил! Чего под ноги кидаешься, мышь лабораторная?

— Я… я не…

— Ха-ха! Да ладно, ты просто здорово умеешь маскироваться под кафель! — Тод пошлёпал Найта по макушке ладонью и, хохоча, проследовал мимо. И вдруг его самого отпихнул с дороги

Делейт Лебэн, как ни в чём не бывало прошагавший к ближайшей свободной кабинке.

Тод кинулся к Бофи ябедничать.

— Так. Кто его отвязал? — сурово спросил старший мальчик, выходя из кабинки и хлопая стеклопластиковой дверцей.

Постепенно шум пара стих: ребята один за другим выключали душ. В конце концов в полной тишине остался только шум воды в одной кабинке и весёлое насвистывание Делейта.

— Кто отвязал, я спрашиваю?! — грозно рявкнул Бофи.

— Я! — Найт вскочил на ноги. — Я его отвязал!

Бофи посмотрел на него как на приготовленную к препарированию лягушку.

— Хм… Вот так воспитанный мальчик!

Он подошёл к Найту вплотную. Тот опустил голову и смиренно молчал. Но вдруг сам, без позволения, поднял лицо, заглянул Бофи прямо в глаза и проговорил хоть и тихим, но вполне твёрдым голосом:

— Он и так всё понял, наказан достаточно.

— Здесь я решаю, кто наказан достаточно, а кто нет! — заорал Бофи ему в лицо. Найт прищурился, но не отступил и не съёжился.

— Хм. А я думал, это в ведении устава Академии и кураторов, — послышался вдруг хрипловатый голос.

— Тебя вообще не спрашивают, Тэо! — буркнул в сторону Бофи.

К нему подошёл высокий парень примерно одного с ним возраста, бледный и веснушчатый, с медно-рыжими волосами, заплетёнными в тонкую косичку. На его нижней губе тоже имелась чёрная вертикальная полоска, как у Бофи.

Парень примирительно сказал:

— Слушай, салаги и так поняли, что с тобой лучше не шутить. Но зачем тебе, чтобы кто-то и правда обоссался, а потом вонял на всю спальню? Наш маленький боец с системой уже сделал правильные выводы. Правда, Делейт?

Вместо ответа черноволосый мальчишка выключил воду, обмотал бёдра полотенцем и, показав средний палец, гордо покинул душевую.

— Сделал, — утвердительно кивнул Тэо. — Ну, всё, инцидент исчерпан?

Он улыбнулся Бофи очень дипломатичной улыбкой. Тот угрюмо насупился и прошёл мимо, на выход.

Постепенно в душевой никого не осталось.

— Вообще-то Бофи не плохой, — негромко сказал Тэо на ухо Найту. — Просто его лучше слушаться.

— Ты-то вот не слушаешься, — буркнул Найт.

— С чего это ты взял? Слушаюсь! — Тэо сделал невинное лицо и прыснул со смеху. — Главное, не наступать ему на хвост. Мне с ним делить нечего. Он всё равно знает, кто я и кто он.

— А кто ты?

Тэо лукаво прищурил свои медовые глаза и сказал не без хвастовства:

— Я-то? Матэо Лекси. Слыхал?

Найт сконфуженно помотал головой.

— Ах, ну да, откуда генму знать такие тонкости! — добродушно усмехнулся Тэо. — Ладно, пошли спать. Завтра вставать рано.

Когда Найт вернулся в спальню, он увидел, что Делейт скинул грязные, всё ещё чуть влажные простыни вместе с тонким матрасом на пол и свернулся в клубок на твёрдой основе. Спать на решётке наверняка невозможно, но Делейт старательно делал вид, что заснул.

За два часа до отбоя мальчишки занимались своими делами. Кто-то решил уснуть пораньше, не обращая внимание на тихие разговоры, звуки, доносящиеся с чужих ноутов, или смех. Несколько коек пустовало — наверняка их хозяева сейчас тренируются, сидят в компьютерном зале или в мнемотеке.

Солнце уже зашло и уже не докучало Найту, который лежал на своей кровати. Сон не шёл, хотя всего полчаса назад он готов был уснуть даже стоя. Мальчик совершенно не представлял, чем можно сейчас заняться. Он решил понаблюдать за соседями по комнате на ближайшие шесть лет.

Академия Броксы была построена по общегосударственным стандартам, но до сих пор принимала гораздо меньше курсантов, чем была рассчитана. В каждой общей спальне стояло тридцать коек, и они должны быть заполнены все или почти все, либо спальня должна быть опечатана как нежилая. Поэтому блоки подчас уплотнялись мальчиками разных возрастов, но с расхождением не более чем в три года. По причине этого публика в спальне подобралась весьма разношёрстная и занятная.

— Чего пялишься? — рявкнул вдруг Тод.

Найт сел на кровати.

— Я вовсе не…

— Чего надо, а? Проблем, да? — Тод уже подошёл к нему, альбинос попятился и едва не свалился с кровати.

Но тут к ним обоим приблизился Тэо и положил руку на плечо маленького задиры.

— Всё в порядке? — спросил он.

Тод что-то невнятно буркнул, съёжился и очень быстро

вернулся на своё место.

Кивнув с довольным видом, Тэо взял Найта под локоть и сказал:

— Пойдём, поговорим.

Найт безропотно последовал за старшим мальчиком, мельком заметив, что Бофи провожает их очень внимательным взглядом.

Они вышли в коридор, погружённый в синеватый полумрак — автоматическое освещение переключилось в ночной режим. В длинных коридорах не было никого. Тэо остановился перед длинным затемнённым окном, и в нём Найт увидел их спальню. А, так вот, значит, что это за серебристая панель на одной из стен! Замаскированное окно.

Тэо прислонился плечом к стенке и с будничным видом закурил.

Найт округлил глаза.

— Ты куришь?!

— А ты что, нет? — фыркнул Тэо, выпуская дым ему в лицо.

— Нет…

Найт закашлялся, Тэо даже похлопал его между остренькими лопатками.

— Тогда тебе просто необходимо начать! На, держи. Всасывай дым, старайся проглотить.

Найт попытался вернуть сигарету, мямля что-то вроде «мне нельзя».

Но Тэо настойчиво пихал сигарету ему в губы. Найт сделал затяжку. Кашлял до выступивших слёз.

— Да что ты, в самом деле! — скривился Тэо. — Ну ладно, я тебя не за этим сюда приволок. Знаешь, я люблю животных — мышек там, крысок, прочую беспомощную шушеру. На уроках биологии каждый раз слёзы на глаза наворачивались, как скальпель поднимал над очередной тушкой… Да прекрати ты кашлять, мать твою!

Найт зажал себе рот ладошкой и вздрагивал от сдерживаемых приступов кашля.

Тэо продолжал.

— Так вот. И по причине своей излишней сентиментальности я решил тебе немного помочь освоиться, — он ещё раз затянулся. — Бофи и правда тут главный, но если он начнёт слишком уж наглеть — смело иди ко мне жаловаться. Но не переусердствуй с жалобами, я ябед не люблю. Вот отвернусь от тебя, будешь сам с ним разбираться. Но тогда тебе точно крышка. Усёк, Мыш?

Найт быстро закивал.

— Далее. Не становись ему поперёк дороги, не играй в

благородство, как с этим Делейтом. У тебя силёнок не хватит. Но и слишком не позволяй собой помыкать. Как только чувствуешь, что он начинает вытирать об тебя ноги, сразу говори «нет». Усёк?

— Угу…

— Далее. Ты будущий киборг, ты солдат. А мямлишь, как сучка какая, которой по мордасам надавали. Говори чётко, внятно, громко. Понял? И осанку держи. Ну-ка выпрями спину, плечи расправь, ну! Вот!.. Чёрт… Ну ты и дылда!

Найт и правда сразу же стал на полголовы выше Тэо. Смутившись, он мигом сжался, но Тэо шлёпнул его по плечу.

— Стой как стоишь, по стойке смирно. Молодца, вот так держать! Далее. Ты не боись, до серьёзных проблем у тебя всё равно не дойдёт. Тут с этим строго. Избивать до полусмерти, калечить и тем более насиловать никто не станет. Никому не хочется в карцер и на перевоспитание. Видал я таких — им мозги так встряхнули мнемокоррекцией, что у одного эпилепсия началась, а у другого мигрени постоянные. Но зато в Академии за попку можешь не опасаться.

Найт покраснел и поднял брови. Тэо усмехнулся:

— Эх ты, святая наивность! Ну в смысле, никому тут твоя девичья честь без твоего согласия на фиг не сдалась, и даже учителям и кураторам, понял?

Найт неуверенно кивнул.

— Далее. Немного о нашей милой компании. К пятому блоку относится несколько спален, пацаны от десяти до тринадцати, то есть курсы с первого по четвёртый. В нашей спальне в основном все первый и второй, есть двое с третьего и двое с четвёртого — я и Бофи. Просто в соседней спальне коек не хватило, а в этой как раз лишние оказались. Вечно тут какой-то бардак с комплектацией… Короче. Жить надо со всеми дружно, но рассчитывать только на себя. Дружбу заводи ненавязчиво, а то посчитают тебя подхалимом. Здесь этого не любят. Если просят о какой-то серьёзной помощи, не отказывай. Жлобов здесь тоже не любят. Если видят, что тебе хреново, и предлагают помощь, не отказывай. Одиночки тоже не в почёте. Сам особенно помощь не навязывай. Инициатива наказуема. Сильно не стучи кураторам, только если что-то действительно ужасное будет происходить. Но ты не боись, не будет, мы с Бофи проследим. Пацанов из других блоков и более старших курсов не бойся, у них своя территория, у нас своя. Ну только разве что не особенно-то вертись перед теми, кто старше пятого курса. Ты, конечно, чучело жуткое, но какому-нибудь извращенцу сгодишься.

Найт снова в недоумении хлопнул белыми ресницами:

— Но… ведь ты же сказал…

Тэо захихикал:

— Я сказал, *насиловать* никто не будет. А ты знаешь, как они на уши умеют припадать? Соблазнят тебя, дурачка дикого, в два счёта! Потом пойдёт про тебя слава по всем курсам, а то и отделениям. Хотя, тут есть и парочки, про которые все знают, и ничего. Вот, к примеру, Тайгир с пятого и Олаф с седьмого. А ещё болтают, будто наш историк пацанов молодых того…

Найт стоял, как истукан. Тэо похлопал его по плечу:

— Расслабься. Просто слухи. Мало ли что болтают! Болтают, что Император взял в жёны какую-то дикарку с запада и сына её черномазого усыновил. Так, что там дальше… Ах, да! Про разные отделения. Сразу говорю, брат, начинай дружить с теми, кто учится на координаторов. Очень полезные знакомства для киборга. Можешь ещё завести знакомства с теми, кто на Синтезе учится. Обзаведёшься связями среди кибертроников — будешь вшиваться всегда по последнему слову техники. А вот с «управленцами» не связывайся, они все скоты двуличные.

На этих словах он слегка нервно затянулся, раздувая ноздри и глядя куда-то в тёмную даль пустынного коридора. Найт терпеливо ждал. Тэо продолжил:

— Так, с общими постулатами закончили. Теперь конкретно по нашей спальне.

Он повернулся к окну и кивнул.

— В основном тебе следует опасаться Грайда. Вон тот. Он с крышей не дружит, может побить сильно. Просто не попадайся ему на пути. Если что, зови меня или Бофи. Вон те двое близнецов, Генрих и Штэф, — сыночки одного генерала из простых, ну то есть не кибервойск. Прям все из себя такие! Вообще они нормальные парни. Просто малышню не любят, но ты как раз их возраста вроде бы. Тебе же одиннадцать?

— Двенадцать, — промямлил Найт и тут же сказал твёрдо и чётко: — Двенадцать.

Тэо глянул на него лукаво.

— Во, молодец, всё на лету схватываешь! Так… Дальше. Вон тот, налысо бритый, Чейз, всегда тебе поможет с любой информацией. У него родной брат, старший, в этом году заканчивает координаторское. А у них есть доступ практически ко всей Сети. Всё достанет, что угодно. Вот этот, Долори, с виду мягкая тряпочка, но сядет на шею и ножки свесит, не скинешь. Сразу посылай его, даже если очень будет ныть. Ну и двое с третьего курса, Натаниэль и Ка. Ка умеет договориться с любым учителем, он у них любимчик. Не знаю, может, даже трахается с кем-то из них. Не моё дело. Главное, если вдруг надо откосить или там чего — обращайся к нему. Натаниэль — сын крупного

промышленника, кого-то из корпоратов в мегаполисе моего отца, так что подружишься с ним — тёплое местечко после выпуска тебе обеспечено. Правда, мы с ним не очень-то дружим. Ну, просто папаша его что-то вечно мутит…

— Постой, ты сказал, в городе твоего отца?

Тэо горделиво улыбнулся. Найт восхищённо сцепил пальцы.

— Правда?! А что за город?

— Тетраполис. Я сын Мастера Теодониуса. Вообще, на нашем отделении все знают. Я один такой, чтобы сын Мастера — и вдруг киборг. Остальные «мастерята» учатся на Управлении, Синтезе или Оперировании.

— А я тоже… — начал было Найт срывающимся голосом, но вдруг замер и сдавленно проговорил, — х-хотел пойти на Оперирование, но тестов не сдал…

— Ещё бы! Ты же, наверное, недавно из подвала вылез, а сунулся к программистам. Ха-ха. Я вообще не понимаю, как тебя на Боевое взяли.

Найт пожал плечами, скромно и чуть сконфуженно улыбаясь. И вдруг спросил:

— А Тод?

— Что Тод? — не понял Тэо, — Ах, Тод! Это такой низенький, тёмный, который вас сразу строить начал? Тадеуш Мазур, из Келамы. Там всякое отребье как поселилось лет сто назад, так до сих пор и не превратилось в приличных людей. Не обращай внимания, Тод — пустое место.

Найт послушно кивнул.

— Ну ладно, — Тэо стряхнул пепел на пол, спрятал окурок в карман робы, предварительно затушив его смоченными слюной пальцами. — Краткий ликбез окончен. Со своими однокурсниками сам разберёшься, я думаю. Но небольшой совет. Не позволяй никому из ровесников садиться тебе на шею. Это место зарезервировано для старших. Хе-хе-хе… Ах да, и не связывайся с этим чёрненьким, как его там… Делейтом. Он полный крышелёт, сразу видно. С ним проблем не оберёшься. Он, наверное, вообще курса со второго-третьего вылетит со свистом, попомни мои слова! А вот я лично намереваюсь закончить с отличием. Потом вернусь домой, поступлю к отцу на службу. Буду надирать задницы его врагам. А хочешь, и за тебя замолвлю словечко. А? Хочешь?

Найт быстро закивал. Тэо с барским видом потрепал его по тонким, жидким волосам и сказал:

— Ну что ж, на сей оптимистической ноте пошли-ка спать!

Глава 4

Утро началось с яркого, огненного солнца, из-за которого Найт проснулся весь в поту. Он сел на кровати, протирая кулаками слезящиеся глаза. Кругом стоял гомон.

— Да Мыш, больше некому! — среди общего шума выделился голос Бофи. Через секунду его рука грубовато встряхнула Найта за плечо.

— Это ты сделал? Ты? — он тряс мальчика, пока тот окончательно не очнулся.

В лицо ему тыкали простынёй Делейта.

— Ты выстирал? — грозно рявкнул Бофи.

— Я, — ответил Найт почти ровно, рискнув даже посмотреть ему в глаза. — И матрас тоже я почистил.

Бофи нахмурился, приоткрыл было рот, но Найт быстро заговорил первым:

— Это неправильно, что Делейт вынужден спать на голом железе, нельзя так наказывать! Тем более он влип из-за меня. Я и подумал…

— Думать будешь на каком-нибудь тесте, а здесь думаю я, понятно? — прорычал Бофи, схватив Найта за шкирку. — Если ты ещё хоть раз что-то подобное выкинешь, то ночевать будешь вообще в душевой, на голом кафеле! Раз тебе так нравится там по ночам находиться! Ты что, не знаешь, что вода лимитирована? Хочешь в конце месяца без душа остаться? Я лично не хочу сидеть немытым. Парни, думаю, тоже не хотят.

— Парни хотят на лекцию, — подошёл Тэо.

Бофи отвернулся, что-то пробурчав, и оставил Найта в покое. Мальчики начали один за другим выходить из спальни.

Тэо прошипел Найту:

— Вообще-то, он влип из-за Тода. А тебе надо срочно что-то делать с твоим чувством справедливости! Всё равно от этого Делейта «спасибо» не дождёшься. И помни, чему я тебя учил — поменьше инициативы.

Сказав это, он вышел в коридор. Найт вздохнул и последовал за ним.

* * *

После тренировки будущие киборги отправились на общую лекцию для первого курса Боевого отделения. Историю читал Дэнкер Миккейн, о котором Найт успел наслушаться многого.

Мальчик замялся на пороге аудитории. Однокурсники не давали ему пройти, отпихивали с дороги, хихикали, кто-то даже ущипнул за руку. Все они были младше его на два года, ниже на полголовы, а то и на голову, все крепкие, шустрые, наглые. Найт торчал в их толпе, словно столб посреди бурного ручья. Наконец он решил переждать, отошёл и встал сбоку от двери. Но и здесь его достигали тычки под рёбра, насмешки и шепотки: «Генму!»

— Чего ты мнёшься, проходи! — рядом возник Делейт, сцапавший очередного дразнилку за ворот робы. Все остальные опешили и чуть притормозили на пороге. Найт быстро юркнул в аудиторию, представлявшую собой огромный амфитеатр. Мальчишки шумно рассаживались, толкались, хихикали. Большинство мест было уже занято. Найт обнаружил одно свободное, радостно улыбнулся, но едва он приблизился, как какой-то однокурсник мигом развалился на лавке так, что занял сразу два места. Найт вздохнул и стал искать другое.

— Эй! — окликнул его Делейт.

Найт оглянулся и увидел, что место снова свободно, маленький наглец, не желавший сидеть рядом с «генму», потирает распухшее красное ухо, а Делейт спокойно расположился ярусом выше.

— Спасибо, — робко улыбнулся Найт.

— Обойдусь без твоих «спасибо»! — огрызнулся Делейт. — Из-за тебя я вчера пропустил первую тренировку, лекции и целый день был не жравши. Ты ходячая неудача! Так что сиди и молчи, если сам не можешь за себя постоять!

Найт отвернулся и бесшумно сел.

В длинную общую парту были вмонтированы маленькие жидкокристаллические панели с беспроводными стилусами — для того, чтобы курсанты могли быстро записать информацию, которую они считают для себя полезной, и сохранить её в своем личном архиве в местной подсети. Правда, доступ к архиву имеют только те, у кого есть ноут или свободное время для прозябания в компьютерном зале. Поэтому подавляющее большинство мальчишек, как Найт успел убедиться ещё на вчерашних лекциях, предпочитает просто что-то рисовать или отстукивать короткие сообщения своим приятелям, а то и случайным пользователям. Подсеть Академии была замкнутой и не имела выходов во внешнюю Сеть (впрочем, это препятствие легко преодолевали будущие координаторы и программисты), но всё равно во внутреннем чате всегда было полно народу.

Найту не с кем было общаться. И он исправно конспектировал всё, что успевал, практически не отрываясь от панели. Вот станет чуть больше времени — и он обязательно

сходит в компьютерный зал почитать всё, что записывал на лекциях. Это обязательно пригодится. Информацией нельзя пренебрегать.

Шум и галдёж прекратились, когда с лёгким шорохом сомкнулись дверные створки — в аудиторию вошёл лектор. Все несколько сотен мальчишек поднялись согласно правилам дисциплины.

Лектором оказался довольно крупный, слегка помятый мужчина средних лет, седоватый, с обширными залысинами на лбу, одетый в старомодный свитер, чёрные брюки со стрелками и ботинки, какие, вероятно, носили ещё до Пыльной Войны.

Кто-то хихикнул и зашушукался.

Найт с интересом разглядывал учителя. Тэо рассказывал, что он вроде бы пристаёт к молодым мальчишкам. Но Найт не мог в это поверить. Господин Миккейн вовсе не напоминал коварного соблазнителя.

— Доброе утро, господа киборги, — сказал учитель, встав за кафедру в центре амфитеатра и настроив микрофон. — Присаживайтесь.

Пошумев с минуту, все мальчики опустились на длинные лавки. Найт сразу же активировал свою панель и, взяв в руки стилус, замер в ожидании бесценной информации. Соседи справа и слева криво усмехнулись.

— Прекрасный денёк, не правда ли? — господин Миккейн поглядел в высокое узкое окно, и Найт заметил, как от его тонких прямоугольных очков отразился солнечный свет. С такого расстояния альбинос не разглядел их, и это почему-то смутило его. Щёки мальчика чуть потеплели от непроизвольно вспыхнувшего румянца.

Слева опять кто-то прыснул со смеху. Найт украдкой глянул в ту сторону, и трое или четверо однокурсников сразу же отвернулись. Они так и будут на него пялиться всю лекцию, что ли?!

— Наверное, вы думаете, что теряете здесь своё свободное время? — мягко и вполне дружелюбно улыбнулся господин Миккейн. — Что ж, мы с вами в одной упряжке. Я тоже не отказался бы в такой прекрасный денёк погулять в парке вместо того, чтобы дышать пылью в душной аудитории…

Господину Миккейну отлично было видно, как завертели головами мальчишки, недоумённо переглядываясь, переспрашивая что-то друг у друга. Поднялся тихий, ровный гул.

— Вас смутило слово «упряжка»?

На четвёртом ряду робко приподнялась очень бледная рука.

— Это что-то типа женского поводка?

Аудитория почти мгновенно взорвалась дружным хохотом. Найт, рискнувший высказать своё мнение, сжался и опустил голову.

— Кому как не нашей девочке знать про женские поводки! — довольно громко заявил кто-то из пятого блока, и остальные поддержал его дружным гоготом. Делейт, впрочем, сумел перекричать их:

— Откуда генму знать про женские поводки? Они бывают только у породистых женщин, которые принадлежат достойным мужчинам. А такие точно не рожают что попало.

Найт кусал губы, изо всех сил стараясь не заплакать от горькой обиды.

Господин Миккейн скрестил руки на груди и с лукавым прищуром следил за форменным бардаком, грозящим выйти из-под контроля. Потом он кивнул:

— Генму, говорите? Ну-ка, юноша, подойдите сюда.

— Я? — Делейт сразу же встал, и лицо его выражало нагловатое агрессивное веселье.

— Нет, не вы. С вашей генетикой, как я погляжу, всё в порядке, — невозмутимо улыбаясь, ответил историк, — и вы, бесспорно, имеете полное право этим гордиться. Я имел в виду того, кого вы назвали генму.

Найт медленно поднялся, глядя в пол.

— Ну, смелее. Не бойтесь. Идите сюда.

Постепенно гомон утих. Все взгляды были прикованы к молчаливой светлой фигурке, спускающейся к кафедре по ступеням между рядами длинных общих парт.

Когда Найт встал рядом с господином Миккейном, тот обошёл его кругом и очень внимательно оглядел, словно тот был диковинным насекомым.

— Что же мы здесь имеем, — громко и звучно сказал историк, не пользуясь микрофоном, и благодаря прекрасной акустике его голос пронёсся до самых дальних рядов, усиливаясь гулким эхо. — Мальчик со стопроцентным альбинизмом и весьма скверным состоянием здоровья. Что ж, так даже лучше заметно строение скелета. Итак, начнём.

Господин Миккейн указал на альбиноса жестом, которым экскурсоводы указывают на экспонат анатомического музея:

— Шея скорее короткая, чем нормальная, крепко сидит на почти горизонтальных широких плечах, бедра тоже широкие. Суставы широкие и тяжелые. Теперь череп.

Внезапно тёплые, немного шершавые пальцы историка легли на подбородок Найта и чуть повернули его лицо:

— Высокий и крутой лоб, хорошо выраженный переход к

крышке черепа, имеются лобные бугры. Характерно уплотнение лобной кости над глазницами. Надбровных дуг нет, утолщение проходит над обеими глазницами и переносицей, — указательный палец учителя стал деловито скользить по лицу Найта, словно указка по доске, мальчик замер и вытянулся в струнку, не смея сопротивляться. — Нос короткий, прямой, с тупым концом, переносица углублена. Скулы широкие, лицо сравнительно низкое.

Когда палец учителя скользнул по нижней губе, Найт вздрогнул и захлопал ресницами.

— Рот крупный, губы тонкие. Нижняя челюсть широкая и массивная, подбородок волевой, грубый. Брови густые, почти прямые. Глаза сидят глубоко и кажутся маленькими. Расстояние между внутренними углами глаз большое.

Найт чувствовал себя экспонатом в кунсткамере. Ужасная, тяжкая обида душила его. Но тон учителя был странным — вовсе не ехидным или унизительным. Господин Миккейн отошёл от мальчика и обратился к аудитории, чуть разведя руки в стороны:

— К сожалению, не представляется возможным оценить пигментацию данного субъекта, так как она отсутствует. Но я готов биться об заклад — даже если бы уровень меланина у нашего, как вы его называете, «генму» был в относительной норме, всё равно он был бы очень светлокожим, светловолосым, с тенденцией к чуть заметной рыжине, и светлоглазым. Перед вами, господа, удивительное явление, игра природы, когда определённый хромосомный набор каким-то образом, так сказать, «всплывает» из моря накопившейся генетической шелухи, очищается, разворачивается во всей своей красе. Вы имеете уникальную возможность наблюдать практически чистейшего представителя так называемой фальской, или дальской расы. Настоящий реликт. Именно такими на заре цивилизации были наши предки-кроманьонцы, которые стёрли с лица земли неандертальцев с их историей, прошу заметить, в сотни тысяч лет, и от которых в дальнейшем произошли все ветви единственной сохранившейся к данному моменту расы — европеоидной. Именно к этому идеалу неосознанно стремится наше правительство с его генетическими комиссиями и контролем репродукции населения. Этот юноша есть возвращение к понятию «Человек». И, вероятно, представителя именно его расы изображал великий Леонардо да Винчи в своём знаменитом круге золотого соотношения пропорций, как образец Человека Разумного.

В аудитории стало совсем тихо. В центре амфитеатра в солнечных лучах неподвижно стоял длинный, тощий, несуразный

альбинос, растерянно хлопающий белыми ресницами.

Господин Миккейн сунул руки в карманы брюк и усмехнулся:

— По сравнению с ним все мы генму. Даже Император.

В полной тишине он подошёл к Найту, похлопал его по плечу и сказал:

— Кстати, юноша, вы были правы. «Упряжка» — это что-то наподобие женского поводка. Присаживайтесь на ваше место.

Найт встрепенулся и почти бегом вернулся на четвёртый ряд. Его провожали растерянные и изумлённые взгляды. Уши мальчика всё ещё горели от смущения, но теперь грудь распирало от никогда прежде не испытанной гордости. Он не понял почти ничего из того, что сказал о нём историк, но он стоял там под взглядами сотен глаз не как диковинный уродец, а как нечто уникальное и прекрасное в своей уникальности.

— Смотри не возгордись особо, кроманьонец! — усмехнулся Делейт и, чуть наклонившись вперёд, похлопал Найта по плечу.

— Господин Миккейн! — поднял руку кто-то из середины зала.

— Я вас слушаю.

— А я похож на образец человека?

Аудитория неравномерно прыснула со смеху.

— Ну, что-то человеческое в вас, определённо, есть, — историк улыбнулся, снял очки и принялся протирать их фланелевым платочком.

Мальчишки начали вскакивать один за другим, тянуть руки, кричать наперебой:

— А я похож? А я? А я? А я?

Во всеобщем гвалте Найт поднял руку уже довольно решительно. Постепенно гомон стих. Все взгляды обратились к альбиносу.

— Слушаю, — кивнул господин Миккейн.

— Я хотел спросить. А кто такой Леонардо да Винчи?

Глава 5

Постепенно Найт освоился и привык к нехитрым правилам жизни в Академии. Удивительным образом ему удалось избежать роли «мальчика для битья». Найт скорее снискал славу «местной достопримечательности». На Боевом отделении так и говорили: «В пятом блоке есть достопримечательность, всамделишный генму». Пятнадцатилетний мальчик с отделения Синтеза, страдавший дальтонизмом, с облегчением передал эстафету сомнительной популярности абсолютному альбиносу. Более в Академии не было ни одного ученика или тем более учителя с теми или иными генетическими нарушениями.

На Найта пялились, за спиной его шептались и тыкали пальцами вслед, даже дразнили, хоть и не оригинально — только и знали что «генму».

Однокурсники завистливо называли причиной подобной неприкосновенности опекунство со стороны Тэо, с которым не хотел связываться даже Бофи. Впрочем, Бофи открыто заявлял на Найта права, беззастенчиво называя его «моя девочка», и никому не позволял причинять ему вред.

Найту было неприятно подобное обращение, но пока Бофи не претендовал ни на что, кроме массажа, терпеть было можно. Подумаешь, слова. Слова бывают и пообиднее.

К тому же Найту и самому доставляло удовольствие беспрепятственно трогать Бофи. А то и причинять ему боль — массаж не всегда приятен. Бофи был большой и сильный, но перед Найтом лежал покорно и расслабленно. В такие минуты Найт верил, что тоже обладает силой. Пусть и несколько иного толка.

По прошествии почти целого года Найт так и не догнал по физическим характеристикам своих сверстников, хотя природные задатки имелись неплохие. Он всё так же недостаточно быстро бегал, недостаточно высоко и далеко прыгал, недостаточное количество раз отжимался. Словом, никак не мог выполнить нормативов для своего возраста.

Экзамены в конце года отсеивали слабаков и неудачников.

Не сдавший хотя бы один экзамен получал штрафной бал. Следующая несдача в конце любого года обучения давала уже два штрафных бала. Третья неудача — три. Когда штрафных очков накапливалось десять, курсанта исключали. Аннулировать штрафные очки было невозможно, потому все мальчишки без исключения старались не допустить их появления в своём электронном аттестате.

Ходили слухи, что много лет назад на Координаторском отделении учился некий мальчик, который сумел взломать главный сервер и аннулировать свои штрафные очки. Взлом со временем был обнаружен, и мальчика, что удивительно, оставили до выпуска, так как побоялись, что, оказавшись на улице, этот талантливый ученик немедленно свяжется с плохой компанией и станет высококлассным взломщиком. Впрочем, худшие предположения учителей всё равно подтвердились через пару лет после выпуска: из юного дарования вырос превосходный хакер, попортивший немало крови Мастеру Ирону. Поговаривают также, когда парня всё же изловили и казнили, к урне с его прахом тайком приходили преподаватели программирования. «Но наверняка это просто красивая легенда», — немедленно добавляли те, кто рассказывал эту поучительную историю.

Как бы то ни было, повторять подвиг сей легендарной личности никто не хотел, и учащиеся Академии предпочитали действовать честно.

Делейт, быстро завоевавший у первокурсников в пятом блоке уважение и статус лидера, самозабвенно гонял «малышню», заставляя отжиматься на счёт «раз-два» и приговаривая, что после экзаменов они ему ещё спасибо скажут.

Мальчики постарше, впрочем, тоже не прохлаждались.

Невероятным рвением отличался Тэо. Он дни и ночи проводил в тренировочном зале и мнемотеке, иногда предпочитая даже пропустить приём пищи в пользу очередной тренировки. Однажды инструктор даже притащил паренька в полном беспамятстве, свалил на кровать и пояснил, что буквально «выкопал его из-под штанги», когда тот потерял сознание от перенапряжения в последние дни.

Найт восхищался подобным упорством и страстно желал готовиться к экзаменам столь же тщательно. Но у болезненного альбиноса сил почти ни на что не хватало.

* * *

По вечерам, в «личное время» за два часа до отбоя, курсанты старались отдохнуть перед очередным тяжёлым днём, и в спальнях царила уютная тишина.

Несколько мальчиков, в том числе и Тэо, отсутствовали — вероятно, проводили время в тренировочном зале или мнемотеке. Найт привычно массировал плечи Бофи, который начинал дремать, блаженно жмурясь.

И вдруг спокойный вечер словно взорвался, разлетелся на

тысячу огненных осколков.

В спальню ворвался Тэо и кинулся к Натаниэлю, который мирно дремал на своей постели. Никто не успел что-либо сообразить и предпринять.

— Я тебя убью, сволочь! — рычал Тэо. Причём, судя по его интонации и выражению лица, он именно это и собирался сделать.

Натаниэль отреагировал поразительно быстро для сонного человека. Завязалась драка. Ожесточённая, настоящая. Никакой не «махач». Мальчики в спальне сразу поняли это.

— Прекратите немедленно! Что ещё случилось?! — рявкнул Бофи, вскакивая и отталкивая замешкавшегося Найта.

Делейт молча кинулся разнимать дерущихся и почти сразу же отлетел в сторону с разбитым носом. Бофи крикнул, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Быстро! За куратором!

А сам бросился в драку. Остальные старшие мальчики — Ка, близнецы и Чейз — поспешили ему на помощь. Грайд почему-то не вступился, а сидел на своей кровати, скрестив ноги, и с ухмылочкой наблюдал за безобразием. Первокурсники растерялись. Некоторые даже перепугались. В числе последних был и Найт.

Тэо и Натаниэль дрались, раскидывая предметы, катаясь по полу, сдвигая тяжёлые кровати, отшвыривая тех, кто пытался разнять их.

— Да что с тобой случилось?! — ухитрился Натаниэль вставить реплику между ударами.

Это стало ошибкой. Улучив момент, Тэо опрокинул его навзничь одним прямым хуком в лицо. Хрустнула переносица.

— Где этот чёртов псих?! — раздалось с порога.

Один из взрослых парней с Координаторского (это был старший брат Чейза), сжимающий в руке электрошок, и куратор Литий появились в дверях практически одновременно. Они бросились в сторону дерущихся. Но было поздно.

Тэо приподнял кровать и с силой опустил её ножкой на грудь всё ещё лежащему на спине Натаниэлю. Хруст пробитой грудной клетки показался просто оглушительным и совершенно нереальным.

Найт вздрогнул и закрыл лицо руками.

— Мамочки… — тихонько прохрипел Натаниэль и забился в конвульсиях.

— Ты убил его! Ты его убил, придурок! — заорал куратор.

Поднялась суматоха. Тэо всё-таки скрутили.

— Что ты наделал?! — орал Литий, отвесив ему пару

увесистых затрещин.

— Я отомстил за отца, — хрипел Тэо, трясясь от ярости в руках близнецов.

— Чёрт знает что творится! — рявкнул куратор пятого блока, когда его подоспевшие коллеги уволокли Тэо в карцер.

— Это из-за событий в Тетраполисе, наверное, — проговорил курсант-координатор, утирая пот со лба. Не каждый день приходится усмирять электрошоком взбесившегося киборга.

— Какие ещё события?! — раздражённо огрызнулся Литий.

— Да вот буквально вчера. Главы корпораций взбунтовались и свергли Мастера Теодониуса. Точнее сказать, убили. Ну, казнили. Пока официальной информации в Сети нет, но мы нашли. Ну, вы же знаете, нам-то это раз плюнуть! Вот… Пацанёнок-то сын Теодониуса. Хотел с отцом поболтать… Ну вот оно всё и выяснилось… А этот парень, — брат Чейза нервно кивнул в сторону распростёртого в луже крови Натаниэля, — сын зачинщика восстания. Короче, кровная месть… Всё такое…

— Шаритесь по Сети, где не надо! — прошипел куратор. — Щенкам доступ даёте несанкционированный! А мне потом расхлёбывай! Вот что мне теперь с этим делать?!

Он махнул рукой в сторону трупа. Координатор вяло пожал плечом, теребя в руках электрошок.

— И откуда несанкционированное оружие? — гаркнул Литий, отбирая электрошок. Потом развернулся к тихонько всхлипывающему Найту. — Да прекрати ты ныть!

Найт вздрогнул и прижался спиной к стене.

— Смерти, что ли, никогда не видел? — чуть сдержаннее буркнул куратор.

Найт молча помотал головой, часто моргая розоватыми глазами, которые от слёз ещё сильнее покраснели. Мальчик был перепуган тем, что увидел спокойного, рассудительного, хладнокровного Тэо с совершенно неожиданной стороны. Это было ужасно.

Тем временем комната наполнилась людьми. Несколько медиков кололи всем мальчикам транквилизаторы, кое-как вытащили тело несчастного Натаниэля из-под тяжёлой кровати, уборщик тщательно отскабливал кровь с пола.

Найт провалился в беспамятство, скорее, из-за тяжёлых и сильных переживаний, чем из-за препаратов.

* * *

Неделя, начавшаяся со следующего утра, показалась

настоящим адом.

Мальчиков из пятого блока освободили от занятий и допрашивали, допрашивали, допрашивали. Всё оказалось на самом деле так, как рассказал брат Чейза. Но полицаям нужно было убедиться окончательно. Тяжелее всех допросы переживал Найт. На одном даже потерял сознание от нервного перенапряжения.

Очнулся он на мягкой кушетке в маленькой комнатушке при лазарете.

Найт приподнялся, огляделся по сторонам и заметил сидящего в кресле генерала Агласиса Шибту.

— Ты в порядке? — спросил тот негромко. — Этот зверёныш тебя не обижал?

— Он не зверёныш, — сдавленно проговорил Найт. И, вспомнив уроки Тэо, повторил уверенно и твёрдо:

— Он не зверёныш. Это несчастный случай.

— Да, как показала экспертиза, мальчик действовал в состоянии аффекта. Но экспертиза показала также и то, что он к подобным состояниям склонен в принципе. Рано или поздно от него пострадал бы кто-нибудь из вас. Мальчики говорят, он взял тебя под крыло. И слава всем богам, что не ты попался ему под горячую руку, а этот бедняга. Как бы я тогда смотрел в глаза твоему отцу?

— Ему ведь всё равно, — пожал плечом Найт, — а вот отец Тэо так любил его… И Тэо тоже очень любил своего отца. Потому всё это и случилось…

— Ошибаешься, мой мальчик, — медленно покачал головой генерал. — Всё с точностью до наоборот. Мастер Теодониус давным-давно забыл своего сына. Вот ваш Тэо и лез из кожи вон, чтобы завоевать его любовь. А твой отец любит тебя просто так. Таким, какой ты есть. И, уж поверь мне, Мастеру Ирону было бы очень грустно узнать, что его сын пострадал. Так что, на будущее… Выбирай друзей аккуратнее.

Найт послушно кивнул, глядя в пол. Потом поднял глаза и спросил чуть дрогнувшим голосом:

— Что будет с Тэо?

— Разумеется, его исключат, подвергнут психокоррекции и отправят на исправительные работы далеко отсюда. Ему повезло, что он не достиг совершеннолетия. Иначе его казнили бы.

Найт снова опустил голову, понимающе кивая. На душе было тоскливо и тяжко.

— Тебе трудно здесь, Найт? — спросил господин Шибта после долгой паузы, внимательно следя за выражением лица мальчика.

Найт снова кивнул и, будто опомнившись, помотал головой из стороны в сторону. Между его бесцветными бровями залегла маленькая морщинка.

— Нет, мне не трудно, — сказал он твёрдо и решительно. — Я справлюсь.

Генерал медленно растянул узкие губы в улыбке.

— Теперь я вижу, почему твой отец так любит тебя.

Затем он встал, и Найт поспешно последовал его примеру. Пошатнулся, но удержался на ногах. Агласис Шибта улыбнулся, потрепал его по жидким волосам и, глянув на дверь, ведущую в смотровую, крикнул:

— Всё в порядке, ему лучше.

После чего подмигнул Найту и покинул помещение. Из смотровой вышел молодой медик, взял Найта за подбородок, повертел его голову в стороны, внимательно следя за состоянием зрачков мальчика, затем записал что-то в миниатюрный коммуникатор и выпроводил юного курсанта.

Найт ещё не знал, что видел генерала Шибту в последний раз.

Глава 6

Экзамены для первого курса Боевого отделения представляли собой серию устных и письменных тестов, а также заданий для проверки физической подготовки. В стрельбе десятилетних мальчиков ещё не тренировали. Двенадцатилетние должны были сдавать стрельбу, полосу препятствий, рукопашный бой и выполнить серию силовых заданий, а кроме этого, написать несколько тестов по истории, программированию, биологии, физиологии и анатомии.

Найт по возрасту соответствовал третьекурсникам, но, поступив только в этом году, не мог выдержать конкуренции. Решением специально созданной (не без влияния генерала Шибты) комиссии для альбиноса сформировали отдельную экзаменационную неделю, совместив некоторые дисциплины первого, второго и третьего курсов, а также адаптировав физические задания.

Найт чувствовал себя совершенно ничтожным и беспомощным в огромных спортивных залах, в которых слышалось лишь мерное гудение специальных тренажёров да пиканье автоматических счётчиков, фиксировавших время прохождения того или иного препятствия, точность попадания в цель метательных снарядов, скорость бега и дальность прыжков. Несколько кураторов, включая Лития, стояли на узком балкончике, внимательно следя за маленькой белой фигуркой, передвигающейся по пустому залу, словно солнечный зайчик от одинокого зеркальца.

Мальчик показывал весьма приемлемые для его возраста показания. Особенно радовали его тесты на мышечную силу. Немудрено — за год упорных тренировок Найту удалось нарастить приличную мускулатуру, в чём, кроме всего, помогли и специальные инъекции, которые кололи всем курсантам Боевого отделения. Хилое тело альбиноса постепенно становилось похожим на тела второкурсников.

Физический блок экзаменов Найт сдал на «хорошо».

Наступило время устных тестов. Мальчик терялся, заикался, но выдержал собеседование по всем дисциплинам. Письменные тесты по математике, биологии и программированию дались Найту также относительно легко.

Тоже «хорошо».

Последним шёл самый сложный, по мнению директората Академии, предмет — история.

Найт вошёл в уже знакомую общую аудиторию, почти

боязливо переступая порог и поглядывая на амфитеатр пустых скамеек и длинных парт.

Во втором ряду сидел господин Миккейн, водрузив на нос очки и внимательно разглядывая какой-то странный предмет, похожий на ноут, только в сгиб его была вшита толстая пачка тонких желтоватых пластин. Историк то и дело перебирал их, и те едва слышно шуршали под его пальцами.

Заметив вошедшего, господин Миккейн отложил странный «ноут», снял очки, аккуратно сложил и сунул их в нагрудный карман рубашки, после чего улыбнулся.

— Проходите, присаживайтесь, юноша.

С этими словами он спустился к кафедре. Найт неуверенно уселся на скамью на своём облюбованном четвёртом ряду и включил экранчик, на котором высветилось письменное задание — тест, состоящий из полусотни вопросов.

Найт сглотнул, проглядев их по диагонали. Медленно взял стилус и ощутил, как ладонь холодеет и становится влажной.

Он понимал, что ответов на большинство вопросов просто не знает.

Сердце гулко ухало в висках, в горле стоял ком. На душе стало тоскливо. Он завалит последний экзамен. Завалит, завалит, завалит…

Через полчаса Найт смог более-менее внятно ответить лишь на три вопроса. Потом отложил стилус, низко склонил голову и всхлипнул, не в силах больше бороться с нервным перенапряжением. Он ничего не знает! Как же так?! Ведь лекции по истории были его любимыми! Он столько времени провёл в мнемотеке! Перегрузил свою мнемо-карту, но скачал целую гору информации, которую перед сном любовно раскладывал по различным папкам и разделам своей уже не вполне человеческой памяти. Он прекрасно оперировал этой информацией. Но она оказалась бесполезной в данном тесте. Ответов нет.

Это штрафной балл. Один шажок к вылету из Академии. Он не оправдал надежд генерала Шибты. И отца…

— С вами всё в порядке, юноша? — раздался рядом голос господина Миккейна.

Найт вскинул заплаканное лицо, быстро размазывая слёзы по щекам. Зачем-то вскочил и вытянулся по стойке смирно. Потом весь поник и прошептал:

— Я не знаю ответов, господин учитель.

— Но в таком случае я должен буду поставить вам неудовлетворительную отметку, — произнёс историк мягким и спокойным голосом.

Найт обречённо кивнул и всхлипнул.

Экзаменатор помолчал, поглядывая на мальчика искоса, затем похлопал его по плечу и сказал:

— Сядьте. Наверняка вы просто переволновались. Последний экзамен всё-таки. Давайте попробуем ещё раз. Итак, первый вопрос. В каком году началась и закончилась Пыльная Война?

— Не знаю, — прошептал Найт, глотая слёзы.

Но вдруг вскинул голову и вскрикнул:

— Этого никто не знает! То есть я хочу сказать, даже на прямой запрос Сеть не выдаёт точного ответа. Одни «предположительно», «вероятно», «считается, что». И ничего конкретного! Как можно узнать точную дату этого события, если цивилизация оказалась разрушенной, за датами никто не следил! И первый год новой эпохи, которая называется «после Пыльной Войны», попросту выдумали, приняли за новую точку отсчёта лидеры нескольких крупных племён на территории нынешнего Эуро.

Господин Миккейн посмотрел на альбиноса и медленно растянул губы в улыбке. Сердце Найта ушло в пятки. Он готов был кинуться на колени вымаливать прощение за столь дерзкое поведение.

— И почему же вы утверждаете, что не знаете ответов? — спросил историк. — Вы только что ответили весьма исчерпывающе. Давайте посмотрим второй вопрос. Какая держава выиграла эту войну?

— Никто её не выиграл, — чуть более уверенным тоном ответил Найт, шмыгнув носом и всё ещё не до конца осознавая свою первую маленькую удачу. — Война затихла сама собой, так как некому стало воевать. От довоенного населения Земли осталось каких-то двадцать процентов. Людям было уже не до выяснения, кто прав, а кто виноват, кто сильнее, а кто слабее. Всем хотелось просто выжить.

— Прекрасный ответ. Далее. Представители каких государств заключили мирный договор после Пыльной Войны? — господин Миккейн заложил руки за спину и снова неторопливо спустился по ступеням в центр амфитеатра.

— Так я же говорю, государств-то никаких уже не было к тому моменту, — простодушно и с жаром заговорил Найт, заметно оживившись и глядя в аккуратно подстриженный затылок учителя. — Осталась жалкая горстка людей разных национальностей. В Евразии, конечно, это были в основном европейцы, по крайней мере, именно на территории бывшей Объединённой Европы и был заключён союз между самыми крупными племенами. Они, как смогли, восстановили несколько городов, ну и со временем возникло Эуро.

— В каком году Норвэйа получила независимость от Эуро?

— А разве она когда-то была зависима от Эуро? — наморщил лоб Найт, силясь припомнить. — Норвэйа, конечно, находится от Эуро в непосредственной близости, но всё же всегда была независимой. А вот Алэнд у Эуро был отвоёван пиратами аж из этого… как его… в Южной Америке… из Тщилая!

— Прекрасно, — оглянулся через плечо господин Миккейн. — Вы заодно и на пятый вопрос ответили. Шестой. Самый северный город Империи в 180-м году после Пыльной Войны.

— А, ну это легко, — обрадовался Найт и едва не сказал: «Омполис», но осёкся и, прищурив глаза, переспросил:

— В 180-м? Тогда Мормэнполис. Дело в том, что этот город, некогда находившийся на территории древней Руссии, отошёл Эуро практически сразу при образовании этого государства. Так как к тому моменту из-за поднявшегося уровня мирового океана город оказался буквально отрезанным от остальной части материка на образовавшемся Свенском острове, некогда бывшем Скандинавским полуостровом. Свенский остров относится к Эуро. Эуро в 170-м году начало экспансию на Восток, создав Империю. Таким образом, к 180-му году Мормэнполис являлся самым северным городом Империи. Однако в 190-м году после Пыльной Войны самопровозглашённый Император Йохан Траум посчитал, что удобнее будет управлять совершенно отличным от Эуро государством без оглядки на «Старый Свет». Он объявил суверенитет от Эуро его бывших колоний, вывел суперсервер Триединство из единой внешней Сети с Эуро и модернизировал систему управления, привнеся в государственный строй больше черт феодализма — социально-политической структуры, характерной для так называемых Средних Веков доядерной эпохи. И тогда Мормэнолис автоматически стал частью совершенно иного государства, а в Империи самым северным стал Омполис, основанный в 177 году беженцами и переселенцами из затопленного старинного русского города… эммм… как же его… Омска.

Господин Миккейн присел напротив Найта, сцепив руки в замок, и проговорил полушёпотом:

— Блестяще. Блестяще, юноша.

Найт широко улыбнулся, выпрямив спину и ощущая невероятный прилив энергии. Ему хотелось рассказать всё-всё-всё, что успел усвоить из лекций, и даже сверх того.

— Куда же делась эта страна — Руссиа, так много городов которой по каким-то причинам оказалось на территории Империи? — спросил господин Миккейн. — Она была завоёвана

Империей?

— Нееет, — Найт помотал головой и быстро принялся рассказывать, с жаром и увлечённостью в голосе, будто боялся, что его прервут. — Понимаете, когда исследовательские экспедиции Эуро шастали по территории будущей Империи, то никакой Руссии тут уже не было и в помине! Руссиа, или на старонемецком «Русланд», или на староруссийском… ой, старорусском «Россия», очень серьёзно пострадала во время Пыльной Войны и практически вымерла из-за применения нановируса. Немногочисленные выжившие предпочли оставить сильно заражённую территорию и осесть на Дальнем Востоке, в тайге. А Руссией просто назвали своё новое пристанище. Наверное, из-за сентиментальности… Впрочем, те территории вплоть до XXIII века доядерной эпохи и принадлежали Руссии. А эурийцы попросту натыкались на остатки полуразрушенных городов, в которых, наверное, кто-то обитал, раз названия сохранились. Вообще, территория нынешней Империи населена выходцами преимущественно из центра Эуро. Но, к примеру, тот же Юрал Исленд, некогда бывший Уральскими горами, долгое время сохранял независимость и развивался автономно, и там сохранилась большая часть этнического местного населения. В смысле, довоенного. У них там даже говор какой-то свой. Так новояз коверкают — ужас!

Найт вдруг осёкся, поняв, что его речь стала похожей на простую болтовню, как будто он объяснял что-то неосведомлённому приятелю, а не отвечал на экзамене одному из самых уважаемых преподавателей в Академии.

— Простите, господин учитель. Вы и так это, конечно же, знаете, я забылся…

— Всё в порядке, — похлопал господин Миккейн Найта по плечу. — Мне важно, чтобы и вы это знали. Однако как вы могли бы объяснить такое сходство диалекта жителей Юрал Исленда, Руссии и Шамбалы?

— Ну, с Юрал Ислендом и Руссией понятно… А Шамбала… Шамбала — это ведь тоже остатки России, если можно так выразиться. Было две основные волны миграции — одна на Дальний Восток, а другая — строго на юг, через обезлюдившие Монголию и Китай, до самых Гималаев, — Найт схватил стилус и принялся чертить на экранчике, вмонтированном в парту, схематическое изображение Империи и прилегающих государств. — Вот так они шли. Потом вот тут осели, в Гималаях. А страну так назвали, потому что… Ну как бы считается, что в этих местах давным-давно располагалась мистическая страна Шамбала. Хотя на древней тибетской карте, о которой

сохранились только отрывочные сведения, изображена реально существовавшая страна. Тогда этой страной правило древнее государство Сирия. Сирия по-персидски будет Шам, а слово «боло» означает «верх». Следовательно, Шамбала может переводиться как «господство Сирии». Ну, как бы то ни было, не известно доподлинно, что там было в такую далёкую древность. Сейчас толком XXI век раскопать-то не могут. А если рассматривать Шамбалу как мифическое государство, то можно понять руссийцев, почему они решили так назвать своё новое государство. У них было верование в какую-то белую воду… или страну белых вод, или что-то такое…

— Беловодье, — негромко подсказал учитель.

— Да, Беловодье, — кивнул Найт, не сбившись, — и это Беловодье по многим показателям тождественно Шамбале. Ещё там вроде бы зародилось поклонение огню, а во времена ядерной зимы это было ох как актуально! А ещё Шамбала — это такое место, где по преданиям нашли пристанище последние представители какой-то очень-преочень древней исчезнувшей цивилизации. И ещё Шамбала — место обитания Великих Учителей, продвигающих эволюцию человечества. Если учесть, что на Дальний Восток переселилась в основном милитаризированная часть выживших, а в Шамбалу предприняли поход более миролюбиво настроенные учёные, генетики, математики и программисты, то всё вполне логично.

Найт подпёр голову руками и мечтательно посмотрел в потолок.

— Руссийцы, наверное, были очень романтичным народом…

— Русские, — негромко поправил господин Миккейн, до того сохранявший полное молчание.

— А? — встрепенулся Найт.

— Они назывались русскими, — повторил историк, мягко улыбаясь. — Те, кто «были». Руссийцы преспокойно обитают сейчас в дальневосточной тайге и, уверяю вас, это очень воинственный и суровый народ… Однако вынужден сообщить, что наше время истекло.

На лице Найта на мгновение отразился испуг. Казалось, ещё больше побледнеть альбинос не может, но он смог.

— Я с огромным удовольствием ставлю вам высший балл, — господин Миккейн поднялся, и Найт медленно встал со скамьи, до конца не веря в только что услышанное.

— Вы приятно поразили меня, юноша, — историк пожал руку мальчику, серьёзно глядя ему в глаза. — Ваши познания и свободное оперирование информацией не могут не восхищать. Я, право, удивлён вашим выбором Боевого отделения. Вы не думали

перевестись на Управление? Пока не поздно, пока вас не начали… гм… вшивать.

— Я… я… — Найт растерялся, его ладошка в большой тёплой пятерне учителя похолодела и обмякла. — Я просто… не могу. То есть я уже решил. И пойду до конца.

«Нельзя разочаровать отца», — билась мысль в такт пульсу.

Господин Миккейн вздохнул, опустив глаза, и на его лбу обозначилось несколько морщин.

— Что ж, жаль. Ваш удивительный живой ум нашёл бы себе лучшее применение на отделении Управления. Вероятно, если бы вы стали его выпускником и затем построили карьеру политика, то этот мир исправился бы в лучшую сторону.

Он убрал руку, и мальчик вытянулся в струнку.

— Вы можете идти, Найт, — улыбнулся господин Миккейн. — Вы заслужили самые искренние мои похвалы.

Найт склонил голову в почтении, как того требовали правила поведения, и направился к выходу из аудитории.

— Впрочем, я мог бы предложить вам продолжить нашу беседу о романтичности того или иного народа, а также о причинах выбора названия того или иного государства, — донёсся до него голос учителя. — Возможно, у вас возникнут какие-то вопросы, и я с большим удовольствием отвечу на них.

Найт развернулся.

— У меня уже есть один вопрос, господин учитель, — чуть неуверенно начал он.

— Что ж, спрашивайте, — с готовностью кивнул историк.

— Только вы не обижайтесь. Я вовсе не хочу вас оскорбить… А зачем вы составили тест из таких заковыристых вопросов? Ну, то есть на которые в учебниках и в Сети нет однозначного ответа. И приходится думать.

— Вы сами и ответили на свой вопрос, юноша. Эти вопросы должны были заставить вас думать.

Найт кивнул. Потом широко и открыто улыбнулся и вприпрыжку выскочил из аудитории.

Глава 7

На каникулы, длившиеся всего месяц, мальчиков из хороших семей забирали домой. Те, кто через две-три недели после рождения оказывался в специальных «инкубаторах» и проводил там следующие три года своей жизни, оставались в общежитиях Академии. На время каникул режим смягчался; мнемотеки, спортзалы, бассейны, лаборатории, тиры, видеозалы и прочие заведения, в которых можно весело и с пользой провести время, были открыты круглосуточно. Для старших курсантов отменялся комендантский час, и порой общежития и спальни будущих выпускников оглашались пьяными воплями и грохотом музыки до самого утра. Младшие мальчики могли гулять по городу, сколько им вздумается, но обязаны были возвращаться к отбою.

В пятом блоке Боевого отделения, как, впрочем, и в остальных его блоках, почти все мальчики остались на каникулы в Академии.

Чаще всего «в киборги» шли неблагополучные дети. Мало какому жителю Империи, который обладал прекрасной генетикой и деньгами, позволяющими приобрести женщину и произвести на свет потомство, нравилась перспектива увидеть своего долгожданного и обласканного сына полумеханическим воином, обречённым если не на смерть в бою, то на жуткое и загадочное исчезновение с лица земли ровно в сорок пять лет. Кроме того, киборгам никогда не выдавали разрешения на репродукцию: слишком уж сильно били по генам и здоровью многочисленные вшивки и различные инъекции, которые к этим самым вшивкам и подготавливали растущий организм. Видеть в своём сыне окончание своего рода претило любому «генетически годному», или генго. Даже многодетные отцы предпочитали пристроить всех своих сыновей на какие-нибудь иные отделения Академии, словно чумы избегая Боевого.

Но встречались и редкие исключения — отвергнутые по тем или иным причинам отпрыски знатных семейств или бунтари, сумевшие в свои нежные десять лет нарушить отцовскую волю. Иногда вполне благополучные отцы, особенно военные, не имевшие того количества вшивок, которое позволило бы им самим называться киборгами, намеренно отправляли сыновей на Боевое отделение. Вероятно, таким жестоким образом они пытались чужими руками осуществить свою так и не сбывшуюся мечту.

Делейт Лебэн не относился к этим исключениям. Он не знал ни имён своих родителей (только фамилию), ни классового

положения отца, ни его профессии, ни адреса — ничего. Краем уха слышал, что отец его был мелким клерком в какой-то корпорации, кое-как скопил денег на одну-единственную женщину, да и то не слишком чистых кровей, произвёл на свет сына, с гордостью зарегистрировал его и с облегчением сдал на руки государству, выполнив перед ним священный долг улучшения демографической ситуации и доказав ему свою биологическую полезность.

Мальчик рос сильным, здоровым, бойким, но душу его постоянно грызло какое-то тоскливое, тягостное недовольство. То ли самим собой, то ли несправедливостью этого мира. Он с нескрываемой завистью проводил на каникулы близнецов, которых прозвал «генеральчатами». За Генрихом и Штэфом приехало несколько старомодное авто с тонированными стёклами и унесло братьев навстречу семье, хоть какому-то теплу и пониманию. Впрочем, это вряд ли. Наверняка мальчишки всю жизнь будут лишь средством для исполнения чаяний их отца-генерала. И вряд ли они когда-нибудь смогут осуществить эти чаяния в полной мере. Наверное, это страшно — когда за малейшую провинность ожидаешь недовольного, холодного взгляда и ждёшь, что вот сейчас ты увидишь спину строгого, отстранённого отца и услышишь его глухой голос: «Я разочарован». Но Делейт не отказался бы даже от этого.

— Тоже мне! — шипел он, с остервенением шнуруя высокие казённые ботинки, которые выдавали всем курсантам. — Генеральчата! Ишь как носы-то задрали, когда в машину шли!

— Тебе показалось, — примирительно сказал Чейз, лёжа на кровати с электронной книжкой. — Они нам всем завидуют. Мы-то можем хоть целый день бегать, где вздумается, только в столовку знай себе вовремя наведывайся. А им ни чихнуть, ни пукнуть при папочке, и постоянно отчитываться. А уж если учесть один штрафной Штэфа, за историю… Папашка с него шкуру спустит, я уверен.

Грайд злорадно прыснул со смеху на своей кровати.

— И ничего смешного! — спокойно возразил Чейз. — Штрафной — это всегда серьёзно. Я сам вон чуть не схлопотал за историю. И то высшего балла не получил, выкрутился уж не знаю как. С меня семь потов сошло, когда сдавал. Этот Миккейн просто самый настоящий садист. Это ж надо такие вопросики!

— Интересно, а хоть кто-нибудь вообще получил высший балл? — пожал плечами Долори, отвернувшись от маленького зеркальца с отбитым уголком, которое было приклеено к дверце его шкафчика с внутренней стороны.

— А как же! — Чейз многозначительно кивнул в сторону

сладко посапывающего Ка.

— Интересно, как это у него получается? — снова спросил Долори, которого от штрафного отделяла всего пара баллов.

— Глубокая глотка! — с расстановкой и ядом в голосе произнёс Тод.

— Идиот, — с презрением скривился Чейз, уставившись в книжку.

— А что? — взвился Тод. — Да всем известно, что Миккейн — педофил! Ни одного пацана не пропускает! Особенно таких, у которых усы ещё расти не начали. А Ка что-то подозрительно хорошо со всеми учителями уживается!

Найт густо покраснел, вспомнив прикосновения учителя к своей руке, его взгляд и его мягкий, тёплый голос. Хм. Или вкрадчивый?…

— Чего случилось? — негромко спросил Бофи, когда Найт чуть приостановился и перестал разминать его плечи. Найт встрепенулся, продолжил, но было поздно: Бофи уже отодвинул его, привстал и картинно развёл руки в стороны.

— Господа! Как мы забыли про нашего юного вундеркинда! Мыш-то ведь тоже сдал на отлично!

— Ну а тебе как удалось? — пристал к нему с расспросами Долори. Остальные подняли заинтересованный гул.

— Я… Я просто… Я на вопросы отвечал. Вот и всё…

— Да ладно заливать! — отмахнулся Тод. — Там такие вопросики были, что даже профессор не ответит!

— Вовсе нет! — Найт широко и открыто улыбнулся. — На самом деле ничего сложного! Просто там головой надо думать было, а не зубрить готовые ответы, вот и всё!

— Слушай, да все знают, что наш детколюб на тебя запал, ещё с той первой лекции, когда он тебя назвал образцом человека, — показал зубы Тод.

— Ну колись-колись! Ну расскажи, как дело было! — вторил ему Долори, на лице которого, впрочем, играла лишь задорная улыбка, а не ехидная кривая ухмылка, как у Тода.

— Ну как, — краснея и сглатывая вязкую слюну, заговорил Найт, — я пришёл, сел, прочитал вопросы, и понимаю, что ничего не знаю, а потом мы начали говорить…

— Он тебя лапал, да? — не унимался Долори.

— Да нет же! — воскликнул Найт, и в его голосе пробились дрожащие нотки беспомощности. — Мы просто говорили об истории Империи, о странах, на территории которых она сейчас находится, ну и…

— Ну он же тебя к себе звал на чашечку чая? По ручкам же гладил эдак многозначительно? — Долори подошёл и уже

нависал над Найтом, а тот мог лишь мотать головой из стороны в сторону, не зная, как же объяснить, как доказать ему…

Делейт тем временем закончил шнуровать второй ботинок, распрямил спину и, направляясь к двери, как бы нечаянно толкнул в плечо Тода, а Долори отскочил сам, догадавшись о его намерениях. Зато от Найта оба отстали.

Ещё несколько дней Найт боялся повторения неприятного разговора и допоздна отсиживался в мнемотеке, либо плавал в бассейне под водой, стараясь заплыть на глубокую половину, вызывающую священный ужас у первокурсников. Там было тихо, спокойно, и упругие толщи воды мягко толкали его в плоский живот, словно выгоняя из таинственной тёмной глубины.

Только один раз Найт пересёкся с Делейтом в мнемотеке.

Было поздно, раньше в это время уже давали сигнал к отбою, а сейчас в мнемотеке почти никого не было. Только едва слышно гудели сиреневатые лампы по периметру потолка. Ровными рядами стояли тяжёлые длинные столы, на которых темнели открытые или закрытые ноуты с выключенными мониторами, а на спинках стульев или на клавиатурах висели, словно спящие змеи, мнемокабели. За одним из столов Найт заметил Делейта. Синеватое мерцание экрана мягко освещало его сосредоточенное лицо. Найт приостановился, но затем смело прошагал в его сторону, бесшумно сел за соседний стол и пододвинул к себе ноут.

Делейт встрепенулся и вынул мнемокабель из маленького порта-отверстия на виске.

— Я мешаю? — спросил Найт негромко.

— Да сиди, — Делейт сунул руки в карманы форменного комбинезона, нахохлился и, громко топая ботинками, стремительно пошагал мимо, к выходу.

Найт проводил его взглядом и, поддавшись порыву, повернул к себе ноут, который Делейт забыл выключить. Экран показывал стандартную строку поиска и таблицу найденных соответствий, а также огромное количество фото. Поиск личности по Сети, причём каким-то образом Делейту удалось выйти из локальной сети Академии во внешнюю, общегосударственную. Он искал мужчину в возрасте от двадцати восьми лет по фамилии Лебэн.

Найт закусил нижнюю губу, проматывая страницу вниз. В Империи более двухсот миллионов населения. Почти сто восемьдесят — мужчины, и Лебэнов среди них просто невероятное количество. Как можно искать по таким обобщённым параметрам? Надо же уточнять…

Крышка ноута захлопнулась перед лицом Найта с таким грохотом, что мальчик аж подпрыгнул. Он вскинул испуганные

глаза и увидел над собой Делейта. Тот стоял, насупив густые чёрные брови и поджав губы.

— Тебе своего ноута мало?

— Прости, я лишь…

— Тебе, как погляжу, больше всех надо, — процедил Делейт.

Найт помотал головой. Встал, не зная, куда себя деть от смущения и стыда.

— Не лезь. Не в своё. Дело, — с расстановкой проговорил Делейт, показав зубы. Затем повернул к себе ноут и быстро его отключил, предварительно стерев результаты поиска из буфера памяти.

Найт всё это время стоял молча, вытянувшись по струнке, как будто боялся пошевелиться. Делейт взглянул на него и усмехнулся.

— Чего застыл-то столбом? Не боись, бить не буду. Хотя надо бы. Прямо по любопытному носу.

С этими словами он протянул руку и небольно щёлкнул по кончику носа Найта. Альбинос захлопал ресницами. Делейт рассмеялся по-детски громко и открыто.

— Ты смешной! Зачем ты вообще поступил на Боевое? Ты же рохля! Какой из тебя киборг-то?

— Так получилось, — пожал плечом Найт. — Я просто не хотел разочаровывать…

— Отца? — вдруг резко спросил Делейт, вскинув на него пронзительно-чёрные глаза.

— Одного хорошего человека, он меня нашёл на улице, и… — продолжил Найт чуть сбивчиво.

Делейт фыркнул, перебив:

— Да хватит притворяться! Никакой ты не подзаборный найдёныш. Ты и ведёшь себя как… хех… ну прям как принц! И ума палата, раз даже наш Очкарик тебе высший балл поставил, и высоченный вон какой, а это у аристократов часто бывает. Просто ты урод, вот твой папаша тебя сюда и сбагрил потихоньку, чтобы его не посчитали репродуктивно негодным, раз таких, как ты, плодит. Небось, он и знаться-то с тобой не хочет, а? Ни письмишка не напишет, ни звонка не сделает.

Найт слушал со смешанным чувством обиды, негодования и жалости к этому колючему, злющему мальчишке, который опять сунул руки в карманы с такой силой, что те, казалось, вот-вот оторвутся.

— Я не урод, — вдруг чётко и спокойно сказал Найт негромким низким голосом. — Я просто альбинос. Ты сам сказал, что альбиносы с 312 года официально не являются генму.

— Генму, может, официально и не являются. Но уродами

быть не перестали.

— Если тебя отец выкинул из своей жизни, как ненужную вещь, — после короткой паузы вдруг сказал Найт, — то в этом никто не виноват! Ни ты, ни тем более я!

Делейт молча схватил Найта за воротник и опрокинул спиной на стол, сразу же замахиваясь кулаком. Найт стиснул зубы и рванулся, скинув с себя младшего мальчишку. Потом вскочил на ноги, тяжело дыша.

Делейт отступил. Холодное мерцание монитора легло на лишённое пигмента лицо генму, превратив его то ли в призрака, то ли в ночное божество из давно потерянного мира. Оба мальчишки напряжённо замерли друг напротив друга, между ними словно протянулась невидимая вибрирующая струна. Неощутимые искорки покалывали на коже обоих.

— Да пошёл ты! — рявкнул Делейт и, развернувшись на каблуках, убежал из мнемотеки.

Найт медленно сел на стул и несколько секунд усмирял гулко бьющееся сердце.

* * *

Новый учебный год начался вместе с ранней холодной осенью. С севера, со стороны Крио, ползли тяжёлые чёрные тучи, поливая каменистую степь ледяными дождями. С верхних этажей Академии, где располагалось большое количество классов, хорошо были видны далёкие горы и свинцовая гладь огромного озера. Эта картина навевала на Найта необъяснимую тоску. Хотелось сбежать из города и долго-долго нестись на байке по пустынной равнине, один на один с необъятным миром, мрачной неприветливой природой и холодным сырым ветром. Спрятаться от кого-то. Спрятаться от себя самого.

Найту недавно исполнилось тринадцать лет, и он стал замечать происходящие с ним изменения — и с его телом, и с его разумом.

Многие мальчики старше второго курса испытывали то же, что и он, и переносили это по-разному. В пятом блоке жизнь текла своим чередом, и вроде бы всё было по-старому, но неуловимо менялось… Особенно изменился Бофи. Он всё так же продолжал держать при себе экзотического альбиноса, называть его «своей девочкой» и требовать массаж. Но теперь он всё чаще поворачивался на спину, хватал Найта за руку и норовил положить её себе на промежность, отшучиваясь насчёт «другого» массажа. Найту это нравилось всё меньше и меньше. Он не знал,

издеваются ли над ним, и нужно ли пожаловаться куратору. Ничего страшного пока не происходило. И всё же он остро чувствовал исходящую от Бофи опасность. И притяжение. Разобраться в природе этого притяжения у Найта никак не получалось.

Однажды ночью он пошёл в туалет и застал там Бофи, стоявшего спиной к двери и совершавшего рукой какие-то резкие, быстрые движения внизу живота. Найт отпрыгнул назад почему-то в ужасе, кинулся обратно к своей кровати, залез под одеяло и не мог уснуть до побудки. Щёки его горели. И было странно приятно, как будто он поймал диковинного зверя, не известного науке.

Дэл повадился рассказывать пошлые анекдоты, надёрганные из Сети. Тод громко ржал над этими скабрезностями и дополнял их грязными комментариями. Младшекурсники смеялись для вида, но Найт видел, что мальчики сбиты с толку и мало что понимают.

Хуже всего дела обстояли с Грайдом. Он стал агрессивнее, норовил чуть что развязать драку, за малейшую провинность отвешивал затрещины и оплеухи одиннадцатилеткам и двум первокурсникам, поступившим в этом году и определённым в эту спальню. Особенно он доставал глазастого и шустрого мальчишку по имени Биффант Худжин. Мальчик огрызался, на тумаки отвечал хоть и не сильными, но ударами. Он как-то сразу проникся симпатией к Делейту и повсюду ходил за ним хвостиком. Делейт на это ворчал, но по лицу его Найт видел, что обожание и восхищение первокурсника ему нравится. На тренировках Делейт даже помогал мальчишке, и многие посмеивались, намекая, что теперь Найта некому будет защищать: у Дэла новый любимец.

— Пока есть я, — сказал как-то Бофи, — моей девочке ничто не угрожает.

С этими словами он по-хозяйски положил руку Найту на талию. Найт напрягся и аккуратно убрал с себя его ладонь.

Но однажды что-то изменилось. Биффант как будто заболел. Он осунулся, ходил бледный, шаркая ногами, взгляд его потух. На регулярных медосмотрах, впрочем, не выявляли никаких болезней. Найт однажды попытался поговорить с Биффантом, но тот оттолкнул его от себя и, заплакав, убежал.

За всеми этими странностями мало кто заметил, что Грайд теперь ведёт себя гораздо спокойнее, вальяжно разгуливает по спальне и сурово поглядывает на первокурсников.

Однажды Найт случайно увидел, как на перемене между лекциями Бофи что-то выговаривал Грайду, а тот со скучающим

видом глядел в потолок и даже демонстративно позёвывал.

Найта беспокоили странности с Биффантом.

Он еще раз решился поговорить с ним. Но мальчик лишь огрызнулся и, развернувшись, опять убежал. Найт шагнул следом и звучно крикнул на весь коридор, на миг даже перекрыв гул толпы:

— Что он тебе сделал?

— Ничего! Отстань! — донеслось в ответ.

Найт приостановился, нахмурил белые брови. Прочие курсанты с интересом и недоумением поглядывали то на альбиноса, то вслед Биффанту.

Долгое время после этого случая мальчик не попадался на глаза Найту, словно избегая его. Вопросы застыли в воздухе, который уже ощущал приближение зимы. Но Найт так и не выкинул их из головы, твёрдо решив со всем разобраться при первой же удобной возможности. Однако Грайд, словно почуяв настроение Найта, стал вести себя приличнее, а Биффант медленно возвращался в норму. Найт начал задумываться о том, что ему всё показалось. И подозрения перемалывали жернова неумолимого времени.

Глава 8

Новый год в Империи праздновали тогда же, когда и в старину: в ночь с тридцать первого декабря на первое января. К нему были приурочены маленькие каникулы — четыре дня до праздничной ночи и три дня после. За это время учащиеся наслаждались кратким отдыхом и до утра гуляли по снежным улицам, залитым разноцветными огнями. В Броксе не было парникового эффекта, характерного для гигантских мегаполисов, к тому же близость к Крио делала зиму довольно суровой. Но мальчишек это не останавливало, они не вылезали из самого крупного парка, в котором по старинным образцам возвели аттракционы для народных гуляний. На снегу распускались невероятные голографические цветы. По ровному, как зеркало, пластику специальных катков носились на силовых коньках жители города от мала до велика, а спортивные, подтянутые старики скользили по обыкновенным ледяным каткам на раритетных коньках с металлическими лезвиями. Повсюду пестрели ларьки и палатки с угощениями и напитками. На невысоких помостах, вырезанных из цельных ледяных глыб, двигались под ритмичный бит танцевальные андроиды, и любой желающий мог бросить им вызов и попытаться станцевать так же чётко и машиноподобно. На других сценах выступали выходцы с Юрал Исленда. Они затягивали зычными, глубокими голосами свои странные, одновременно меланхоличные и задорные песни, лихо размахивая причудливыми лохматыми шапками и извлекая звуки из некоего гибрида синтезатора и гофрированной трубы.

Найт поддался всеобщему веселью и торчал в парке с утра до вечера. Второкурсникам ещё не платили стипендии, и он не имел возможности что-нибудь купить на ярмарке. Но для мальчика, до двенадцати лет сидевшего взаперти на женской половине дома, уже было счастьем просто бегать и глазеть на диковинки.

В толпе он натолкнулся на господина Миккейна. Встреча оказалась такой неожиданной, что Найт даже растерялся. На учителе была такая же лохматая шапка из дымчато-серого меха, какие носят юралислендцы, — вероятно, он купил её на ярмарке. И выглядела эта конструкция на голове историка до того нелепо, что Найт прыснул со смеху.

— Ой, простите, я не хотел, извините, — никак не мог остановиться он. — Здравствуйте, господин Миккейн. Пффххххх…

— Смешная, да? — учитель снял шапку, повертел её в руках и снова нахлобучил до самых глаз. — А зато тёплая! Всю зиму в ней

ходить буду, вот так!

Он повернулся к юралислендцам, взмахнул рукой, и воскликнул:

— Хэээээййй! А давайте, что ли, вашу!

С этими словами историк запрыгнул на помост, лихо раскинул руки в стороны и выставил вперёд одну ногу, оперев её на пятку.

Артисты переглянулись и слаженно вдавили пальцы в клавиши. Переливчатая мелодия зазвенела в воздухе. Юралислендцы, судя по всему, были польщены подобным интересом к их традициям. А уж когда историк слегка фальшиво затянул что-то вроде: «Triiii beeeelih kanya, eh, tri belih kanya!», то они принялись улюлюкать и подбадривать.

Найт захлопал в ладоши. Толпившиеся вокруг люди поддержали чудака дружными воплями одобрения. В Броксе любили островную экзотику, впрочем, как почти везде в Империи. Разве что в чопорной столице ко всему подобному относились с предубеждением, да и то только на верхних уровнях.

— А я тебя ищу! — раздался совсем рядом голос, и Найт ощутил, как робко и сладко сжалось сердце: «Делейт!»

Но за спиной стоял Бофи. Он широко улыбался и протягивал на ладонях какие-то странные мелкие предметы круглой формы и красновато-оранжевого цвета. В воздухе витал сладкий, терпкий аромат.

— Держи, угощайся! — Бофи протянул Найту пригоршню. Но Найт вдруг отступил, и улыбка сползла с его губ.

— Это ведь… что-то цитрусовое, да?

— Да не знаю, говорят, какие-то мандарины. Жутко дорогие, я почти всю стипендию на них спустил. Один попробовать дали, это просто умереть не встать! Никогда такого не ел! Бери! Хоть все бери, я угощаю!

Найт отступил ещё немного, нервно улыбаясь.

— Нет, спасибо. Это… это такой дорогой подарок…

— Для моей девочки ничего не жалко! Да бери же, говорю!

— Ешь сам, Бофи, мне не хочется, правда, — голос Найта дрогнул.

Бофи пересыпал мелкие мандарины в одну ладонь, а освободившейся рукой успел поймать Найта за рукав казённой стёганой куртки, какие носили все младшие курсанты Академии.

— Ты что, как это не хочешь? Ты, может, никогда такого больше не попробуешь!

— Мне нельзя… У меня аллергия на цитрусовые, — уже умоляющим тоном негромко проговорил Найт. — Я от них умереть могу.

— Да ты их никогда не ел наверняка! Откуда ты знаешь, что у тебя на них аллергия?

— Ел. Ну… ну правда аллергия, Бофи, ну не заставляй…

— Когда это ты мог их есть? — Бофи начинал злиться. — Я сказал, ешь!

Найт вздрогнул и, вместо того чтобы решительно развернуться и уйти, взял один мандарин, быстро очистил от кожуры, подержал в трясущейся ладони и медленно откусил половину. Брызнул холодный сладкий сок.

— Ну? Ну вкусно же, а? — Бофи широко и открыто улыбался, следя за реакцией Найта.

Тот молча доел мандарин, тяжко проглотив.

Бофи сразу же сунул ему в руки второй. Найт съел и его. Внутри, где-то за грудиной, уже разливалось знакомое, к сожалению, не забытое жжение. Третий мандарин Найт отодвинул.

— Мне и этого хватит. Ты доволен, Бофи? — Найт поднял на него глаза, чувствуя, как внутри всё сковывает колючим льдом.

— Эй, ты чего… — на лице Бофи медленно проступил испуг. Он увидел, как побледнели губы Найта, как на них стал проступать нехороший синеватый оттенок. Найт расстегнул ворот, с силой втягивая воздух, развернулся и пошёл куда-то. Бофи торопливо сунул злосчастные мандарины в карман и кинулся следом.

— Эй, эй, ну я не знал! Я думал, ты просто важничаешь! Найт, тебе что, плохо?

Найт отмахнулся от него, с силой и сиплым хрипом хватая воздух ртом. В глазах стремительно темнело. В животе плескалась боль, тошнота, в висках пульсировала кровь. Когда сознание начало путаться, Найт ощутил холод в коленях — наверное, упал на снег. Кто-то тормошил за плечо, словно сквозь вату доносились гулкие крики Бофи. Уже невнятные, неразличимые…

* * *

— Помогите! — Бофи тряс Найта, который страшно хрипел и норовил повалиться набок.

Господин Миккейн, успевший снискать кратковременную славу и здорово повеселиться, заметил со сцены возню в снегу и услышал сквозь гул ярмарки крики о помощи. Кинулся вперёд, словно коршун.

Через минуту оказался рядом с учениками, отпихнул Бофи,

похлопал Найта по синюшным, одутловатым щекам.

— Найт! Найт! Что случилось?! Эй!

Не дождавшись ответа, учитель подхватил мальчика на руки и бегом кинулся к парковке, на которой оставил свой флайер. Пару раз оступившись, господин Миккейн уронил в снег шапку, но не обратил на это внимания и не задержался ни на миг. Влетел в кабину, осторожно опустил задыхающегося мальчика на сидение рядом с собой и завёл машину. Флайер с низкочастотным гудением взмыл к жемчужному небу.

— Потерпи, потерпи, маленький, сейчас… — бормотал учитель, выворачивая штурвал.

Громада Академии приближалась с каждой секундой, проступая из синеватой дымки, словно корабль-призрак. Решительно поджав губы, господин Миккейн направил флайер прямо в огромное окно холла лазарета.

Учитель успел увидеть, как отпрыгнули от окна несколько медбратьев, а в следующую секунду флайер вломился в помещение вместе с водопадом осколков.

Вопли, крики, суматоха.

Господин Миккейн выбрался из машины, обогнул её, вытащил из кабины Найта и, поудобнее перехватив его на руках, бросился к двери смотровой.

— Что это всё значит?! — догнал его чей-то возмущённый голос.

— Прошу простить, всё компенсирую! — на ходу отозвался историк, толкая дверь ногой.

Он добрался до лазарета кратчайшим путём. То и дело с тревогой поглядывая в опухшее и синюшное лицо альбиноса, историк неслышно шептал:

— Держись, держись, маленький…

Дежурный врач, точнее медбрат — молодой парень по имени Ллойд Мах, приблизился и, не задавая никаких вопросов, забрал Найта из рук господина Миккейна.

— Вам лучше… — начал было он.

— Я подожду тут, — не дослушал учитель и уселся на небольшой потёртый диванчик в приёмной.

— Эх ты, дохлятина, опять с тобой что-то случилось, — почти ласково сказал медбрат, глядя на мальчика у себя на руках. Затем створки из толстого молочно-матового стеклопласта сомкнулись за его спиной, оставив господина Миккейна в тишине, один на один с гулкими ударами сердца.

* * *

Когда Найт открыл глаза, ему показалось, что он всё ещё лежит там, в парке, глядя в сизовато-белое небо. Но потом понял, что над головой потолок. И склонившееся лицо господина Миккейна. Складка между бровями учителя разгладилась, в уголках губ, наоборот, обозначились морщинки.

— Ну слава богу, очнулся. Тебе лучше? — мягко спросил господин Миккейн, погладив мальчика по голове.

Тот нерешительно натянул одеяло на подбородок и хрипло прошептал:

— А Бофи ничего не будет?

— При чём тут Бофи? А… Это он тебя отравил?

— Он не знал. Честно-честно, — Найту потребовалось время, чтобы перевести дыхание. — Он правда не знал. Он купил мандарины. Я… — он помолчал, — я никогда не ел мандаринов… Я тоже не знал, что так будет…

— Ну тише, тише, береги силы, малыш, — господин Миккейн поправил Найту одеяло, и тот напрягся, ощутив призрак недоверия и даже испуга, когда его тела нечаянно коснулись руки мужчины. Учитель заметил это и отодвинулся.

— Отдыхай. Ты скоро поправишься.

С этими словами он вышел.

* * *

Окончательно Найт поправился и впрямь довольно скоро. Новогодние каникулы были безвозвратно испорчены, а традиционная встреча полуночи и загадывание желаний застали его в полутёмной палате лазарета, где кроме него не было больше никого. Даже какого-нибудь болеющего или раненого бедолаги, с которым можно было бы хоть поболтать. Дежурный медик отмечал с коллегами в холле.

Зато Найту удалось выпросить несколько книжек, которые он прочитал за пару дней.

Когда он вернулся в спальню пятого блока, Бофи вёл себя так, как будто ничего не произошло. Однако на общей тренировке он догнал Найта и проговорил, ухитряясь не сбить дыхание:

— Почему ты меня не сдал?

— А надо было? — ответил Найт довольно спокойно.

— Чёрт, я тебя чуть не убил, вообще-то…

— Не ты, а цитрусовые и моя аллергия.

— Я думал, ты шутишь. Больше не повторится.

— Бофи, всё в порядке. Я не держу зла.

— Слушай, но почему ты не отказал тогда чуть

решительнее? — спросил Бофи после паузы, когда они пошли на очередной круг. — Ты же мог умереть.

— А я хотел посмотреть… — Найт вдруг повернулся к нему и улыбнулся, глядя Бофи прямо в глаза, — действительно ли «твоей девочке» ничто не угрожает.

С этими словами он продолжил бег лёгкой рысцой.

С Бофи поравнялся Грайд и, криво усмехнувшись, кивнул вслед альбиносу:

— Когда ты его уже трахнешь, а?

— Иди ты! — огрызнулся Бофи и ускорился.

Но в душе его сладко теплело при воспоминании о словах Найта и его взгляде. Почти против воли внизу живота стало разливаться сладостное напряжение. Вот только эрекции на уроке физподготовки и не хватало! Бофи остановился, повернулся к стене, опершись на неё рукой, и сделал вид, что переводит дыхание.

Но с того момента фантазии о лунно-бледном теле, извивающемся под ним, не покидали его и вкрадчиво просачивались в «мокрые» сны.

Глава 9

В марте последние конвульсии зимы были особенно сильными. Вьюжило яростнее, чем в середине января. Но Найту нравилось это неистовство природы. Оно как будто находило отклик в его душе.

Временами он не узнавал себя, пугался собственных мыслей и фантазий. Найт уже почти понял, как относится к Бофи. И уже почти решился потрогать его под одеялом в том месте, в котором Бофи хочется больше всего. Найт уверен: ему тоже страшно. Но тело знает лучше. И когда не хватает слов и смелости, в ход идут молчание и действия.

Внезапно мечтательный взгляд зацепился за какое-то движение за окном. Найт вытянул шею, подслеповато приглядываясь. И вдруг округлил глаза. Человеческий силуэт! Кто-то стоял на карнизе соседнего крыла, где располагались общежития.

— Там кто-то есть! — воскликнул Найт, вскакивая.

Мнемопровод натянулся и вылетел из гнезда-входа на виске. Чуть закружилась голова. Мнемокабель нельзя вытаскивать так резко, да ещё во время передачи данных.

Преподаватель квантовой механики нахмурился и строго сказал:

— Вернитесь на ваше место и докачайте второй и третий параграфы!

— Но там…

— Господин Брик, там и правда кто-то стоит! — крикнули с заднего ряда.

По аудитории прокатилась необратимая цепная реакция — вскочили все, невзирая на запреты учителя, прилипли к окнам.

Господин Брик, гневно сдвинув брови, распахнул окно и отступил на шаг.

На заснеженном карнизе, оскальзываясь, стоял Биффант Худжин, дрожа всем телом: на нём был только форменный комбинезон.

— Что это значит?! Вы с ума сошли?! — закричал учитель сквозь свист ветра. — Немедленно вернитесь в помещение!

— Отстаньте от меня все! — взвизгнул мальчик, и его нога чуть не соскользнула вниз. Аудитория дружно ахнула.

Найт кинулся вперёд, высунулся наполовину из окна и закричал:

— Бифф, осторожно!

За спиной затопотало несколько пар ботинок, хлопнула

дверь. Кто-то догадался кинуться в спальню и уже там поймать дошедшего до грани юного суицидника.

— Пятый блок! — рявкнул физик. — Просто сборище ходячих проблем.

— Бифф… — Найт хотел что-нибудь добавить, но мальчик перебил его:

— Я вас всех ненавижу!

Он занёс ногу над сизой бездной, и вдруг Найт сам выскочил на карниз и вцепился в заиндевевшую пронзительно-холодную стену. Этот поступок озадачил Биффанта, и он замер. Найт тоже замер. В груди гулко толкалось сердце.

— Бифф, слушай, ну хоть наших кураторов пожалей! Их могут наказать из-за тебя…

— Плевать мне на них!

— Что случилось?

— Отстань! — мальчик дёрнулся, и Найт похолодел, ему показалось, что вот сейчас Биффант сорвётся. Там же не меньше сотни метров вниз…

— Бифф, всё можно решить, — Найт очень медленно двинулся в сторону мальчика.

Вдруг окно спальни распахнулось, и господин Брик, за спиной которого маячил ещё кто-то, почти сумел схватить Биффанта, но тот юрко выкрутился. И сорвался.

Найт неведомым чудом успел схватить первокурсника за запястье, краем сознания догадываясь, что сам неминуемо отправится в смертельный полёт следом за ним.

Но вдруг его поймали за вторую руку и быстро втащили в тёплую, сухую аудиторию. Белые пальцы судорожно стискивали запястье живого и невредимого Биффанта, который, оправившись от краткого шока, немедленно заревел. Найт обнял его и заревел тоже, от испуга и счастья.

Вокруг шумели остальные курсанты, появился господин Брик, восклицая что-то и размахивая руками. Но Найт не обращал внимания. Он чувствовал биение чужого маленького сердечка, прижимал спасённого мальчика к себе сведёнными судорогой руками и не мог отцепиться.

О причинах своего поступка Биффант так и не рассказал, от медицинской помощи наотрез отказался, сказал, что с ним всё в порядке. И клятвенно пообещал больше никогда не устраивать подобного. А потом, после паузы, тихонько попросил перевести его в другую спальню. Смотритель общежития посчитал необходимым удовлетворить просьбу.

А в голове Найта необычайно ярко вспыхнули ответы на полузабытые вопросы.

* * *

— Это из-за тебя всё! — Найт стремительно приблизился к Грайду на перемене и встал прямо перед ним, бесстрашно заглянув в глаза.

Находившиеся рядом приятели Грайда с более старших курсов заулюлюкали. Найт не обратил на них внимания.

— Это из-за тебя Бифф хотел выброситься из окна! Животное! Не можешь себя контролировать — иди на улицу и снимай проституток! Стипендию тебе уже выдают!

Дружки Грайда переглянулись друг с другом и присвистнули. Сам Грайд медленно оттолкнулся плечом от стены и шагнул к Найту. Вопреки ожиданиям, дерзкий альбинос не отступил, и Грайд прижался к нему грудью. Пришлось слегка задрать голову: Найт был выше.

— Это кто тут разинул рот? Никак куча генетического мусора? Хочешь занять место этого… хе-хе… сосунка, а, девочка Бофи?

Приятели Грайда заржали, стали строить Найту рожи и посылать воздушные поцелуи. Найт переждал волну шума. Затем молча, без предупреждения и не изменившись в лице, схватил Грайда рукой за мошонку и сдавил так, что несчастный парень задохнулся, широко раскрыв рот, точно выброшенная на берег рыба.

— С радостью. Только не умею ничего. Как правильно — так?

От рывка Грайда прошиб ледяной пот, он свёл колени вместе и попытался отодвинуть Найта.

— Или так?

Ещё рывок. Грайд заскулил, согнувшись.

— Извини, я такой неловкий… — холодно прошипел Найт. — В общем, Грайд, если вдруг ещё какой первокурсник полезет на карниз, я тебе всё это оторву и заставлю сожрать. Понятно?

Грайд рычал, кусая губы. Найт сжал сильнее, и парень вскрикнул, хватаясь рукой за стену.

— Понятно?!

— Понятмммм… — проскулил несчастный.

Найт подержал ещё немного, потом отпустил, демонстративно вытер руку о плечо Грайда и проговорил, храня поистине царское достоинство:

— Твоё счастье, что трахнуть ребёнка у тебя силёнок и опыта не хватило. За оральные «шалости» психокоррекции не подвергают. Хотя и жаль. Живи пока.

С этими словами он медленно повернулся спиной и удалился.

— Во генму озверели, на людей кидаются, — проговорил кто-то из приятелей, попытавшись помочь Грайду, но тот грубо оттолкнул протянутую руку. Налитыми кровью глазами он смотрел вслед Найту и мелко трясся от ярости и боли.

* * *

До самых летних экзаменов никто не вспоминал об этом неприятном происшествии. Биффант успешно учился, на общих тренировках выдавал отличные результаты. Многие мальчишки с интересом поглядывали на Грайда, но тот старательно делал вид, что практически незнаком с Биффантом. И при этом с опаской поглядывал на Найта.

Слухи распространялись быстро, обрастая невероятными подробностями. Найту приписывали даже избиение Грайда, что не могло не раздражать последнего. Найт вовсе не кичился своей неожиданной «крутостью» и даже пытался опровергнуть слухи, но те упрямо укрепляли его авторитет. Что ж, по-своему это неплохо. По крайней мере, теперь альбинос значительно реже слышал за своей спиной презрительное фырканье и шепотки.

Вскоре директорат Академии рассмотрел дело Найта и пришёл к выводу, что этот мальчик вполне может быть переведён на соответствующий его возрасту курс — четвёртый. Найта вызвали в кабинет к директору, выдали целую кипу документов, а также сообщили, в какие сроки ему необходимо сдать экзамены.

Физическая подготовка всё так же не была сильной стороной Найта, он едва-едва сумел дотянуть до минимальных показателей четвёртого курса. И всё же, оглядываясь назад, он удивлялся, как инструкторам удалось из такого болезненного рохли, как он (у Найта не было иллюзий на свой счёт), сделать довольно выносливого и сильного парня. На костях наросли приличные мышцы, вечно сутулые плечи развернулись вширь. Младшекурсники, к которым пока что относился Найт, поглядывали на него с восхищением, а более старшие мальчишки — с уважением. И это влекло за собой растущее самоуважение Найта. Он держал голову гордо приподнятой, всё реже и реже заикался, смущался и краснел, это опять же вызывало всё больше уважения со стороны остальных мальчишек, а значит, и со стороны Найта к самому себе.

Он освоился в Академии, обзавёлся несколькими хорошими знакомыми и даже приятелями. Но мысли его всё чаще и чаще возвращались к Делейту. Что-то было в этом мальчишке. Что-то странно-притягательное. Но не такое притягательное, как в Бофи,

к которому Найта одновременно тянуло, словно магнитом, и от которого отталкивало, будто этот магнит поворачивался другим полюсом. Бофи хотелось потрогать, с Делейтом же хотелось дружить. Но агрессивный одиночка держался особняком.

Они виделись лишь в общей спальне, где всегда было полно народу и посторонних взглядов, и где Делейт старательно делал вид, что ему совершенно ни до кого нет дела. А ещё на общих лекциях, где принято было внимательно слушать учителя и подавать голос, только чтобы ответить на его вопрос или самому что-нибудь переспросить. Но уж точно не шушукаться с соседями.

Мысли о том, какой бы предлог найти для более близкого знакомства, не покидали голову Найта, лишь иногда уступая место мыслям о предстоящих экзаменах. Он постоянно ходил словно сомнамбула, как будто находился в параллельном измерении. Иногда Найт так глубоко погружался в раздумья, что сталкивался с кем-нибудь, рассеянно извинялся и шёл дальше.

И вот однажды он, не глядя, налетел на кого-то, выходя из раздевалки самым последним.

— Извините, — пробормотал Найт, мысленно прокручивая в голове какие-то формулы для теста по физике электрического поля. Попытался обогнуть того, в кого врезался, но вдруг его крепко схватили за плечи жёсткие руки. Найт вскинул глаза.

— Привет-привет, — медленно растянул губы в улыбке Грайд. — Попался, белый и пушистый!

— Пусти, мне в мнемотеку надо, — сказал Найт спокойным тоном и попытался пройти мимо, но Грайд не отпускал. Наоборот, его пальцы сильнее вдавились в плечи парня.

— Успеешь ты в свою мнемотеку, ботан. Поговорить надо.

С этими словами он потащил Найта обратно в раздевалку. Тот попытался вырваться, хотя пока не думал, что стоит паниковать. Просто у него отнимали время. Никакой опасности Найт не чувствовал.

— Ну, говори, — сказал он, оказавшись с Грайдом один на один в полутёмном маленьком помещении, и поставил руки на талию.

— Да я, собственно, подумал… — Грайд потёр шею, — ты в тот раз зря меня так. Да ещё перед моими друзьями со старших курсов.

— Ты сам виноват! — насупился Найт. — Ты поступил как свинья.

— Ну почему же сразу как свинья… — Грайд медленно шагнул к Найту. — Этот пацан сам докапывался. Сам просил всё показать…

— Да врёшь ты, — начал Найт, но Грайд словно не слушал.

— Лез и лез. Я ему по шее, а он всё равно лезет. Ну я ему однажды в душевой за щеку и вставил. А он мне потом и говорит, что теперь мы с ним пара. Хе-хе, ты представляешь, какой идиот?

— Не так всё было! — Найт с неудовольствием отметил, что отступил под давлением Грайда. Тот оказался совсем близко и усмехнулся:

— А как?

— Ну… ты… — Найт снова стал заикаться и густо покраснел.

Грайд положил ему руку на затылок.

— Соплякам верить — последнее дело. Ты лучше мне поверь. Ему самому хотелось.

Найт мотнул головой, положил руки на грудь Грайду и хотел отодвинуться, но вдруг Грайд стиснул его до хруста костей и прижал к себе.

— А ну пусти! — взвился Найт, наконец-то испугавшись.

— Эй, чего тут происходит? — на пороге стоял Бофи.

Грайд быстро отпустил Найта, кинулся к двери и втянул Бофи за руку в раздевалку. А потом заметил Тода, который таращился на происходящее, приоткрыв рот. Вытянув шею, мальчишка поглядел на маячившего в раздевалке Найта, а потом заговорщически прошипел:

— О! Круто! Вы его вдвоём, что ли, будете? Ну и правильно, давно пора! А можно я с вами?

— Вали, сопля! — процедил Грайд и быстро захлопнул дверь перед самым носом Тода. Затем запер магнитный замок и положил ключ на один из шкафчиков.

— Ну всё, выпусти меня, — чуть дрогнувшим голосом заговорил Найт, прошагав к двери. Подёргал ручку, хотя и понимал, что бесполезно. — Это не смешно!

— А никто и не смеётся, что ты! — на губах Грайда начала расползаться змеиная усмешка, — Я с самыми серьёзными намерениями!

Бофи вертел головой от одного к другому и наконец, нахмурившись, рявкнул:

— Грайд, что ты творишь?

— Пока ничего.

— Бофи, скажи ему! — Найт шагнул к своему покровителю, но замер, заметив его колебания.

Грайд подошёл и без всякого стыда принялся расстёгивать комбинезон Найта. Тот рванулся прочь, стал хватать его за руки, но шершавая ткань неумолимо сползла с его плеч. Грайд полез к нему в трусы. Найт попытался заорать, но получил тычок кулаком в живот и упал.

— Без глупостей, генму!

Бофи стремительно приблизился, оттолкнул Грайда. Впрочем, не очень-то решительно. Белое гладкое тело зачаровало его и заставило что-то шевельнуться в душе. Найт судорожно отполз к стене, кое-как натягивая трусы обратно и дрожащими руками застёгивая комбинезон.

— Слушай, можно подумать, ты сам не хочешь! — прошипел Грайд, глядя в глаза Бофи. — Давай, бери его с потрохами, он твой! А я на стрёме постою. Никто ничего не узнает…

Бофи возмущённо приоткрыл рот. Но не сказал ничего. Медленно повернулся к Найту. И в глазах его мелькнула тень.

— Бофи? — робко проговорил Найт, поднимаясь. — Ты что, Бофи?…

— Ты, главное, не кричи, — Бофи подошёл к Найту, помог ему встать. И принялся раздевать снова.

Мир словно перевернулся с ног на голову, а потом рассыпался осколками. Найт стал сопротивляться и даже кусаться, но всё равно скоро оказался опять наполовину голым. В борьбе трусы порвались, и чужие руки теперь были, казалось, везде.

Бофи придавил его к скамье своим весом, положив на живот, навалился сверху, и Найт почувствовал ягодицами упругую выпуклость в штанах Бофи.

— Бофи! Бофи, да ты что! Что ты делаешь!

— Давай, жарь эту сучку, — прошипел Грайд, сверкая глазами. — Поверь, «твоя девочка» сама этого хочет!

— Пусти! Пусти меня! Я не хочу! — Найт извивался под старшим мальчиком и не мог его с себя сбросить. Бофи судорожно расстегнул свой комбинезон, бормоча что-то вроде: «Не бойся, всё хорошо». Найт отчаянно брыкался, и наконец к нему подскочил Грайд, пару раз ударил кулаком по голове, крепко сжал его запястья и прижал их одной рукой к лавке над головой беспомощной жертвы.

— Быстрее давай, что ты канителишься с ним! Я тоже хочу!

— Помогите! — глухо провыл Найт, за что получил несколько ударов по почкам.

— Не смей его трогать! — рявкнул Бофи. Голова плыла от сладкого томления. Где-то на самом краешке сознания дрожало понимание того, что он поступает плохо. Но ничего не мог с собой поделать и заранее прощал себе всё. К тому же, он намеревался действовать очень нежно.

Но как это осуществить, когда тебе так яростно сопротивляются?

Почувствовав, как к самому сокровенному и самому стыдному местечку прижалось что-то упругое и липко-влажное,

Найт заплакал, дёрнулся изо всех сил. Бофи ткнулся несколько раз, но войти не смог. И, как часто бывает в этом возрасте, всё кончилось слишком рано и неожиданно. Бофи ахнул от накатившей жаркой волны, запрокинув голову. Спину и низ живота свело короткой судорогой.

Словно во сне, он видел стекающие по мягким ямочкам на крестце Найта крохотные жемчужные капельки. Как в его мечтах.

— Что, всё? Ну ты и слабак! — Грайд быстро оттолкнул Бофи. — Иди, отдышись. И смотри, как надо.

С этими словами он плюнул в ладонь, деловито увлажнив слюной тугое, не тронутое никем отверстие. Найт взвыл, рванулся несколько раз, получил кулаком по затылку.

— Грайд, отпусти его, хватит, — сказал Бофи, всё ещё немного тяжело дыша.

— Ага, тебе, значит, можно, а мне нельзя? Это я его сюда заманил.

Он наклонился к Найту и резко втолкнул указательный палец туда, куда никто прежде не лез руками.

— Ну, сучка, кто теперь тебе поможет? Тэо наверняка в тюрьме, твой обожаемый старый Очкарик лекции читает, Делейт теперь малолеток обхаживает — ему не до тебя. А Бофи сейчас передохнёт и оттрахает тебя уже по-взрослому.

— Не надо, не надо! — всхлипывал Найт.

— Не надо было меня унижать перед ребятами, тварь бесцветная!

Бофи шагнул было к ним, но замер. Сердце колотилось, в голове стоял туман. Он хотел это видеть. Чёрт побери, хотел! Член снова стал крепнуть.

Грайд добавил ещё палец, Найту стало очень больно. Жёсткие, крепкие пальцы походили туда-сюда торопливо и резко.

— Расслабься, сучка, хуже будет!

Грайд убрал руку, пристроился, но войти тоже не смог. Тогда он сгрёб в горсть белоснежные волосы на затылке Найта, оттянул его голову назад и со всей силы ударил его лбом об лавку.

Найт обмяк, только невнятно скулил. Тяжело дыша, Грайд навалился, поёрзал, помогая себе рукой.

И вдруг дёрнулся от жестяного грохота. Бофи тоже вздрогнул.

Дверь распахнулась: магнитный замок не выдержал чьего-то удара. В раздевалку будто бы влетел маленький тёмный смерч.

Делейт Лебэн снёс Грайда, словно поезд — застрявший на путях автомобиль. Оба покатились по полу. Найт остался лежать вниз лицом на скамейке и тихонько всхлипывал. Семя Бофи медленно стекало по его ягодицам и бёдрам. На пороге стоял Тод, активно подбадривая Делейта. Как только Бофи шагнул в его

сторону, мальчишка удрал.

— Так вам и надо! — радостно взвизгнул он напоследок.

Грайд и Делейт катались по полу, рыча и обрушивая друг на друга удары, и всё выглядело очень серьёзно. Бофи кинулся разнимать. Досталось и ему.

Кое-как выбравшись из свалки, он помог Найту подняться, застегнул его комбинезон и увёл из раздевалки. В коридоре Найт зарычал и стал вырываться от Бофи, тот пытался его успокоить, хватал за руки, но Найт точно не слышал его, кричал, ругался и отбивался. Подоспели несколько кураторов, и среди них Литий. Бофи отпустил Найта, встал по стойке смирно и понурил голову.

Кураторы рванулись в раздевалку, разняли дерущихся и выволокли их наружу.

Найт не слышал и не видел ничего. Он сидел у стенки, обхватив колени руками, и плакал слезами обиды и боли. Бофи его предал.

— Достал, только и делаю, что спасаю тебя! — рявкнул Дэл, которого тащил за шкирку Литий. — Когда уже сам за себя начнёшь заступаться, сопля?!

Мимо провели Грайда. Парень угрюмо молчал, шмыгая разбитым носом. Увели и Бофи, который заметно присмирел и тоже помалкивал.

— Что случилось? — послышался совсем близко, гораздо ближе, чем все прочие звуки, голос господина Миккейна. Найт вздрогнул, вскинул лицо и увидел, что учитель сидит напротив него на корточках и смотрит очень встревоженно.

Найт зарыдал и кинулся ему на шею, наплевав на правила приличия. Господин Миккейн немного растерянно погладил мальчика по спине, успокаивая. Поглядел по сторонам. Любопытных столпилось много. И коллеги, и ученики. Все смотрят, кто с испугом, кто с жадным интересом, кто с лукавым прищуром. Последние — из тех, кто безоговорочно верит слухам о пагубном пристрастии историка.

Господин Миккейн встал, и Найту тоже пришлось подняться на ноги.

Он увёл мальчика подальше, не обращая внимания на косые взгляды. Затем, в одном из многочисленных коридоров, оглянувшись по сторонам и не заметив никаких ненужных свидетелей, посмотрел на Найта и серьёзным голосом сказал:

— Сегодня переночуешь у меня. Сбегай быстренько в спальню, возьми свои личные вещи, если тебе какие-то нужны. Жду на парковке через час. Сейчас мне нужно идти на лекцию.

Он потрепал Найта по голове и зашагал дальше по коридору.

Найт остался один. Ему стало страшно. Зачем этот мужчина

хочет заманить его в свой дом? Теперь Найту казалось, что все до единого хотят причинить ему зло, залезть ему грязными руками куда только возможно, избить, унизить. От совсем недавно приобретённой гордости и самоуважения не осталось и следа. Найт стоял в пустынном гулком коридоре опять сутулый, съёжившийся, жалкий. Ужасно хотелось снова прижаться к большому взрослому мужчине. Как будто вернуться к отцу, который, впрочем, никогда его не обнимет, потому что считает генетическим мусором. Весь этот мир считает его генетическим мусором.

Кроме господина Миккейна. То есть Дэнкера. Найт очень хотел называть его просто по имени.

Делейт выветрился из сумбурных мыслей мальчика, несмотря даже на то, что спас его. Спас, пожалуй, не как друга, а как жалкую беспомощную зверушку. И при этом ударил больнее, чем Грайд, пусть лишь словами.

Наконец успокоившись, Найт убежал в общежитие, чтобы поскорее собраться и после лекции дождаться учителя на парковке. Дэнкер ничего дурного ему не сделает. Мальчик с нетерпением стал ждать встречи.

Глава 10

После лекций на парковку явилось несколько учителей, кураторов и инструкторов, и Найт каждый раз вытягивал шею, подслеповато разглядывая лица. Господин Миккейн всё не шёл. На альбиноса смотрели с интересом и недоумением, один раз даже спросили, что он делает в не предназначенном для игр месте. Найт сбивчиво и туманно ответил и начал придумывать предлог улизнуть.

Но вот наконец матово-серые двери, ведущие на парковочную площадку, с лёгким шорохом раздвинулись, и господин Миккейн, подбрасывая на ладони электронные ключи, стремительно прошагал к своему флайеру. Лицо его было несколько угрюмым и задумчивым. Найт вдруг захотел сбежать отсюда, пока его не заметили, но господин Миккейн его окликнул.

Мальчик остановился чуть поодаль, неуверенно заложив руки за спину.

— Что случилось? — господин Миккейн подошёл к нему и заглянул в глаза.

— Н… Ничего… Я просто… — промямлил Найт, медленно отступая.

Господин Миккейн усмехнулся и сказал:

— Ох, юноша! Во всём этом заведении меня вам стоит опасаться в самую последнюю очередь. Однако для твоего же успокоения… Вот, держи.

С этими словами господин Миккейн достал из кармана короткого лёгкого пальто маленький электрошок. Протянул мальчику, и тот после долгих колебаний взял.

— Если вдруг ты решишь, что я злоупотребляю твоим доверием, смело пускай эту вещицу в ход!

Найт захлопал глазами.

— Договорились? — весело подмигнул ему господин Миккейн.

Найт сглотнул сухим горлом, неуверенно кивнул и промямлил:

— До… гов-ворились…

Потом откашлялся и произнёс уверенно:

— Договорились!

Рука его крепко сжала маломощное оборонительное оружие, но душа пребывала в полнейшей уверенности, что это всего лишь формальность. От учителя не исходит никакой опасности. Господин Миккейн не сделает ему ничего дурного!

Найт кивнул своим мыслям и смело уселся на переднее

пассажирское сидение флайера. Господин Миккейн обошёл машину, сел за штурвал, и через пару минут Найт с жадным интересом таращился на летящие под ним городские пейзажи, прижавшись носом и лбом к толстому прохладному стеклу.

Найту никогда не доводилось смотреть на город с такой высоты. Брокса напоминала коллаж из склеенных под разными углами кусочков самых разных цветов, форм и текстур — битумные крыши старых зданий, жилых и нежилых, сверкающие стеклянные лоджии пентхаусов, петли и изгибы автострад, крохотные зелёные клочки оранжерей. И это всё то подскакивало к флайеру, едва не царапая его днище, то проваливалось далеко вниз.

Наконец флайер обогнул высокий многоквартирный дом, построенный прямо на земле, а не на опорах второго уровня, как и подавляющее большинство массивных построек в Броксе. Небоскрёб цилиндрической формы имел несколько выходов на «земляной» и первый, то есть по факту второй, уровни, а также промежуточную парковку для флайеров, расположенную на уровне «экватора» здания. Господин Миккейн воспользовался той парковочной площадкой, что располагалась на крыше. Затем, выбравшись из машины и подождав Найта, провёл его к дверям пассажирского лифта, и вместе с ним спустился всего на пару этажей. Преподаватель истории в Академии мог себе позволить жильё на такой высоте.

Найт стоял за спиной учителя, пока тот открывал комбинированный замок своей квартиры, и всё сильнее чувствовал, что не должен был соглашаться ехать сюда.

— Прошу! — широким жестом пригласил господин Миккейн, когда тяжёлая бронированная дверь медленно приоткрылась.

Найт осторожно, как кот, переступил порог и широко раскрыл рот в изумлённом вздохе, совсем забыв о приличиях.

Он не привык к подобному интерьеру жилых помещений. Мальчик рос на женской половине дома своего отца, увитой шелками и легчайшими драпировками. Там царил полупрозрачный стеклопласт, искусно гранённый замысловатыми узорами, в которых преломлялись и распадались на радужные осколки солнечные лучи. В холле дома господина Миккейна всё было простым до грубоватости и при этом аристократическим. Здесь время как будто прыгнуло на пару веков назад. Найт видел такое лишь на картинках в Сети.

Набивные обои, деревянные — действительно деревянные! — панели, элегантные бра с фигурными плафонами из матового бордового стекла. Пол не покрыт гладким пластиком, а выложен косой «ёлочкой» из деревянных отполированных дощечек. Найт

присел на корточки и потрогал тёплую лакированную поверхность кончиками пальцев. В памяти всплыл термин из исторических очерков о быте XX–XII веков. «Паркет». Впрочем, его придумали вроде бы гораздо раньше.

Господин Миккейн, слегка улыбаясь, тем временем скинул пальто и повесил его на кованую напольную вешалку. Запер дверь и только после этого отвлёк Найта от любования паркетом.

— Это не такая уж редкость. Многие люди, которые могут себе это позволить, заказывают подобное напольное покрытие. Просто этот мир ценит прежде всего функциональность, простоту, удобство эксплуатации. А паркет… Ох, Найт, если бы ты знал, что это за капризная штука — паркет! Его постоянно надо полировать и чистить совершенно особым образом, он не выносит перепадов температур, влажности и покрывается царапинами быстрее, чем стены в неблагополучных районах — неприличными надписями. Думаю, моя жена в тайне мечтает убить меня за то, что я заказал этот пол.

Найт широко распахнул глаза. Разве такое возможно — чтобы биологическая женщина мечтала убить своего хозяина, а он знал об этом и не сдавал опасную самку обратно в Оазис?! Заметив удивление на лице мальчика, господин Миккейн засмеялся и похлопал его по плечу.

— Конечно же, я в переносном смысле. Жена у меня — просто золото… А вот, кстати, и она. Познакомься, дорогая, это Найт, мой ученик. Найт, это моя жена Мона.

Найт рассеянно кивнул, не в силах перестать пялиться совершенно некультурным образом на показавшуюся в холле самочку. В отличие от всех когда-либо виденных им биологических женщин, эта не была укутана в шуршащие и благоухающие прозрачные ткани, гирлянды из крошечных колокольчиков и металлических кругляшков; голову и лицо её не покрывало несколько слоёв вуали; волосы не сверкали нитками бус, удерживающими замысловатую причёску, и не лежали на плечах тяжёлыми волнами; и главное — её лицо было совершенно чистым, без малейшего следа макияжа, без накладных ресниц всех цветов радуги, без крошечных страз, без филигранной росписи вокруг глаз и на висках. Перед Найтом стояло маленькое опрятное создание в чём-то вроде приталенного летнего плаща из мягкой, чуть блестящей ткани. «Платье! — радостно вспомнил Найт. — Это называется „платье“!» На талии платье было перехвачено широким поясом, спереди которого свисал прямоугольный отрез белоснежной материи с рюшами и карманами. Волосы женщины были гладко зачёсаны назад и собраны в тугой пучок. В ушах поблескивали маленькие,

аккуратные серёжки. Эта самочка могла показаться блёклой на фоне райских пташек из гарема Мастера Ирона, но Найт немедленно проникся к ней симпатией и сразу же решил, что она самая красивая на свете.

— Какой милый мальчик! — приятным мягким голосом произнесла Мона, приблизившись. И вдруг встревоженно ахнула, всплеснув руками:

— Что это у тебя, синяк?

Тёплая нежная ладонь легла на лоб Найта.

— Да это я так… — неопределённо пожал плечами мальчик.

— Наверное, дрянные мальчишки тебя в школе обижают? У меня есть одно отличное средство от ушибов и синяков… Ах, заболтала! Проходите, сейчас будем обедать. Дорогой, покажи Найту ванную, пусть вымоет руки с мылом.

— Пойдём, Найт, — сказал господин Миккейн, и они прошагали по узкому коридору к деревянной двери. По дороге Найт рассматривал висящие на стенах картины в тяжёлых фигурных рамах.

— Они сломались? — спросил мальчик.

— Почему это картины должны сломаться? — усмехнулся господин Миккейн.

— Ну… Они не двигаются.

— Они и не должны двигаться. Это же не плазменные панели и не фрактальные пластины. Эти картины остаются такими, какими их нарисовали, навсегда. Конечно, у меня не оригиналы, а всего лишь репродукции. Оригиналы почти все безвозвратно утрачены во время так называемых Тёмных веков после Пыльной Войны. Некоторые уцелели и теперь хранятся в Мунихе, столице Эуро. Некоторые выкуплены Главным Историческим Хранилищем Октополиса, столицы Империи. Иногда голограммы, снятые с этих произведений искусства, демонстрируются широкой публике. Но они не очень-то пользуются успехом. Наверное, по причине того, что эти картины «сломались».

Историк засмеялся. Найт смущённо улыбнулся:

— Но ведь и правда не очень интересно смотреть. Всегда одно и то же.

— Тут важно уметь видеть каждый раз что-то новое в, казалось бы, совершенно знакомом и неизменном изображении. Вот, к примеру, посмотри на эту картину. Это работа, как считается, Леонардо да Винчи, «Мадонна Литта». Принято также считать, что именно с неё началось Высокое Возрождение прошлого. Удивительной судьбы шедевр. Он хранился в музее северной столицы находившегося на месте Империи государства, пока эта столица не погрузилась под воду во времена

послевоенных катаклизмов XXIII–XXIV веков. Но позднее её подняли со дна Эурийского моря, которое образовалось в результате таянья арктических льдов и опущения тектонических платформ. Посмотри, какой удивительно глубокий пейзаж за спиной женщины. Кажется, можно войти в картину и отправиться на прогулку в эти горы. Я просто физически могу ощутить свежесть горного воздуха… Или вот, приглядись. В левой руке младенца птичка щегол, название которой на древнеитальянском удивительно созвучно со словом «кардинал». Это такой церковный сан. Художник лукаво намекает зрителю на то, что в должность кардинала вступил совсем ещё юный мальчик… Я потом как-нибудь объясню, что такое кардинал, сан, церковь и прочее… А вот Бронзино, «Аллегория с Венерой и Амуром». Весьма многозначительная картина. Согласно древнегреческой мифологии, эта женщина является матерью этого мальчика. Практически инцест! Посмотри, как бесстыдно она теребит собственный сосок и как игриво высунула кончик языка. А как завлекающе Амур выставил зад, ты только взгляни на этого маленького негодяя!.. Однако в далёком прошлом не все люди замечали такой откровенно эротический подтекст, загипнотизированные шедевральностью исполнения. Они просто не могли поверить, что гений способен в такой циничной форме поиздеваться над общественной моралью.

Найт почему-то представил, как лезет целоваться к Лилии, содрогнулся от ужаса и покраснел до корней волос.

— Вот я так и знала, что до ванной будете полдня добираться! — высунулась в коридор Мона. — Дорогой, не мучай ребёнка, скорее мойте руки и за стол! Суп стынет. А об искусстве поговорите за послеобеденным чаем.

В ванной всё оказалось столь же непривычно, как и в холле. Казалось бы, ничего необычного по отдельности — кафель, душевая кабинка, раковина, полотенца на изящных крючках. Но всё вместе напоминало те же картинки из Сети, изображающие быт давно минувших довоенных времён.

Тщательно намыливая руки, Найт проговорил негромко:

— Господин Миккейн, вы не обидитесь, если я кое-что скажу?

— Как я могу решить, обижусь или нет, если даже не догадываюсь, о чём ты хочешь спросить?

— Ну… Я просто хотел сказать… Ваша жена такая странная… Она много говорит и указывает вам. И она как-то странно одета.

— Ох, Найт! Если б ты знал, сколько времени я потратил на то, чтобы сделать её такой «странной»! Одно только переучивание с обращения ко мне «мой господин» на «дорогой» отняло не меньше года. А когда я заставлял её одеваться по-человечески, а

не по-павлиньи, она рыдала и пыталась выяснить, чем меня прогневила. Когда я стал принимать участие в воспитании собственного сына, она решила, что я собрался сдать её обратно в Оазис по причине «профнепригодности». И никакому обучению сверх того, что получила в Оазисе, Мона категорически не поддаётся. Любая попытка предложить ей выразить собственное мнение по поводу происходящего в стране или событий прошлого обречена на провал. В лучшем случае она отмахивается, мол, «это ваши мужские дела», а в худшем пугается и убегает.

— Но ведь это и правда противозаконно, — проговорил Найт, наморщив лоб, — биологических женщин запрещено обучать чему бы то ни было.

— Ну не программированию же я её обучаю, в самом деле, и не генной инженерии, — засмеялся господин Миккейн. Потом он посерьёзнел и добавил:

— Я просто хочу, чтобы она думала. Чтобы стала чуть умнее. Но единственное, чему она охотно обучилась из общечеловеческого исторического опыта, это ведение домашнего хозяйства.

— Она и так очень умная! — с жаром воскликнул Найт. — Мона очень складно говорит. И ещё она понимает, что у вас могут возникнуть большие неприятности, если вдруг она научится выражать собственное мнение по поводу истории или политики.

— Хм, что ж, может, ты и прав, Найт, — господин Миккейн повернулся к ученику и широко улыбнулся. — В таком случае давай не требовать от Моны невозможного, а просто насладимся её кулинарными талантами.

Столовая представляла собой небольшое, очень уютное помещение, интерьер которого был выполнен в том же старинном стиле. Если бы не голографический огонёк над каждой пластиковой свечкой и не флайеры, проносящиеся за окном время от времени, Найт решил бы, что провалился во временную дыру, оказавшись в конце доядерной эпохи.

Он сидел напротив учителя за круглым столом, накрытым белоснежной скатертью, вертя головой по сторонам и разглядывая диковинную обстановку. Но вот Мона принесла какую-то странную керамическую ёмкость, похожую на овальный контейнер, и поставила её в центре стола. Приподняла крышку. На волю вырвался умопомрачительно ароматный пар. Пока женщина при помощи половника деловито и ловко наполняла глубокие тарелки мужа и его гостя, Найт безрезультатно силился усмирить голодный желудок, который точно взбесился от запаха горячей пищи, и которому, конечно же, никакие доводы разума не были указом.

Тем временем Мона наполнила тарелку себе и невозмутимо уселась за стол.

В довершении всего господин Миккейн сказал:

— Благодарю, дорогая.

Всё это так изумило Найта, что он даже отвлёкся от вдыхания волшебного аромата. Заметив его смущение, историк мягко усмехнулся:

— Да, да, Найт. «Самка» ест за одним столом вместе с хозяином. В этом доме такие правила. Хотя они, вообще-то, были актуальны несколько веков назад практически повсеместно. По моему скромному мнению, это более правильно, чем считать любовь и уважение к собственной жене извращением вроде зоофилии. Ну, кушай же, остывает.

Он взял ложку и приступил к еде. Найт помедлил, но вскоре последовал его примеру.

Суп был просто волшебным. Не какая-то там полужидкая масса из синтезированного белка с красителями, вкусовыми и витаминными добавками или бульон с кусочками искусственного мяса, как в Академии. Нечто подобное Найту доводилось пробовать только дома. Хозяин города мог позволить себе кормить гарем и отпрысков натуральными продуктами. Правда, приготовление сложных блюд из таких дорогих ингредиентов, как натуральные овощи и мясо, не доверяли даже самой смышлёной самочке. У отца было в обслуге несколько поваров высочайшего класса. Жёны могли лишь смешивать питательные коктейли и красиво оформлять стаканы. Некоторые наиболее одарённые умели делать сложные сэндвичи и салаты. Уплетая суп за обе щёки и только иногда вспоминая о вежливой сдержанности, Найт украдкой поглядывал на Мону. С виду совсем серенькая, но наверняка стоит целое состояние, если это действительно она приготовила такую изумительную вкуснятину.

Едва заметив, что тарелка Найта опустела, Мона потянулась к половнику и крышке супницы:

— Как проголодался, бедняжка! Добавки? В вашей столовой такого наверняка не подают.

Найту стало стыдно за своё обжорство, и он помотал головой:

— Нет-нет, я сыт.

— Я всё же надеюсь, что для второго осталось немного места, — лукаво улыбнулся господин Миккейн, безошибочно определив, что до сытости мальчику ещё далеко.

Мона принесла чистые тарелки, теперь плоские, и на подносе три прямоугольных керамических блюда.

Из первого женщина зачерпнула свежего овощного салата, аккуратно раскладывая его сначала на тарелках мужчин, а затем

на своей. Из второго специальной длинной ложкой ловко поддела истекающие золотистым соком кусочки мяса, которыми полукругом обложила ровненькие горки салата, после чего сдобрила салат подливкой. С третьего блюда Мона подцепила щипчиками прямоугольные коричневые ломтики какого-то странного пористого вещества и уложила их на маленькие блюдечки справа от тарелок.

Найт завороженно любовался движениями Моны, удивительно лёгкими, ловкими и грациозными. Она действовала, казалось, безупречнее робота-сборщика на автоматизированном машиностроительном заводе. Какая изумительная дрессура! Такие самочки наверняка доступны в Оазисах только по предварительному заказу.

— Приятного аппетита, — сказал господин Миккейн, беря нож и вилку. — Правда, натуральное мясо мы покупаем только по праздникам. Но клонированная биомасса в руках Моны превращается в нечто совершенно особенное.

— Мгу! — искренне подтвердил Найт с набитым ртом.

Мона смущённо улыбнулась.

— Вообще, несколько веков назад, — начал господин Миккейн, съев часть салата и небольшой кусочек мяса, — пищевые традиции предков эурийцев и имперцев разнились. В Эуро, то есть тогда ещё Европе, мясо было принято есть с салатом или овощами, а также рисом, а то и кислой капустой. В стране, на большей части территории которой позднее возникла Империя, мясо ели в основном вместе с картофелем, гречневой разваренной крупой или даже с отдельным блюдом из яиц, воды и перемолотых в муку злаков… эммм… как же оно называлось…

— Макароны, — негромко подсказала Мона.

— Точно! — обрадовался господин Миккейн. — Впрочем, на юге Эуро до сих пор сохранилась традиция приготовления похожего блюда с мясным фаршем и соусом из томатов. Спагетти. Мона умеет их готовить.

Женщина зарделась, точно услышала самую лестную похвалу.

— Мне почему-то больше нравится традиция сочетать мясо с овощами, — продолжал историк, работая ножом. — Хм… Наверное, потому что во мне больше эурийской крови. Но вот что я хм… позаимствовал у предков русийцев и шамбалийцев — это хлеб.

Он взял с блюда кусочек того самого странного пористого вещества. Разломил пополам и откусил небольшой кусочек, словно в задумчивости. Жестом предложил Найту угоститься. Мальчик послушно взял один кусочек и себе. Откусил, замер и принялся медленно, вдумчиво жевать, прислушиваясь к своим

ощущениям. На вкус это было нечто непривычное. Чуть солоноватое, почти нейтральное по вкусу, с каким-то нематериальным внутренним теплом.

— Это… удивительно, — прошептал мальчик.

Историк просиял.

— Когда-то это был самый простой и самый необходимый продукт в культуре наших предков. Доподлинно неизвестно, но есть мнение, что исчезнувшие монголоидная и негроидная расы не придавали хлебу такого значения. Наши же предки и предки русийцев употребляли хлеб практически с любой пищей, особенно этим славились русские. К хлебу у них было практически сакральное отношение. «Плох обед, коли хлеба нет», «Каша — матушка наша, а хлебец ржаной — отец наш родной», «Без хлеба куска везде тоска», «Не трудиться — хлеба не добиться», наконец, «Хлеб всему голова» и многое другое — такие бытовали в их обществе поговорки. Хлебом называли не просто блюдо, а любую пищу, саму жизнь. «Хлеб наш насущный даждь нам днесь», — говорили они, обращая взоры к небесам.

— И… и что, хлеб с неба падал? — рискнул задать вопрос Найт.

— Нет, что ты! — засмеялся господин Миккейн. — Это они так молились.

Найт нахмурился. Он решительно ничего не понимал. Молиться — это значит готовиться к смерти, глядя в глаза своему будущему убийце. Те так и приказывают обычно: «А теперь молись». При чём тут русийцы, их предки, хлеб и небеса?

— Дорогой, ты совсем запутал мальчика, — Мона прикоснулась к ладони хозяина. — Дай ему доесть спокойно. А потом всё подробно объяснишь ему в гостиной, за чаем.

Господин Миккейн улыбнулся ей в ответ и последовал совету.

Глава 11

Через полчаса мужчина и мальчик сидели в удобных креслах в большом помещении, стены которого были оклеены узорчатой бумагой или тканью — Найт никак не мог разобрать. Высокие окна были задрапированы тяжёлыми портьерами, никаких жалюзи или матовых стеклопластиковых панелей. Оба кресла располагались перед самым настоящим камином, между ними красовался маленький столик из натурального дерева. Хотя не исключено, что и из удивительно качественной имитации этого природного материала. У стен стояли высокие стеллажи со старинными книгами. Просто невероятное количество — не меньше пяти десятков! На стенах висели такие же картины, как и в коридоре, ведущем в ванную.

Господин Миккейн дал Найту время вдоволь поразглядывать диковины. Потом Мона принесла ароматный чай в маленьких чашечках, блюдце с пастилой и крекерами, а сама уселась в уголке на диванчике и принялась вязать что-то, судя по уже вполне угадывающейся форме — свитер. Найт уставился на неё. Он никогда не мог предположить, что вязать можно руками, а не задавать программу для автомата. Мона почувствовала взгляд, подняла глаза и улыбнулась. Найт поспешно отвернулся. Смотреть на чужую самку невежливо и вообще предосудительно!

Господин Миккейн вдруг нарушил тишину:

— Я заметил, ты очень хорошо воспитан, Найт. Редкое качество для мальчика, обучающегося на Боевом отделении. Признаться, я был удивлён твоими манерами. Кто научил тебя этикету?

Найт напрягся и с усилием проговорил после паузы:

— Один… добрый человек.

— А разве он не рассказал тебе про искусство прошлого? Ты смотришь на картины так, будто видишь их впервые.

— Это так, — кивнул Найт. — Мой… опекун не посчитал нужным обучить меня азам истории.

— Странно, — покачал головой историк, отхлёбывая из чашечки. — Впрочем, этот пробел твоего образования могу восполнить и я. Конечно, если хочешь.

— О, господин учитель, конечно же, хочу! — воскликнул Найт.

— Что ж, выбирай, о чём ты хочешь узнать в первую очередь? — господин Миккейн жестом указал на картины и фотографии на стенах.

Найт растерялся, протягивая руку то к одной картине, то к

другой, приоткрывая рот, но тут же поворачивался в другую сторону. Ему очень хотелось узнать сразу всё обо всех этих артефактах прошлого.

— Ты не последний раз у меня в гостях, Найт, — заверил господин Миккейн, — так что постепенно ты узнаешь что-то о каждом из этих произведений искусства.

— Ну тогда… Ммм… Вот эта.

— Хм, — господин Миккейн поставил чашку на столик и скрестил на груди руки. — Интересный выбор. Впрочем, не удивительный для будущего киборга. Итак, художник начала-середины XX века доядерной эпохи Отто Дикс и его масштабное полотно, полиптих под общим названием «Война». Подобно средневековым многостворчатым алтарям, он написан на дереве. С одной стороны, изображённое на картине очень реалистично, а с другой — очень символично, что роднит Дикса со знаменитым художником-мистиком ещё более отдалённого прошлого — Иеронимусом Босхом. В центральной части «Войны» изображено как будто царство смерти. Справа марширующие солдаты кажутся призраками, мы можем догадаться, что художник хотел сказать: «Они обречены на гибель». Над ними уже реет призрак смерти. Может быть, он изображён в виде вот этого трупа, повисшего на колючей проволоке. Смотри, он как будто летит над полем, усеянным мёртвыми телами. В нижней части вповалку лежат всё те же мертвецы. Как итог, как черта, которую подводит война под человеческой жизнью. Всё это художник видел и переживал лично. Он участвовал в войне, и она навсегда изменила его.

— Страшно… — прошептал Найт после паузы. — Неужели он пережил Пыльную Войну?

— Нет, что ты! Отто Дикс жил за три столетия до её начала. Это полотно было написано в промежутке между Первой и Второй мировыми войнами. Человечество считало, что ничего страшнее уже не произойдёт. Развязав Пыльную Войну, оно поняло, что ошибалось. Сейчас вряд ли случится что-то столь же масштабное и разрушительное. Человечество напугано до чёртиков. Рискну предположить, что оно наконец-то чему-то научилось.

Найт медленно кивнул. Потом выбрал совсем мирную, хоть и простенькую, картину.

— Леонардо да Винчи, — нараспев произнёс историк, и звуки диковинного древнего имени показались Найту настоящей музыкой. — Его знаменитая «Мона Лиза» или «Джоконда». Пожалуй, одна из самых загадочных картин прошлого. Вокруг неё родилось множество легенд. Например, существовало мнение, что на картине изображён юный ученик (многие говорили — «любовник») Леонардо, или что это своеобразный автопортрет

художника, или что у дамы были очень плохие зубы, потому-то она и улыбается так сдержанно. А ещё взгляд Моны Лизы всегда направлен на зрителя, с какой бы стороны он не подошёл к картине. И это более чем за половину тысячелетия до изобретения голограмм!

Найт встал, подошёл к картине и некоторое время так и эдак крутился рядом с ней, приседал, подпрыгивал. Потом повернулся и воскликнул, широко улыбаясь:

— Правда! Она смотрит на меня, как голограмма, что бы я ни делал… А вот это нарисовал тоже Леонардо?

— Нет, это уже другой гений его эпохи, Микеланджело. Это фотоснимок фрески на потолке Сикстинской капеллы — «Сотворение Адама». Вместе с этой самой капеллой шедевр, к сожалению, утрачен во время Пыльной Войны. Наверняка это было величественное зрелище. Только представь себе: ты поднимаешь голову и видишь зарождение разума на Земле. Создание Богом первого Человека. А этот жест — лёгкое касание рук персонажей картины — показывает вечную незримую связь Человека с Богом.

— А кто такой Бог? — простодушно спросил Найт. — Какой-то биолог? Генный инженер?

— В какой-то степени да, — усмехнулся господин Миккейн. — Пожалуй, это величайший инженер всех времён и народов. Я расскажу тебе о нём как-нибудь в другой раз, если захочешь. Это разговор не на одну встречу.

Найт послушно кивнул и медленно прошёлся вдоль стены, разглядывая картины. Из сотен глаз на него с интересом смотрело само Время, молчаливое и не понятое никем, только медиумами, подобными господину Миккейну.

— А вот это нарисовал тоже Леонардо? — спросил Найт, осторожно прикасаясь к совсем небольшой застеклённой фотографии, на которой был запечатлён мужчина с четырьмя руками и ногами.

— Да, это репродукция его рисунка. «Витрувианский человек». Тот самый, с которым я тебя сравнил на первой лекции.

— Значит, это — образец Человека? — полушёпотом спросил Найт, разглядывая рисунок. Мужчина с суровым лицом как будто бы имел по две пары конечностей, одна из которых была прозрачной. Если представить, что изображены две позиции одного и того же тела, то с разведёнными в стороны руками Человек вписывался в квадрат, а с ногами, расставленными на ширину плеч, — в круг.

— Скорее, это образец классических пропорций. В соответствии с сопроводительными записями Леонардо, этот

рисунок был создан для определения пропорций человеческого тела, как оно описано в трактатах античного архитектора Витрувия. Этот рисунок многими рассматривался как символ внутренней симметрии человеческого тела и Вселенной в целом. Он является одновременно научным трудом и произведением искусства.

Господин Миккейн встал и приблизился к Найту.

— В прошлом искусство зачастую было частью науки. Сейчас оно стало разделом истории. Старое, доядерное искусство. У нас нет своего искусства, только медиа. Реклама, беспредметные видеоролики, голографические миксы, развлекательные и новостные видеоблоги в Сети, диджейские сеты, клубные танцы. Вряд ли последующие поколения будут так же тщательно разбирать их, как мы разбираем сейчас эти старинные картины. И в условиях Сети, в которой скорее запомнят название ролика, чем его автора, вряд ли сохранятся имена мастеров. Да и кого можно считать истинным художником, если всю работу делают программы? Каждый может творить. Искусство обесценилось, стало массовым развлечением. Безымянным, без всплесков гениальности. Только со счётчиком просмотров.

— Значит, — произнёс Найт, — от нашего мира ничего не останется?

— Что-то всегда остаётся, — мягко улыбнулся господин Миккейн. — Давай не будем о грустном. Как тебе эта картина? Забавно ведь, как часто в прошлом изображали женщин…

Они разговаривали ещё очень долго, пока Найт не задремал, свернувшись калачиком в кресле. Сытная еда, тепло и доброжелательная атмосфера разморили его.

Но вдруг посреди какого-то светлого и приятного сна точно выросли мотки колючей проволоки. Ощущение холодной шершавой лавки, упиравшейся в рёбра, чужие жёсткие пальцы, вцепившиеся в волосы и терзающие его тело. Вдруг всё исчезло — и Найт увидел, как Дэл раскидывает в стороны его обидчиков. Только, как это часто бывает во сне, он отличался от себя реального необыкновенной красотой и силой, он даже казался старше. И вот он повернулся к спасённому мальчишке и улыбнулся, как Мона Лиза.

Найт открыл глаза, сладко потянувшись, и обнаружил себя лежащим на диване, на котором совсем недавно Мона вязала свитер.

Сейчас в гостиной никого не было. Только молчаливо наблюдали за ним картины.

Найту стало стыдно, что он так злоупотребляет гостеприимством учителя. Быстро поднявшись и пригладив

волосы, Найт как можно тише и незаметнее покинул комнату.

Но на пороге квартиры его окликнула Мона:

— Вы уже уходите, молодой господин? Может быть, позавтракаете?

— Нет, спасибо, — Найт был несколько удивлён тем, как изменилась манера общения Моны. Теперь она ничем не отличалась от обитательниц гарема его отца. Разве что внешним видом — всё таким же серењким.

— Господин Миккейн уже уехал?

— Да, переложил вас на диван и приказал вас не будить.

— Вот чёрт! Я наверняка проспал всё на свете! — Найт кинулся в холл и стал торопливо одеваться.

— Простите меня, молодой господин! Но мне хозяин приказал вас не будить! — сокрушённо заголосила женщина.

Найт повернулся к ней и сказал успокаивающим тоном:

— Всё в порядке, Мона, я не сержусь.

— О… Благодарю вас, молодой господин!

— Мона… — произнёс Найт негромко, — что с тобой? Вчера ты вела себя совсем иначе.

— Мой хозяин требует, чтобы я так себя вела. Я стараюсь угодить ему, не то он сдаст меня обратно в Оазис…

Найт помолчал, потом уверенно заявил:

— Господин Миккейн не сдаст. Когда он вернётся, передай ему, пожалуйста, мою благодарность за гостеприимство. И тебе тоже большое спасибо за угощение.

Он улыбнулся, но на лице Моны отразилась растерянность, почти испуг.

Найт вышел из квартиры и поспешил к ближайшему транспортному терминалу.

Однако вечером мальчик вернулся вместе с учителем к нему домой. Господин Миккейн остановил его в коридоре после лекции и напомнил, что уговор был не на один вечер.

До самых летних экзаменов Найт фактически жил у своего учителя, почти не видясь с однокурсниками. Он только краем уха слышал, что Ка похлопотал, поднял нужные связи, и Бофи перевели в другой блок, а Грайда вроде бы близнецы отделали так, что он надолго забыл о приставаниях к другим мальчишкам.

Постепенно воспоминания о происшествии в раздевалке стёрлись из памяти Найта. Он блестяще сдал экзамены и перешёл на четвёртый курс.

Лишь одно осталось в голове Найта — смуглый, яркий Делейт Лебэн, спасающий его от Грайда. Образ этого колючего буки никак не хотел покидать воспоминаний альбиноса. Постепенно воображение добавляло Делейту новые черты,

превращая его из агрессивного задиры в смелого, благородного, сильного героя.

И вот, на четырнадцатом году жизни Найт осознал, что впервые влюбился.

Глава 12

Найт был так увлечён просмотром новой диковины — старинных записей музыки и танцев доядерной эпохи, что даже вздрогнул, когда в прихожей господина Миккейна раздалась мелодичная трель звонка.

— Мона, кто там? — историк высунулся из комнаты.

— Это к тебе, дорогой, — Мона почему-то была бледна и несколько растеряна.

Найт заволновался, но учитель похлопал его по плечу, успокаивая, и вышел из комнаты.

В холле, чуждый всему окружению, стоял киборг — генерал Агласис Шибта. Сейчас он был в штатском — средней длины френч, брюки вместо галифе, высокие сапоги, перчатки. Но господин Миккейн не обманывался этим «мирным» видом.

— Добрый вечер, господин генерал, — спокойно и вежливо поприветствовал гостя хозяин дома. — Проходите, не откажитесь от чая.

— Добрый вечер, господин учитель. Благодарю, но я по одному очень неоднозначному вопросу. Нас не должны слышать.

— В таком случае пройдёмте ко мне в кабинет.

Через минуту они оба сидели на диване в небольшом помещении, заставленном деревянными книжными шкафами, на столе дымились две чашки чая, к которым никто не притронулся.

— Я начну с сути и постараюсь говорить кратко, — произнёс генерал. — Вы, вне всякого сомнения, выдающийся преподаватель, один из лучших в Империи. Но в последнее время о вашем недопустимом поведении столько кривотолков, что они дошли даже до меня.

Господин Миккейн снял очки, медленно протёр их фланелевым платочком и, надевая обратно, проговорил:

— Я не вполне понимаю вас… В последнее время я не нарушал никаких правил и даже лекции стал вести наиболее приближенно к программе. Так сказать, убрал «отсебятину», как изволила выразиться дирекция Академии.

— Это не связано с вашей профессиональной деятельностью, — мотнул головой киборг и, зачем-то оглянувшись на плотно запертую дверь, проговорил тише:

— Это касается вопросов морали.

По лицу историка не сложно было догадаться, что он до сих пор ничего не понял.

Вздохнув, генерал заявил напрямик:

— Ваши… эммм… отношения с неким Найтом, курсантом

младшей ступени Боевого отделения. Мальчику ведь нет даже пятнадцати!

— И что? Вы считаете, что четырнадцатилетний подросток не в состоянии усвоить некоторые дополнительные сведения об истории страны и мира? — и тут вдруг до господина Миккейна дошло. Он рассмеялся. — Ах, простите, кажется, понимаю, какие такие отношения вы имеете в виду. Боже мой, это же надо было додуматься!

Пока господин Миккейн смеялся, потирая переносицу, киборг молчаливо ждал.

— Я могу заверить вас, господин генерал, — отсмеявшись, сказал историк серьёзным тоном, — что с Найтом меня связывают только отношения «учитель-ученик», но никак не что-то порочащее честь Академии. Могу даже согласиться на процедуру нейросканирования, если это вас убедит лучше.

Генерал помолчал.

— Поймите, господин Миккейн, дыма без огня не бывает. Мальчик фактически живёт у вас. Вы выказываете ему особое расположение. Многие видели…

— Что видели? Что я кладу руку ему на плечо или глажу по голове? Боже, ведь это же просто обычные отеческие жесты! — воскликнул историк. — Найт напоминает мне меня в юности. Мой родной сын ещё слишком мал и находится сейчас далеко от дома, в интернате столицы. Я его практически не вижу — причём это не моё решение, а правила учебного заведения. Немудрено, что я нашёл себе достойного воспитанника. Найт — исключительный умница, и я, признаться, заранее скорблю о его участи. Ему не киборгом бы стать, а управленцем или, ещё лучше, учёным. А у тех, кто распускает грязные слухи, один секс на уме. Весь этот мир просто помешан на сексе. И людям гораздо проще и приятнее поверить в педофилию, чем в передачу опыта от старшего младшему. Ну… ну как в Античности!

— Я тоже изучал историю в Академии, — глухо отозвался генерал. — Вы привели не вполне удачный пример. Вспомните, что ещё связывало учителей и учеников в античные времена…

— Да, пожалуй, и правда неудачный пример, — нервно усмехнулся историк.

— То, что Найт демонстрирует более высокие интеллектуальные способности, чем требуется на его курсе и отделении, ещё не говорит о том, что он растрачивает жизнь впустую. Киборг тоже может уметь не только разносить противников в клочья, но и думать, — с достоинством продолжил генерал. — Этот мальчик вырастет киборгом. У него нет иной дороги.

— Жаль. Действительно жаль, — вздохнул господин Миккейн.

— И я всё-таки рискну напомнить вам о приличиях. Не сочтите оскорблением. Я могу вам поверить, как взрослый разумный человек взрослому разумному человеку. Но общественность… И… и другие дети… Понимаете… мне осталось недолго. Через два года, если вдруг не погибну при каких-нибудь обстоятельствах, за мной придут Стиратели. И я больше не смогу следить за судьбой Найта. Я не хочу оставлять его совсем одного, беззащитного перед толпой злобных малолеток, которые будут тыкать в него пальцами и жестоко дразнить. Хватило и того случая, о котором Академия до сих пор судачит на все лады… На счастье этого Грайда, я был в отъезде. Иначе я не знаю, что бы я сделал! Вы же можете вызвать новую волну враждебности. Поймите, всё выглядит именно так, будто вы совратили мальчика.

Господин Миккейн выслушал всё спокойно и внимательно. Помотал головой.

— Я его пальцем не тронул.

— Верю. Но прошу вас перестать так открыто демонстрировать ему своё расположение. Пусть мальчик вернётся обратно в общежитие, пусть будет как все.

— Он никогда не будет как все.

— Пусть хотя бы попытается.

— У него не получится.

— Вы хотите сломать ему жизнь? — резко спросил господин Шибта.

— Жизнь ему сломал его высокопоставленный отец, упрятавший сына в Академию, с глаз долой, от себя подальше, чтобы не дискредитировать себя… «уродцем»! — вдруг вспылил историк. — И с его стороны очень недостойно запрещать сыну носить свою фамилию!

— Найт не должен называть фамилии отца, — напряжённо проговорил киборг.

— Что же это за фамилия такая? Уж не И…

Генерал метнулся вперёд, прижав широкую пятерню ко рту господина Миккейна. Тот замер, вытаращившись на так молниеносно оказавшегося рядом киборга.

— Простите… — убрал руку тот.

— Эта ваша паранойя, — покачал головой историк. — Уверяю вас, в моём кабинете нет жучков и камер наблюдения. Вам надо научиться дышать чуть свободнее.

— Мы все давно забыли, что такое свобода, — генерал отступил на шаг. — Прощайте, господин Миккейн. И прошу

прощения за те мои слова, что могли ненароком оскорбить вас.

Он чётко склонил голову и прошагал к выходу. Господин Миккейн поспешил следом, чтобы проводить гостя согласно этикету. Но генерал уже покинул квартиру и прикрыл за собой дверь.

Мона смотрела на мужа перепуганными глазами, робко притаившись за расписной деревянной ширмой. Господин Миккейн ободряюще улыбнулся ей и сказал:

— Всё в порядке, дорогая.

С этими словами он вернулся к Найту, который всё так же сидел на полу перед огромным плоским экраном, на котором, слегка вздрагивая от помех, возникших при перегонке старинного формата в современный, танцевали крошечные человеческие фигурки — вроде бы женские — в белых одеждах и диковинных юбках.

— Собственно, это и есть классика, — сказал господин Миккейн, привалившись плечом к дверному косяку, — а вовсе не та музыка, что сохранилась с XXII–XXIII веков.

— Сейчас так не танцуют, — Найт задумчиво следил за тонкими ножками, опиравшимися на самые кончики носочков.

— Тебе нравится?

— Мне больше всего вот это понравилось, — Найт быстро провёл ладонью над чувствительной панелью в углу экрана. Всплыло меню. Спустя несколько манипуляций запустился проигрыватель аудиофайлов. Разумеется, старая запись не могла сравниться по чистоте и качеству звука, по сбалансированности частот и глубине басов с современными сетами самого захудалого диджея из самого затрапезного клуба. Но необыкновенная динамика, стремительность, взрывная, нервная мелодия, которая налетала, словно ледяной ветер, и стихала — всё это поразило Найта до глубины души.

— Зима, — задумчиво произнёс господин Миккейн.

— М? — повернулся к нему Найт.

— Антонио Вивальди, «Времена года. Зима».

— Да. Зима, — проговорил Найт, снова повернувшись к чёрному экрану, на котором мерцал список воспроизведения. Древние музыканты имели б***о***льшую власть над звуком, чем современные. Тогда, много веков назад, люди умели облекать в музыку движения души, дыхание природы, свои мысли, страхи и мечты.

— Найт, — господин Миккейн присел на корточки перед Найтом и взял его за руку. — Нам нужно договориться кое о чём.

Альбинос смотрел на него во все глаза, приготовившись ловить каждое слово, от напряжения лёгкое косоглазие даже

стало чуть заметнее, и учитель увидел в его взгляде притаившийся страх. Никому не нужный, брошенный ребёнок, который наконец-то нашёл пристанище. И пусть этот «ребёнок» уже сейчас почти одного роста со своим учителем, а постоянные тренировки и инъекции, моделирующие мышечную массу, превратили тщедушного болезненного подростка в стройного, мускулистого юношу, который может вызывать скорее восхищение, чем жалость, всё же господину Миккейну стало жаль Найта, но он нашёл в себе силы сказать:

— Давай ты будешь приходить ко мне не каждый день, а строго по субботам?

— Ох, конечно же, я и так злоупотребляю вашим гостеприимством! — Найт вскочил было на ноги, собравшись немедленно распрощаться, но учитель жестом остановил его:

— Я не гоню тебя, если хочешь, заночуй сегодня в комнате моего сына, как обычно. Это просто на будущее.

— Благодарю вас, господин учитель, — широко улыбнулся мальчик.

Господин Миккейн кивнул и встал. Потом постоял рядом с учеником, пока тот, не отрываясь, смотрел на танец маленьких лебедей. И незаметно вышел.

Глава 13

— О! Кто почтил нас, смертных, своим присутствием! — широко развёл руки в стороны Делейт, когда Найт переступил порог спальни пятого блока. Сердце альбиноса вздрогнуло и затрепетало: он решил, что Дэл раскрыл объятия. Но это была просто шутка, ёрничанье.

— Нагулялся, ваше высочество? — продолжал Делейт, плюхнувшись на кровать и заложив руки за голову. — Да только ты так долго в общаге не появлялся, что не в курсе последних событий. Пятый блок поредел немного после лета, и теперь нас наконец-то распределили по возрасту. В этой спальне одна мелюзга. А тебе в соседнюю. Ты у нас теперь большой. Четверокурсник!

Найт продолжал мяться на пороге, теребя лямки казённого матерчатого рюкзачка. Теперь он заметил, что в помещении и правда не было никого старше двенадцати лет. Попалось даже несколько совершенно незнакомых лиц — первокурсники этого года.

В образовавшуюся паузу к Найту подскочил Биффант Худжин, только что вышедший из душа, крепко обнял его и радостно воскликнул:

— Ура! Ты вернулся!

— Ненадолго, — к Найту приблизился Тод. — Ну, чего встал-то? Тебе в соседнюю спальню.

Найт посмотрел поверх его головы на Делейта, но тот таращился в потолок, как будто ничего интереснее в жизни не видел. Найт удручённо вздохнул, потрепал Биффанта по голове, отвернулся и ушёл.

В соседней спальне, в шестом блоке, Найту оказался знаком только Ка, поприветствовавший его лёгким кивком и нейтральной улыбкой. Близнецы Чейз и Долори остались в пятом блоке.

Найт поздоровался со всеми присутствующими, затем спокойно прошагал к одной из свободных коек и стал складывать в тумбочку своё немудрящее имущество. Он вёл себя не в пример увереннее, чем при поступлении в Академию. Казалось, это случилось сто лет назад.

— Ты, кстати, в госпиталь заходил? — спросил Ка, отложив книгу.

— Нет, а зачем? Со мной всё в порядке.

— А, ну да. Ты не в курсе, прогульщик. С будущей недели вшивки начинаются. Надо пройти обследование. Или ты забыл, что учишься на Боевом?

Найт сглотнул. Ему показалось, что его жизнь приближается к крутому повороту. После этого поворота ничего не будет как прежде.

— Спасибо за напоминание, я обязательно схожу.

Вдохнув, Найт взял кабель и отправился в мнемотеку. Ему хотелось немного привести мысли в порядок. В этом ему помогало трёхмерное моделирование, которому он успел научиться во время незапланированных «каникул» в доме господина Миккейна.

* * *

Стандартные вшивки производятся за счёт государства, и курсант не имеет права выбора, для всех «первый набор» един. Это уберегало излишне горячных юношей от операций, которые их организм, пока ещё слабо приспособленный, мог попросту не вынести. Самыми первыми вшивались нейроблокираторы, помогавшие лучше переносить боль от будущих имплантатов и перегрузок, затем наступал черёд оптимизаторов памяти, чувств и скорости мыслительных процессов, постепенно вшивались более и более объёмные мнемокарты, а также мнемопорты, обеспечивающие наиболее эффективное управление компьютером и оперирование полученной информацией.

В среднем к пятому-шестому курсам мальчики получали также несколько стандартных имплантатов боевой группы, что превращало их уже на 70 % в машины и давало право называться киборгами. Но чёрную полоску на нижней губе — спрессованный штрих-код — ставили уже при самой первой, собственно «киборгской» операции.

Найт стоял перед зеркалом в светлой, просторной палате, в которой кроме него дожидались своей очереди ещё несколько мальчишек-тринадцатилеток, и задумчиво рисовал себе «знак киборга» где-то раздобытым маркером. Казалось, от этой простой линии меняется всё лицо. Полоска. Всего лишь полоска! Её вид гипнотизировал. В зеркале как будто кто-то другой.

Остальные будущие киборги вели себя более возбуждённо. Они наперебой хвалились своими вшивками тяжёлой группы, которых не было ещё и в помине. Каждый представлял, как круто он «вошьётся», и как мало в нём останется от человека, и как все будут тыкать пальцем в его сторону и восхищённо вздыхать (а то ещё и дрожать при этом): «Смотрите, это же киборг!»

В одной палате находились как четверокурсники, так и третьекурсники. Согласно правилам и установленным

стандартам, вшивки производились в зависимости от возраста, а не от курса. Всем мальчикам исполнилось полных тринадцать лет. А тринадцать подчас исполнялось третьекурсникам в самом начале учебного года (при переводе на каждый последующий курс учитывалось, сколько полных лет исполнилось мальчику на начало учебного года). Если бы Найт поступил в Академию в десять, то его точно так же «вшивали» бы на третьем. Но третий он «перепрыгнул». Тринадцать ему было фактически на втором. Если бы не его адаптация, то Найт стал бы первым «вшитым» второкурсником за всю историю Академии Броксы.

Впрочем, и без этого уникальности Найту хватало. В палате многие были о нём наслышаны, хотя знакомых лиц мальчик не увидел. Некоторые называли его «достопримечательностью» — не так давно бытовавшей кличкой. Найту чудилось, что он может физически ощутить любопытные взгляды.

Через равный промежуток времени молодой медбрат (Найт узнал его, именно этот человек ставил ему капельницу зимой, спасая от анафилактического шока) заходил в палату, вызывал очередного мальчика и уходил с ним. Что-то было пугающее в этом, хотя оставшиеся прекрасно понимали: сокурсников после операции переводят в другую палату. Никто не мог припомнить, были ли в ближайшее время случаи неудачных операций по вживлению блокираторов. Всем хотелось верить, что таких случаев не было и не будет.

Очередь Найта наступила, казалось, через целую вечность, хотя на самом деле — через пару часов. Медбрат вызвал его без фамилии: «Найт», — и, положив руку ему на плечо, увёл по узкому светлому коридору в небольшую стерильную операционную.

Блокираторы, маленькие псевдоорганические чипы, вживлялись под общим наркозом в определённые участки мозга через крошечные отверстия, просверленные в черепной коробке. Операция считалась такой же простой, как удаление аппендицита, но всё же молодым кибербиологам её не доверяли. Как-никак, воздействие на мозг.

Когда Найт вошёл в операционную, господин Торроф, прибывший из столицы кибербиолог, тщательно протирал руки дезинфицирующим составом. Это был серьёзный, широкий и коренастый мужчина с аккуратной, частично седой бородкой. Под пронзительным взглядом его зеленовато-серых глаз мальчик немного оробел.

— Садитесь, молодой человек, — сурово произнёс кибербиолог, кивнув в сторону операционного кресла. — Когда вы очнётесь, то больше не будете человеком.

Последнее, скорее всего, следовало воспринимать как шутку, Найт бледно улыбнулся, послушно садясь. Ему вдруг стало по-настоящему страшно. Затылки и макушки мальчикам обрили ещё в палате, оставив «чубы», которые некоторое время ещё будут красочно свидетельствовать о произошедшей перемене, и прикосновение холодных, затянутых в тончайший латекс пальцев к голой коже заставляло Найта содрогаться всем телом.

Хирург деловито обмазывал нужные участки головы Найта специальным дезинфицирующим составом, в то время как молчаливый ассистент делал пациенту внутривенный укол тремя различными препаратами, постепенно успокаивая нервную деятельность мозга и погружая его в состояние, близкое к глубокому обмороку. Заметив, как Найт взволнованно раздувает ноздри, медбрат украдкой подмигнул ему. Найт слабо улыбнулся в ответ и закатил глаза, уже почти не чувствуя, как в его трахею вставляют трубку, соединённую с помпой, нагнетающей воздух в лёгкие.

* * *

Из госпиталя Найт выписался в день своего рождения.

В большом окне общего холла, в который когда-то врезался флайер господина Миккейна, в пелене промозглого осеннего дождя плыл серым миражом город, переливаясь вечерними огнями и рекламами. Солнце ещё не село и недобро поглядывало из-под навалившихся туч на лежащий внизу мир. Ллойд Мах проворно снимал заживляющие пластыри с голов мальчишек при помощи специального раствора.

— Ну, губошлёпы, — смешливо обратился он к юным киборгам, губы которых действительно чуть припухли от нанесения штрихкода, — с почином. Теперь увидимся через полгода, когда оптимизаторы вшивать будем. Бегите уж, хвастайтесь полосками.

Мальчишки с радостным гиканьем ринулись в широкий коридор-переход между башнями госпиталя и учебного корпуса. Всем действительно хотелось похвастаться перед малышнёй своей полоской на нижней губе.

Найт признал за собой такое же желание. Но ему хватило бы, чтобы только один-единственный человек сказал: «Да. Круто». Но этот человек наверняка лишь фыркнет и усмехнётся, сунув кулаки в карманы комбинезона, и ничего подобного не скажет.

* * *

— Да точно, я тебе говорю, — заговорщическим шёпотом прошипел Тод, наклонившись к Делейту через стол. — Мыш с тебя млеет и тает. Это так заметно, почему ты не замечаешь? Всё Боевое уже ржёт по-тихой.

— Чего? — не расслышал Делейт, продолжая хлебать суп.

В столовой было шумно, Тоду пришлось повысить голос. Тод подружился с Делейтом, признавал его верховенство и опасно балансировал на грани между «приятелем» и «шестёркой». И в раздувании сплетен о Найте едва не переступил эту грань.

Однажды он увидел, как Найт и Делейт негромко разговаривали в полупустой мнемотеке. Что-то дёрнуло Тода изнутри. Словно прошлись наждачной бумагой между лопатками. Вместо того чтобы незаметно скрыться, Тод как ни в чём не бывало прошёлся мимо и ехидно бросил:

— Воркуете, голубки?

— Иди ты! — рявкнул Делейт и легонько пихнул его в плечо. Найт, вздрогнув, точно его разбудили ведром холодной воды, выбежал из мнемотеки.

— Да чего ты, Дэл? — воскликнул Тод. — Вон, смотри, как подорвался! И что скажешь, я не прав?

Делейт проводил Найта взглядом и поджал губы, задумчиво прищурившись.

* * *

Под одеялом было тепло. Мерцал экран мини-ноута, взятого напрокат у одного из сокурсников. На собственный пока не хватало, хоть мальчикам, начиная с тринадцати лет, и выплачивали минимальную стипендию. Найту казалось, что он попал в волшебную пещеру, в которой он в полной безопасности. На экране вертелся каркас сложной снежинки. То и дело Найт что-то поправлял в программе, переносил точки изображения в память виртуального голографического генератора. Позже его можно будет подключить к настоящему, физическому генератору. Только где бы его взять? Вздохнув, Найт потёр переносицу и решил немного отвлечься от снежинки. Открыл несколько следующих файлов, объединил их. На экране появилось грубо слепленное из простейших геометрических фигур лицо, в котором при определённой фантазии можно было узнать Делейта Лебэна. Найт положил подбородок на руки и протяжно вздохнул, мечтательно улыбнувшись.

Когда его тихонько ткнули пальцем в плечо, Найт едва не подпрыгнул. Он судорожно закрыл программу и только после

этого выпутался из одеяла. Рядом с кроватью стоял Ка.

— Хех… Кто что под одеялом делает, — усмехнулся он. — Ты бы спать лучше укладывался. Завтра тесты по стрельбе. Или ты совсем забыл со своим Чёрным?

— Ой, а ведь точно! — спохватился Найт, пропустив подшучивания мимо ушей. Он действительно забыл. Именно из-за своего Чёрного, как называли Дэла из-за необычного цвета волос и глаз, а также из-за смуглой кожи.

Найт наскоро выключил ноут, сунул его под подушку и плюхнулся на спину, вытянув руки по швам. Ка усмехнулся.

— Хе. Ну, спокойной ночи, что ли.

— Спокойной ночи, — отозвался Найт, не открывая глаз.

Глава 14

Наутро все курсы со второго по восьмой сдавали нормативы по стрельбе. Выпускной, девятый, сдавал отдельно. Курсы были распределены по разным тирам. Мальчики и юноши стояли ровными рядами в маленьких кабинках, над входом в каждую светился экран автоматического счётчика. По узкому коридорчику позади кабинок ходил взрослый киборг в должности второго инструктора. Первый занимался физической подготовкой и рукопашным боем, третий обучал всем премудростям, связанным с оружием, а четвёртый тренировал молодых киборгов в командной работе и разъяснял принципы действия на разных «полигонах» — в городе, родном и чужом, на открытой местности, в помещениях разного типа, с помощью координатора и без, на освобождение заложников, на ликвидацию противника и так далее.

Второй инструктор внимательно поглядывал на показания счётчиков, мысленно отмечая, какого курсанта приставить к повышенной стипендии. Надолго задержался напротив кабинки Делейта Лебэна. Одобрительно улыбнулся уголком рта. Пожалуй, это признанный лидер в возрастной группе от двенадцати до пятнадцати лет. Ему мало в чём уступает тот генму с четвёртого, что удивительно: у альбиносов, вообще-то, плохое зрение. Наверное, такой высокий процент центровых попаданий связан в случае Найта не со зрением, а с каким-то удивительным чутьём, в которое инструктор не особенно-то и верил.

Тем временем Делейт Лебэн выбил ещё две «десятки» подряд, перезарядил учебный дикрайзер, старательно делая вид, будто не чувствует за своей спиной постороннего присутствия, после чего снова вскинул руку и продолжил палить по мишени. Инструктор двинулся дальше, внимательно поглядывая на счётчики. Да, как он и предполагал, Делейт опережал по показателям всех своих однокурсников.

* * *

После теста Найта приставили к повышенной стипендии. Большинство знакомых искренне радовалось за него, а кое-кто, для кого Найт был просто генму, открыто утверждал, что дело тут не чисто, и что альбиносы — слепые, и что Найт наверняка отсосал кому следует. Тут же вспоминали историю недавнего прошлого, связанную с учителем истории. До Найта доходили эти

слухи. И ему приходилось прикладывать усилия, чтобы не обижаться на языкастых завистников. Он решил, что пустые слова не стоят того, чтобы обращать на них внимание. Гораздо важнее накопить нужную сумму и купить настоящий генератор голограмм.

В шестом блоке над странным хобби товарища посмеивались, но нельзя было не признать, что в моделировании голограмм Найт развил определённый талант. Ради шутки он моделировал лица приятелей в шаржевом виде и заставлял их говорить высокими «клоунскими» голосами, сгенерированными на компьютере. А однажды Чейз, до которого тоже дошли слухи о талантах Найта, неизвестно где раздобыл сверхтонкие резиново-пластиковые пластинки, которые могли удерживать голограмму. И вскоре среди старшекурсников не только Боевого, но и остальных отделений Академии, разошлись крошечные «голые сучки», которые танцевали непристойные танцы. За это небольшое удовольствие, не предусмотренное уставом Академии, старшекурсники с готовностью отдавали от десяти до пары сотен кредит-единиц в зависимости от сложности танца и внешности нарисованной сучки. От этих денег определённый процент перепадал и Чейзу. При появлении на горизонте учителя или куратора голограмма выключалась, и пластинка-держатель легко пряталась в кармане. Единственное, от чего Найт отказывался, это от порнографии. Вероятно, поэтому он не нарвался на крупные неприятности и мог продолжать зарабатывать своим столь несвойственным киборгу талантом. Наверняка дирекция Академии давно была в курсе его небольшого «бизнеса», но, по слухам, несколько конфискованных голограмм благополучно перекочевали в карманы строгих блюстителей морали и теперь услаждали уже их взор.

Несмотря на приличный для курсанта Академии заработок, Найт продолжал ходить в казённой униформе, в то время как другие стипендиаты в первую очередь покупали личную одежду и прочие «предметы роскоши», а также тратили деньги на лёгкие незапрещённые (но только не в стенах Академии!) наркотики и сигареты. Но зато к началу зимы он смог приобрести генератор голограмм в комплекте с несколькими мини-держателями с функцией датчиков движения, закрепляемыми на теле, что помогало в создании голограмм, которые видоизменялись в зависимости от жестов и положения тела в пространстве. Всё это хранилось в маленькой ячейке специального склада — курсантам вовсе не возбранялось иметь какое-то ценное имущество. Некоторые хранили там обувь или клубные очки-хамелеоны. Что ж, у каждого свои понятия о ценности.

Найт то и дело доставал свой генератор, работал с ним в свободное от занятий время. Иногда открыто — создавая всяческие модели оружия, автомобилей, одежды или мебели. А иногда прятался в мнемотеке или каком-нибудь другом укромном местечке и никому не показывал, над чем трудится. А так как генератор его не был подключён к локальной Сети Академии, то даже самые искусные хакеры с последних курсов Отделения Оперирования не могли тайком подсмотреть за ним.

* * *

Однажды Чейз, доставив Найту очередную партию держателей и разговорившись с ним в коридоре учебного корпуса, предложил ещё одну авантюру.

— Ты что, ни разу про «Сад Чудес» не слышал? — изумился он.

Найт помотал головой.

— Да ты что! Это же самый раскрученный портал развлечений в Сети! Я думал, ты там в разделе видеоинсталляции и демо уже свой.

— Нет, я на такие ресурсы не захожу.

— Ну и очень зря! Там на каждый Новый год куча конкурсов проводится. С очень приличным денежным призом. Чуешь, куда клоню? — Чейз поиграл бровями. — Наши вот решили в конкурсе танцев участвовать. А тебе почему бы не помочь с видеооформлением? Если выиграем, бабки поделим!

— Я не знаю даже… — наморщил лоб Найт, все мысли которого занимали промежуточные зимние тесты, к которым надо было готовиться не менее тщательно, чем к летним экзаменам.

— А чего тут знать? — не унимался Чейз. — Мы с ребятами подали заявку на участие в номинации «Лучший танец», там без разницы — одиночный или командный. Конечно, сейчас в Сети сплошная трёхмерка, но живьё ценится гораздо выше. Потому и призовой фонд ого-го!

— Так это ж надо уметь танцевать, да ещё красиво, синхронно, — с сомнением проговорил Найт.

— А то занятия с четвёртым инструктором прошли напрасно! — иронично усмехнулся Чейз. — Да многие комбинации, к примеру, проникновения на охраняемый объект, — уже готовый силовой танец. К тому же, тебя это вообще волновать не должно. Ты просто голограммок каких нашлёпай, а? Будь другом?

— Мне правда некогда, — попытался отвертеться Найт.

— Ну что тебе стоит? — не отставал Чейз. — Между прочим, я-то тебе помогал с этими держателями!

— Ты с этого прибыль имел стабильную.

— А ты тоже можешь прибыль поиметь!

— Это только «если выиграем», — напомнил Найт, — а мне надо тренироваться, а то до сих пор еле-еле дотягиваюсь до нижней границы нормы показателей четвёртого курса.

— Зубрила ты скучный, — вздохнул Чейз. — Ну хотя бы Дэлу помоги, а?

Сердце Найта тихонько ёкнуло и затрепетало.

— А он тоже в команде?

— Я же сказал, участвуем почти всем блоком.

Заметив смятение Найта, Чейз добавил:

— Наверное, он тебе благодарен будет…

— Н-ну… ну хорошо… Я постараюсь что-нибудь сляпать, как ты говоришь. Только вряд ли получится что-то действительно классное: всего месяц остался, ты же понимаешь…

— Да я-то понимаю, конечно, — тон Чейза стал довольным. Он похлопал Найта по плечу и двинулся дальше по коридору. Найт спрятал в карман комбинезона стопку эластичных держателей и свернул в нужную аудиторию на лекцию.

Несколько следующих дней Найт корпел над голограммами. После занятий он расспросил Чейза о концепции танца, попросил послушать музыкальный сет, чтобы лучше проникнуться идеей номера. Решил: лучше всего подходит огонь. Всполохи, линии, фигуры из огня. Конечно, лучше бы прикрепить к танцевальной группе датчики движения и запрограммировать их таким образом, чтобы огненные силуэты танцевали то же самое, что и живые люди, но не было ни времени, ни технических возможностей: комплект имелся всего один. Тогда в голову Найту пришла идея, и он решился поговорить с Делейтом.

Они пересеклись после общей силовой тренировки на выходе из тренажёрного зала. Делейт стоял перед Найтом весёлый и разгорячённый, с полотенцем на шее. Найт несколько секунд потратил на невнятное бормотание, пытаясь подойти к сути.

— Да ты толком скажи, чего надо? — вздёрнул подбородок Делейт.

— Я вот всё думал по поводу вашего танца, ну, для конкурса. И мне кажется… что… ну… в общем. Будет здорово, если прикрепить к тебе датчики, и я запрограммирую твой голографический двойник из огня, то есть как бы из огня, на твои телодвижения…

Внимательно выслушав сбивчивые объяснения Найта, Делейт шмыгнул носом и усмехнулся:

— Не. Не надо. Вообще, идея какая-то глупая и слащавая. Цветочки и бабочки вокруг меня порхать не должны, случаем?

Найт понурился и помотал головою.

— Я… я просто предложил. Мне показалось, что так ваш танец будет концептуальнее…

— Кон… цен… чего? — Делейт не выдержал и рассмеялся. — Слушай, Мыш, будь проще, а?

С этими словами он крепко хлопнул Найта по лопаткам и отправился в раздевалку.

Найт вытер кулаком набежавшую слезинку и ушёл в общую спальню шестого блока. У него появилась другая идея.

* * *

Он бежал по длинному крытому мосту от транспортного терминала к лифту, ведущему к дому Денкера Миккейна. Здесь было морозно, как на улице, и иногда откуда-то с серой бетонной вышины спускались одинокие снежинки, невесть каким образом проникшие сквозь покрытие. За огромными окнами из толстого стекла сверкал ночными огнями город, плывущий в том совершенно особенном мареве, какое бывает только в холода.

Добравшись до квартиры учителя, Найт жал на кнопку звонка до тех пор, пока ему не открыли. На пороге стоял господин Миккейн собственной персоной. Лицо его быстро приобрело выражение испуга, когда он увидел перед собой запыхавшегося Найта: жиденький хвостик мальчика растрёпан, глаза широко распахнуты, брови горестно изогнуты, губы вздрагивают от прерывистого, тяжёлого дыхания, комбинезон расстёгнут на горле.

— Что случилось, Найт? — господин Миккейн схватил ученика за плечи и бережно, но крепко встряхнул.

— Пожалуйста, господин Миккейн! Мне нужна зима!

— Что-что тебе нужно? — не совсем понял учитель, быстро прижав ладонь к щеке, а потом ко лбу мальчика, проверяя, нет ли жара. Кожа альбиноса горела каким-то не вполне здоровым румянцем. — С тобой всё хорошо?

— Зима! Ну та, которая настоящая классика. Мне она нужна, очень! Правда! Можно взять её у вас?

— Ах, «Зима»! — облегчённо вздохнул господин Миккейн. — Конечно! Проходи, проходи скорее. Я согрею какао.

Когда учитель вошёл в комнату, где Найт обычно проводил часы, сидя на полу перед огромным экраном и слушая довоенную музыку, мальчик уже вскочил на ноги, радостно сжимая в руке

мягкий прозрачный диск с единственной радужно переливающейся полоской — записанной композицией Вивальди.

— Ты уже убегаешь? — приподнял брови господин Миккейн, протягивая мальчику большую кружку, над которой поднимался ароматный пар.

— Да… я… Спасибо вам! Спасибо!

Он широко улыбнулся, сверкая глазами, и вылетел из комнаты. Чуть улыбаясь, историк закрыл за ним входную дверь и задумчиво пригубил сладкое какао, к которому Найт даже не притронулся.

Глава 15

Как выяснилось, идея поучаствовать в конкурсе пришла в голову не одному Чейзу и компании. Многие ребята разных курсов стремились записать свои таланты на видео и загрузить на сервер портала «Сад Чудес». Чейзу удалось где-то достать хорошую профессиональную камеру, которую он сдавал в аренду тем, кому не удалось разжиться своей. Предприимчивый парнишка накопил к Новому году приличную сумму. Но мечтал, конечно же, о главном призе портала. На вопрос о том, куда ему столько денег, туманно отвечал что-нибудь в стиле «лишними не будут».

Начались предновогодние мини-каникулы, и потому ни учителя, ни кураторы не препятствовали тому, что мальчишки используют обширные спортзалы не по назначению, а именно для своих сборищ под громкую музыку.

Найт явился вовремя, как и был уговор с Чейзом. Установил генератор голограмм, настроил его, а потом занял место в импровизированном зрительном зале: у одной из стен стояло несколько рядов стульев, на которых расположились не только болельщики или простые зеваки, но и «конкуренты», арендовавшие камеру Чейза и дожидающиеся своей очереди.

Команда пятого блока вышла в центр зала. Шестеро мальчиков были одеты в одинаковые бутсы, брюки и куртки из чёрного винила на голое тело. Лица их были расписаны алыми и золотыми полосами, а волосы поставлены острыми иголочками.

— Перед вами выступает ансамбль «Мечта педофила»! — заулюлюкал кто-то на «трибунах», но сразу же умолк от несильной оплеухи, а команда подала знак своему помощнику, и тот запустил диск с музыкальной композицией.

Это был один из самых модных сетов, который перекачали себе в коммуникаторы и плейеры почти все подростки в Империи. «Съезжающий» бит, пульсирующий на самой низкой ноте, сэмплы работы завода по сборке оружия, звуков передёргиваемого затвора, замиксованные и изменённые различными эффектам до неузнаваемости выстрелы. Что ещё могли выбрать юные киборги?

Найт с восхищением смотрел на то, как слаженно и чётко они двигаются. На уроках физподготовки им как будто в шутку говорили: если научишься хорошо драться, то и на танцполе тебе не будет равных. А ещё танец есть зеркало сексуального темперамента, поскольку в танце и в сексе задействованы одинаковые группы мышц.

Найт не мог оторвать взгляда от Делейта. Жаль, что тот

отказался от датчиков движения. Его близнец — огонь. Они прекрасно смотрелись бы вместе… Голографические языки пламени танцевали в такт музыке, сворачиваясь в различные символы, извиваясь под ногами мальчиков, но Найту всё это казалось каким-то незаконченным и слишком уж халтурным.

Досмотрев командный танец до конца, он встал и быстро выскользнул в раздевалку. Когда он вышел оттуда, то столкнулся с Чейзом. Тот держал в руках генератор голограмм.

— Чёрт, тебя обыскались! Вот, держи. Выручил, чувак, спасибо!

И только сейчас он поднял глаза и умолк с приоткрытым ртом, разглядев Найта. Альбинос был одет в облегающий белоснежный костюм из матового материала, на суставах и лбу были прикреплены датчики движения, походившие на причудливые драгоценности, с пояса свисали длинные, до пола, полупрозрачные широкие ленты из мягкого пластика, напоминавшие макси-юбку и при каждом шаге расходившиеся клиньями. Лицо Найта мерцало от перламутровой пудры, глаза были обведены серебристым карандашом.

— Ты это чего? — глуповато спросил Чейз, оглядев его с головы до ног.

— Я тоже подал заявку на участие. В самый последний момент. Выручишь и меня тоже? С камерой.

— Д… да, конечно! — кивнул Чейз и широко улыбнулся. — Ну ты и ходячий сюрприз!

— И… Чейз… можно тебя попросить ещё об одной вещи? — Найт начал было теребить один из клиньев «юбки», но сделал над собой усилие и вытянул руки по швам.

— Разумеется!

— Ты мог бы попросить Делейта… Дэла посмотреть на мой танец?

— А почему нет?

— Ну, — Найт глубоко вздохнул и чуть нервно улыбнулся, — тогда я пошёл!

Когда он вернулся в зал, большинство зрителей уже разошлось: кто выступил, а кто просто захотел спать или нашёл занятие поинтереснее. Остались те, кому совсем уж нечего было делать, и несколько ребят из пятого блока.

Найт отыскал глазами Делейта. Рядом с ним сидел, точно верный и восторженный щенок, Тод. А чуть поодаль, у самой стены — Чейз. Найт едва заметно кивнул ему и улыбнулся с благодарностью.

Потом прошествовал к музыкальному центру, синхронизировал его с генератором голограмм и выступил в

центр зала.

Когда музыка начала подкрадываться сквозь помехи конвертированного старого формата, Найт прикоснулся рукой к датчику в центре груди, и весь его костюм стал медленно наливаться белым сиянием, не плавно, а мерцая, пульсируя, будто отвечая на стук взволнованного сердца. Сердца, которое предчувствует зиму, сжимается то ли от тоски, то ли от холода. Найт медленно поднял руки, и по стенам побежали белые волны голографической позёмки. Потом он сорвался с места. Стремительный и белый, как вихрь, в окружении огромных снежинок, грани которых поблескивали как лезвия ножей, Найт танцевал, вспоминая движения крошечных белых фигурок из старинного видео, имитировал их, как мог, и в сочетании с грубоватой пластикой будущего мужчины, будущего киборга, эти движения приобретали совершенно иной характер.

Композиция достигла пика, взорвалась вьюгой, налетела, и в зале не осталось никого, чьё сердце не вздрогнуло бы от глубокой, субклеточной памяти всего человечества, хранившейся в ДНК каждого ребёнка пост-ядерного мира.

Найт стремительно помчался по кругу, резко разворачиваясь вокруг своей оси, и белое сияние словно бы шелушилось, слетало с него хлопьями, а хлопья эти превращались в полупрозрачных бабочек и лепестки цветов. Найту не показалось это смешным, как Делейту. Тончайшие осколки иллюзорных льдинок разлетались вихрями, пронзали несуществующих бабочек, и те рассыпались серебряной пылью.

Композиция замерла в притворной безмятежности. Найт поднимал руки то к одной медленно парящей снежинке, то к другой, стоя при этом на цыпочках. Снежинки опускались на белые ладони, мерцавшие от пудры, словно от инея, а едва коснувшись пальцев, вспыхивали и улетали к потолку диковинными птицами.

Но вот новый вихрь налетел, разметал спокойствие. Найт раскинул руки в стороны и чёткой поступью прошёлся словно по кругу почёта. К его телу притягивались, как к магниту, снежинки и лепестки цветов, облепляли его сплошной белой сияющей массой. И вот Найт остался один в темноте, словно единственная звезда в чёрном космосе.

Музыка замолчала.

Подождав пару секунд для верности, Чейз при помощи пульта дистанционного управления выключил камеру и все её объективы-сателлиты, прикреплённые к стенам и даже к потолку тут и там для получения самых разных ракурсов.

— Снято! Всем спасибо, камера стоп! — звучно крикнул Чейз

в полной тишине, и гулкое эхо передразнило его.

— Я ж тебе говорил, что он с тебя прётся, смотри, как он на тебя таращится! — громким шёпотом прошипел Тод на ухо Делейту. Но тот не повернул к нему головы. Он сидел, нахмурившись, и смотрел в розоватые глаза альбиноса.

Потом встал. Сунул руки в карманы и крикнул:

— Ты где вообще нашёл такой сет? Диджей сосунок какой-то, свести не может, бит вообще не поставил. Неужели надеешься пройти отборочный тур?

Усмехнувшись, он вышел из зала. Тод в растерянности повертел головой от него к Найту и поспешил за приятелем. Чейз подошёл, ободряюще похлопал Найта по плечу и сказал:

— Да не обращай внимания, хороший сет. Только какой-то необычный.

Постепенно все вышли. Найт остался один. Потом медленно собрал аппаратуру, переоделся и тихо отправился спать.

* * *

Первый день нового, 317 года ознаменовался двумя новостями. В Нидрэде — ближайшем к Броксе крупном мегаполисе — в результате удачного покушения погиб прежний хозяин, и его пост занял восемнадцатилетний сопляк, который, как выяснилось после долгого расследования, не имел к убийству никакого отношения. Второй же новостью стала победа Найта в конкурсе «Сада Чудес».

Количество просмотров ролика с «танцующим альбиносом» уверенно вывело его в лидеры в первые же часы размещения видео на портале, и при подведении итогов не возникло никаких сомнений. Комментарии разнились от обожания до открытой ненависти к «уроду» и злобного высмеивания. Многие упрекали альбиноса в том, что он «сыграл на жалости аудитории к своему отклонению» или на «экзотичности»; многие утверждали, что на фоне качественной музыки его сет резко выделился и не важно, каким образом. Но как бы то ни было, на счету победителя появился уговоренный денежный приз.

Найт совсем не был готов к внезапной славе и популярности. Но в его сердце теплилась надежда, что Дэл всё-таки поймёт, подойдёт, поговорит с ним.

И Дэл подошёл.

Он решил, что Найт наверняка опять находится в мнемотеке, и не ошибся. В огромном пустом помещении мерцал только один экран, за которым работали Найт. Он был так увлечён, что не

заметил приблизившегося Делейта и даже вздрогнул.

— Уф! Чёрт, напугал…

— Привет-привет, — Делейт присел на край стола, скрестив руки на груди. — Ну, доказал?

— Что доказал? — негромко переспросил Найт, ничего не понимая.

— А я вот не знаю, что ты хотел доказать своим выпендрёжем. Ну молодец, конечно, всех обставил.

— Я… просто хотел…

Найт сглотнул и вдруг резко встал и крикнул:

— Ты ничего не понимаешь!

С этими словами он попытался обойти стол и покинуть мнемотеку, но вдруг на его локте сомкнулась крепкая смуглая ладошка, Делейт рванул Найта к себе и совершенно неожиданно поцеловал в губы. У Найта остановилось дыхание и подпрыгнуло сердце. Ноги стали будто из тёплого воска и подогнулись. Делейт усадил его на стол и, обняв за плечи, продолжал целовать. Найт закатил глаза, его белые ресницы затрепетали.

Он не сразу ощутил, что мокрые губы щекочет прохлада. Приоткрыл глаза. Делейт чуть отодвинулся и смотрел на него немного насмешливо.

— Хе-хе. Что, поплыл уже?

Найт слабо пошевелил губами и кашлянул, чтобы восстановить внезапно осипший голос.

— Делейт… Дэл, я…

— Да ладно, — отмахнулся Делейт. Потом взял Найта за руку и повёл за собой.

Найт покорно шёл следом, словно во сне глядя на резкий контраст оттенков их кожи. Мальчик даже не задумывался о том, куда и с какой целью его тащат. Вдруг опять не очень-то по-доброму подшутить? Но ему было всё равно.

— Жди здесь, — прошептал Делейт, развернувшись к Найту, когда они оба остановились на большой застеклённой лоджии с длинными мягкими скамьями у стен, утопавшими в разлапистых живых растениях. Сюда приходили курсанты Академии для перекура, сбора сплетен и просто отдыха после лекций или тренировок. Найт послушно замер. Делейт куда-то убежал.

Через несколько томительных минут ожидания и неизвестности Найт вздрогнул от негромкого постукивания в стекло. И изумлённо ахнул. По ту сторону окна парил на аэроскутере Делейт Лебэн и жестом подзывал к себе. Найт кинулся к нему. Делейт ткнул пальцем в сторону вакуумной задвижки. Найт, не без усилия отомкнув её, распахнул маленькую секцию окна, через которую обычно осуществлялось

проветривание. Делейт протянул альбиносу казённую тёплую куртку и резким кивком указал на сидение позади себя. Найт, широко улыбаясь, быстро оделся и прыгнул на аэроскутер. В ту же секунду Делейт крутанул ручку скорости, и машина рванулась вперёд. Найт коротко ахнул и крепко прижался к спине маленького авантюриста.

Они неслись над вечерним городом, утопавшем в синевато-седой дымке, сквозь которую пробивались огни, похожие на мерцающие драгоценные камни. Сперва Найт даже не смотрел ни по сторонам, ни вниз, прикрыв глаза и положив голову на плечо «похитителя», но потом заволновался:

— Дэл, куда это мы летим?

— Увидишь! — слегка повернувшись, попытался перекричать свист ветра Делейт.

Через четверть часа под аэроскутером сплошным млечно-голубоватым морем развернулась заснеженная дикая равнина. Город остался позади. А впереди приближалось огромное тёмное пятно древнего озера, на берегу которого стояли Брокса, Келама и Нидрэд.

Вскоре машина снизилась и мягко села в рыхлый снег неподалёку от грота.

— Приехали, — оповестил Делейт. — Я подумал, тебе это покажется романтичным. Но вообще-то, и правда классно, а?

Найт медленно слез с аэроскутера, приоткрыв рот и хлопая глазами.

В розоватых красках раннего зимнего заката переливалось грозное и величественное нагромождение колоссальных ледяных торосов.

Древнейшее озеро Земли, которое до Пыльной Войны называлось Байкалом, тихо шепталось с двумя замершими на его пустынном берегу мальчиками: миллионы крошечных ледяных игл перекатывались в его ещё не успевшей замёрзнуть глубине. Яростные зимние ветра вздыбили воду, не дав ей стать зеркально-гладкой и спокойной, и теперь Байкал напоминал поле, усеянное осколками окаменевшей радуги и причудливыми скульптурами из млечно-белого нефрита. Откуда-то из далёкой дымки доносился приглушённый низкочастотный гул, словно эхо грома или артиллерийской канонады, — сходились и расходились становые щели.

— Это… это очень красиво! — прошептал Найт, не в силах отвернуться от ни с чем не сравнимого зрелища.

И вдруг дёрнулся: ему в шею угодил снежок. Найт резко развернулся к Делейту, а тот, хохоча, запустил ещё один. Найт засмеялся, сгрёб с земли горсть снега и швырнул её в Делейта. В

тишине, не нарушаемой ни зверем, ни птицей, двое городских мальчишек носились по берегу и играли в снежки. На белом теле земли они казались ничтожными букашками, и старый Байкал снисходительно щурил на них серебряные глаза.

Наигравшись и обессилев, оба мальчика упали в сугроб.

— Замёрзнем. Вставай, — сказал Делейт, поднимаясь. Потом он повёл Найта в ближайший грот, по дороге наломав большую охапку сучьев в зарослях прибрежного кустарника.

Грот походил на огромную чёрную пасть, ощетинившуюся острыми и длинными зубами — полупрозрачными сосульками. Мальчики протиснулись между ними и оказались будто в шкатулке из хрусталя, с удивительной логичностью природы украшенной причудливой резьбой. Свалив хворост на землю, Делейт полил его из маленькой жестяной фляжки горючей смесью и поджёг зажигалкой. Вскоре стало тепло и уютно. На узорах «шкатулки» плясали золотые и алые блики. Снаружи сгустилась тёмно-синяя ночь. Мальчики как смогли просушили одежду. Найта разморило от смены температур, и он начал клевать носом.

Делейт примостился к нему поближе, уложил на плоский, нагретый огнём камень, сам улёгся рядом. Найт был полностью расслаблен и абсолютно счастлив. И он лишь слегка приоткрыл глаза в изумлении, когда почувствовал широкую ладонь Делейта на своём животе под курткой и расстёгнутым комбинезоном. Смуглая, скуластая физиономия Дэла была совсем рядом, а тёмные глаза мерцали, как обсидиановые зеркала. Найт охотно приоткрыл губы, когда Дэл тронул их своими губами. Замерев, оцепенев от волшебства момента, Найт снова закрыл глаза и с жаром отвечал на порывистый, чуть неумелый поцелуй. А когда чужие пальцы коснулись члена, тихонечко ахнул. И несмело протяну руку к члену Делейта.

Тесно прижавшись друг к другу, мальчики делали то единственное, что пока умели, то, что пока казалось полузапретным, стыдным, но в то же время почти взрослым. Найт был более зрелым, чем двенадцатилетний Дэл, потому у него всё кончилось «как у взрослого», и Дэл с некоторым удивлением смотрел на свою ладонь, с которой падали жемчужные капли. Потом он бегло поцеловал Найта, забрался на него сверху и стал орудовать ещё влажными пальцами между его ягодицами.

— Ты чего? — сиплым полушёпотом спросил Найт.

— Ну дальше будем же, а? — торопливо и сбивчиво проговорил Делейт, закусывая губу.

— Нет, подожди… эй… нет-нет-нет…

Найт решительно сел, спихнув с себя Делейта. Тот насупился.

— Чего тебе не понравилось?

— Ну… я… Дэл, послушай, не стоит так торопиться…

— А разве мы торопимся? Всё ж вроде нормально. Тебе, кажется, понравилось?

— Да, но…

Найт был в замешательстве. Его мечта сбывалась слишком быстро и неправильно. Он не успел придумать, как она должна сбыться, чтобы было «правильно». Нетерпеливый, огненный Делейт Лебэн сидел на коленях напротив него и мрачнел с каждой секундой.

— Не бойся, насиловать я тебя не собираюсь, — нарушил он звенящую тишину, затем поднялся и затоптал костёр. — Поехали, а то поздно уже.

Он раздражённо застегнулся и протопал к выходу из грота. Найт привёл себя в порядок и поспешил за Делейтом.

— Подожди, Дэл, я просто не хочу, чтобы вот так…

— А как ты хочешь? — рявкнул Дэл, всплеснув руками. — Романтический ужин при свечах? Ну извини, я думал, ты у нас такой интеллектуал, что пошлятина со свечами тебя только рассмешит!

— Да я не про это… Я про то, что, — Найт замолчал. Душа противилась чему-то, тело напрягалось, он не знал, что не так. Но определённо что-то было не так.

— Это сложно объяснить…

— Да куда уж нам понять, сирым и убогим «инкубаторцам!» — огрызнулся Дэл, потом сел на аэроскутер и угрюмо насупился, ожидая Найта. Тот плавно опустился на заднее сидение и обвил талию мальчика руками.

Под полозьями летающей машины чернела ледяная твердь Байкала, исчерченная паутиной становых трещин. Глубина — тёмная, вечная, манящая — казалось, была лишь слегка прикрыта хрустальной плёнкой, но на деле толщина льда достигала нескольких метров.

Найт отвернулся, с силой оторвавшись от гипнотизирующего взгляда древнего озера, но больше не решался положить голову на плечо Дэлу, любимому мальчику, колючему, как лёд далеко внизу.

Они вернулись туда же, откуда и началось маленькое путешествие. Найт перебрался с седла аэроскутера в открытое до сих пор окно. И вдруг развернулся и, слегка задыхаясь, выкрикнул без запинки:

Кто влюбился без надежды,
Расточителен, как бог.

Кто влюбиться может снова
Без надежды — тот дурак.
Это я влюбился снова
Без надежды, без ответа.
Насмешил я солнце, звезды,
Сам смеюсь — и умираю.

— Это чего такое было? — в недоумении буркнул Дэл.

— Это Генрих Гейне. Поэт XIX века доядерной эпохи, — надтреснутым голосом ответил Найт, едва шевеля губами. С белых ресниц упала слезинка. Сердце болело. В горле как будто перекатывались ледяные иглы, и мальчику чудилось, что он слышит их вкрадчивый шёпот.

— Какой же ты чудик, а! — без всякой злобы усмехнулся Дэл и, протянув руку, вытер слезинку со щеки Найта. — А ещё ты слишком часто ноешь. Ну, бывай!

Он заложил крутой вираж и скрылся в темноте.

Найт прижался ладонями и лбом к ледяному стеклу. По безлюдному залу гулял холодный ветер. Слёзы катились и катились из глаз, словно кровь из раны. И вдруг Найт с силой захлопнул окно, развернулся на каблуках и кинулся к внутреннему транспортному терминалу, ведущему к госпиталю при Академии.

Никого на пути не попалось в этот час. Лампы по периметру потолка мерцали ровным синеватым светом «ночного» режима.

Найт вломился в приёмную, принялся биться в дверь и кричать:

— Пожалуйста, пустите! Откройте!

На стук и крики вышел заспанный господин Торроф, который заработался с бумагами и решил переночевать здесь, чтобы продолжить скучное занятие с самого раннего утра и покончить с ним как можно скорее. Он поймал рыдающего альбиноса за руки, встряхнул и сурово рявкнул:

— Что случилось? Что с вами, юноша?

— Пожалуйста, вырежьте мне глаза! Заберите их! Они постоянно плачут! Я постоянно ною! — судорожно всхлипывал Найт. — А ещё я урод и чудик!

Кибербиолог немного растерялся, потом хорошенько встряхнул мальчика ещё раз и проговорил спокойно:

— Ну-ка успокойтесь, юноша! Вы всё-таки будущий киборг. Прекратите, я сказал!

Найт постепенно стих.

— Я, кажется, знаю, как вам помочь, — проговорил

кибербиолог. — Приходите послезавтра. Конечно, если всё ещё будете хотеть разучиться плакать.

Найт всхлипнул, уставившись на господина Торрофа. Потом несмело кивнул и тихо покинул полутёмный прохладный холл. В душе его было так же сумрачно и прохладно.

Глава 16

— Да точно тебе говорю, опять ночует у Очкарика! — шипел Тод на ухо Дэлу.

Тот сердито ковырял ложкой органическое пюре с жёсткими кусочками псевдомяса и слушал в пол-уха. Найта и правда не было видно вот уже несколько дней. Слухи ходили самые разные. Чаще всего они вертелись вокруг историка.

Неизвестно почему, Дэла вдруг кольнула ревность. Стало обидно, захотелось кого-нибудь стукнуть или что-нибудь сломать. Заметив, как побелели костяшки пальцев Делейта, Тод осторожно отодвинулся подальше и всецело занялся поглощением обеда.

И вдруг в общей столовой снизился уровень шума, послышались изумлённые и восхищённые вздохи. Делейт поднял голову от тарелки. Ложка, точно живая, выскользнула из его пальцев.

В столовой появился Найт. Он буднично взял поднос, подошёл к раздаточной ленте, взял причитающийся паёк, сел за свободный стол и начал аккуратно есть.

Неуловимые, незаметные на первый взгляд изменения, произошедшие с ним, открыли его, как Терру Инкогниту. Найт, оказывается, красивый! А всего-то волосы стали гуще, чуть подправлена форма ушных раковин и глаза… Что у него с глазами? Не чуть косоватые розовые глаза альбиноса, а лучистые, прозрачно-серые, словно лёд или дымчатый хрусталь, стеклянно поблескивающие глаза с прямым взглядом. Это не линзы. Это точно не линзы.

Юные киборги притихли. В Академии все вшивки были регламентированы, особенно так называемой средней группы — когда заменялись органы «не первой жизненной необходимости». К тому же, к таким имплантантам в комплекте должны прилагаться стабилизаторы. А в Академии стабилизаторы не ставят. И всё же на третьем шейном позвонке Найта из-под ворота комбинезона поглядывало хромированное навершие этого имплантата.

— Ты с ума сошёл! — подсел за его столик Чейз. — Ты где умудрился поставить визоры? Запрещено же! У тебя будут неприятности…

— Нет, не будут, и ничего не запрещено, — с улыбкой сказал альбинос. — То есть в моём случае не запрещено. Эти визоры не имеют всяческих «наворотов» вроде оптического прицела, инфракрасного сканера и тому подобного. Мне просто слегка исправили зрение. Лечение ведь не запрещено. Кстати, и уши

заодно подправили, ничего вроде бы, а?

— А стабилизатор?

— А это чтобы я больше не ныл, — с мягкой улыбкой произнёс Найт, отложив ложку и поднимая голову. Чейз чуть отодвинулся. Белое лицо альбиноса напоминало кукольное. Сдержанная улыбка только усиливала сходство.

— Конечно, в первую очередь, это чтобы глаза у меня нормально работали, но и нервы уравновешивает хорошо, — заговорил Найт, собирая пластиковую посуду со стола. — Господин Торроф поставил мне все имплантаты за сумму моего выигрыша в конкурсе «Сада Чудес». Он из столицы, у него есть лишний комплект.

— Ты ещё и кибербиолога подставил!

— Ничего я его не подставил, — Найт невозмутимо прошагал к утилизатору и бросил в него посуду. — Он сам предложил и сказал, что детали уладит. Не думаю, что он стал бы действительно рисковать из-за какого-то постороннего человека.

Спокойно и безмятежно Найт прошествовал из столовой мимо оторопевшего дежурного.

Начиная с этого момента никто не видел, чтобы Найт ронял хотя бы одну слезинку или нервничал, как раньше.

* * *

Генерал Агласис Шибта убрал полупустую бутылку крепкого алкоголя обратно в шкафчик, тщательно вымыл за собой рюмку и поставил её на стеклянную полочку. Так он отметил своё сорокапятилетие. Самые простые движения теперь казались волшебными, необычайными, невероятными. Всё вокруг казалось таким же. И стены родного дома, каждая трещинка или вмятинка в которых была знакома, и свинцовые тучи за окном, и блистательная столица Империи Октополис. И как он мог говорить какие-то полгода назад, что город ему обрыднул? К чуду жизни нельзя привыкнуть — это понимаешь только перед самой смертью. И совсем не правда, будто киборги ни в грош не ставят жизнь. В том числе и свою.

Тянуть дальше нельзя. Генерал понятия не имел, что с ним станет через несколько минут: скорчится ли он в судорогах, охватит ли его тело огонь, вылезут ли из его рук кости эндоскелета, чтобы схватить его за горло. Никто не знает, как это происходит. Но лучше выглядеть достойно.

Господин Шибта зашёл в ванную комнату, тщательно побрил виски и подбородок, после чего отправился в спальню.

Он решил дождаться ИХ в спальне. Наверное, хотел, чтобы в последние минуты что-нибудь напоминало о, в общем-то, прекрасной жизни. О любимом парне, заменившем ему и женщину, которую никогда бы не позволили приобрести киборгу, и сына, которого у киборга никогда не могло быть. Генерал опустился в кресло, положив руки на подлокотники, и глубоко вздохнул.

Тоскливо и тяжело ворочалось в груди сердце. Может быть, оно просто остановится, и всё?

Вдруг что-то как будто хлестнуло Агласиса Шибту изнутри. Он вскочил, схватил дикрайзер, поставил запас на полную обойму. Потом закрыл дверь на вакуумный засов и только после этого вернулся в кресло, положив оружие рядом на столик. Пусть приходит хоть целая армия! Пусть попробуют вломиться! Он уж встретит честь по чести!

Да, ещё не было задокументированных случаев победы киборга над Стирателями в открытом противостоянии. Но ведь и трупов киборгов никто не находил на следующий день после того, как им исполнялось ровно сорок пять лет. Неужели прирождённый воин будет покорно сидеть и ждать, когда за ним придут, словно за жертвенным барашком?!

Нет, воин будет сражаться до конца. С кем или с *чем* угодно.

Что-то заскрипело за дверью. Генерал оскалился, схватил дикрайзер и выставил его перед собой. Первый же, кто войдёт, получит в голову всю обойму. Хоть сам чёрт!

Ручка медленно отогнулась и тренькнула, будто её выломало неведомым силовым полем. Дверь тихонько приоткрылась. И в щель просочился странный бирюзовый свет, который будто извивался щупальцами и в то же время стелился по воздуху, как струйки дыма.

— Ну давай же, Стиратель, — прорычал генерал едва слышно.

И вдруг справа, как будто бы из-за плеча, прошелестел хриплый, сдавленный, булькающий голос:

— Жил да был в одном королевстве маленький мальчик. Когда он родился, злая фея прокляла его, сделав уродом. Никто его не любил, все тыкали в него пальцем и смеялись…

Генерал вскочил, развернулся, но никого не увидел.

— Где ты, тварь?! Выходи!

— И вот однажды прославленный рыцарь пожалел мальчика и взял к себе оруженосцем…

Генерал взревел и принялся палить во все стороны. Когда обойма опустела и стих высокочастотный писк дикрайзера, генерал увидел, что дверь в спальню распахнута настежь. А на

пороге плывут, точно в дымке, несколько уродливых силуэтов.

— Мальчик прилежно постигал военную науку и вскоре сам стал прославленным рыцарем.

Генерал опустил руку с оружием и не шевелился.

— Много подвигов совершил он, никогда не показывая своего лица, скрыв его под забралом. Все думали, будто рыцарь стыдится своего уродства. Но на самом деле…

Агласис Шибта вдруг осознал, что стоит на коленях, низко склонив голову, и видит чью-то широкую плоскую ступню, состоящую из металлических костей, облепленных полосками странной буроватой плоти.

— …На самом деле за годы приросли к нему железные доспехи, а сам рыцарь успел истлеть внутри. И лишь его мятущаяся душа заставляла доспехи скакать на коне, крепко держать меч и сражаться. Год за годом, век за веком.

Генерал запрокинул лицо и заплакал — не от страха или боли, которых не было, и даже не от обиды на невозможность победить неотвратимое, а от сожаления. В последний свой миг он вспомнил не любовника, не друзей, живых или погибших, не отца, который поддерживал с ним связь до самой своей смерти, а маленького белого уродца, которому через тридцать лет предстоит увидеть то же самое, что видел сейчас он сам.

— Бедный, бедный мой мальчик… Прости меня.

На утро вернувшийся любовник генерала, пьяный и почерневший от горя, взломал запертую изнутри дверь их спальни и нашёл лишь дикрайзер с опустошённой обоймой и маленькую капельку крови на полу.

* * *

— Это бесчеловечно! — воскликнул с порога господин Миккейн, когда за его спиной с мягким шорохом сошлись створки автоматических дверей.

Господин Торроф неторопливо поднял на посетителя глаза, на мгновение оторвавшись от ноута. Затем встал, обошёл стол и протянул руку для приветствия.

— Доброе утро, господин Миккейн. Чем обязан?

— Ваши поступки не имеют названия! — всплеснул руками историк, как будто не заметив вежливого жеста. — Что вы себе позволяете? Вам что, не хватает ваших лабораторных мышей?!

— Да объясните же толком, что случилось? — кибербиолог начинал потихоньку раздражаться. — Вы врываетесь без предупреждения и начинаете сыпать обвинениями, не известно на

каком основании!

— Найт. Альбинос с Боевого отделения. Вы что, решили, что раз он генму, так вы теперь имеете право ставить на нём эксперименты?!

— Ааа, вы про его новые глаза?

— Не только! Он изменился. Вы его перекроили, как будто он… как будто он… — господин Миккейн пару секунд выбирал сравнение, — неудачно пошитое пальто! Что вы с ним сделали?! Он на человека не похож!

— Правильно, он ведь будущий киборг, — невозмутимо ответил кибербиолог, скрещивая на груди руки.

Господин Миккейн размашисто прошагал из одного угла кабинета в другой, активно жестикулируя:

— Я понимаю, замена глаз. Хотя это, между прочим, не слишком-то законно! Но зачем вы ему переделали форму ушей? И… и эти волосы… Это ведь не его волосы! Что это вообще такое? Вы ему что-то вживили, что ли?

— Нет, всё натуральное. Я взял образец ДНК, добавил немного магии, — кибербиолог щёлкнул пальцами, — и вуаля! Готово! Пересадил мальчику его же волосы дополнительно к уже имеющимся, вот он теперь и может щеголять такой гривой, какой ни у кого в Академии нет.

Господин Торроф усмехнулся и попытался было перевести разговор в шутку, но историк не унимался.

— Он похож на куклу! Зачем вы так поиздевались над ребёнком?

— Поиздевался? Я его *улучшил*! — всё-таки не выдержал кибербиолог. — Конечно, я не генетик, но на такие простые вещи способен. Исправить форму ушей для меня также сущий пустяк. Я этим в столице подрабатывал, когда был курсантом Академии. А глаза, то есть визоры, были мальчику просто необходимы. Его зрение катастрофически ухудшалось. Ещё немного, и он бы ослеп! Я удивляюсь, как он ухитрялся сдавать нормативы по стрельбе с таким зрением?

— Вы вживили ему стабилизатор, — проговорил господин Миккейн, повернувшись к собеседнику всем корпусом. — Мальчику всего пятнадцать лет! Чёрт побери, пятнадцать! Вы подумали о последствиях? Такие операции не делаются в его возрасте!

— Во-первых, господин Миккейн, вам не стоит сомневаться в моих профессиональных качествах. Я могу пришить крысе вторую голову, и обе эти головы смогут даже вырывать пищу друг у друга из пасти. А во-вторых, без стабилизаторов визоры могут работать со сбоями. Кроме того, стабилизатор помог Найту справиться с

некоторыми гм… духовными проблемами.

— Вот как! — вспылил историк. — Значит, вы и в его душе копаетесь!

— А вы? — коротко спросил кибербиолог с лукавым прищуром, огорошив историка. И повторил, когда пауза несколько затянулась:

— А вы разве нет? Вы точно так же копаетесь в его душе, как я в его теле. Вы точно так же используете его как подопытного кролика.

— Найт не крыса и не кролик и вообще не какая-нибудь живность! — воскликнул господин Миккейн. — Он человек!

— Человек или киборг — не важно, — отмахнулся господин Торроф. — Найт как кусок глины, из которого может получиться либо грубый, но очень функциональный кувшин, либо прекрасная фарфоровая статуэтка.

— И вы мните себя скульптором?

— А вы, стало быть, мните себя гончаром? — насмешливо передразнил кибербиолог.

— Не передёргивайте!

— А вы прекратите ревновать!

— Ч… что? — господин Миккейн даже задохнулся от возмущения. — Да как вы смеете? Я не ревную!

— М-да? И что же значит в таком случае эта безобразная сцена, которую вы тут закатили? — совершенно спокойно спросил господин Торроф, шагнув к историку.

— Я… я просто волнуюсь за Найта, — сбивчиво заговорил господин Миккейн, стараясь не отступить под напором этого крупного и крепкого мужчины. Сам историк тоже не был хлюпиком, но почему-то ощутил опасность.

— Не волнуйтесь, он в надёжных руках, — это прозвучало, пожалуй, чуть более развязно, чем приличествовало ситуации.

Господин Торроф даже замер на мгновение, когда руки историка — вовсе не такие вялые, какими могли показаться — вдруг схватили его за лацканы длинного пиджака.

— Если с мальчиком что-нибудь случится, — прошипел господин Миккейн, глядя в холодные, как осеннее море, глаза кибербиолога, — то я найду на вас управу. Не посмотрю, что у вас какие-то там связи в Октополисе!

— Если вы запудрите Найту голову всяческой ерундой, которая заставит его совершить глупость и перевестись на какое-нибудь другое отделение с Боевого, то и я найду на вас управу, господин учитель, — совершенно спокойно ответил кибербиолог, сладко улыбнувшись.

Историк слегка оттолкнул его от себя и, не прощаясь,

выскочил из кабинета. Господин Торроф криво усмехнулся, поправил пиджак и вернулся к ноуту.

* * *

Исполинские белые лебеди бесшумно танцевали на вздыбившихся зубьями торосах. Они резали странные, совсем не свойственные птицам лапы об острый радужный лёд и лишь удручённо вздыхали. Найт пытался бежать от них, но поскальзывался, падал, неуклюже пытался подняться, впивался ногтями в чёрный лёд. И видел там, внизу, в бездонной темноте, под толщами каменной воды смеющегося Дэла.

И в который раз просыпался от резкой боли в глазницах.

Соседи по спальне мирно посапывали. Кому-то, вероятно, снился кошмар: курсант неспокойно ворочался, закинув голую ногу поверх покрывала. Найт сел на постели, потёр глаза, потряс головой. Пелена не спадала. Чёрт, ведь господин Торроф предупреждал: слёзы могут повредить визоры. Модель не особенно дорогая. Такую могут поставить в любой клинике любому инвалиду, стеснённому в средствах, это не специфический имплантант для боевых киборгов. И даже такая мелочь, как слёзы, способна их испортить. Жаль, что нельзя удалить слёзные железы. Господин Торроф даже говорил почему, но Найт не мог сейчас припомнить.

Юноша встал и спокойно, без паники добрался на ощупь до душевой. Там он долго промывал визоры, потом сушил лицо под струёй горячего воздуха из агрегата рядом с раковинами, не моргая и с некоторой долей удивления отмечая, что может спокойно держать глаза открытыми, тогда как раньше рефлекторно жмурился.

Визоры просохли, зрение начало постепенно восстанавливаться — как будто реальность проступала, словно морозные узоры на стекле. До побудки оставалось полтора часа. Найт вернулся в постель и попытался уснуть. Но на душе было тоскливо. После таких снов, похожих друг на друга чем-то неуловимым, ему всегда было тоскливо и тревожно. Хотелось плакать.

Но Найт не плакал уже три года — с того момента, как ему вырезали глаза. Даже когда он узнал о смерти генерала Агласиса Шибты, большого друга отца и своего покровителя. Даже когда увидел, как Дэл у ангаров во дворе целуется взасос с каким-то незнакомым мальчишкой, вероятно, с другого отделения.

Но во сне он был не властен над слезами, и это раздражало.

Найт почти накопил нужную сумму на новые визоры, но сейчас он не имел права их вшивать. С первой-то операцией возникло множество проблем. Репутацию, а также карьеру господина Торрофа спасло лишь заключение специально созданной комиссии, постановившей, что произведённая замена глаз визорами не является «улучшением», а лишь «лечением», что не запрещено уставом Академии. А монтаж стабилизатора в количестве одной штуки является просто «поддерживающей терапией». Хотя на самом деле, как считал Найт, кибербиолога спасло происхождение и связи в столице. А Найта не принудили немедленно избавиться от несанкционированных имплантатов благодаря не только замолвленному за него господином Торрофом словечку, но и личными качествами самого молодого киборга.

Все три года он уверенно получал высшие баллы по всем дисциплинам и считался гордостью не только Боевого отделения, но и, не без преувеличения, всей Академии. Сомнительным достижением была также его известность в Сети: ролик с «танцующим альбиносом» до сих пор пользовался большой популярностью, оброс целой горой ремиксов, подражаний, от пародийных до вполне реалистичных, даже сувенирами вроде футболок или наклеек.

Но всё это не заставило Найта возгордиться и задрать нос. Впрочем, от забитого, вечно краснеющего и заикающегося уродца не осталось и следа. Теперь это был высокий мускулистый семнадцатилетний юноша с густыми длинными волосами, которые он носил заплетёнными в косу, и лучистыми глазами, похожими на хрусталь или речной лёд. Но Найт по-прежнему был воспитан, вежлив, послушен с учителями, справедлив с приятелями, хотя, пожалуй, слишком уж нейтрален и несколько холоден.

Близких друзей у Найта так и не появилось. Он был со всеми и ни с кем. Тот единственный, кому он хотел бы отдать всё тепло своего сердца, считал его «занудой», «зубрилой», «учительским любимчиком», «технофриком», «чудиком» — кем угодно, но только не «классным парнем».

И Найт ничего не делал для того, чтобы изменить эту ситуацию. Наоборот, он становился всё б***о***льшим и б***о***льшим «зубрилой», «учительским любимчиком» и «технофриком». Следующий год — выпускной для Найта, и он тратил практически всё своё время на учёбу, тренировки, а также на визиты к господину Миккейну, в то время как однокурсники предпочитали «надышаться перед смертью» и на предпоследнем курсе отрывались как могли. Голографические картинки Найта

стали популярны как никогда. Тем более что он поднаторел в своём искусстве ещё больше и мог уже моделировать целые оргии, да ещё и интерактивные.

Сам он удивительным образом был способен контролировать вспышки гормонов, относя это на счёт исправной работы стабилизатора. А может быть, Найт был настолько занят, что не успевал подумать о сексе. Или же просто боялся о нём думать, так как эти мысли приносили одну только боль неприятных воспоминаний. Грайд, Бофи, Дэл…

Найт с головой погрузился в учёбу и подготовку к главным экзаменам в жизни.

Глава 17

За два года до выпускного курса Найта в лабораториях Мастера Сидриха, хозяина самого восточного города Империи — Лунаполиса, появились первые химеры. Эти существа выглядели очень похожими на людей, но на деле их клетки состояли из адского коктейля ДНК разных видов животных, насекомых и даже растений. Мастер Сидрих был обеспокоен близостью к агрессивной и воинственной Руссии и решил создать солдат, которые могли бы идеально противостоять руссийцам как на территории Империи, так и в дремучей восточной тайге. Он был гениальным сикеробиологом и генетиком и всё же где-то допустил крошечную ошибку. Химеры вышли из-под контроля, растерзали своего создателя, устроили настоящую бойню в его городе и разбежались по всей Империи.

Молодой наследник печально известного хозяина Лунаполиса оказался более талантливым биологом и, исправив ошибки отца, создал второе поколение химер, которые беспрекословно подчинялись приказам и имели весьма пассивное сознание, что исключало агрессию, направленную против господина.

Но наследия Мастера Сидриха с лихвой хватило на несколько лет зачисток. Ведь первое поколение химер, в отличие от последующего, ещё было способно на размножение половым путём, чем и пользовалось, похищая женщин из свободных байкерских племён.

Впрочем, события в Лунаполисе принесли и некоторую пользу: теперь директорату той или иной Академии не нужно было строить специальных полигонов для финального экзамена молодых киборгов. Городские улицы или дикие ландшафты Междугородья, кишащие кровожадными и смышлёными тварями, гораздо лучше подходили для проверки боевых качеств будущих защитников Империи или наёмников какого-нибудь вассала Императора Тольда Айзена.

Из старших курсантов Боевых отделений формировали специальные отряды, в которых работа каждого юноши рассматривалась как минимум двумя старшинами группы. В зависимости от мнения старшин директоратом Академии выносился окончательный вердикт.

Найт оказался по распределению в Восточном Харабе — ближайшем к Лунаполису городе, где дикие химеры бесчинствовали особенно нагло.

Основанный беженцами из Хараба в 195 году после Пыльной

Войны на холмистой местности неподалёку от реки Амур, Восточный Хараб изначально должен был стать просто Харабом — реинкарнацией старинного китайского города Харбина, находившегося много южнее и полностью вымершего во времена Пандемии от нановируса. Но в результате некоторых политических интриг Хараб возник в совершенно противоположной стороне Империи, а беженцы оттуда, не без помощи тогдашнего правителя — первого и самопровозглашённого Императора Йохана Траума, всё же отстроились на восточных руинах.

Город был двухъярусным, как и Брокса, но гораздо более густонаселённым: уже сейчас он насчитывал почти четыре с половиной миллиона жителей. Бурно развивалась лёгкая промышленность, активно велись исследования в аграрной области. Амбициозный Мастер с весьма китайской фамилией Ли намеревался уже при жизни соорудить третий ярус и даже стену, какие возводят вокруг крупных городов. Однако ему постоянно мешало дикое мутировавшее зверьё — отзвук Пыльной Войны, которое целыми полчищами то и дело атаковало и пригородные фермы, и даже охраняемые заводы на окраинах. Развитие также тормозили огромные затраты в области медицины: даже спустя три столетия в Восточном Харабе существовала повышенная опасность возвращения изначальной мутации среди населения, дремлющей до поры в рецессивной форме, не говоря уже о такой мелочи, как рак. На рудиментарное третье веко здесь уже практически не обращали внимания.

Жители в подавляющем большинстве были низкорослыми, смуглыми и темноглазыми. Они постоянно куда-то спешили, активно жестикулировали, кивали, шумели и странно коверкали новояз, общий не только для всей Империи, но и, как принято считать, для всего цивилизованного мира. Они постоянно норовили прикоснуться к собеседнику, стояли при разговоре слишком близко, а их чрезвычайно подвижная и активная мимика выражала миллион эмоций, мыслей, чувств и оттенков настроения.

В общем, у Найта голова от Восточного Хараба пошла кругом уже через полчаса пребывания в здании единственного на весь город аэропорта. Идентификация личности проходила несколько хаотично, народ норовил пройти без очереди, а в очереди постоянно перекрикивались, переругивались, размахивая руками, задевая окружающих и ставя им на ноги объёмистые баулы из пёстрого брезента. Многие открыто пялились на молодых киборгов, прибывших из различных городов на практику. В Восточном Харабе киборги были невероятной редкостью,

знакомой людям лишь по Сети.

Найт без труда отличил группку столичных коллег — все высоченные, в модных виниловых шмотках, в сапогах на огромной платформе, украшенных цепями, заклёпками и шипами из нержавеющей стали. Виски у этих ребят были фигурно выбриты или же татуированы, а волосы крашены в термоядерные цвета. Столичные киборги возвышались над окружающими, словно остров посреди волнующегося моря, развязно жевали жвачку таких же ярких оттенков, что их волосы, и надменно поглядывали на местное население. Парочка кивнула в сторону Найта и принялась перешёптываться, то и дело прыская со смеху. Найт сделал вид, что ничего не заметил.

Практикантов встречало несколько доверенных лиц Мастера Ли. Молодых киборгов рассадили по вместительным муверам и отвезли в головную башню города, построенную по образу и подобию резиденций прочих Мастеров.

Как правило, головную башню в мегаполисе возводят, если выстроено уже не менее пяти уровней, и она никогда не бывает самым высоким зданием в городе. Однако Мастер Ли построил башню «на вырост», и она возвышалась над крышами небоскрёбов почти на три километра, заметная из любой точки города. Башня «съела» порядочную часть бюджета и вогнала Восточный Хараб в долги. Население начало было роптать, но предприимчивый Мастер Ли приспособил огромные пространства колоссального строения под различные хозяйственные нужды — от заводов и промышленных лабораторий до ферм. Сам обитал в роскошном пентхаусе на последних этажах башни. Когда-нибудь он надеялся обзавестись армией киборгов не хуже, чем у хозяев таких городов, как Тетраполис, Келама или Нидрэд. А пока казармы, предусмотренные планировкой головной башни, пришлись весьма кстати. У Мастера Ли в услужении не было киборгов, только обыкновенные солдаты с минимальным количеством полулегальных, иногда даже кустарных вшивок. Эта армия занимала всего пару этажей, остальные помещения оказались свободны. В них и разместили практикантов.

В комнатах не было окон, но воздух хорошо фильтровался, а мягкое желтовато-белое освещение прекрасно имитировало облачный день. В каждой комнате стояло всего по шесть коек, отделённых друг от друга ширмами с росписью традиционными китайскими мотивами. Это были единственные яркие пятна в серо-белом помещении, впрочем, довольно уютном и — что особенно порадовало Найта — опрятном.

А вот непривычно малое количество соседей смутило его. К тому же, четверо были из Октополиса, а пятый — из Келамы.

Столичные сперва повозмущались, почему их не определили вместе с однокашниками, но потом выяснилось, что размещение зависело от боевых показателей.

— Мы что, как генму стреляем, что ли?! — кипятились они. Найт слышал их недовольные голоса за дверью, спокойно вешая сумку в шкафчик.

Но потом столичным мальчикам, вероятно, разъяснили всё, и они вернулись в комнату.

Келамовец, юноша с непривычно тонкими для киборга чертами и широко расставленными томными глазами, нарочно говорил с сильным акцентом, то и дело переходя на старопольский. Этим он изо всех сил пытался показать, что происходит из древней фамилии. Правда, столичные всё равно отгородились от него незримой стеной. Звали его Янек Птукльковски.

Найту было жаль келамовца: тот оказался ещё более одиноким, чем альбинос, который при случае всё же не побрезговал бы знакомством с «провинциалом». Но сам «провинциал» брезговал знакомством с генму.

Прибывшим ранним утром молодым киборгам дали час на отдых и приведение себя в порядок, после чего старшины групп собрали их в огромном зале-терминале, распорядившись загрузить в мнемокарту необходимую информацию о местах, в которых химер видели наиболее часто, а также о повадках химер, их слабостях и сильных сторонах. Затем старшины рассказали всё это устно, чтобы молодые киборги могли лучше усвоить информацию и легче оперировать ею.

Разбили на отряды. Найта вновь определили к столичным. Гордый отпрыск древнего польского семейства оказался в другой группе.

Молодым киборгам предоставили казённое обмундирование и развезли по разным полигонам.

* * *

Химеры не являлись животными в полной мере, но и за людей их принимать было никак нельзя. Практикантам доходчиво объяснили различия.

Химеры предпочитают драться голыми руками, зачастую снабжёнными острыми когтями, либо примитивным оружием — битами, дубинами, ножами. Дерутся, как правило, яростно и неутомимо, но не слишком умело.

Они способны на всяческие военные хитрости, засады, но, в отличие от животных, химеры не способны прочувствовать в

полной мере и определить уровень опасности. Упрямо будут крутиться возле фермы, где находят лёгкое пропитание, несмотря на смертельную опасность. В то время как хищные звери предпочтут бросить опасную «кормушку» и поискать более лёгкую добычу.

Отряду Найта неспроста привели в пример именно ферму. Восьмерым молодым киборгам предстояло избавить от настырного и опасного соседства с распоясавшимися химерами довольно большое загородное имение, мясная продукция которого была неплохо знакома даже жителям столицы.

Несколько больших жилых домов, построенные из камня хлевы и пара заводов по переработке мяса граничили с дикой степью, в холмах которой и обосновалась стая человекоподобных хищников. Хозяева имения пытались бороться с напастью своими силами, обращались за помощью к Мастеру Ли, но химеры ускользали, а то и давали сдачи. Тварям хватало наглости даже подкинуть к самому порогу хозяев фермы головы несчастных солдат, рискнувших сунуться в норы под холмами.

Пара джипов с киборгами прибыла на место примерно к полудню. В это время химеры обычно спали. Старшины выстроили отряд, синхронизировали рации и двинулись на поиски химер.

Небольшую стаю удалось обнаружить почти сразу. Если бы Найта не предупредили заранее, он принял бы группку косматых парней в исключительно символических набедренных повязках за обыкновенных степных дикарей. Даже несмотря на то, что байкеры обычно носят грубо скроенную одежду из толстой кожи и не расстаются мотоциклами.

Химеры кинулись на киборгов с шипением и визгом, на какой не способна человеческая глотка.

Найт поразился, какие же длинные прыжки могут совершать эти существа. Но он не замешкался ни на секунду, а вскинул пистолет и начал стрелять. С удивительной точностью и хладнокровием. Всё по инструкции — правильный угол в сгибе локтя, вдох-выдох, разворот. Без промаха. Раз. Два. Ещё одна химера кинулась из-за валуна. Разворот. Выстрел. Три.

Кто-то из парней растерялся. Химеры выглядели точь-в-точь как люди, а при ранении вскрикивали так пронзительно и жалобно, что рука могла дрогнуть.

У кого угодно, но только не у Найта.

Он не осознавал себя убийцей. Ведь он просто уничтожал продукт неудачного эксперимента. Кроме того, душевные метания помогал победить стабилизатор. Найт мыслил хладнокровно и чётко, и рука его была тверда.

Старшины удовлетворённо кивали, заранее отмечая лучшего в группе.

Но затем Найт вдруг кинулся вдогонку за уцелевшими химерам. Те повернули к холмам.

— Стой! — заорал старшина. — Они в нору спрячутся! На их территорию запрещено проникать!

— Тогда они так и будут терроризировать ферму! — ответил на бегу Найт.

— Патронов не хватит! Нарушение инструкций! Штрафное, мать твою! Два штрафных!

Старшина нёсся со всех ног за взбалмошным альбиносом и даже сунулся в нору следом за ним: за каждого пострадавшего взыскивали со старшин. Но всего в паре десятков шагов от входа с потолка посыпались камни — сработала заранее подготовленная химерами ловушка для незваных гостей. Старшина чудом успел отскочить. Завал отгородил его от исчезнувшего в темноте Найта.

Парня можно списывать со счетов. Старшина ругался пару минут кряду, швырнув на землю шлем.

— Всё же хорошо шло! Чёртов тупой генму! Куда его только понесло!

— Естественный отбор, — буркнул один из столичных мальчиков.

Старшины разделили отряд и прочесали холмы, но не нашли больше ни одной норы. Найт пропал, вероятно, навсегда.

Приближалась сильная пылевая буря, о которой киборги были предупреждены. Ветер уже приносил с юга невесомые шлейфы рыжеватой пыли. Старшины были мрачнее тучи, когда отдали приказ возвращаться.

* * *

Не так глуп был альбинос, как показалось старшинам. Он заранее продумал ход собственной операции. Бесполезно срезать побеги сорняка — надо выкорчевать корень. Найт поинтересовался несколько б***о***льшим количеством информации, чем выдали при инструктаже.

Оказывается, под холмами существуют пуст***о***ты — старинные заброшенные шахты, многие из которых заполнены метаном.

Химеры кидались на киборга со всех сторон, Найт только отстреливался и всё чаще задумывался о том, что патронов может не хватить. Но скачанная из Сети мнемокарта — план старинных шахт — помогала ориентироваться в кромешном мраке: киборг словно видел перед собой трёхмерный лабиринт. Благо связь с

Сетью здесь была неплохая — сказывалась близость города.

Найту удалось обнаружить колодец, ведущий в шахту. Химеры отстали гораздо раньше, вероятно, знали об опасном месте. Вонь витала над колодцем сплошной черноты весьма отчётливая.

Найт чиркнул об стену сигнальным жезлом, какие выдавали всем вместе с экипировкой на всякий случай, тот вспыхнул, рассыпая искры. Молодой киборг швырнул жезл в яму с приличного расстояния и, не дожидаясь взрыва, кинулся бегом обратно к выходу из норы.

Химеры уже поджидали чужака и бросились в драку, но тут грохнуло. Земляной пол заходил ходуном. Химеры растерялись, стали метаться. Огонь поднялся и в вырытые ими тоннели. Найт оставлял за спиной огненный ад.

Вскоре он добрался до завала и принялся разбирать его, заставляя себя не впадать в панику. Для киборга, пусть и совсем юного, с минимальным количеством вшивок, увеличивающих силу и выносливость, раскидать гору камней не представлялось сложной задачей. Но в спину дышал огонь, а далеко под ногами рвался метан.

Несколько раз выскакивали обезумевшие от ужаса химеры, кидались в отчаянии на врага, даже не пытаясь искать выход. Найт хладнокровно отстреливал их и продолжал своё занятие. От гари и духоты он начал кашлять и задыхаться.

Стена из камней, казалось, совсем не уменьшилась.

Найт припадал на одно колено, приступы кашля становились всё продолжительнее и мучительнее. Но Найт упорно пробивался к выходу.

И вот глотнул кислороду.

Рядом мелькнула тень. Киборг дёрнулся, вскинув пистолет, но замер. Ему пришла на помощь женщина. Настоящая биологическая женщина. Грязная, растрёпанная, в каких-то замызганных обносках.

Но ведь им говорили при инструктаже, что химеры бывают только мужского пола! И тут парень заметил на шее женщины обрывок цепи.

— Ты кто? — ошарашенно спросил Найт.

— Я Тана, — хрипло ответила она. — Из байкеров. Эти звери меня держали тут, но мне удалось сбежать. Поднажми, городской!

Вместе они разгребли завал и выбрались наружу.

Остальные киборги пропали. Найт огляделся, но не заметил поблизости джипов, ни одной живой души. В голове плыл туман, глаза щипало, горло словно было забито тлеющей ватой.

— Как же так… — шептал молодой киборг. — Бросили…

Силы оставили его, и Найт повалился на пожухлую траву.

— Вставай, городской! — шипела байкерша, скаля крупные зубы и тягая киборга по земле. — Да вставай же ты!

Найт понимал, что нужно встать, но не мог.

«Будь, что будет!» — подумал он и провалился в забытье.

Глава 18

Практика для выпускников Боевого отделения Академии обычно длилась неделю. За это время молодые киборги успевали поучаствовать в двух-трёх полевых заданиях. Затем старшины групп оценивали их.

Альбинос имел все шансы получить высший бал и закончить Академию с отличием, но вдруг повёл себя крайне глупо. Никто никогда не возвращался из логова химер. И об этом практикантов предупредили.

Парнишка наверняка труп.

Старшины, ответственные за его группу, тянули с написанием рапорта. Смерти случались, но крайне редко. Случалось также, что пропавшие без вести в последний день объявлялись как ни в чём не бывало. Конечно же, получали нагоняй, но хотя бы не портили карьеру старшинам.

В случае с Найтом на чудо рассчитывать не приходилось.

В комнате, где он несколько дней назад занимал койку, царила напряжённая тишина. Парни не видели его трупа и не могли окончательно поверить в то, что Найт погиб. Но всё же атмосфера стояла гнетущая. А как легко и хорошо, почти играючи всё начиналось!

Старшины добавляли масла в огонь своими мрачными лицами. Молодые киборги потихоньку начали испытывать смутный, не в полной мере осознанный страх. Они начинали понимать, что быть киборгом — это значит постоянно балансировать между жизнью и смертью. Детство закончилось. Впереди — вечная смертельная схватка с судьбой.

Но «достопримечательность» не была бы собой, если бы не преподнесла ещё один сюрприз.

К центральным воротам головной башни прямо среди бела дня подъехало несколько самодельных байков, покрытых рыжей степной пылью. Обычно дикие байкеры с равнин не проникали в город так далеко, предпочитая тереться у окраин.

На возглавляющем колонну мотоцикле сидели двое: косматый обросший мужик в рогатом шлеме, обмотанном камуфляжной сеткой, и за его спиной — Найт.

Сперва охрана башни хотела прогнать дикарей, но потом выяснилось, что те не имеют агрессивных намерений. Они просто доставили киборга.

Под взглядами сбежавшихся соратников, старшин разных групп и местных жителей Найт спрыгнул с мотоцикла и пожал руку байкеру так, как принято у них — обхватывая не ладони, а

локти друг друга.

— Ты мне брат теперь, Найт.

— И ты мне брат теперь, Медведь, — ответил молодой киборг.

С этими словами группа байкеров развернула свои машины, эффектно привставая на заднее колесо, и с рёвом укатила.

Найт пошёл к широкому крыльцу, на котором столпились прочие практиканты и старшины, в том числе те, что уже заранее похоронили взбалмошного курсанта.

Найт приблизился к ним, щёлкнул каблуками и отчеканил:

— Виноват, господин Йохансон, господин Смарт. Курсант девятого курса Академии Найт нарушил предписания и самовольно действовал в полевых условиях. Задержался с возвращением по причине погодных условий.

— С этим разберёмся позже, — ответил один из старшин. — Отправляйтесь в комнату. До выяснения обстоятельств вы под домашним арестом.

Однако к вечеру выяснилось, что благодаря действиям Найта удалось полностью уничтожить весьма крупное гнездо химер, и мясная фабрика теперь в безопасности. Кроме того, Найт сообщил, что байкер, с которым он так сердечно прощался и у которого согласно правилам неписанного степного закона гостил всё это время, пережидая пылевую бурю, является братом женщины, спасённой из логова химер. И теперь Медведь от лица всего племени, вожаком которого он был, клятвенно пообещал не нападать больше на караваны, идущие из города.

Найту не стали выносить никаких выговоров и зачли ему полевое задание. Даже с отличием. Мастер Ли лично пожал ему руку и предложил сразу после получения документов об окончании Академии остаться у него на службе. Найт поблагодарил и сказал, что подумает.

Столичные парни изменили своё мнение о «генму». Один из них даже обменялся с Найтом координатами на тот случай, если Найт вдруг решит перебраться в Октополис, и предложил посильную помощь на первое время с жильём и даже деньгами. Найт поблагодарил и сказал, что подумает.

* * *

Итак, он вернулся в Броксу, гордый своим маленьким триумфом, уже более существенным, чем победа в конкурсе танцев.

На полуторачасовой церемонии вручения аттестатов и

лицензий на ношение оружия глава Академии пожал руку альбиноса и, усмехнувшись, сказал, что Найт родился в рубашке.

По периметру обширной застеклённой площадки стояли лучшие курсанты всех отделений, по одному с каждого курса, и держали стяги с символикой Академии, города Броксы, семьи Мастера Ирона и Империи. Найт украдкой оглядел всех отличников и нашёл Дэла. Сердце замерло и радостно подпрыгнуло. А потом Найт вдруг захотел, чтобы этот гордый парень завидовал его достижениям. Но лицо Делейта Лебэна было абсолютно бесстрастным, невозможно было определить, что он испытывает. Уж во всяком случае, точно не зависть.

После церемонии устраивался банкет в честь выпускников. На нём присутствовали, если имели такое желание, собственно виновники торжества с самых разных отделений, а также те отличники, что держали стяги на церемонии, и преподаватели с инструкторами.

Многие из них жали руку Найту, сдержанно выражая уважение. Подошёл и господин Торроф. Он также пожал руку парню и завёл разговор:

— Что ж, юноша. Вся Академия только и гудит, что о вас и вашей операции по уничтожению гнезда химер… Немного лукавлю, конечно. Ещё прославился вундеркинд с Синтеза. Изобрёл совершенно новую генетическую формулу. Но на Боевом отделении вы бесспорный лидер по количеству обсуждений. Какие у вас планы после окончания?

— Я пока об этом не думал, — пожал плечом Найт, невольно отводя глаза.

— И напрасно. С вашими данными о карьере стоило задуматься уже курсе на шестом. Скажите, вы рассматривали Октополис в качестве возможного места работы?

Найт сдержанно засмеялся:

— Что вы! Я о таком даже не помышляю! Мне не место в столице.

— Отнюдь! — помотал головой кибербиолог.

Вдруг его цепкие зеленовато-серые глаза стали очень серьезными, и он проговорил:

— Вы далеко пойдёте, молодой человек. В вас есть… как бы это сказать… некая искра. Вы истинный киборг. Уверяю вас, в столице вас ждёт головокружительная карьера.

Найт помолчал. Он на краткий миг задумался о том, что в словах господина Тороффа есть здравый смысл. Да, в столице за чистотой генома следят гораздо жёстче, чем в любом другом городе Империи. Но ведь киборгу всё равно никогда не получить разрешения на репродукцию, так и какая же разница, что этот

киборг — альбинос?

Генму или нет — главное, что он действительно имеет все шансы стать очень сильным воином вопреки самой своей природе. Тело Найта приняло все вшивки боевой группы, как родные. Да и не только боевой группы. Иммунный фильтр навсегда избавил его от аллергии и от частых болезней. Новые глаза сослужили прекрасную службу в стрельбе. Найт теперь совсем не тот тщедушный хлюпик, что при поступлении в Академию. При непосредственном содействии господина Торрофа он превратился в настоящую боевую машину, которой есть куда стремиться. Нет предела совершенству.

— Я подумаю над вашим предложением, — задумчиво проронил юноша, и теперь его слова вовсе не были простой вежливой формулировкой.

— Вот мои координаты, — сказал господин Торроф, протянув Найту пластиковую карточку с набором символов и знаков, понятных для Сети. — Так меня быстрее всего найти. Я завтра улетаю в Октополис. Буду ждать вашего решения.

С этими словами он крепко пожал руку молодому киборгу и растворился в толпе.

Найт вдруг заозирался в поисках Делейта. Хотелось то ли поделиться с ним радостью, то ли похвастаться. Просто поговорить с ним. На прощание. Ведь завтра они разойдутся, быть может, навсегда. Делейт будет учиться ещё два года, а у Найта начинается взрослая жизнь. Но яркого черноволосого мальчишки нигде не было видно. Найту стало вдруг ужасно скучно и тоскливо. Ощущение, будто на плечи упал пыльный мешок.

Банкет шёл своим чередом, а Найт незаметно ускользнул и отправился в общежитие.

Спальня шестого блока пустовала: здесь обитали только выпускники, которые остались в банкетном зале. Найт неторопливо собрался, как будто хотел подольше побыть в этих стенах. Потом закинул сумку на плечо и решил проведать другие блоки.

С течением лет Академия Броксы увеличила набор, и теперь разновозрастных спален практически не существовало, все были укомплектованы согласно курсу и возрасту. С одной стороны, удобно, а с другой — нет. Найту пришлось пройтись по всему этажу огромного общежития. Чейз, Генрих и Штэф обитали теперь снова в пятом блоке. Занятия для них давно закончились, но Найту повезло застать их всех. И даже Тоду, вернувшемуся из спортзала, Найт был рад, потому что тот сдружился с Дэлом.

— Передай Дэлу мои координаты, пожалуйста, — попросил Найт, вручая ему маленькую карточку с номером телефона,

электронного почтового ящика и идентификационным номером в Сети, по которому можно послать сигнал непосредственно на биочип.

Конечно, этот келамский вредина наверняка не передаст, да ещё и посмеётся. Но ведь трое свидетелей есть, которые в случае чего напомнят…

Крепко обняв всех на прощание, Найт отправился проведать Биффанта Худжина. Но его на месте не оказалось. Несколько его однокурсников, отдыхающих в общей спальне, сообщили, что Бифф опять ускакал на свиданку. Потом смерили Найта заинтересованными взглядами с головы до ног. Вероятно, приняли и его за очередной трофей приятеля.

Найт шёл по коридору, легонько улыбаясь. Бифф наверняка вырастет настоящим красавцем. Уже сейчас в пятнадцатилетнем подростке заметна стать будущего самца, гибкого, как леопард. Всё, что было в прошлом, выветрилось начисто из его златокудрой головы, которую он зачем-то красит в ядовито-оранжевый.

Проходя мимо седьмого блока, Найт чуть задержался. Здесь обитал Бофи. Он закончил в прошлом году. Найт даже не попрощался с ним. Что ж, быть может, так оно и лучше. Только сердце чуть кольнуло.

На улице буйствовал июнь. Жарило яркое солнце, шумели зелёные парки, в воздухе носилось предчувствие огромной, долгой жизни. Найт вздохнул полной грудью и пошёл по улице пешком. До ближайшего транспортного терминала было рукой подать, но молодой киборг пока не знал, куда направляется. Он просто наслаждался свободой, летом, своей едва начавшейся самостоятельной жизнью. Теперь он может придумать и построить с нуля себе любую судьбу, сам, а не потому, что кто-то взял его за шкирку и утащил на чужую каменистую дорогу. Нет, пожалуй, эта дорога — его. Правильная дорога.

Найт гулял по городу, сидел в крошечных кофейнях, глазел по сторонам и старался ни о чём не думать. Думать он начнёт ближе к вечеру: где снять комнату и куда податься. А может, купит ночной билет до Октополиса. Всё в его руках.

Глава 19

Найт не заметил, как очутился в старой части Броксы. Здесь было больше всего восстановленных зданий, поднятых с земли на второй уровень города. Есть повод гордиться своей малой родиной: сейчас старых зданий почти нигде в Империи не встретишь. То подделки или вариации на тему ретро, то современная архитектура — пластик, металл, стекло и бетон. А на этой маленькой улочке попадаются порой настоящие «пряничные домики».

Внимание Найта привлекла потемневшая от времени витрина. Она вся была сплошь заставлена какими-то невообразимыми вещицами, которым мозг молодого киборга никак не мог придумать назначения. Толкнул скрипучую низенькую дверь и очутился в полутёмном зале, заставленном стеллажами и полками. Здесь царил золотистый, пахнущий деревом и пылью сумрак. Найт медленно прошёлся между рядами шкафчиков, забитыми всякой всячиной, которая вряд ли могла бы пригодиться в жизни современному человеку. Без труда можно было догадаться, что это антикварный магазинчик.

— Чем могу быть полезен? — послышался спокойный и мягкий голос за спиной. Найт оглянулся. Приятной наружности аккуратный старичок в тёмном свитере внимательно глядел на него поверх старомодных очков.

— Я пока только смотрю, — почему-то виновато пожал плечами Найт. Наверняка все и без того малочисленные посетители приходят сюда только поглазеть.

Вдруг в горле Найта резко пересохло. Вихрем промчались ассоциации. Очки, свитер, старина. Господин Миккейн. А ведь он даже не попрощался с этим человеком, который столько для него сделал! И столько для него значил…

От мучительного стыда у Найта покраснели уши. Он уже успел забыть это ощущение.

— Нет, погодите, я хотел бы спросить, — быстро заговорил юноша, когда владелец лавки, вздохнув, отвернулся, чтобы уйти за прилавок, — у вас есть какая-нибудь классика?

— Конечно, — кивнул старичок и жестом пригласил следовать за ним.

Рядом с прилавком находилось несколько стоек с компакт-дисками, какие сейчас мало на чём можно воспроизвести.

— Вот, прошу. Тут у нас индастриел-нойз и дабстэп двадцать первого века. Вот тут — электро боди мьюзик двадцатого. А это — моя гордость, полное собрание Kraftwerk.

— Нет-нет, — помотал головой Найт. — Я имею в виду настоящую классику. Ну… ну, к примеру, Вивальди. Или Моцарт. Или Гендель.

Старичок посмотрел на необычного посетителя с нескрываемым изумлением.

— Ах, вы это имеете в виду… Что ж, есть и такое. Подождите минутку.

Он ушёл в подсобку, оставив Найта один на один с золотистой тишиной и покоем бесполезных вещей, каждая из которых теперь предназначена лишь для коллекционирования, любования да «войны статусов».

Старичок вернулся. Он нёс в руках несколько странных предметов: квадратный конверт из какого-то плотного материала, отдалённо напоминающего пластик, несколько маленьких коробочек из прозрачной пластмассы и папку с пожелтевшими листами.

— Вот, нашёл кое-что. На виниле, кассетах и в виде нот. Это, как вы и просили, Антонио Вивальди. Правда, несколько изменённая версия двадцатого века. Тогда это называлось «классика в обработке». А вот на этих кассетах — запись хора мальчиков, если мне не изменяет память, венского, середина двадцатого века. В частности, есть Гендель.

Рассказывая всё это, владелец лавочки поставил на прилавок странный агрегат, сдул с него пыль, нажал кнопку, и сбоку агрегата откинулась маленькая крышечка. Старичок вложил туда вещицу, которую назвал кассетой, затем плотно прикрыл крышечку и нажал другую кнопку. Послышалось мягкое шипение и потрескивание. Потом полилась музыка. Одновременно печальная и возвышенная, пронзительно чистая от того, что её исполняли хрустальные детские голоса. Маленькие ангелы, глядящие вниз с далёких облаков на суровый и грубый мир мужчин-воинов, в котором не было места маленьким ангелам.

— «Дигнаре», — тихо сказал владелец лавки. А потом проговорил нараспев: — Сподоби, Господи, в день сей без греха сохранитися нам. Помилуй нас, Господи, помилуй нас. Буди милость Твоя, Господи, на нас. Якоже уповахом на Тя.

Найт медленно кивнул и прошептал:

— Так красиво…

Горло сжалось, сердце дрожало натянутой струной, резонируя от чистого, как слеза, нежного пения. Найт слишком давно не плакал, но до сих пор не забыл это ощущение — одновременно сладкое и болезненное, как оргазм, когда подкатывают слёзы. Нет, ему плакать нельзя. Иначе визоры испортятся.

— Я беру всё, — деловито сказал Найт, доставая кредитку.

— Это очень дорого, — покачал головой старичок.

— Но ведь вы зачем-то мне всё это показали, — улыбнулся Найт.

— Я показал это потому, — ответил владелец лавки, — что вы уникальны, дитя моё. Хотите, я перепишу вам всё это на удобные современные носители, совершенно бесплатно? Зайдёте завтра, заберёте.

— Нет-нет, я хочу купить. Это в подарок. Одному очень-очень важному для меня человеку. У меня есть деньги, я получал повышенную стипендию, да и выпускные получил повышенные.

— Вы же киборг, дитя моё. Вам пристало покупать на эти деньги оружие.

— Ещё успею! — отмахнулся Найт.

Старичок вздохнул и принял кредитку.

Переведя необходимую сумму, он принёс из подсобки коробку, уложил всё бережно и медленно, словно прощался с друзьями или членами семьи.

Потом попросил Найта подождать и через некоторое время вынес какой-то непонятный предмет. Стеклянный шар на подставке, внутри которого на одной ножке стояла танцовщица в странном белом одеянии, знакомом Найту по видеоархивам господина Миккейна. Старичок встряхнул шар, и вокруг маленькой балерины закружился снежный вихрь.

— Возьмите, дитя моё, — сказал он, протягивая сувенир, — совершенно бесплатно. Этой вещице около четырёхсот лет. Правда, её пару раз чинили, но она вполне может считаться антиквариатом. Она долгое время оставалась в моей семье, переходя по наследству. Я считаю, что теперь этот предмет должен остаться у вас.

— Но я киборг. У меня никогда не будет наследников, которым я смогу передать его.

— Вы обязательно найдёте ей пристанище.

Старичок утвердительно кивнул и улыбнулся удивительно приятной и светлой улыбкой. Найт бережно уложил стеклянный шар в свою сумку, забрал кредитку и, попрощавшись, вышел.

* * *

— Дорогой, к тебе пришли, — сказала Мона, осторожно заглянув в кабинет своего хозяина, который настойчиво требовал называть его мужем.

— Милая, я же сказал, что работаю, — буркнул господин

Миккейн, не отрываясь от ноута.

— Это Найт, — только и ответила на это Мона.

Господин Миккейн вскинул голову, встал. Постоял, чуть нахмурившись. Но потом всё же сорвался с места и стремительно прошагал из кабинета.

Найт, высоченный, широкоплечий, стоял в холле и широко улыбался. В первую секунду он показался историку неприятно похожим на генерала Агласиса Шибту. Когда-то старый киборг точно так же стоял здесь, чуждый всему окружению. Разве что выражение лица его было мрачным и серьёзным.

Найт изменился. От робкого, тощего и болезненного мальчика не осталось и следа. Как же давно они всё-таки не виделись…

— Здравствуй, Найт, — проговорил господин Миккейн. — Я, признаться, уж и не чаял…

— Простите меня! — Найт шагнул к историку навстречу, в первое мгновение даже напугав его своей стремительностью, ростом, хрустальными глазами, крепкими объятиями. Объятиям мешала какая-то коробка.

Найт чуть отодвинулся, глядя на своего учителя. Потом спохватился:

— Ох, совсем забыл! Это вам!

Господин Миккейн, помешкав, принял.

— Откройте! — Найт радостно показал в улыбке белоснежные ровные зубы.

Господин Миккейн откинул крышку. Ахнул. Аккуратно придерживая коробку одной рукой, второй медленно перебрал её содержимое.

— Боже мой, Найт, это же безумно дорого!

Он закрыл коробку и вернул её.

— Я не могу это принять!

— Примите, ну пожалуйста!

В груди господина Миккейна тихонько ёкнуло. Интонации и изогнутые белые брови разрушили иллюзию «молодого Агласиса Шибты». Перед ним стоял всё тот же маленький болезненный мальчик, обманчиво-хрупкий и невероятно сильный, как эдельвейс. Просто вокруг этого мальчика наросла броня из упругих мышц и искусственной красоты.

Господин Миккейн сглотнул, прижал коробку к груди одной рукой, а второй обхватил спину Найта.

— Спасибо, мой мальчик.

После довольно продолжительной паузы он отодвинулся и сказал:

— У тебя есть время на чашечку кофе?

Найт кивнул.

Через четверть часа они сидели в гостиной среди картин, о большинстве которых Найт мог бы многое рассказать. Переговорили на все темы, накопившиеся, точно прелые листья под снегом, за это время. Обсудили тысячу вопросов, проболтали до вечера.

— И какие же у тебя планы на будущее? — спросил господин Миккейн, осторожно прихлёбывая горячий кофе.

— Пока точно не знаю. Но думаю податься в столицу, — ответил Найт.

Господин Миккейн едва заметно нахмурил брови. Поставил чашечку на стол. Найт взволнованно спросил:

— Что с вами?

— Прежде всего, что с тобой? — господин Миккейн поднял взгляд на недоумевающего парня. — Хочешь ли ты на самом деле того, о чём говоришь?

Найт отвёл глаза, задумавшись. Господин Миккейн продолжал:

— Я наслышан о твоих подвигах. Единым махом уничтожить сразу около сотни живых существ — это похвально для киборга. Если ты переберёшься в столицу, у тебя есть все шансы поступить в элитное киберподразделение «Шершень». Там любят таких. Но такой ли ты, мой мальчик?

Найт молчал. Учитель положил на его ладонь свою, юноша вздрогнул и взглянул на него.

— Глаза — зеркало души, — произнёс господин Миккейн, — но эти твои киберглаза — её тюрьма. Они запрещают тебе даже плакать. А плакать живым существам необходимо. Когда мы плачем, то на обугленную, высушенную долину нашей души льётся целительный дождь. Я боюсь, что твоя долина окаменеет.

Найт опустил голову и едва заметно закусил губу. Учитель встал, обошёл его стул и положил руки Найту на плечи.

— Мне очень не хочется, чтобы ты пропал.

Через несколько минут молчания Найт встал, осторожно сняв с себя руки историка.

— Уже поздно, я пойду, наверное…

— Оставайся. Переночуй, как в старые добрые времена, в комнате моего сына. Гостиница — просто ненужные траты. А ты с этим безумно дорогим подарком и так поиздержался. Должен же я тебе хоть как-то возместить! — добродушно усмехнулся господин Миккейн.

Найту и самому совсем не хотелось уходить. Он поглядел на учителя и, чуть виновато улыбнувшись, кивнул.

* * *

Знакомая комната, по которой Найт, как оказалось, ужасно соскучился, будто бы глядела на юношу с укоризной. Это ощущение не давало уснуть. Проворочавшись с боку на бок несколько часов, Найт тихо встал и двинулся в сторону спальни господина Миккейна, ещё не вполне осознавая зачем.

Тот спал в большой постели вместе с Моной. Самочка, казалось, старалась занять как можно меньше места: она свернулась клубочком на самом краю довольно вместительного ложа. Найт решил, что если она вдруг проснётся, то молча встанет и бесшумной тенью выскользнет из комнаты, догадавшись, что она лишняя.

Но Мона не проснулась. Найт приблизился к постели. Безмятежное лицо спящего учителя казалось непривычным, каким-то голым и беззащитным без очков. Найт некоторое время стоял и смотрел на него, как на нечто незнакомое, удивительное, а потом наклонился и невесомо прикоснулся губами к щеке господина Миккейна, немного удивляясь необычному ощущению грубой, чуть колючей кожи. Сердце забилось быстро и резко, как будто Найт делал что-то плохое и боялся, как бы его не поймали.

Выпрямившись, юноша положил на столик рядом с кроватью электрошок, который когда-то дал ему господин Миккейн в знак доверия, и поспешно покинул спальню.

После этого юноша уснул сразу же, как только укутался в одеяло. У него даже не было времени подумать, что же это было — сыновний поцелуй или…

* * *

Утром не осталось никаких мыслей и сомнений. Найт не захотел сбегать, не попрощавшись, потому дождался, когда господин Миккейн проснётся, даже позволил уговорить себя остаться на завтрак, а потом сообщил:

— Я остаюсь в Броксе. Попытаю счастья на службе у Мастера Ирона. Столица не для меня.

Господин Миккейн просиял.

— Это надо отметить, мой мальчик!

Он поднял стакан с соком и легонько стукнул его краешком о стакан ученика.

После завтрака Найт отправился в центр города, где в тщательно охраняемой зоне располагался комплекс офисных зданий и казарм, подчиняющихся непосредственно Мастеру

Ирону. Как оказалось, не один Найт решил наняться в услужение к хозяину города. Молодые киборги заполняли специальные анкеты и представляли на рассмотрение свои аттестаты. Найт заметил в обширном, залитом солнечным светом холле и Ка. Но обменялся с ним лишь сдержанными кивками.

Документами заведовал суровый пожилой мужчина в должности старшего секретаря. Изучив данные Найта, он буркнул:

— Так у вас полный альбинизм…

И смерил его весьма красноречивым взглядом, от которого рослый и крепкий юноша почувствовал себя едва ли не куском дерьма, прилипшим к ботинку. Но вдруг вспомнил уроки Тэо, расправил плечи и выпрямил спину с благородной гордостью.

— Да. Это имеет какое-то значение?

Секретарь сдержанно крякнул и опустил глаза. Глядя на этого громадного киборга с прозрачными глазами, царской гривой белоснежных волос и мужественно-грубыми чертами лица, легко забыть, что он генетически неполноценен.

После подачи документов и их обработки выпускников Академии пригласили в тир, где под наблюдением киборга в звании второго инструктора они продемонстрировали свои навыки в стрельбе.

Затем юношам необходимо было преодолеть полосу препятствий в специальном зале. В целом всё выглядело урезанным вариантом промежуточного экзамена в Академии.

В более крупных мегаполисах соискателей иногда подвергали и нейросканированию, чтобы обезопаситься от возможных вражеских агентов. Но Мастер Ирон понимал абсурдность подобной меры относительно своего городка.

После «экзамена» киборгам предложили немного подождать. Требовалось время на обработку информации и на короткую консультацию личного секретаря главы города со старшим секретарём и инструкторами. Мастер Ирон полностью доверял мнению своих подчинённых.

Юноши ожидали решения в том же холле, где заполняли анкеты. На нескольких плазменных экранах прыгало какое-то новомодное видео, но его никто не удостаивал внимания, слишком уж волновались вчерашние выпускники. Впрочем, Ка вроде бы вовсе не волновался.

Результаты сообщили минут через сорок. Приняли всего семерых из тридцати соискателей. Ка не оказалось в списках счастливчиков. Найт удивился, что бывший однокурсник подошёл к нему и пожал руку.

— Поздравляю, Мыш, — сказал тот совершенно беззлобно, и

Найт улыбнулся в ответ. — Что ж, не повезло мне. Или, может, наоборот повезло. Подамся в Тетраполис. Новым хозяевам города нужна новая армия.

— Удачи, Ка.

— Кстати, моё полное имя Кристофер, — подмигнул Ка.

Затем он сунул руки в карманы, развернулся и покинул офис личного секретаря Мастера Ирона.

Найт остался один в своей новой жизни, хотя и был немного знаком с ребятами из другого блока, ставшими его коллегами.

Ассистенты личного секретаря проводили парней в казарму. На ближайшее и необозримое время она будет домом Найта.

Маленький, ничем не примечательный городок, в котором практически никогда ничего не происходит и в котором, соответственно, вряд ли возможно накопить достаточную сумму на то, чтобы превратиться в машину на девяносто шесть процентов. Но Найту было бы достаточно накопить на более сложные визоры, которые не боялись бы его слёз. Гонка за «вшивками» не была для него настолько важной.

В Броксе оставались господин Миккейн и — минимум на два года — Дэл. Найту удалось приблизиться к отцу, пусть тот даже не знает об этом, стать его незримым защитником и верным воином.

Поэтому Найт не жалел о своём решении.

ЧАСТЬ II

Глава 20

Гениальный Мастер Сидрих, сумевший собрать воедино знания нескольких последних поколений о моделировании ДНК, бесспорно, произвёл революцию в генной инженерии. Даже группа не менее гениальных биохимиков, работавших на Мастера Ллойда и двенадцать лет назад синтезировавших в его лабораториях снадобье под названием Топливо, не могла тягаться с Сидрихом по части вклада в общемировую новейшую историю. Топливо сразу же оказалось вне закона: оно являлось нелегальной альтернативой инъекциям, которые вынуждены были делать все взрослые киборги-наёмники Мастеров, имеющие стабилизаторы. Наработки же Мастера Сидриха заинтересовали Его Величество Тольда Айзэна, и потому не были запрещены. К тому же, в отличие от Топлива, могли сослужить хорошую службу в развитии экономики государства.

Старый Император, как позволяли себе непочтительно выражаться некоторые граждане, вовсе выжил из ума, совсем недавно проведя некоторые реформы государственного строя и предоставив хозяевам городов невиданную доселе свободу. Они могли теперь творить на территории собственных городов что угодно, хоть вводить собственную денежную единицу, не говоря уже о самовольных генетических исследованиях.

Только благодаря старшему сыну Его Величества — Канцлеру Империи Эрцу Айзэну — страна не превратилась в балаган. В частности, при содействии лояльного и в высшей степени рассудочного Мастера Мигереса удалось сдержать распространение «химерского бума». Наследник гениального сикеробиолога строго засекретил все разработки отца и упорно держал монополию, продавая желающим не технологию производства, но «готовый продукт». И всё же некоторые Мастера не пожалели потраченных денег, препарируя и изучая приобретённых химер. И вскоре в Империи стали появляться десятки разнообразных вариаций на единую тему. Некоторые исследования заканчивались так же печально, как и у Мастера Сидриха, некоторые приводили к гибели новых экспериментальных геномов. Но как бы то ни было, поголовье химер росло.

Поветрие коснулось и лабораторий Мастера Ирона.

Так как у хозяина Броксы пока ещё не было головной башни, все предприятия, которые подчиняются Мастеру непосредственно, располагались в разных частях мегаполиса и на разных его уровнях. Порой даже в Междугородье, недалеко от окраин. Туда-

сюда курсировали небольшие бронированные грузовички, перевозя контейнеры с биомассой, молекулами ДНК, а то и клетки с уже «готовыми» особями. И если для охраны компонентов от нападений наёмников, работающих на экономических шпионов, вполне хватало солдат-людей, то водители и биологи, сопровождавшие клетки с живыми химерами, наотрез отказывались находиться в одном грузовике с «чудовищами» без присутствия киборгов. На такие несложные задания отправляли молодых. По одному на каждую химеру.

Найт отчаянно скучал, сидя на узкой лавке напротив мелкорешётчатой клетки с химерой. Мерное покачивание грузовичка и урчание мотора убаюкивало, но Найт прекрасно контролировал себя и даже не клевал носом. Он внимательно рассматривал химеру. Эта особь практически не отличалась от человека. Если не знать заранее, то можно решить, что в клетке за какую-то провинность оказался молодой мужчина лет двадцати пяти, высокий, жилистый, как верёвка, но назвать его тощим или изящным не повернулся бы язык. Он напоминал льва-подростка. Было в его узком костистом лице что-то от хищника семейства кошачьих — широкая и плоская, словно у боксёра, переносица, чуть раскосые светло-зелёные глаза, прозрачные, как стекло. Сходство усиливалось также буйной гривой жёстких желтовато-белых волос. Химера была абсолютно голой, но сидела на металлическом полу, словно не чувствуя холода. Некоторое время существо упорно разглядывало угол клетки. Потом уставилось на своего конвоира. Найт не отвёл взгляда. Химера положила крупные ладони на решётку.

— Чего, жестянка, скучно? — произнесла она совершенно отчётливо низким хрипловатым голосом.

Найт поднял бровь, изумившись.

— Да-да, мы умеем говорить. Поговорим?

— Сиди молча, — сухо ответил Найт, справившись с шоком.

— Меня засунули в клетку и даже не дали ничего, чтобы прикрыть зад. Меня везут препарировать, то есть устранить свободную волю, которую они называют погрешностью биосинтеза. Должно же быть в моём положении хоть что-то приятное! Хоть поболтать вот…

Химера подмигнула Найту, и тот нахмурился, поджав губы:

— Сиди молча, иначе буду вынужден применить силу.

Химера подняла палец:

— Однако ты говоришь со мной как с человеком…

— Чего тебе на самом деле надо? — буркнул Найт.

Химера покачала головой, прищурившись.

— Просекаешь, железная башка… Действительно кое-чего

надо.

— Меня зовут Найт, а не жестянка или железная башка. Так и что же тебе надо? В туалет, что ли? Потерпишь. Или в уголок вон иди.

— Определись: я всё же человек или животное, которое гадит там же, где спит? Ладно, не в том суть. Я хочу свалить отсюда, Найт.

Химера с издевательской старательностью произнесла его имя и улыбнулась, демонстрируя крупные звериные зубы.

Найт прыснул со смеху.

— Ты погоди, не смейся. Смотри. Как только меня вытащат из клетки, я кинусь на водителя и сопровождающего биолога, ты меня ранишь для вида. Потом оглушишь обоих. Когда они очнутся, ты скажешь, что это я их оглушил и потом сбежал.

— Ага, и вылечу с работы за профнепригодность.

— Ну тогда скажешь, что вынужден был пристрелить меня.

— А где же тело, меня спросят?

— То есть в принципе ты согласен? — быстро подловила его химера.

Найт отвернулся и уставился на запертые двери бронированного кузова.

Химера села на корточки и продолжила:

— Слушай, тебе ведь не сложно… Тебе ничего не стоит. Ты ещё столько живых душ загубишь, киборг. Спаси хоть одну!

Найт упорно таращился в массивный вакуумный засов.

— Слушай, Найт, или как там правильно… Я, конечно, понимаю, что тебя бесполезно упрашивать или запугивать. Ты у нас человек-машина и всё такое… Но как насчёт опасности для твоего дражайшего хозяина?

Найт повернул голову к химере так резко, что аж шея хрустнула.

— Что?

— Вы с ним пахнете одинаково… — вкрадчиво произнесла химера и совсем по-звериному наклонила голову набок. — Только ты пахнешь светлее. Наверное, из-за отсутствия меланина. Ты его сын.

Найта поразил уверенный тон этого существа, и мимолётный интерес — как это «пахнуть светлее» — мгновенно испарился?

— Что за бред ты несёшь! — рявкнул молодой киборг.

— Мой нос не обманешь. И одеколон твой не поможет. Кстати, неплохой…

— Заткнись! — Найт поразился собственной вспышке.

— Ты ругайся, ругайся. Да только я буду орать, что ты его сын, до тех пор, пока меня не располосуют! Иметь сыночка-

альбиноса — это очень-очень плохо для вас, людей. Насколько я понимаю.

— Если ты думаешь, что закон об альбиносах до сих пор актуален, то ты ошибаешься! — победно усмехнулся Найт.

— Знаешь, почему я оказался в этой клетке? — спросила вдруг химера, казалось, без всякой связи и, не дождавшись ответа, продолжила, — потому что меня застукали за пользованием Сетью. Это, знаешь ли, очень нетипично — чтобы химера, тупая скотина, и вдруг по собственной инициативе полезла что-то искать в Сети. А знаешь, что я искал? В тот момент, как я однажды мельком увидел тебя в лаборатории — тебе, кажется, давали какое-то поручение — так вот, как только увидел, так сразу и решил выяснить кое-что об альбиносах. Думал, успею высказать всё Мастеру Ирону лично, прежде чем меня препарируют за то, что «шибко умный». Да вот судьба распорядилась иначе… Впрочем, неплохо ведь распорядилась! Да, сейчас альбиносы не считаются генму. Но вот восемнадцать лет назад… Тебе же восемнадцать?

Найт выслушал всё внимательно и внешне очень спокойно. Потом проговорил:

— Кто поверит искусственной твари!

— Наверняка сначала никто и не поверит, — пожала плечом химера. — Но мои слова останутся в головах людей. К тебе и твоему папаше начнут приглядываться, отыскивая сходство. И найдут это сходство. Потом пойдут сплетни и шепотки за спиной. Тебе, быть может, придётся вообще уволиться. А может, дело дойдёт даже до генетической экспертизы. Всё и выяснится. Твой папочка поимеет кучу проблем. Да, я сдохну, но трахну вас обоих из могилы. То есть из могильника для отработанного биоматериала. Но трахну!

Найт вскочил, едва не расшибив голову о низкий потолок кузова, сразу же присел на корточки и оказался вплотную перед клеткой.

— Если ты только посмеешь открыть рот… — холодно процедил Найт.

Химера показала зубы в улыбке-полуоскале:

— Мне нечего терять. Наааайт.

— Я тебя сразу же пристрелю, — закончил угрозу молодой киборг.

— И тем самым подтвердишь мои слова, — издевательски пропела химера.

Найт вернулся на лавку и угрюмо уставился в пол. Ему было стыдно за то, что родился и до сих пор жив.

— Но я не скажу ни слова, если ты поможешь мне, — тон

химеры был уже совсем не ядовитый. Казалось, она понимает, каково Найту. Просто вынужденно идёт на крайние меры.

Найт молчал слишком долго. Химера не выдержала:

— Эй, киборг, сообщи своё решение! Мне нужно знать, что делать — кидаться на водителя и биолога или орать во всю глотку про твоего отца, пока меня не заткнут.

Найт поджал губы. Химера молчала и, казалось, даже затаила дыхание.

Грузовичок остановился. Химера привстала:

— Ну?

Найт колебался. В дверь гулко постучали.

— Ну?! — химера метнулась из одного угла клетки в другой.

— Хорошо! Договорились! — рявкнул Найт, вставая.

Он отодвинул вакуумный засов и выкатил наружу клетку. Химера посмотрела ему в глаза и едва заметно улыбнулась.

Водитель стоял у дверцы кабины на безопасном расстоянии и курил. Биолог с лёгкой брезгливостью сунул сквозь прутья длинный шест с петлёй, которую ловко накинул на шею химере и затянул. Затем открыл клетку и вывел химеру наружу.

Существо бегло переглянулось с Найтом и, встретив едва заметный кивок, молниеносно ударило ладонью по крепкому шесту. Тот сразу же выпал из рук опешившего биолога.

— Твою мать! — судорожно ахнул водитель и кинулся в кабину, но завести мотор не успел: химера вцепилась в него и выволокла на растрескавшийся асфальт.

Найт выстрелил. Прошил плечо. Химера ощерилась и, мало похожая теперь на разумное существо, кинулась с кошачьим шипением на застывшего в шоке биолога. Тот заорал и сорвался с места бегом.

Но Найт оказался быстрее. Настигнув бедолагу, молодой киборг так крепко приложил его рукоятью казённого пистолета по затылку, что биолог рухнул ничком без звука. Найт, не теряя ни секунды, кинулся к водителю, который уже поднялся, но через мгновение свалился от удара в лоб рукоятью пистолета.

Химера отдышалась и проговорила:

— Чистая работа, железная башка!

Найт развернулся и вытянул в сторону химеры руку с оружием.

— А на это мы не договаривались… — сурово проговорила та, сорвав с шеи ненавистную петлю.

— Ты должен замолчать навсегда, — процедил Найт.

Химера не двигалась с места, сжав ладонью правой руки сильно кровоточащее плечо левой. Голое существо показалось Найту беззащитным и слабым. Совесть настойчиво отводила руку

с оружием в сторону.

Это создание считало смертью коррекцию физиологии мозга и ради свободы готово было рисковать жизнью. А Найт был затянут в слои одежды и бронежилета, связан по рукам и ногам невидимыми путами обязательств, инструкций и присяг. Быть может, на секунду он позавидовал окровавленному голому парню перед собой. Парню, который представляет определённую опасность для Мастера Ирона. Но всё же свободному и бесстрашному.

— Беги, пока я не передумал, — сказал Найт, опуская оружие.

Химера чуть приподняла уголок губ в усмешке и кивнула, безмолвно благодаря своего недавнего конвоира, после чего развернулась и исчезла в ближайшем переулке.

Выждав несколько минут, Найт привёл биолога и водителя в чувства, заботливо дав им по таблетке сильного болеутоляющего из портативной аптечки.

Далее поведал версию событий, предложенную химерой. Якобы преследовал сбежавшую тварь, пристрелил, но она по недосмотру свалилась с автострады, что за углом в паре кварталов, на нижний уровень города. Биолог сокрушался и ругался, сетуя на потерю денег, вложенных в дефективную химеру. Но водитель предложил успокоиться, отнестись к ситуации философски и возблагодарить небо за то, что киборг, пусть ещё совсем салага, спас им жизни.

Впрочем, водитель не мог избавиться от некоторых сомнений — ему казалось, будто он помнит, что удар, лишивший его сознания, нанесла не химера, а этот самый киборг. Странно, конечно, и неправдоподобно. Зачем Найту нападать на людей, которые работают на того же Мастера, что и он? Наверное, померещилось. Чего только не взбредёт в голову, когда не можешь соображать из-за паники. Живы — и слава богу! Сбежала бешеная химера — ну и чёрт с ней!

Однако директор лаборатории и личный секретарь Мастера Ирона не были так отходчивы. Причём директор переживал из-за погибшего результата работы нескольких последних месяцев, а секретарь — из-за расходов. Оба подали рапорт старшему инструктору, призывая оштрафовать новобранца Найта за порчу имущества Мастера Ирона (ведь злополучную химеру можно было бы просто ранить в ногу и связать, а не убивать); а также старшему координатору, запрещая ему в дальнейшем ставить новобранца Найта на сопровождение лабораторных грузовиков.

За молодого киборга вступились «спасённые» им водитель и биолог.

— Ну ведь совсем же зелёный, что вы хотите от

восемнадцатилетнего пацана! — наперебой увещевали они. — Их же в Академии учат стрелять во всё, что движется! Ну растерялся, пришил бешеное животное вместо того, чтобы просто обезвредить. Зато спас жизни двум подчинённым Мастера Ирона!

Споры велись не слишком горячие, и судьбу «салаги» решили достаточно быстро: просто урезали жалованье за несколько месяцев, компенсируя стоимость химеры.

Но Найт не расстроился ни капельки. Репутация его отца стоила гораздо дороже. Кроме того, почему-то на душе стало легче от осознания: он всё-таки спас жизнь! Пусть и не человеку. Какая разница, если это существо разумно и так похоже на человека обликом?

Конечно, химера слишком много знает. Но вряд ли раскроет все карты, не имея мотива. Да и доказательств нет, кроме голословных утверждений о феноменальном обонянии.

Репутация Мастера Ирона спасена, жизнь безвинного создания — тоже. И, как бы не кипятились личный секретарь и директор лаборатории, всё же старший инструктор, следивший за маленькой киберармией Мастера Ирона, отметил работу новичка и стал всё чаще включать его в отряды патрулирования города.

Найт сделал первый маленький шажок по карьерной лестнице боевого киборга.

* * *

Патрулировать маленький двухъярусный город оказалось ещё скучнее, чем сторожить химер при перевозке. Мелькающие на улице киборги всё же держали в постоянном напряжении преступников, и поэтому в Броксе по-прежнему ничего толком не происходило. Полицейские отряды, распределённые из Октополиса, откровенно скучали.

Найт понимал, что попросту теряет своё время, забывает боевые навыки. И даже регулярные тренировки не могли быть полноценной заменой настоящему заданию.

Кроме этого неприятного понимания, душу молодого киборга терзал ещё и страх: как бы спасённая химера не проболталась о его отце. Хотя, кому? Да и зачем ей это? Но вдруг?..

В то время, как на беду, вошли в моду причёски типа «взрыв на макаронной фабрике» и все оттенки блонда, и каждая косматая белая грива, мелькнувшая в толпе, дёргала струны натянутых нервов Найта. Конечно же, всё это были самые обыкновенные горожане.

Но однажды Найт увидел именно ту химеру.

Создание было одето в плотную мотоциклетную кожу и вполне могло сойти за городского байкера, но Найт был уверен на двести процентов, что не обознался. Хотя очень уж химера напоминала обычного человека. Довольно трудно было заставить себя поверить в то, что это искусственно созданное существо.

Неожиданная встреча произошла на крытом многоэтажном рынке. Химера деловито перемещалась между рядами застеклённых палаток, отвлекаясь на соблазнительные куски кровоточащего искусственного мяса в витринах, но разыскивая явно что-то другое. Найт осторожно увязался следом, двигаясь на почтительном расстоянии и стараясь выглядеть непринуждённо: крадущийся киборг обычно привлекает внимание окружающих, которые могут обратить на него и внимание преследуемого. Для маскировки Найт купил длинную жевательную ленту со вкусом малины, меланхолично откусывал от яркого и ароматного жгута и, делая вид, что просто гуляет, неотрывно следовал за химерой.

Та водила его кругами по рынку около часа, словно почуяв слежку и под влиянием звериного инстинкта путая следы. Потом спустилась по обшарпанной лестнице в складские помещения. Найт увеличил дистанцию, но тоже спустился следом. Пару раз едва не попался на глаза грузчикам, но вовремя прятался за массивные колонны, которые поддерживали всю конструкцию рынка. Химера пропала. Найт успел расстроиться и совсем уж было собрался повернуть обратно, как вдруг услышал приглушённый разговор:

— Чего дёрганный? На хвосте, что ль, кого притащил?

— Кажется… Поздно заметил. Не уверен, конечно, но…

— Чёрт! Мать твою! Тупая зверюга! Брешут про ваше чутьё! Ребята, сворачиваемся…

— Эй! А товар?! Между прочим, я уже оплатил!

— Да на, на, залейся хоть! Кто там тебя преследовал-то?

— Кибер. Не волнуйся, всего один и сопляк. Очень приметный. Оглобля такая под два метра. Альбинос.

— Ох ты ж! Альбинос! Значит, хорошо заметная цель…

Послышалось щёлканье затворов, возня, приближающиеся шаги. Найт осторожно вынул из кобуры пистолет-пулемёт. Конечно, не дикрайзер, способный прошивать жертв хоть сквозь стену, но тоже неплохая игрушка. По всей логике ему стоило вернуться и позвать на подмогу любого коллегу или полицая, оказавшегося поблизости. Наверняка удастся накрыть каких-то нелегальных торговцев. Но молодой киборг решил вновь пренебречь инструкциями и осторожно двинулся на голоса. Почти сразу заметил выбоину в старой кирпичной кладке, утопающую в тени. Протиснуться туда оказалось нелегко.

Выдохнув, Найт осторожно двинулся вперёд. И вскоре увидел обшарпанный, покрытый плесенью потолок, а под ним, ниже того уровня, на котором находился юноша, небольшое помещение, заставленное коробками и контейнерами. В помещении находилась давешняя химера, а также несколько суровых парней маргинального вида. Некоторые из них уже кинулись к двери, хорошо заметной из наблюдательного пункта Найта. Вероятно, отправились на поиски выследившего их киборга.

Химера тоже шагнула к двери, но её решительным жестом остановил один из торговцев.

— Никуда ты не пойдёшь, Люций!

— Меня Блис ждёт!

— Нечего за собой прицепом всяких альбиносов таскать!

— Да чёрт с ним! Только лишний шум поднимете. Тут везде полно народу.

— А мы его аккуратно и с глушителем.

— Плюнь на него, говорю!

Найт удивился: ему показалось, что химера пытается скрыть волнение в голосе. Она что, защищает его?! Однако удивляться было некогда. Молодой киборг прицелился и в пару секунд перестрелял всех торговцев, находившихся в маленьком зале. Те слишком поздно сообразили, откуда исходит опасность. Химера, которую называли Люцием, ринулась к двери, но её остановила короткая очередь над самой макушкой. Присев на корточки и закрыв голову руками, зверь в образе человека страшно оскалился и зашипел.

— Вы слышали? — раздались крики остальных бандитов.

Топот ног свидетельствовал о том, что все они возвращаются. Найт выбрался из щели в стене и спрыгнул в складское помещение. Люций кинулся на него, но киборг перехватил гибкое тело и швырнул через себя. Химера по-кошачьи встала на ноги.

— Ни с места! — рявкнул Найт, выставив вперёд оружие.

Люций не внял приказу и бросился в атаку. Молодой киборг кое-как сумел отшвырнуть тварь, и почти сразу же в зал ворвался один из бандитов с громоздким автоматом. Найт юркнул за массивную дверь, которая всё же взбугрилась дюжиной небольших холмиков от пуль. С ювелирной точностью определив удобный момент, Найт за одну секунду совершил два действия: с силой захлопнул дверь, одновременно врезав ею по лбу подоспевшего второго нелегала, и прошил грудь нападавшего пулемётной очередью.

Подхватил не успевшее упасть тело и, прикрывшись им, как щитом, дёрнул на себя дверь.

Мгновенно загрохотали выстрелы. С визгом рикошетили от

бетона пули. Найт растратил последние патроны, ранив ещё нескольких противников. Оставшиеся двое кинулись наутёк. Люций под шумок тоже выскользнул из дверей и был таков. Найт подобрал оброненный одним из противников автомат и рванулся следом. Но когда узкий коридор разветвился, нелегалы бросились в одну сторону, а химера в другую.

Найт встал как вкопанный, тщательно прицелился и скосил двоих торговцев выстрелами под колени, перепугав нескольких оказавшихся неподалёку грузчиков.

— Вызовите полицию! — крикнул он растерянным мужичкам, а сам развернулся и бросился следом за химерой.

Попетляв в полумраке, перескочив несколько раз через горы ящиков и распугав здоровенных бурых крыс, молодой киборг вылетел вслед за химерой на узкую захламлённую улочку, которую со всех сторон сжимали слепые стены домов, расписанных облупившимся граффити.

Преследование продолжалось с четверть часа. В крови бурлил адреналин, поднималось какое-то дремучее чувство. Упоение загонной охотой. Отсутствие понятия о том, что это не игра. Отсутствие осознания того, что всего несколько минут назад он убил не меньше двадцати человек. Как будто неправда. Как будто в шутере-симуляторе, программе-тренажёре. Только призрачная память тела: как же тяжела мёртвая человеческая туша, как же горяча кровь. Вероятно, спокойному отношению к убийству способствовал ещё и стабилизатор.

Химера петляла, перескакивала через рабицу, перегораживавшую тупики, но Найт не отставал.

Его начинало чуть потряхивать от перенапряжения и усталости. Зудело оцарапанное незамеченным выстрелом плечо.

И вдруг Найту пришла в голову идея — молниеносно и чётко. Он затормозил у какого-то занюханного уличного терминала, быстро вынул из наплечного кармана мнемокабель и подключился к сети.

Послал запрос координаторам Мастера Ирона. Сигнал ответа напрямую в биочип пришёл через пару секунд.

Прикрыв глаза, Найт сформировал мыслеобраз. Немного невнятно, но вскоре опытный координатор понял, что от него требуется: выдать изображение с уличных камер наблюдения в радиусе квартала. Запрос был выполнен, и перед внутренним взором Найта замелькали картинки.

Стоп. Угол Пятой и Десятой Фабричной. Приблизить на пятнадцать процентов. О, спасибо… Отлично! Теперь камеры вдоль Десятой Фабричной налево от наблюдателя… Движемся… Как дальше нет камер?! А на соседних улицах есть? Опять в

радиусе квартала… Так… Движемся вдоль Седьмой Фабричной…

Глаза дрожали под полузакрытыми веками, Найт следовал за химерой незримо, через объективы камер. Мутило, сильно кружилась голова, плохо приспособленная к прямому соединению с Сетью из-за отсутствия специальных вшивок. Стандартных явно не хватало. Говорят, можно заполучить и кровоизлияние в мозг… Пальцами набирать команды и смотреть в монитор гораздо безопаснее, но зато дольше.

Люций вскоре решил, что киборг отстал. Поплутав ещё немного для пущего запутывания следов, оглядевшись несколько раз, химера всё-таки двинулась по новому маршруту. Найт чувствовал, что его вырвет, или он потеряет сознание. Но не отставал.

И вот ничего не подозревающий Люций очутился рядом с каким-то старинным облезлым домом, обошёл его и исчез в подвале. Найт отключился от Сети, свернул мнемокабель и кинулся было по выслеженному адресу, но приостановился, слегка плавая в реальности. Его коротко и мучительно стошнило. Нет, всё-таки нельзя злоупотреблять мнемосвязью… Кое-как справившись с головокружением и тупой ноющей болью, молодой киборг продолжил преследование. Но вдруг за какие-то пару секунд сгустились сумерки, и он скользнул в полное отсутствие света, звуков и ощущений.

Глава 21

Найт тяжко приоткрыл глаза, пытаясь понять, где находится. Над головой — белый плиточный потолок и квадраты ламп дневного света.

— О! Очнулся, бедолага! — раздался какой-то знакомый голос, и Найту показалось, что он снова в лазарете Академии. Сейчас повернёт голову и увидит молодого врача Ллойда Маха, а рядом с ним — господина Миккейна. Но нет. Он в просторной палате наедине с каким-то незнакомым медбратом. Пожалуй, немного похожим на Ллойда Маха. Наверное, все медбратья похожи чем-то неуловимым.

— Почему я здесь? — хрипло прошептал Найт и кашлянул. — Ничего ведь серьёзного.

Медбрат присел на край его постели.

— А это уж будут решать люди более компетентные. Твоё дело — убивать, наше дело — исцелять.

Найт поджал губы. Молодому киборгу начинало не нравиться, что ему постоянно тыкают в лицо его ремеслом.

— Валяйся, пока есть возможность, — подмигнул тем временем медбрат. — До вечера ещё полежишь. Регенераторы сделали своё дело, но организм всё ещё ослаблен.

— Это была просто царапина.

— Это было проникающее ранение и задетый крупный сосуд. Сутки будешь держать руку в перевязи. А голову тоже не мешало бы поберечь. Ты хакер или киборг? Чуть мозги себе не повернул на сто восемьдесят градусов.

— А мне можно уже сейчас уйти? — спросил Найт, всё больше испытывая неприязнь к этому человеку, который смотрел на него как на временно неисправный агрегат по производству трупов. — Мне уже гораздо лучше, правда!

— Тебе так не терпится отправиться на ковёр к Большому Боссу? Как только выпишешься, велено было передать, чтобы проследовал в кабинет Мастера Ирона. Ох, и вставит он тебе…

Найт с трудом сглотнул, чувствуя, как гулко ухает сердце. Неужели и правда предстоит встреча с отцом? Медбрат принял его волнение за банальный страх. Похлопал парня по здоровому плечу и встал:

— Допрыгался, индивидуалист. Твоё счастье, что накрыл нелегальных торговцев Топливом. Это зачтётся в твою пользу. Но за стрельбу и погром в общественном месте, в котором полно гражданских, тебе вставят. А теперь поспи.

— Спасибо, не хочется… — Найт упрямо приподнялся, но

медбрат со вздохом вынул из нагрудного кармана своего халата тоненький шприц и ловко воткнул иголку в шею Найта. Юноша успел только возмущённо приоткрыть рот и нахмуриться, прежде чем свалился крепко спящим.

* * *

Проснувшись, молодой киборг покинул лазарет и первым делом привёл себя в порядок: выбросил перевязь, переоделся в простую чёрную футболку и брюки, начистил высокие армейские ботинки. Хотелось выглядеть безупречно. Наёмники Мастеров обычно не имели специальной формы, и всё же Найт решил, что даже если бы она и была, то он всё равно пришёл бы к отцу в штатском. Не как солдат, но как человек.

Сердце сжималось и трепетало, но не от страха перед строгим выговором. Они не виделись шесть лет. Какой он теперь — отец? Сильно ли постарел? Помнит ли своего маленького уродца и если помнит, то как относится к нему? Не лгал ли генерал Шибта белой ложью, что господин Ирон любит своего мальчика?

Найт шёл по коридору, обитому панелями красного дерева, стараясь держать спину прямо, а подбородок чуть приподнятым, но не напрягать мышцы слишком сильно. Спокойное достоинство, никакого вызова или бравады. И никакого самоунижения. Если он совершил проступок, то пусть его накажут. Но добровольно принимать роль побитой собачонки Найт не намеревался. И вот, наконец, массивные лакированные двери кабинета Мастера Ирона. Никакой охраны. Найт глубоко вздохнул, чтобы унять сердце, и постучал.

— Войдите!

Найт едва заметно вздрогнул и толкнул резные створки.

Оказался в помещении, загромождённом старинной мебелью и стеллажами с книгами. Мастер Ирон сидел за огромным письменным столом, который, вполне вероятно, помнил не только Пыльную Войну, но и парочку веков до неё. Благородно седой мужчина с идеально гладко выбритыми висками и маленьким хвостиком жёстких волос на голове стучал по клавишам ноута, всецело поглощённый работой.

Найт остановился на пороге, прикрыв за собой дверь. Он уж и не мог вспомнить, видел ли когда-нибудь своего отца так близко. Но, встрепенувшись, вспомнил, для чего он здесь, и чётко произнёс:

— Солдат Найт прибыл по вашему приказанию, господин Ирон.

Мастер не отвлёкся от ноута и как будто не расслышал формального приветствия. Он неопределённо кивнул, затем нажал несколько кнопок и только после этого поднял голову. Найт оставался на месте, но ощутил, как всё его существо подалось навстречу этому человеку. Сердце билось тяжело и быстро. Мастер Ирон на долю секунды замер, увидев, кто перед ним. А затем сцепил руки перед собой в замок и строго проговорил:

— Мне доложили, что вы учинили несанкционированную стрельбу в общественном месте, не согласовав свои действия ни с координаторами, ни со старшим инструктором. Могли пострадать мирные граждане.

Найт почувствовал, как внутри него будто бы угас весь свет. Отец не узнал его. Но как такое возможно? Если сопоставить факты — Найт, киборг, альбинос, восемнадцать лет, то всё выстраивается в логичную картину. А на лице хозяина города не отразилось никаких чувств, будто перед ним совершенно посторонний человек. Да ещё и урод. Генму. Найт опустил голову и проговорил:

— Виноват, господин Ирон. Я готов понести справедливое наказание.

Мастер Ирон встал, обошёл стол и приблизился к окну, повернувшись спиной к своему воину.

— От серьёзного выговора вас спасло только то, что благодаря вашей самодеятельности удалось уничтожить банду торговцев Топливом. Но всё же меня настораживает ваша тенденция действовать без оглядки на ситуацию в целом. Откуда мне знать, что в следующий раз, погнавшись за карманным воришкой, вы не разгромите полгорода?

— Больше не повторится, господин Ирон, — отчеканил Найт холодно.

Каким же всё-таки он был идиотом! Как можно было хотя бы надеяться, что отец примет его, урода, киборга, свой позор…

— Идите, — бросил Мастер Ирон.

Найт чётко развернулся, словно по команде «кругом!», и шагнул к двери.

— Нет, стойте! — воскликнул Мастер Ирон.

Найт развернулся, ожидая очередных обвинений. Хозяин поглядел на него, сурово поджав губы. И вдруг выдохнул и кинулся к юноше, крепко стиснув его в объятиях.

— Мальчик мой! Сынок… прости… Я просто не мог поверить… Это ты… — дрожащим голосом проговорил Мастер Ирон, а Найт стоял как громом поражённый.

Мастер Ирон чуть отодвинулся, глядя на сына снизу вверх. В

глазах его стояли слёзы. Он прошептал:

— Как же ты вырос. Какой же ты стал… А что у тебя с глазами?

— Ничего, это… это просто имплантат… — Найт почувствовал, как подступают слёзы. Пытался сдержаться до последнего, но всё же они прорвали внутреннюю плотину и потекли по щекам. Мир в глазах поплыл, стал тусклым, но Найт плакал и плакал, не в силах остановиться.

— Я так скучал, — шептал Мастер Ирон, вытирая большим пальцем слёзы на белых щеках юноши. — Сначала я получал информацию о тебе через генерала Шибту. А когда он… когда его… когда ему исполнилось сорок пять, я утратил связующую нить. Я не мог интересоваться твоей судьбой открыто, ты же понимаешь… Но я всегда ждал тебя.

— Я не хотел вас компрометировать, отец, — произнёс Найт.

— Да к чёрту всё! Ты не генму, генму ты был бы в 303 году. А сейчас ты просто такой, какой ты есть. Обыкновенный парень. Точнее, ты необыкновенный. Самый любимый мой мальчик…

Он снова обнял сына, и тут Найт не выдержал и, всхлипнув, крепко обнял отца.

Шесть лет непонимания, полу-страха, полу-обиды — всё перестало иметь значение. Он дома. Генерал Шибта не лгал: отец действительно любит своего «лабораторного мышонка».

— Простите меня, отец, я действовал вопреки инструкциям, но в дальнейшем клянусь, это не повторится. Ни на йоту не отступлю от приказа…

— Плюнь ты на эти приказы. Забудь. За какие-то пару месяцев ты сделал больше, чем все дармоеды, работающие на меня. Если посчитаешь нужным действовать определённым образом, действуй. Только, прошу тебя, не устраивай огненный апокалипсис.

Мастер Ирон усмехнулся и похлопал сына по плечу.

— Если ты в чём-нибудь нуждаешься, только скажи мне!

— Благодарю вас, отец. Но я бы хотел попросить вас…

— Да? — Мастер Ирон весь обратился в слух.

— Не выделяйте меня среди прочих. Не делайте мне поблажек. Я ваш солдат, такой же, как все. И даже, может, хуже многих. Я пришёл работать на вас, а не требовать задаром то, что мне якобы причитается.

— Ты сердишься на меня? — проговорил господин Ирон упавшим голосом.

— Нет! Что вы! — замотал головой Найт. — Просто я не хочу, чтобы у вас из-за меня были проблемы… Вы же знаете правила Генетической Комиссии. Должно пройти пятьдесят лет с момента

отмены закона о том или ином типе тяжёлого хромосомного нарушения, чтобы можно было открыто признать прямое родство с генму.

— Это значит, я никогда не смогу признать это родство, — проговорил Мастер Ирон. — Киборги не живут пятьдесят лет. Да и я вряд ли доживу.

Найт пытался вглядеться в лицо отца, но уже не различал его за мутной тёмной пеленой. Было грустно и тяжело.

— Я могу просто быть с вами рядом. Служить вам, защищать вас и оберегать, — сказал Найт после паузы.

Мастер Ирон кивнул. Потом порывисто вздохнул, вытирая влажные глаза.

— Что ж… Иди, сынок. Это очень хорошо, что ты вернулся ко мне. Заходи почаще.

Найт склонил голову и, развернувшись, вышел, едва не ударившись об косяк.

* * *

В коридоре молодой киборг двигался уже на ощупь. На сей раз, кажется, простым промыванием визоров не обойтись. Хотя, если найти воду в ближайшие пять-десять минут, тогда ещё можно успеть. Временная слепота обострила остальные чувства, и чьё-то присутствие Найт ощутил раньше, чем раздался голос — приятное бархатное контральто:

— С вами всё в порядке?

— Да, да, госпожа, — кивнул юноша, стараясь идти так, будто он прекрасно видит, куда ступает.

Его лица коснулось невесомое облако пряно-цветочного аромата, а локтя — мягкие подушечки пальцев.

— Я помогу вам, — продолжала невидимая женщина. — Вам куда? В лазарет, наверное?

— Нет, нет. Мне надо просто промыть визоры. Они у меня барахлят слегка… Не подскажете, где тут ближайшая ванная комната?

— Идёмте.

Интересно: кто это? Одна из жён отца? Но Найту был незнаком её голос. К тому же женщин никогда не выпускают с женской половины дома без сопровождения.

Незнакомка тем временем привела его в какое-то помещение, довольно просторное, судя по движению воздуха, и благоухающее сладкими ароматами.

— Сюда, — мягко произнесла она, направляя Найта и

раскрывая перед ним дверь.

Полилась вода, молодой киборг быстро промыл визоры, отодвигая веко. Наверное, выглядит со стороны просто ужасно. Он надеялся, что благодетельница вышла или хотя бы отвернулась. Однако, когда зрение чуть прояснилось, Найт увидел, что женщина стоит у дверей обширной ванной комнаты и смотрит на него.

— Благодарю вас, госпожа, — склонил голову он. Визоры постепенно высыхали, и образ женщины становился всё более чётким.

Это была настоящая красавица — крупная, широкобедрая молодая брюнетка с тонкой талией и идеальной формы грудью. Сияющие локоны лежали на её плечах, точно царская мантия. Персиковая кожа, казалось, мерцает — до того она была ухоженная и гладкая. Зелёные глаза, почти как у Мастера Ирона, поблескивали в тени густых ресниц. Женщина была одета в облегающее бордовое платье. И тут Найт совершенно случайно заметил характерную выпуклость под этим платьем, между ног дамы. И сразу же в глаза бросились прежде незамеченные детали: рост великоват для самки, плечи широковаты, черты лица хоть и обточены умелой рукой хирурга-виртуоза, но всё равно крупноваты и резковаты. На средних и низких уровнях мегаполисов таких созданий называют сучками. Но этого транссексуала язык не поворачивался назвать сучкой. Это была леди. Многие Мастера иногда балуются связями с подобными существами и даже заключают браки, которые, впрочем, существенно отличаются от браков с биологическими женщинами. Неужели это наложница его отца? Но почему она тогда так на него похожа?

Найт смутился и покраснел до корней волос, как в детстве.

— Не за что, — проворковала леди и протянула холёную ладонь, чуть меньше по размеру, чем у Найта. — Лиандра.

— Очень приятно, — проговорил Найт и представился.

Леди, похоже, забавлялась его смущением. Она мягко пожала руку киборга и произнесла:

— Так это вы новый механический воин моего пап***а***, о котором все говорят? — она делала элегантное и игривое ударение в слове «папа» на последний слог. — Однако вы бунтарь!

Найт, вопреки своему решению больше не смущаться, снова покраснел и что-то пролепетал. Леди переливчато засмеялась театральным смехом, слегка запрокинув голову. Чёрные кудри соскользнули с её ключиц.

— Про вас говорили, что вы генму, но я не думала, что генму

бывают такие хорошенькие…

Мягкая ладонь прикоснулась к щеке альбиноса, и тот едва ли не отскочил, как ошпаренный. Это ведь его родная сестра! Точнее, брат… или как теперь стоит называть леди Лиандру?

Беседу вдруг прервало рычание маленького моторчика за окном. Лиандра вздохнула:

— Ох, нет, неужели снова?

Она подошла, элегантно покачивая крутыми бёдрами, к тяжёлым портьерам из плотного шёлка тёмно-винного цвета, отдёрнула их и вышла на обширную лоджию, уставленную цветами и маленькими бумажными фонариками. В комнату хлынуло яркое летнее солнце.

— Нет, ну сколько можно? — воскликнула Лиандра, глядя вниз.

— Иди в попу, сестричка! — послышался едва различимый сквозь тарахтение моторчика ответ. Найт вышел на балкон, по привычке щурясь от яркого света.

Внизу раскинулся сад, разбитый по всем правилам ландшафтного дизайна девятнадцатого века доядерной эпохи. По саду в машинке для гольфа, улюлюкая, носился парень лет шестнадцати в расхлябанной шёлковой рубашке и в узких кремовых брюках. Пожилой садовник мог лишь наблюдать, как под колёсами гибли цветы и распахивалась белоснежная, посыпанная мелкой галькой дорожка. Его седые усы скорбно повисли.

— Опять нажрался. Это не младший брат, это кара небесная, — скривилась Лиандра и вдруг вздрогнула. — О нет! Мои любимые розы!

Машинка неслась прямо на изгородь из живых белых роз.

Молниеносно приняв решение, Найт спрыгнул со второго этажа точно перед машинкой для гольфа и упёрся в неё руками. Машинка забуксовала и остановилась за пару шагов до розового куста. Парень за рулём ругнулся, затем заглушил мотор и выскочил из кабины.

— Какого хрена ты делаешь, кибер?! — вскричал он, подлетая к Найту.

Молодой киборг выпрямился, заложил руки за спину, как положено при общении с начальством, и спокойно ответил:

— Вы чуть не погубили цветы.

— Мои цветы, что хочу, то и делаю! — едва ли не взвизгивал парень.

— Это не ваши цветы, за них платил ваш отец. И заплатил немало.

— Какое твоё собачье дело?! Да ты кто такой ваще?!

— Вы пьяны, молодой господин, — Найту приходилось прилагать усилия, чтобы не кривиться от перегара.

— И чё? Имею право! — продолжал петушиться Ирон-младший. Вдруг Найт схватил его за шкирку и поволок за собой. Парень матерился, спотыкался и возмущался. Найт подтащил его к остолбеневшему садовнику.

— Вы позволите?

С этими словами он забрал у старика шланг, повернул вентиль и направил тугую струю холодной воды в лицо парню. Тот взвыл, затрепыхался, отрывисто вскрикивая что-то об увольнении и даже трибунале над обнаглевшим кибером. Но постепенно стих и повис в руке Найта безвольной тряпкой.

— Вам лучше? — вежливо спросил молодой киборг свою мокрую и жалкую жертву, облепленную прозрачной от воды одеждой, и вернул шланг садовнику.

— Тебе это с рук не сойдёт! — отплёвывался сын Мастера Ирона, сверкая из-под мокрой русой чёлки зелёными глазами.

— Вы ведёте себя недостойно вашей фамилии, — ответил Найт, плохо скрывая омерзение. Алкоголь уже почти выветрился из бедовой головы парня, и тот весь трясся от негодования и холода. До него постепенно начинало доходить, что он был прилюдно унижен каким-то солдафоном.

С балкона второго этажа послышались сдержанные аплодисменты. Лиандра смотрела на младшего брата победно, вся в окружении цветов, как королева лета. Найт поймал себя на том, что задержал на ней взгляд на две секунды дольше, чем позволяют приличия, и поспешно отвернулся.

— Вам необходимо принять холодный душ, выпить крепкого чёрного чаю и хорошенько проспаться, — выговорил он брату с холодной вежливостью. Тот прошипел ругательства, оттолкнул киборга в сторону и скрылся в доме.

— Спасибо тебе, сынок, — сказал садовник Найту. — Житья никому нет от этого засранца.

— Не за что, — пожал плечом Найт. — Берегите розы.

С этими словами он развернулся и отправился в казарму. Лиандра долго смотрела ему вслед, задумчиво теребя тоненькую бретельку.

Глава 22

Найту никак не давала покоя химера по имени Люций. Зачем ей понадобилось Топливо? Химерам ведь оно ни к чему. И куда это она ходит с завидной регулярностью? Найт запомнил старый дом в одном из злачных квартальчиков на «земляном» уровне Броксы и через координаторов следил за ним несколько дней. Туда то и дело наведывались самые разнообразные личности, как похожие на законченных уголовников, так и вполне респектабельные граждане с гладко выбритыми по правилам приличия висками.

Координаторы обычно не задавали никаких вопросов, их дело — оперировать камерами наблюдения и ресурсами Сети по тому или иному запросу Мастера Ирона или любого его подчинённого. А рядовые киборги, как правило, по собственной инициативе не просили что-либо или кого-либо разыскать, ожидая прямого приказа. Но этот альбинос, похоже, относился к своей работе весьма серьёзно. Потому он не мог не вызвать интереса координаторов.

— Слушай, а чего ты вдруг этим борделем так заинтересовался? — спросил как-то раз старший координатор Мориц Дольф, когда Найт стоял рядом с его креслом и напряжённо вглядывался в мониторы.

— Борделем? — изумился молодой киборг.

— Ну да. Официально, конечно, там просто кофейня на первом этаже. Но много кто в Броксе знает, какие удовольствия продаются за дополнительную плату в подвальчике этого же дома. До сих пор лавочку не прикрыли, потому что владелец регулярно платит дань Мастеру. Так всё же… У тебя какой-то личный интерес? Не припомню, чтобы Мастер Ирон или его секретари приказывали следить за этим вертепом.

— Д-да, у меня личный интерес, — согласился Найт, уже усиленно раздумывая.

Больше старшему координатору ничего не удалось вытянуть из молодого киборга.

Найт решил наведаться в бордель в тот же вечер. И обязательно дождаться химеру. От неё до сих пор исходит опасность для отца.

Однако Люций как будто почуял слежку и не появился ни в этот вечер, ни в несколько последующих. Найт упрямо продолжал крутиться неподалёку от борделя, стараясь не попадаться людям на глаза. Его легко запомнят — слишком уж приметная внешность, и слухи о том, что он здесь, наверняка очень быстро

достигнут ушей Люция.

Как бы то ни было, упорство принесло свои плоды.

Однажды Найт увидел, как к обшарпанной железной двери чёрного хода прошмыгнул из подворотни хорошо знакомый ему «городской байкер» с копной желтовато-белых волос.

Молодой киборг устремился следом. Спустился по стёршимся каменным ступенькам и постучал в закрытое заслонкой окошко в двери. Открыли сразу же. Найта очень внимательно смерил подозрительный взгляд, мутноватый от наркотиков.

— Чего надо? Мы регулярно платим.

— Да я не по работе… То есть не по своей работе… — Найт замялся и сунул руки в карманы штанов в стиле милитари. Такие довольно популярны среди рабочей молодёжи и среди клубных тусовщиков. В целом Найт выглядел сейчас как праздный повеса. И его стеснение помогло хорошо сыграть роль охочего до «клубнички», но неискушённого клиента.

— Ааа… Ну так бы сразу и сказал.

Окошко закрылось, а через пару секунд дверь с лязгом и ржавым скрежетом отворилась.

Найт шагнул в полумрак, на всякий случай готовый к бою. За дверью оказался внушительных габаритов детина с кривым, явно сломанным носом.

— Только вот игрушки проносить нельзя, — сказал он, протягивая руку. Найт догадался, что от него требуют сдать оружие. Конечно, не очень хорошо. Но нельзя вызывать подозрения.

— Ах да, разумеется, — сказал он и положил на протянутую ладонь кобуру с пистолетом-пулемётом. В случае чего придётся вступать в рукопашную с химерой.

— Первый раз? — подмигнул ему детина. Найт кивнул.

— А, тогда тебе лучше к Лакомке. Четвёртая комната.

Поблагодарив за столь трогательную заботу, Найт спустился по ступенькам в подвал и оказался в весьма уютном, хоть и маргинальном, помещении с кирпичными стенами. Оно было задрапировано красными и чёрными портьерами, чувственно освещено ярко-малиновыми бра и заполнено сладковатым дымом. У стен стояло несколько диванчиков, на одном из которых возились то ли три, то ли четыре тела. Наверное, комнат свободных не было… На столике перед их диванчиком стоял кальян — источник дыма.

Из холла вело несколько коридоров, слабо освещённых такими же бра. Найт сунулся в ближайший и увидел ряд пронумерованных дверей. Конечно же, ему было совсем не интересно искать какую-то там Лакомку. Мысли юноши занимала

только не в меру разумная химера. От компании на диванчике вряд ли можно сейчас добиться вразумительного ответа о её местонахождении. Детину на входе лучше не спрашивать, проще повесить себе на грудь табличку: «Я собираюсь учинить погром с возможным смертоубийством в вашем милом заведении». Придётся искать самым примитивным способом.

Найт толкнул первую попавшуюся дверь. Люция в крошечной спаленке, практически полностью занятой кроватью, не оказалось. Зато появление киборга напугало местную работницу — молоденького транссексуала — и её клиента. Извинившись, Найт продолжил поиски.

Открыв очередную дверь, юноша бегло осмотрел «траходром» и, не обнаружив неуловимую химеру, хотел было ретироваться. Но так и застыл на месте.

У зеркала стоял с расчёской абсолютно голый черноволосый мужик чудовищных габаритов с полным набором стабилизаторов на позвоночнике. Впрочем, он был не совсем голым: на нем красовались тёмно-синие чулки на ажурных подвязках и лаковые белые туфли на платформах и двадцатисантиметровых каблуках. Мужчина отвлёкся от расчёсывания шиньона из искусственных волос и обратил томный взор на вошедшего.

— Привет, дорогуша. А сдюжишь-то?

Найт пару раз открыл и закрыл рот, силясь выдавить из себя хоть один вразумительный звук. Мужчина отложил расчёску, прошагал к нему строевым шагом, причудливо сочетавшимся с развязным покачиванием бёдрами, сцапал за локоть и втащил в комнату.

— Не стесняйся, зайчик. У всех бывает первый раз.

— Простите, я не туда… вы меня не поняли, то есть я… — залепетал Найт, судорожно оглядываясь на дверь.

— Дядюшка Блис тебя не укусит. Ну только если не попросишь… — странный киборг тем временем бесцеремонно толкнул юношу на необъятную кровать, уселся на его колени верхом и деловито принялся расстёгивать его ширинку. Найт кинулся застёгивать её обратно. Несколько секунд борьбы немного рассердили Блиса. Он поставил мускулистые руки на талию и рявкнул:

— Мы будем работать или в кошки-мышки играть? Детка, не волнуйся. Я сам всё сделаю…

— Я просто ищу тут одного человека.

— Кого? Я всех тут знаю, — Блис наклонился, придавив Найта к постели внушительным весом и дохнув запахом крепких сигарет и такого же крепкого алкоголя.

— Эмм… Я сам его найду. Можно, я пойду? — скороговоркой

выпалил Найт, уворачиваясь от поцелуя.

— Эээ, нет, дорогуша! Тут не принято делиться клиентами. Я тебя поймал, значит, ты мой.

— У меня нет денег! — почти с отчаянием крикнул Найт.

— В таком случае первое посещение бесплатно. Понравится — вернёшься уже с деньгами. А тебе понравится…

Найт вжался в постель, упёрся руками в широкую волосатую грудь киборга-проститутки, характерные тёмно-синие трещинки на губах которого явственно свидетельствовали о его Топливной зависимости. Может, Люций покупал Топливо для него? Тогда поиски окончены. Надо только выиграть время.

Сглотнув, Найт положил руки на плечи Блиса и прошептал:

— Хорошо. Только давай начнём с самого простого…

— Разумеется, заинька. Я и не думал сразу мочить тебя тяжелой артиллерией.

На сей раз Найт не сопротивлялся, когда крепкая лапа медленно расстегнула его ширинку. Даже криво улыбнулся. Блис взмахнул вульгарными накладными ресницам и, забравшись руками под майку Найта, довольно сильно сжал его соски. Юноша поморщился от боли.

— Какие мы нежные! А ещё киборг, — усмехнулся Блис, а потом задрал майку и прижался губами к белой чувствительной коже.

Найту было странно. То ли мерзко, то ли приятно. Совсем не так, как с Дэлом в том волшебном гроте на берегу Байкала. Но и не так, как с Бофи и Грайдом в раздевалке. Пользуясь тем, что киборг-проститутка наконец отвлёкся, Найт бегло и внимательно осмотрел комнату, пытаясь обнаружить хоть какие-нибудь следы присутствия Люция. Были бы визоры получше, он смог бы даже обнаружить белый волосок на какой-либо поверхности. Впрочем, не факт, что волосок будет принадлежать именно химере. Сюда кто только не ходит. А причёска эта нынче самая модная. Но не спрашивать же о Люции в открытую. Это будет очень подозрительно.

Вдруг все мысли разом вылетели из головы Найта, будто стайка птиц, спугнутая кошкой. Горячие губы коснулись его члена. Юноша судорожно вцепился в плечи киборга-проститутки. Тот приподнял лицо.

— Расслабься. Я же сказал, бесплатно.

Найт решительно сел, намереваясь всё-таки выйти и подождать Люция в холле. Но Блис лёгким толчком в грудь снова опрокинул его на постель, сам сполз на пол и подтащил к себе рослого, мускулистого парня так легко, будто тот весил не больше десятилетнего ребёнка. Ноги Найта свесились с кровати,

и Блис мгновенно с привычной ловкостью закинул их себе на плечи, крепко прижав за колени. Чтобы вырваться теперь, придётся драться. Но Найт забыл о своём намерении через секунду.

От нового невероятного ощущения закружилась голова. Тогда, с Дэлом, было так наивно и по-детски, а «ручная работа» и вовсе не идёт ни в какое сравнение. Блис полностью забрал в рот член Найта, сильно сжимал губами, не причиняя при этом боли. Совсем легонько прикасался зубами к чувствительной тонкой кожице, от чего вдоль спины Найта прокатывались колючие тёплые волны. Удивительно чётко держал темп и ритм, постепенно, плавно ускоряясь, без рывков, без перерывов, бегло играл кончиком языка с уздечкой, рисовал мокрые кольца.

Найт закатил глаза и не мог никак сдержаться, чтобы не стонать в голос. Ему никто никогда так не делал. То учёба, то работа. Всё некогда, некогда. Да и не с кем…

Тело совсем не сопротивлялось, когда Блис втолкнул указательный палец туда, куда, как Найт решил раз и навсегда, больше никто не посмеет лезть.

— Нет, нет, не… — попытался возразить он, но замолчал на полуслове, когда палец нашёл потаённую точку внутри и несколько раз надавил.

Жаркое электричество заставило Найта выгнуться дугой и громко вскрикнуть. Потом — будто бы падение в бездонный колодец.

Блис стоял рядом с кроватью, деловито вытирая губы и руки влажной ароматизированной салфеткой. Перед ним на кровати раскинулось совершенно безвольное тело. Хоть режь его, хоть ешь его. На лице юноши играла блаженная улыбка.

— Что ж такого страстного лапушку никто раньше не ублажал? Непорядок! — покачал головой Блис, улыбаясь с какой-то отеческой заботой. Найт не отвечал, не в силах пошевелиться. Это было волшебно. Почти как с Дэлом, только там было духовное, а здесь — физическое. Вот бы соединить два в одном…

Блис присел на край кровати, наклонился к приоткрытым губам юноши, с которых срывалось отрывистое глубокое дыхание, и обхватил их своими губами. Найт промычал что-то, но не мог сопротивляться. Блис целовал его осторожно, ласково, стараясь ненароком не возбудить снова. Однако, как часто бывает в этом возрасте, ровный, крупный член парня вновь стал стремительно наливаться упругостью.

— Ну такое богатство пропадает, а! — усмехнулся Блис и взял член Найта в руку.

— Хватит, не надо, — не очень убедительно пролепетал

юноша.

— Это тоже бесплатно.

— Хватит, хватит… — шептал Найт, не открывая глаз. Блис не обращал на его слова никакого внимания, умело работая рукой, привыкшей держать дикрайзер и ломать кости. Найт плюнул на всё, стараясь помнить хотя бы о своём задании, которое дал сам себе. Но и о нём постепенно забылось.

Блис лежал с ним рядом на боку, гладил ровные кирпичики его пресса кончиками накладных ногтей.

Найт не шевелился, казалось, целую вечность. Потом медленно сел на постели. Блис протянул ему салфетку, мягко улыбаясь. Найт смущённо отвернулся, приводя себя в порядок. Потом одёрнул майку, застегнул штаны, пригладил выбившиеся из хвоста пряди. Блис наблюдал за ним с лёгким прищуром. Потом придвинулся ближе и пощекотал языком чувствительную кожу вокруг стабилизатора. Найт передёрнул плечами от побежавших вдоль позвоночника мурашек и отодвинулся, чувствуя, как вновь становится тепло в животе. Мощные волосатые лапы стиснули его талию, Блис прижался и небольно куснул за шею.

Найт мимолётом заметил его эрекцию и недоумённо приподнял бровь. Киборг-проститутка усмехнулся:

— Ну понравился ты мне, зайчик. Иди сюда. Это не больно.

— Нет! — Найт решительно вскочил и отступил.

— Ну как надумаешь — приходи. Я пока не собираюсь менять место работы.

Найт развернулся и потянулся к дверной ручке. Но тут дверь распахнулась. На пороге стоял Люций со шприцем и жгутом в руке. Немая пауза продлилась секунду, пока мозг обоих опознавал лицо напротив. Потом оба одновременно кинулись в атаку. Люций замахнулся шприцем, но молодой киборг перехватил его руку и, вывернув, швырнул химеру через себя. Та встала на обе ноги, и Найт, ожидавший это, свалил противника подсечкой.

Но тут сам отлетел к стене от страшного удара.

Когда пришёл в себя секундой позже, то увидел, что лежит на полу, а Блис держит на его горле острый каблук. Стоит чуть переместить вес — и проткнёт до самых позвонков.

— Какого хрена, сахарок? — прорычал киборг-проститутка грудным басом.

Найт оскалился, собираясь с силами. Можно попытаться перехватить его ногу за щиколотку и вывернуть.

— Опять ты! — рявкнул Люций. — Что тебе надо?

— Я должен завершить начатое, — прохрипел Найт.

— Что тут творится? — спросил Блис.

— Это сын Ирона, хочет замочить меня, чтобы я нечаянно никому не проболтался о том, что у хозяина города с репродукцией неважно.

Найт сжал челюсти от досады. Химера притворно расстроилась, прикрыв пальцами рот.

— Ой! Я нечаянно проболтался!

Потом он обратился к киборгу:

— Кончай его. С ним проблем не оберёшься!

Блис поразмышлял пару секунд. Затем убрал ногу с горла Найта и протянул ему руку, но тот не успел схватиться за неё, как Люций возмутился:

— Он не успокоится, пока я жив!

— Но ты же больше никому не скажешь, кроме меня? — мило улыбнулся Блисаргон, а затем поглядел на валяющегося у его ног молодого киборга. — А ты, сахарок, ведь больше не будешь приставать к моему другу?

Найт напряжённо дышал и яростно сверкал глазами. Однако атмосфера разрядилась. Парень всё же принял предложенную руку помощи. Блисаргон одним рывком поставил его на ноги, даже отряхнул. Затем погладил по голове и произнёс:

— Не будем ссориться, дорогуша. Если секрет твоего происхождения — единственная причина охоты за моим другом Люцием, то будь спокоен, он точно никому не расскажет. Больше никому. Ручаюсь за его молчание лично. Ну? Мир?

Он протянул ладонь, улыбаясь довольно искренне. Найт недоверчиво насупился, но руку пожал.

— Приходи, когда захочешь, — проурчал Блисаргон, погладив Найта по щеке. — Но учти: кредит исчерпан.

Найт молча развернулся и поспешил покинуть комнату и бордель.

После его ухода Люций запер дверь на замок. Затем они вместе с Блисом уселись на кровать, химера помогла киборгу перетянуть вену на левой руке.

— Из-за этого чёртового щенка мы лишились регулярного поставщика, — пробурчал Люций, доставая из кармана куртки баночку с Топливом. — Теперь будет дороже, и за качество не могу поручиться… Надо было всё же замочить.

Он привычно похлопал по вене в сгибе локтя Блиса, набрал в шприц густого цианового зелья из баночки и сделал укол.

Блис глубоко вздохнул и, откинувшись на спину, вытянулся во весь рост.

— Не беспокойся, Люций. Будем пока держать пацана на крючке. Понаблюдаем, порешаем…

— А ты уверен, что он повадится сюда ходить?

— Ещё как! — уверенно фыркнул Блис. — Ты бы видел, как он извивался от простого минета. Он подсел, явно! Прибежит через пару деньков как миленький.

Однако Найт не прибежал ни через пару деньков, ни через неделю, ни через месяц. Он никогда в жизни больше не наведывался в маленький бордельчик в подвале кофейни.

Глава 23

Слухи об ухудшившемся состоянии здоровья старого Императора просачивались из неизвестных источников в Сеть и в жизнь граждан, точно вода сквозь песок. Что ж, господин Айзэн и без того прожил длинную и насыщенную жизнь — восемьдесят шесть лет. В последние месяцы делами государства ведал в основном его старший сын — Канцлер Империи Эрц Айзэн, и это было только на пользу государству. Но он не имел всей полноты власти, потому не мог навести порядок в стране раз и навсегда.

В последнее время столицу весьма ощутимо штормило: новое поветрие — мечты о Республике — заставляло граждан идти на противоправные действия, устраивать стачки и забастовки, а то и сбиваться в самые обычные банды анархистов. В основном от всего этого страдали крупные города. Мастера не успевали отправлять на задание своих киборгов-ликвидаторов. И даже до такого медвежьего угла, как Брокса, докатились волны гражданского неповиновения.

И если с бастующими рабочими удавалось разобраться полюбовно, пойдя навстречу некоторым их требованиям, то с объявившимися на «земляном» уровне бандитами могли справиться только киберсолдаты Мастера.

Полиция, конечно, тоже имела определённые навыки ведения городских боёв, но в её функции в основном входило только наблюдение за порядком и решение небольших проблем, а также шпионаж в пользу столицы, что было всем известно, и против чего Мастер не возражал, ведь ему нечего было скрывать. Силовой полиции, не говоря уже о расквартированных отрядах государственной армии и тем более её «кибернетической» части — подразделении «Шершень», в Броксе отродясь не бывало.

Мориц Дольф сформировал отряд зачистки, тщательно изучив досье каждого молодого киборга и подобрав в качестве главного отлично зарекомендовавшего себя ветерана по прозвищу Спот, от староанглийского «пятно».

Это был угрюмый киборг с чуть рябым лицом, что, впрочем, придавало ему своеобразное отрицательное обаяние. По крайней мере, когда приходилось допрашивать какого-нибудь арестованного, ему стоило просто внимательно посмотреть в глаза несчастному, и тот немедленно сдавал и себя, и подельников, и вообще готов был сознаться в чём угодно.

Спот тщательно изучил список участников операции, стоя с распечаткой в руках рядом с креслом старшего координатора, и буркнул сквозь зубы:

— А альбиноса этого чего не поставил? Он мясник ещё тот.

— Личный приказ Мастера, — пожал плечом Мориц Дольф. — Если его всё ещё наказывают за ту уничтоженную бешеную химеру, то он давно уже все долги отдал. А если его… хм… берегут, то я ничего не понимаю. С чего бы такое внимание к какому-то генму?

Киборг молчал, уставившись в листы тонкого пластика.

— Включай его в список, — наконец приподнял он лицо.

— Но…

— Под мою личную ответственность.

Спот размышлял о Найте: «Этот пацан — хороший солдат. Ему необходимо развиваться. Иначе он от скуки обезвредит ещё какую-нибудь банду, разнеся полгорода при этом».

Так Найт оказался на своём первом настоящем полевом задании.

* * *

Банда, именовавшая себя Свободными Волками, состояла в основном из безработной молодёжи низкого происхождения, связавшейся с городскими байкерами. Последние представляли собой чаще всего отщепенцев гордых и свободолюбивых племён диких, или «равнинных», байкеров, живущих в соответствии со строгими законами чести. Так что банда получилась совершенно неуправляемая.

Она быстро взяла под контроль пару рабочих кварталов и окопалась на заводе по производству оружия, взяв в заложники целый цех. Несколько дней Свободные Волки громили дорогостоящее оборудование, распевая при этом слоганы-кричалки, общий смысл которых сводился к тому, что Империя держит своих подданных в страхе силой оружия. При этом оружие бандиты всё же прибрали к рукам.

Рабочих и операторов сборочных машин они не убивали, но всё же не отпускали, держа в постоянном напряжении. Они будто догадывались, что скоро предстоит схлестнуться с силами Мастера Ирона, и тщательно готовились к осаде и бою.

Ни для кого не было секретом, что армия Мастера Ирона в основном состоит из простых парней с минимальным количеством легальных вшивок, с такими вооружённые до зубов беспредельщики легко справятся. Киборгов в услужении хозяина города было очень мало, и Свободные Волки полагали, что те не представляют опасности. В конце концов, это ведь такие же пехотинцы, только железяк в них напихано больше.

Если бы банда зародилась в крупном мегаполисе, в котором киборги — более привычное явление, то ошибочность этого опасного заблуждения стала бы очевидна.

Двадцать молодых киборгов во главе со Спотом проникли на территорию завода открыто, на байках. Обтекаемые машины с рёвом проносились по узким дорожкам между корпусами, чуть заваливаясь набок на поворотах. Бандиты-дозорные, засевшие с оружием на крышах построек или выглядывавшие из окон, отреагировали очень профессионально, не тратя ни секунды и сразу же открыв огонь. Пули с визгом рикошетили от стен и покрытия байков.

На развилке дорожек, по которым обычно двигались автоматизированные грузовые контейнеры, четыре мотоцикла резко затормозили, развернувшись по сторонам света. Каждый киборг взял на себя угол обзора в девяносто градусов, безошибочно определив местонахождение целей и сняв дозорных в считанные секунды.

Один из киборгов, правда, пропустил пару окон, но высунувшихся оттуда бандитов с оружием успешно ликвидировал его напарник, молниеносно развернувшись и сделав ровно столько выстрелов, сколько было противников. Ни один человек не способен на подобную чёткость и скорость действий. Особенно если учесть постоянно поступающие в микронаушник рации директивы от координаторов, которые скорее мешали бы некиборгу, чем помогали.

Расправившись с дозорными, четверо солдат Мастера газанули и унеслись дальше. Другие группы уже зачистили тех бандитов, что не успели оставить пост и скрыться в глубине завода.

Киборги быстро рассредоточились, заняв лестницы, лифты и прочие подходы, о которых бандиты не успели узнать от работников. Но координаторы Мастера Ирона имели великолепную возможность наилучшим образом контролировать ситуацию, так как завод был буквально напичкан камерами наблюдения.

В коридорах, складских и подвальных помещениях звучала стрельба и крики умирающих. Раненых не оставляли. Живыми преступников обычно берут при иных обстоятельствах.

Остатки банды сосредоточились в цехе сборки, забаррикадировав огромные тяжёлые двери. Спот послал координаторам запрос на радиочастоту местной станции, по которой передавали заводские новости и объявления, связанные с рабочим процессом. И через минуту из больших динамиков под потолком обширного зала зазвучал голос Спота:

— Господа нелегалы. С вами говорит капитан карательной группы Спот. У вас есть пять минут на то, чтобы сдать оружие. Вы будете арестованы и преданы суду.

Через пять минут никто, разумеется, не открыл ворота и не выбросил белый флаг. Спот оставил у дверей четверых парней, а с остальными поднялся на застеклённую крышу цеха. Бандиты смутно догадывались звериным чутьём, которое всегда просыпается в подобных ситуациях, что молчание рупоров означает скорую смерть. Поэтому рассредоточились по уровням цеха, прикрывшись работниками.

Со звоном разлетелись окна на потолке, и в водопаде осколков на прочных тонких тросах спустились семнадцать киборгов. Они открыли огонь, но быстро отказались от этого решения, боясь задеть гражданских. Зато сами представляли собой очень удобные мишени. Прежде чем медлительный человеческий мозг отреагировал, киборги раскачались на тросах и спрыгнули на металлические ступеньки и балконы тех уровней цеха, где засели анархисты.

В перестрелке было ранено несколько рабочих, два киборга, и уничтожены практически все бандиты. Те, что помоложе, не совладали с нервами и попытались спастись бегством, но их очень быстро настигли пули солдат Мастера. Двое или трое Свободных Волков принялись скулить и молить о пощаде, но было поздно. Второго шанса им никто не давал.

И вдруг с площадки, на которой находился автомат управления погрузочным краном, послышался срывающийся полудетский голос:

— Всех взорву к едрене фене! Все сдохнут! Все!

На площадке сидел совсем ещё молодой парень, лет пятнадцати или шестнадцати, и судорожно сжимал в дрожащей руке детонатор.

Спот вскинул руку, целясь. Но вдруг на ствол его дикрайзера легла ладонь Найта:

— Стойте! Если вы его застрелите, он рефлекторно нажмёт кнопку. Мы не можем знать наверняка, блефует он или нет.

Инструктор поджал губы и посмотрел в тонированное бронестекло его забрала. Найт продолжил:

— Разрешите, я с ним поговорю?

Не дождавшись ответа, он развернулся, скинул шлем и задрал голову. По плечам рассыпался растрепавшийся хвост белоснежных волос.

— Эй, парень! Подожди, давай поговорим!

— Иди ты в жопу, кибер! Идите все в жопу! Дайте мне уйти или я взорву этот завод! Мне терять нечего!

Найт подбежал к кнопке включения погрузочного крана, ударил по ней кулаком и быстро встал одной ногой в изогнутый полумесяцем крюк, а рукой ухватился за массивную цепь. Лебёдка задребезжала, и киборг в считанные секунды оказался на площадке. Теперь он мог рассмотреть Свободного Волка вблизи. Так и есть: совсем сопляк. В глазах — животный ужас, чуть затуманенный наркотиками.

— Тихо, тихо, не совершай резких движений, — Найт дружелюбно протянул к нему ладонь.

— Брось оружие! — истерично завизжал подросток. — Брось, тебе говорят!

Найт поспешно отстегнул кобуру с пистолетом-пулемётом и положил на пол.

— Сюда пни! — мальчишка, кажется, начал успокаиваться.

Найт молча выполнил приказ, незаметно переместившись чуть ближе.

— Спокойно. Просто сдайся, хорошо? — заговорил он ровным тоном, стараясь убрать из него слишком уж жизнерадостные нотки: они прозвучали бы фальшиво в этой ситуации.

— Ага! Я сдамся, а вы меня всё равно замочите! Либо вы, железнозадые, либо ваш хозяин, который лижет жопу Императору. Вы не понимаете, что силой ничего не достичь! Всё равно рано или поздно народ сбросит оковы!

— Эти люди, — Найт сделал широкий жест в сторону притихших рабочих, — тот самый народ и есть. И что же сделали вы, так ратовавшие за его свободу? Запугали их, многих изранили. Помешали работе, и теперь они не выполнили план и лишились платы за него. Может быть, вы просто хотели награбить оружия и выгодно продать его вашим… эм… единомышленникам?

— Заткнись! Много ты понимаешь! — и вдруг малолетний панк умолк, глаза его расширились. — Эй! Ты ж… ты ж тот самый танцующий альбинос из Сети!

Найт слегка удивился подобной перемене, но больше внимания уделил всё же дрогнувшей тонкой руке, сжимавшей детонатор. Губы Свободного Волка расплылись в немного безумной улыбке.

— Круто! Я твой фанат!

Он потянулся к валяющемуся неподалёку пистолету Найта, его куртка слегка раздвинулась, и стала видна футболка с мультяшным изображением альбиноса, танцующего в окружении снежинок. Найт тяжело сглотнул, отвлекшись, его словно загипнотизировало это изображение. Товарищи внизу и заводские рабочие молча и напряжённо наблюдали за развитием ситуации.

Найт едва не пропустил момент, но всё же метнулся вперёд, подныривая под руку мальчишки. Застрекотали выстрелы, уходя в потолок. В следующую секунду молодой киборг ювелирно точным движением вывернул запястье противника, отнял пистолет, одновременно пережимая вену на второй руке, державшей детонатор. Пальцы юного анархиста онемели и предательски разжались. Найт подхватил детонатор в полёте и, прежде чем успел найти другое решение, выстрелил. По инструкции.

Пацана отбросило к перилам площадки. Голова нарисованного на футболке альбиноса исчезла в кровавой каше.

— Я ж… и правда твой… фанат, — прохрипел маленький бандит, подёргиваясь, потом сипло хохотнул, захлебываясь кровью, и вытянулся на полу.

Найт пошевелился только через минуту. Осторожно приблизился. Стеклянные полудетские глаза с крошечными зрачками таращились в потолок.

Сглотнув сухим горлом, молодой киборг развернулся и бросился к узенькой металлической лестнице. Мышцы свело судорогой, но они всё равно действовали, словно подчиняясь программе.

— Последний зачищен, — отрапортовал он севшим голосом, вручая Споту детонатор.

— Уходим, — проговорил инструктор, пытаясь проникнуть глубоким, внимательным взглядом сквозь преграду лучистых и прозрачных, как речной лёд, глаз Найта.

Альбинос показался Споту бледнее обычного, и губы его были плотно сжаты. В остальном он выглядел совершенно невозмутимо.

Карательная группа покинула цех, а вскоре и территорию завода, оставив рабочих на попечение подоспевших медиков и полицаев, а трупы анархистов — патологоанатомам.

Все киборги, участвовавшие в операции, получили в качестве прибавки к минимальному жалованию проценты за успешно выполненное задание. Ни для кого не стало сюрпризом, когда инициативного альбиноса выделили особо.

На полученные деньги он наконец-то приобрёл первый в жизни личный дикрайзер, на время отложив покупку новых визоров, которые не боялись бы его слёз.

* * *

Господин Миккейн открыл дверь и даже не удивился, увидев на пороге Найта. Тот широко улыбался, смаргивая с белых ресниц

дождевую воду и протягивая большущую белую розу. На её лепестках дрожали капельки, словно драгоценные камни.

— Здравствуйте! Это для Моны.

Леди Лиандра подарила ему этот цветок. Найту он понравился, но почему-то заставил смутиться. Парню стало почти страшно отнести цветок в казарму. И так уже ребята подшучивали над ним и спрашивали, когда свадьба с дочкой хозяина. Киборгам нельзя жениться только на биологических женщинах (хотя в некоторых мегаполисах правило не распространялось на бесплодных самок), на сучках — пожалуйста. И Лиандра как назло оказывала солдату своего отца особые знаки внимания. А Найт с таким же упорством избегал встреч с ней.

«Эта роза такая же, как ты. Белая и с шипами», — сказала леди, протягивая Найту свой любимый цветок, когда буквально подкараулила молодого киборга в апартаментах Мастера Ирона.

Отказываться от подарка было неловко, но он словно жёг руки, и Найт поспешил к хорошо знакомому небоскрёбу-цилиндру. Сначала он хотел подарить розу господину Миккейну, но у самой двери вдруг придумал совершенную нелепицу. Дарить цветы самке! Да ещё чужой самке! Но возвращаться к изначальному сценарию было поздно.

— Проходи, проходи, — приветливо улыбнулся юноше его бывший учитель.

Через пару минут роза красовалась в узкой вазе цветного стекла на столике, за которым любила рукодельничать Мона, а киборг и историк сидели в креслах у камина и пили чай.

— Рассказывай же скорее, что случилось у тебя за это время? — спросил господин Миккейн. — Как ты живёшь? Как работаешь? Я слышал, ты делаешь большие успехи. О тебе начинают шептаться в городе.

— Да что уж там, — совершенно искренне смутился Найт, густо покраснев. Ему показалось, что в голосе учителя проскальзывают нотки неодобрения. Довольно сухо и коротко поведав о своей жизни, Найт пристал к учителю с расспросами о жизни Академии.

Около часа они болтали ни о чём. После паузы, за которую очередная порция чая была допита, господин Миккейн негромко спросил:

— Тебя что-то гнетёт, мой мальчик? Я же вижу.

Найт помолчал и выдавил будто через силу:

— Я… Я недавно убил одного нелегала…

И вдруг он выпалил всё как на духу — и о футболке, и о негласном сетевом бренде «танцующий альбинос».

— Это же я… Мультяшка. Порой я начинаю забывать, что

существую. Я как будто вещь и принадлежу кому угодно, но не себе…

Господин Миккейн протянул руку и мягко положил свою широкую, тёплую ладонь поверх белой ладони Найта.

— Что же этот мир сделал с твоей зимой?

— Он испачкал мой снег, — в голосе сильного, опасного воина прозвучали дрожащие нотки обиженного ребёнка.

Господин Миккейн поднялся из своего кресла и, сев на подлокотник к Найту, крепко, по-отечески обнял его за плечи.

Они оба молчали несколько минут. Найт поймал себя на том, что ни о чём не думает. Даже о Делейте, о котором собирался задать миллион вопросов. В голове звенел прозрачный вакуум. Юноша как будто отключился от мира. И ощущал только объятия учителя. В них было так уютно и спокойно, так тепло… Вдруг молодой киборг встрепенулся и встал. Господин Миккейн встал следом.

— Я… я, наверное, пойду, — замялся Найт. Он попытался придумать какую-нибудь уважительную причину, чтобы всё не было так похоже на бегство, но ничего не придумывалось.

Учитель отнёсся с пониманием. Он похлопал молодого киборга по плечу и пожелал удачи. Найт чуть замялся. А потом всё же крепко обнял господина Миккейна, после чего покинул его дом. На многие годы.

Глава 24

Май 323-го года после Пыльной Войны выдался дождливым и холодным. Весна была похожа на осень. Само небо словно предчувствовало перемены, скорее к худу, чем к добру: оно висело над Империей мрачным и душным одеялом тёмно-стальных туч, медленно ползущих с севера.

Старый Император после продолжительной болезни скончался в возрасте восьмидесяти семи лет. Власть принял его старший сын, оставивший за собой титул и некоторые функции Канцлера. Господину Эрцу Айзэну досталось государство, которое раздирали на части противоречия и ветры волнений, желание свободы и непонимание того, что несла эта свобода всё ещё шаткой системе.

Крупные мегаполисы наводнили анархические и повстанческие организации, и кибертроника получила мощный толчок к развитию: Мастера увеличивали свои киберармии, а каждый киборг имел возможность выполнять большое количество заданий, приносящих хорошие проценты, и «вшиваться» по последнему слову техники.

Но в тихой Броксе ничего не происходило. По крайней мере, ничего в таких масштабах, как, например, в соседних Нидрэде и Келаме. Изредка приходилось усмирять молодёжные банды, которые старались всё же не вынуждать Мастера на самые жёсткие меры — многие помнили историю со Свободными Волками. Найт также старался теперь вывести противников из строя, стреляя по ногам, а не убивать мальчишек, зачастую даже не достигших совершеннолетия. Но всё равно за альбиносом закрепилась репутация безжалостного убийцы. Его называли просто Смертью — «бледный и в чёрном» (защитное обмундирование наёмников Мастера было чёрного цвета). И как смерть, он был одновременно пугающим и притягательным. Коллеги — молодые киборги и ветераны — относились к нему с уважением и подсознательной опаской, как к диковинному хищному зверю.

Но леди Лиандра словно не видела его хищной стороны, разглядев лишь хрупкие белые лепестки и острые шипы, предназначенные для защиты, а не для нападения.

Будучи истинной леди в том понимании, которое свойственно бывшему мужчине, Лиандра не навязывалась Найту, а при встрече не смотрела ему в глаза тяжёлым и вязким взглядом течной самки. Она смотрела взглядом снайпера и хозяина положения, искусственно, но всё же виртуозно смягчая

мягкую, спокойную агрессию элегантной и горделивой сдержанностью. Каких бы высот не достигли хирургия, генная инженерия и гормональная терапия в мире, в котором баланс между полами был давно нарушен, всё же мужчина не мог окончательно превратиться в женщину. Лиандра хотела Найта так, как только мужчина может хотеть мужчину.

Найт прекрасно видел взгляды, полуобороты, игривое пренебрежение и холодность. И понимал: стоит ему лишь дать понять, что он не против, как в широкой груди «сестры» с идеально смоделированными молочными железами разгорится пламя.

Иногда из подсознания и самого Найта крадучись выбирался вытесненный интерес к выпуклости между ног Лиандры под обтягивающим алым платьем… Но молодого киборга удерживало множество причин.

Найт раз и навсегда решил для себя, что если и заведёт отношения, то лишь с такой, как Мона. И не важно, будет это транссексуал или бесплодная биологическая женщина. Секс ради развлечения или «спорта» его также не интересовал. Кроме всего прочего, леди Лиандра — его кровная родственница, и не важно, что у них в любом случае не будет детей. А может быть, Найт использовал возможность потренировать силу воли и сознательно не поддавался такому сильному соблазну.

* * *

Лето прошло в рутинных заботах.

Однажды Найт возвращался в казарму, успешно задержав и сдав патрулю мелкого наркодилера и семерых его охранников (у всех были аккуратно прострелены колени). И встретил леди Лиандру. Подтверждалась закономерность: судьба всегда особенно настойчиво подсовывает самый избегаемый соблазн.

Красный блестящий мувер дочери Мастера Ирона стоял у обочины пустынного шоссе неподалёку от спуска на «земляной» уровень. Сама она расхаживала туда-сюда, словно тигрица в клетке, и остервенело тыкала длинными ногтями в кнопки миниатюрного телефона.

Найт мягко притормозил рядом свой байк и сказал:

— Вас подвезти, госпожа?

Леди встрепенулась, на её лице вспыхнула улыбка, точно взмахнула крылышками бабочка.

— Какая удача, что я тебя встретила! Чёртовы ремонтники, не дозвониться до них!

Она ловко, но не торопливо села на байк позади Найта и обняла его за талию. Молодой киборг сглотнул от неловкости, но с удивлением обнаружил, что не ощущает исходящего от «сестры» желания. Только волнение и тревога.

Найт завёл мотор и почти тронулся с места, но Лиандра вдруг сказала:

— Нет, нет, не домой! Мне нужно на «земляной» уровень, в клуб «Крем».

— Такие заведения не место для леди, — нахмурился Найт. — Я могу отвезти вас в «Коралл», там гораздо приличнее…

— Мне не ради развлечения! — госпожа Ирон тяжело вздохнула и проговорила дрогнувшим голосом: — Это из-за Бобби. Только что позвонил его дружок и сказал, что у этого дурака проблемы. Конечно, Бобби — засранец, но он мой брат!

Найт без лишних разговоров развернул байк и рванул по спуску на самый нижний уровень города.

* * *

Забегаловка с дополнительной функцией борделя нашлась довольно быстро. Скучающие на пороге вышибалы присвистнули:

— Никак главсучка города с ручным трахальщиком пожаловали?

На «земляном» уровне подобное неуважение к семейству Иронов не боялись выражать открыто.

Леди Лиандра даже бровью не повела, а Найт стиснул зубы, непроизвольно положив руку на рукоять дикрайзера. Вышибалы криво усмехнулись, но попросить сдать оружие не решились.

Дочь хозяина города тем временем спрыгнула с байка и стремительно прошагала в клуб, цокая острыми шпильками бордовых ботфорт. Найт не отставал.

Через пару минут они оказались в прокуренном зале, набитом немытыми телами, словно консервная банка — селёдками. На светящихся подиумах извивались размалёванные мальчики-малолетки, у которых не было денег на операцию и которые отчаянно пытались эти деньги заработать. Леди Лиандра уверенно двигалась по залу, раздвигая толпу, и следующий за ней двухметровый киборг начисто отбивал у наиболее пьяных посетителей охоту ущипнуть её за задницу.

Вдруг из толпы вылетел всклокоченный парень с малиновой линзой в одном глазу и цианово — в другом. Парня заметно потряхивало от каких-то стимуляторов. Он вцепился в плечи Лиандры и затараторил:

— Скорее! Скорее! Его уже убивают!

Лиандра брезгливо поморщилась, отодвигая с дороги дружка своего непутёвого младшего братца, а Найт для верности оттолкнул его подальше, чтобы не лез.

Роберта Ирона удалось найти почти сразу — по шуму и расступающимся зевакам. Его прижали лицом к игорному столу и, приставив пистолет к затылку, требовали деньги, судя по всему, проигранные в карты.

— Нету у меня ничего! Отсосите! — отплёвывался парень от крови из разбитых губ.

— Мы тебя твоей недооперированной сестрёнке сосать заставим, падла! Кредитку гони!

— Ну и кто тут хотел у меня отсосать? — рявкнула мужским голосом Лиандра, поставив руки на талию.

Компания мрачных и опасных личностей обратила на неё внимание.

— Опа! Сама припёрлась! Что, сучка, соскучилась по настоящим членам? Свой-то от гормонов, небось, уже не стоит? — фыркнул один из громил — тот, что держал Роберта.

— Хочешь проверить? — холодно процедила Лиандра.

Не известно, чем закончились бы пререкания, но тут в круг зеленоватого света выступил Найт.

— А вот и Смерть пришла, — гоготнул кто-то.

Заводила среди картёжников скривился и, помедлив, швырнул Роберта в руки сестре.

— Да на, подавись! Только в следующий раз мы с него шкуру спустим и пришлём тебе свёртком. И нечего нас пугать своими киберами!

Лиандра фыркнула и, гордо развернувшись, потащила брата за собой. Найт обвёл притихшую компанию холодным взглядом своих искусственных глаз, после чего последовал за госпожой.

«А она смелая! Неужели кинулась бы на помощь брату одна? Ведь встреча на шоссе была случайной».

На улице Роберт отошёл от шока и, окрылённый чудесным спасением, снова показал норов.

— Пусти ты! Отвяжись! Обойдусь!

Дальше последовала малосвязная брань, и Найт не выдержал. Он схватил парня за шиворот блестящей зелёной куртки, слегка приподнял над землёй и рявкнул:

— Хотите вернуться обратно и разрешить проблему самостоятельно, молодой господин?

Роберт сверкнул глазами и засопел. Найт поставил его на ноги и жёстко проговорил:

— Ваша сестра рисковала своим здоровьем, а то и жизнью

ради вас! А вы ведёте себя как последняя скотина!

— Она мне не сестра! — Роберт одёрнул куртку. — Она вообще не «она», а «он»! Точнее, оно! Сиськи сделало, а член всё никак не отрежет!

— Где ты оставил машину? — спросила Лиандра, будто не услышав оскорблений, но Найт уловил в её тоне едва заметную нотку горечи.

— Да вон там, за углом! Только я её уже проиграл! — пьяно заржал Роберт.

— Ничего, вернём обратно, — спокойно сказал Найт и, взяв младшего брата под локоть, повёл на парковку.

Там уже ошивались местные завсегдатаи-панки, деловито обследовавшие салон приземистого автомобиля одной из последних спортивных марок.

— Ключи, пожалуйста, — Найт спокойно протянул руку.

Маргиналы глянули на него и обоих Иронов. И развязно достали самодельные, но убойные пушки.

— Проблем захотелось, железная жопа? — сипло усмехнулся один из панков, сплюнув через щербину в зубах. Под дурманом наркотиков казалось, что толпой такого молодого киборга завалить легко.

Устав от разборок, Найт выхватил дикрайзер быстрее, чем противники успели моргнуть, и одной очередью скосил ирокезы всей компании под корень.

— Мастер Ирон запретил действовать жёстко, но я могу и нарушить запрет, — сказал киборг. — Подумаешь — штраф.

Панки очнулись и кинулись наутёк, оставив машину открытой. Ключи с отключённым биосканером владельца торчали в зажигании.

Найт убрал оружие в кобуру и запихал Роберта на заднее сидение, Лиандра села за руль. Сам киборг последовал за машиной на своём байке.

Вскоре злачные районочки остались позади. На пустынном шоссе неподалёку от того места, где Лиандра бросила свой заглохший мувер, пришлось приостановиться: задняя дверца машины распахнулась, и младшего Ирона стошнило на асфальт. Найт терпеливо ждал. Когда Роберту полегчало, он вытер губы влажной салфеткой, которую протянула ему сестра, и вылез из автомобиля.

— Куда тебя понесло? — Лиандра выбралась наружу, хлопнув дверцей.

— Отвяжись…

— Вы должны вернуться, молодой господин, — Найт догнал Роберта, схватил его под руку и потащил к машине. Парень

вырвался.

— И ты тоже отвяжись! Ты вообще не имеешь никакого права меня трогать! Да если я только заикнусь папаше, тебе мозги перемешают коррекцией! Да если ты мне только дашь повод…

Найт молча отвесил лёгкую оплеуху спесивому мальчишке. Тот пошатнулся на заплетающихся ногах и плюхнулся на задницу.

— Дать ещё повод? — вежливо осведомился Найт.

— Ты долбанутый кибер! — едва ли не взвизгнул Роберт. — Ты мне башку чуть не снёс!

— Башку я бы вам снёс, если бы сделал так…

Найт ударил кулаком в стену ближайшего дома, посыпалась штукатурка и каменная крошка. Чёртов алкоголик несказанно бесил, и Найт направил злость на посторонний предмет.

— Поехали домой, Бобби, — Лиандра помогла брату встать и повела его в машину. Парень вырвался снова и всплеснул руками:

— Хватит! Хватит со мной носиться как с младенцем! Вы с папашей кого угодно можете довести! Даже когда у тебя ещё не было сисек, ты всё равно строил из себя «мамочку», Андрий! И то не по своей воле, а только чтобы привлечь хоть немного его внимания! А ему на нас на-пле-вать!

— Ты не прав… — покачала головой Лиандра.

— Если не прав, то почему мы все такие?! Ты, я, Влад, Камил и прочие — сколько нас есть у него, все какие-то неправильные! Все мы — его «позор»! И только чтобы доказать обратное, лезем из шкуры вон! И чем это оборачивается? От него надо сбегать, пока не поздно!

— В алкоголизм? — скривилась Лиандра.

— Или в смену пола? — парировал Роберт.

— Садись немедленно в машину! — рявкнула его сестра, потеряв терпение.

Найту было неловко присутствовать при семейном скандале, он помалкивал в сторонке. Наконец Роберт сказал:

— Хорошо! Ладно! Я поеду домой! Я из принципа доучусь в Академии и свалю куда-нибудь! Хоть в столицу, хоть в захолустье на западе. Генные инженеры везде нужны. А папаша и не поймёт, что я уехал. Ему на меня плевать.

С этими словами он размашисто прошагал к машине и плюхнулся на заднее сидение.

Глава 25

Найт был в смятении. Это его и не его семья одновременно. Все эти люди ему чужие и родные. За них обидно и больно. Но он здесь не на правах члена семьи, а как простой солдат. Не его дело, не его дело…

И всё же Найт решил проведать Лиандру, которая пребывала в смятении и расстроенных чувствах после того, что Роберт вчера наговорил.

Он поднялся на второй этаж особняка и деликатно постучал в резную дверь.

— Входите, кого бы там ни принесло, — отозвался низкий, глухой голос.

Найт бесшумно вошёл. Леди Лиандра сидела на краю постели, взлохмаченная и не накрашенная, в домашнем пеньюаре и с бутылкой виски в руке. Как никогда похожая на мужчину.

Она подняла голову и устало улыбнулась:

— А, это ты? Заходи, заходи.

— С вами всё в порядке, госпожа? — тихо спросил Найт.

— Насколько это возможно. Выпьешь со мной?

Она встала, взяла из бара бокал, плеснула до половины и протянула Найту. Тот сдержанно кивнул, поблагодарив.

— За пап***а***, — игриво сказала Лиандра и добавила с нервной весёлостью, — и за всё, что он с нами сделал. Хотя, конечно, он не при чём. Каждый выбирает свою судьбу сам.

Она выпила залпом.

У Мастера Ирона было восемь сыновей и тринадцать дочерей. Подавляющее большинство — репродуктивно годные. В одном из наиболее престижных Оазисов осталось только три дочки ещё не детородного возраста. Остальные уже были куплены мужчинами разной степени генетической годности и материального достатка. Сыновья возрастом от трёх до двадцати одного года обучались в Интернатах и Академиях не только Броксы, но и близлежащих городов, а те, кто старше, вели самостоятельное существование. И большинство из них не могли назвать себя счастливыми. А то и добропорядочными.

— Бедный Камил, во что он превратился! — покачала головой Лиандра, сделав паузу после короткого рассказа, и порывисто вздохнула. — Когда я его видела в последний раз, он уже не мог самостоятельно передвигаться. Превратился в бесформенную трёхсоткилограммовую тушу. Наверное, из-за этих дешёвых биококтейлей со средних и нижних уровней. Когда-то он был очень перспективным программистом. Потом по какой-то

причине поссорился с пап***а***. Камил уволился, связался с полулегальными группировками и переквалифицировался в хакера. Его до сих пор не арестовали не только потому, что он сын хозяина города, но и потому, что он сам не вредит отцу слишком сильно.

Найт сидел напротив сестры в кресле, держа в руках нетронутый стакан. Леди Лиандра продолжила:

— Мы поговорили с Камилом. Он по-настоящему страдает. Он хотел бы вернуться, жить дома, по возможности работать. Но пап***а***… Он перфекционист, понимаешь? Все его дети должны быть просто идеальными. Самыми-самыми. Доказательствами его генетической полноценности. Но не может же быть идеальной гора жира в три центнера! И если бы не это обстоятельство, он тоже был бы рад возвращению Камила. Я же вижу: пап***а*** скучает. Но не может поступиться своими чёртовыми принципами.

Найт нахмурил белые брови, угрюмо глядя в пол. И вдруг вкинул голову и улыбнулся.

— Госпожа, у меня есть идея!

Лиандра посмотрела на него, улыбнувшись с усталым отчаянием. «Разве что-то можно изменить?» — словно говорили её глаза.

— Конечно, если вы не посчитаете моё предложение слишком дерзким, то…

И он рассказал, жестикулируя и широко улыбаясь, воодушевляя сестру своим запалом.

* * *

В комнате летало огромное количество мух. Нет, они даже не летали, а вальяжно ползали по стенам и столу, прекрасно зная, что им ничего не угрожает. Почти половину и без того небольшого помещения занимала тахта, по которой растеклась невообразимо громадная и уродливая туша с едва различимыми отростками конечностей, утонувших в жире. От головы Камила Ирона к многочисленным ноутам тянулись пучки мнемокабелей. Ему не нужно было даже шевелить пальцами.

«Интересно, кто же его кормит? И моет… Если моет…» — подумал Найт, осматриваясь по сторонам и прикрывая нос ладонью: стоял невообразимый смрад. Воняло, кажется, не только потом…

— Я ничего не сделал, я не виноват! Иди на хер, кибер! — булькала, колтыхаясь, туша.

— Всё в порядке, господин Ирон, я здесь не с заданием.

Точнее, не с тем заданием, которое может повредить вам.

— Какого хрена? Я ничего не сделал! Оставь меня в покое! — клокотал ком биомассы, когда Найт отключал его от ноутов.

Не обращая внимания на вопли, молодой киборг выхватил из кобуры дикрайзер. Камил Ирон заголосил как неизвестный науке зверь, но очередь прошила не бесконечные слои его жира, а тонкую пластиковую стенку. Выбив её кусок ногой, Найт критически осмотрел получившуюся арку. Потом смерил взглядом своего брата. Должен пролезть.

Специально нанятый простой рабочий киборг-грузчик помог Найту аккуратно оттранспортировать Камила сперва до грузового лифта многоквартирного дома-муравейника в одном из бедных кварталов, а затем и до небольшого грузовичка. Всё это время туша голосила, булькала и кудахтала. Но на помощь ей никто из соседей не приходил. Все посчитали, что до хакера наконец-то добрались киборги Мастера. Значит, за дело.

Между тем Камила Ирона отвезли в одну маленькую клинику, давненько примеченную Лиандрой. Там всё было уже готово и оплачено.

Несколько часов у Камила откачивали жир, потом срезали лишнюю кожу.

Через некоторое время провели операцию по уменьшению желудка, почистили кровь и лимфу. Подлечили сердце, которое до сих пор не остановилось лишь неведомым чудом.

После довольно продолжительного периода реабилитации Камилу провели также несколько микроопераций на мозге, кодируя его от алкогольной и пищевой зависимости.

Когда тело мужчины пришло в относительную норму, опытный психиатр «починил» его душу. По крайней мере, Камил вернулся в мир живых людей.

Чуть более чем через год, подтянутый, худощавый мужчина в неброской, но элегантной одежде стоял перед массивными дверями кабинета Мастера Ирона под руку с Лиандрой.

— Мне кажется, это плохая идея… Стоило бы его как-то подготовить…

— Спокойно, братишка, — Лиандра улыбнулась ему, а затем легонько постучала.

— Войдите.

Одновременно сглотнув, брат с сестрой переступили порог кабинета их строгого отца.

* * *

— Что ты опять натворил? — усмехнулся старший координатор Мориц Дольф, повернувшись к вошедшему Найту. — Тебя начальство на ковёр вызывает.

Молодой киборг кивнул, нахмурившись, и вышел из обширного зала, в центре которого за кольцеобразным столом сидела дюжина координаторов. Все они проводили парня взглядом, шушукаясь или покачивая головами.

Найт ещё за пару шагов до кабинета отца услышал весёлый смех. Приостановившись в нерешительности и недоумении, он всё же постучал и после разрешения войти открыл дверь.

В кабинете находились три человека: кроме отца ещё леди Лиандра и молодой мужчина, в котором Найт с большим трудом узнал Камила Ирона. Все они сидели у камина прямо на отрезе искусственного меха и пили вино.

— Солдат Найт прибыл по вашему приказанию, господин Ирон, — отчеканил молодой киборг.

Мастер Ирон бросил взгляд в его сторону и взмахом руки подозвал к себе.

— Входи, входи, садись с нами!

Найт в нерешительности замер на пороге.

— Не бойся же! — Мигель Ирон вскочил и буквально подтащил Найта за руку к остальной компании. Затем вручил бокал и наполнил до краёв.

— Я хочу поблагодарить тебя, — сказал Мастер Ирон после того, как Найт чуть пригубил вино из вежливости. — Дочь рассказала мне, что это была твоя идея. Я потрясён!

Он положил руку на запястье Найта и заглянул ему в глаза.

— И я должен признаться…

Найт с усилием сглотнул, пытаясь усмирить сердце и краснея от того факта, что отец держит пальцы на его взбесившемся пульсе.

В чём же признаться? В чём? Неужели отец признает их родство?! Сейчас, при свидетелях!

Найт ужасно испугался этого и одновременно подался навстречу отцу всем естеством.

— У меня никогда не было такого верного солдата с таким подвижным, живым умом! — закончил Мастер Ирон.

Несколько секунд Найт ещё ждал чего-то. Наверное, примерно того же, что сказал ему отец в их первую встречу после Академии. Но Мастер Ирон не добавил больше ничего. Он осушил свой бокал и радостно воскликнул:

— Ты вернул мне сына, Найт! Я совсем по-иному взглянул на свою семью.

С этими словами он обнял Лиандру и Камила за плечи,

расцеловав своих детей в щёки.

Найт сидел напротив них, скрестив ноги, и даже сейчас был выше каждого почти на голову. Потом он поставил бокал на пол, угрюмо глядя на свои ботинки, просто огромные по сравнению с обувью любого из присутствующих.

Он не из их стаи. Он чужой. Чуждый, неправильный. Глупо было надеяться на то, что Мастер Ирон примет его в свою семью открыто. Одно дело — минутная слабость наедине. А другое — в присутствии посторонних. Пусть даже эти посторонние — его кровные родственники.

— Я оплачу любое оружие и любую операцию, только скажи! — воскликнул Мастер Ирон.

— Благодарю, господин Ирон, за оказанную честь, но мне ничего не нужно сверх того, что уже есть, — сказал Найт, поднимаясь. — Прошу извинить меня. Я должен идти.

Он развернулся и покинул кабинет отца быстрее, чем его окликнули.

Решив срезать большой крюк на пути в казармы, Найт шёл напрямик через сад. Горьковато-свежий аромат белых астр заставлял горло сжиматься. Щипало в носу, но плакать нельзя. В конце концов, визоры могут испортиться окончательно.

Найт прислонился плечом к колонне, стилизованной под ионическую. Небо давило на плечи нестерпимым грузом. Заходящее солнце жгло беззащитную перед ним кожу альбиноса. Найту было больно и душно. Он чуть отодвинул жёсткий воротничок-стойку строгой рубашки-безрукавки, сглотнул, с усилием восстанавливая дыхание. На солнце набежала тучка. Стало легче.

— Ах, вот ты где! Еле тебя нашла! — раздался совсем рядом голос Лиандры. Она вышла из тени под аркой, увитой плющом, и приблизилась к молодому киборгу. Судя по нетвёрдой походке, леди уже успела перевыполнить свою алкогольную норму, но при этом держалась вполне стойко.

— Куда же ты убежал? Пап***а*** ничего сказать не успел!

— Он успел сказать даже более того, чем нужно, — буркнул Найт. — Простите, госпожа, я должен идти.

— Я это уже слышала, — усмехнулась Лиандра и поставила руку на колонну, едва Найт сделал шаг в сторону. Широкая грудь юноши упёрлась в сгиб локтя псевдоженщины.

— Что с тобой? Ты как будто побледнел, — прошептала она, нежно беря в ладони грубо вылепленное лицо Найта.

— Я всегда такой бледный, я же альбинос, — криво усмехнулся Найт, попытавшись отстраниться. Но Лиандра вдруг прижалась к нему всем телом и впилась поцелуем в губы. Найт

опешил, отшатнулся, но вырваться не сумел. Он приподнял руки как будто для защиты и почти против воли положил их на крепкую талию «сестры».

— Ты такой красивый, Найт, — прошептала Лиандра грудным, низким голосом, поглаживая юношу по щекам. — Я бы так хотела, чтобы пап*а* разрешил нам с тобой заключить брак…

— Я не могу, госпожа, — помотал головой Найт. — У нас ничего не может быть…

— Глупости, — томно засмеялась Лиандра, запрокинув лицо и обжигая губы Найта сладковатым ароматом вина. — Я ведь не биологическая женщина, а… как там говорят на низких уровнях… сучка. Транссексуал. Пародия или подделка. Киборгам нельзя жениться лишь на репродуктивно годных женщинах.

— Не в этом дело, — попытался выкрутиться Найт.

— Я не нравлюсь тебе? — Лиандра отшатнулась, глядя на него немного гневно и в то же время отчаянно.

И вдруг Найту стало безумно её жалко. Её или его. Этого удивительного и неправильного человека, запутавшегося в условностях социума, отчаянно желающего любви хоть кого-нибудь — отца, братьев или его, уродца и простого солдата. Найт шагнул навстречу Лиандре и стиснул её в объятиях, с трепетом чувствуя, как доверчиво обмякло её сильное и гибкое тело в его руках.

…Через полчаса в полутёмной спальне Лиандра извивалась под ним, разметав чёрные кудри по винно-красным простыням, сипло вздыхая и низко постанывая. Её длинные холёные ногти оставляли на белой коже альбиноса багровые полосы. Жирно накрашенные алым губы отрывисто хватали воздух. Лиандра направила его сама, всё показала, поддалась, прижалась, и теперь ему оставалось лишь резковато дёргаться вперёд-назад, не в силах совладать с собственным телом. Дремучие инстинкты всё сделали за него. Всё получилось с первого же раза, вызвав восторг Лиандры, которая всё же немного морщилась от боли: Найт не был обделён размером члена и ещё не умел эффективно им пользоваться. Он молча налегал всем телом, раздражаясь от мерного скрипа кровати и от того, что всё происходит совсем не правильно, не так, не тогда, не с тем… Раздражение растворялось, утекало по венам вниз, превращаясь в лаву острого наслаждения. Найт запрокинул голову, упираясь руками в простыни, прогибаясь в пояснице, которую крепко обхватывали ноги Лиандры. Чуть царапался капрон дорогих чулок, от этого ощущения вдоль позвоночника бегали мурашки.

Найт успел почувствовать что-то лишь на миг. Что-то ошеломляющее. До этого и после этого были просто какие-то

бессмысленные и некрасивые движения. Навалилась слабость. Он улёгся на спину рядом с Лиандрой и несколько минут восстанавливал дыхание. На его бедре лежала сильная, совсем не женская нога «сестры», на животе высыхали жемчужные капельки «её» семени. Его собственное семя медленно стекало по внутренней стороне «её» бедра. Найт смотрел в потолок со старомодной лепниной и краем сознания фиксировал полное отсутствие связных мыслей. Лишь одна пульсировала под черепной коробкой: он только что лишился девственности с собственной единокровной сестрой. Или братом. Какая разница.

Лиандра перекатилась на бок, склонилась над Найтом и стала медленно, глубоко целовать его, просовывая проворный язычок ему в рот. Найт закрыл глаза. Было одновременно хорошо и мерзко. Очень привычное чувство. Почему никогда не может быть иначе?

Так он и заснул — раскинувшись на огромной постели под балдахином из бордовой с золотом тафты, словно белёсая жемчужина в покровах гигантского моллюска. Лиандра нежно ласкала его губами и руками.

Проснувшись меньше чем через полчаса, молодой киборг встал, стараясь не разбудить любовницу, и тихонько вышел из комнаты.

На улице царил пасмурный, душный вечер ранней осени. Поздние цветы в саду отравляли ароматом, от которого неодолимо тянуло в сон. Упали первые капли дождя, и Найт подставил им пылающее лицо. Постепенно улёгся сумбур в голове, душа успокоилась, и стало вдруг легко и радостно. Найт обтёр мокрые щёки и лоб ладонью и вдруг заметил, что Лиандра стоит на балконе, небрежно завернувшись в тонкое покрывало, и смотрит на него с лёгкой улыбкой Моны Лизы. Античная статуя. Дитя Гермеса и Афродиты.

Найт поспешно отвернулся и зашагал в сторону казармы. В памяти сверхновой вспыхнул образ Дэла. Шестнадцатилетнего Дэла — такого, каким Найт его запомнил. Он всё ещё жил в душе альбиноса и не желал уступать место никому другому. Маленький сердитый эгоист.

Улыбаясь своим мыслям, Найт удалялся от Лиандры всё больше, ни разу не оглянувшись.

Глава 26

Чёртов каннибал терроризировал несколько кварталов на «земляном» уровне Броксы уже пару месяцев. На след неуловимого маньяка удалось выйти совсем недавно, как раз после Нового года. Координаторы даже не скрывали своего раздражения по поводу того, что следить за «земляным» уровнем при таком скудном количестве камер наблюдения просто невозможно.

Однако преступника удалось обнаружить и примерно обозначить границы ареала, в котором он появлялся чаще всего. Масштабная стройка — жилой комплекс с полагающейся инфраструктурой и маленькая фабрика по производству искусственных тканей. Что удивительно, на стройке всегда было полно народу, и оставалось загадкой, как маньяку удавалось так долго скрываться.

Ловить хитрого и опасного зверя методом загонной охоты не годилось, и решено было пустить по его следу всего одного охотника. Координаторы даже минуты не поспорили, единогласно приняв решение отправить на охоту за маньяком Найта, который успел зарекомендовать себя как безупречный исполнитель и безжалостный ликвидатор. Первое индивидуальное задание. Не слишком пыльная работёнка, но и не увеселительная прогулка.

Оставив недавно купленный байк в паре кварталов от стройки, молодой киборг, одетый в простые чёрные брюки и такую же ветровку с очередной мультяшной медиазвездой на спине, отправился на поиски маньяка. Координаторы сообщили: тот в основном интересовался совсем молодыми юношами болезненного вида. Полный альбинизм: куда ещё болезненнее? Конечно, каннибал может испугаться роста и крепкой фигуры предполагаемой жертвы, а также отличительного знака киборгов — полоски на нижней губе. Но Найт очень надеялся, что куртка смягчит рельеф мускулатуры, а дешёвая чёрная помада скроет полоску.

Многие разнорабочие — в основной массе молодые повесы — приходили на стройку в таком виде, будто собрались в какой-нибудь полулегальный клуб, так что ни помада, ни куртка с принтом не были здесь чем-то из ряда вон выходящим. Альбиносы, пожалуй, были, но Найт неплохо вжился в роль. Координаторы вручили ему поддельный пропуск разнорабочего, и никаких вопросов не возникло.

Молодой киборг весь день таскал горы пластиковых ящиков и

исполнял мелкие поручения парочки бригадиров, которым было плевать на его физические особенности. Альбинос — и чёрт с ним. Мало ли, какую нечисть сейчас берут на работу?

Найт постепенно перемещался в наиболее безлюдный район стройки, потратив на поиски практически весь день. Никаких следов маньяка не удалось обнаружить, несмотря на более чем подробные инструкции координаторов.

Очень не хотелось признавать поражение и уходить. Поэтому молодой киборг дождался окончания смены и принялся искать место, где можно спрятаться, пока все не уйдут, а затем снова продолжить поиски. Чтобы не утомлять координаторов, он отключил микрорацию и, вынув горошинку наушника, спрятал её в карман.

На глаза попался незаблокированный решётками вход в будущий подземный гараж, и Найт спустился туда по лестнице, так как лифты ещё не были установлены.

В полной темноте дешёвые визоры практически ничего не различали, и приходилось двигаться очень осторожно, шаря в воздухе руками.

Вдруг Найт замер как вкопанный: послышался то ли стон, то ли мычание. Напряжённое дыхание, какая-то возня. Если бы это была какая-нибудь любвеобильная парочка молодых разнорабочих, они хотя бы озаботились о каком-нибудь фонаре.

— Кто здесь? — громким шёпотом позвал Найт.

Возня и пыхтение стихли.

— Я вас не обижу. Кто вы? Вам помочь?

Мычание буквально взорвалось, до хрипа. Вероятно, у этого человека повреждена челюсть. Какой-то бедолага свалился в не ограждённую лифтовую шахту во время смены? Но это вряд ли возможно: рабочие всегда передвигаются группами, следят друг за другом, да и переносные камеры слежения устанавливают. Несчастный случай никак не мог остаться без внимания.

Найт сглотнул и уверенно пошёл на звуки. Человеку нужна помощь. И, кажется, его несчастье никак не связано с работой на стройке…

— Эй! — уже в голос крикнул Найт, вертя головой по сторонам, хотя не видел ровным счётом ничего. — Где вы? Подайте голос!

Через несколько минут блужданий в безразмерном чёрном пространстве Найт обнаружил источник звука: он шёл из-под земли. Присев на корточки, молодой киборг нашарил квадратный железный люк. Вероятно, техническая ниша в перекрытии между подземными этажами. Киборгу не составило труда приподнять крышку.

Мычание и возня стали очень громкими и отчётливыми.

— Вы тут? Хватайтесь скорее! — Найт лёг на живот, свесился насколько это возможно в люк и протянул руку. Но за неё никто не схватился.

— Вы связаны?

В ответ — страдающее хриплое подвывание. Киборг осторожно свесился ещё немного ниже и натолкнулся на мягкое — резко вздымающаяся от прерывистого дыхания грудь человека. Грудь была перевита верёвками.

Не теряя ни секунды, Найт одним рывком вытащил беднягу из ямы и поспешно его развязал. Потом нашарил его лицо. Так и есть — рот залеплен армированным строительным скотчем. Резко рванув и выслушав короткий поток брани, Найт так и сел.

— Роберт? Бобби?!

— Найт?

Они не могли видеть в темноте лиц друг друга, но наверняка лица эти имели сейчас одинаковое выражение.

— Забери меня отсюда! — взвыл Роберт Ирон, бросаясь на шею киборгу. Тот как смог успокоил брата, затем помог ему подняться и повёл к лестнице. Внутреннее чутьё позволяло уверенно двигаться по памяти. Зрение было не нужно.

Внезапно совсем рядом что-то зашуршало. Крыса? Вряд ли, они обычно стараются избегать мест, где человек появляется довольно часто, да ещё шумит, заливает всё бетоном и прокладывает высоковольтные кабели.

Найт не успел как следует собраться с мыслями, как вдруг его тело само отреагировало на лишь намеченный удар в спину: нападавшего удалось свалить ударами обеих ног Роберта Ирона, которого Найт совершенно беззастенчиво подхватил под мышки и с хорошего размаху крутанул вокруг себя.

— Бежим! — молодой киборг потащил сына Мастера Ирона за собой. Тот спотыкался, падал: вероятно, он довольно много времени провёл связанным в яме, и ноги его плохо слушались.

Не удивительно, что невидимый преследователь очень скоро их нагнал. Сквозь запах пота, цемента и краски, какой обычно исходит от рабочей робы, едва заметно проступала какая-то непривычная кислинка.

Химера?!

Но почему в робе? И неужели это она держала младшего Ирона в яме связанным? Если не она, тогда кто? Маньяк?

— Не уйдёте, грязное мясо! — шипела химера, довольно быстро догоняя. — Грязь, грязь! Болезнь! Я сожру вас и очищу город!

— Тоже мне, санитар леса! — пробормотал Найт.

Затем со всей силы швырнул брата вперёд — туда, где едва заметно светлело от проникающего сверху тусклого света переносных люминесцентных ламп.

— Беги туда! Там выход! — прокричал киборг и сразу же развернулся к настигающему врагу.

Но химера оказалась проворнее и сбила его с ног. Найт грохнулся на бетонный пол и на несколько секунд разучился дышать. Химера кинулась сверху, перевернула его на спину и вцепилась короткими, но очень острыми когтями в его лицо.

Найт не почувствовал боли. Только какое-то неприятное давление и резкую головную боль — какую-то глубинную, странную. Почему-то полились слёзы. Нет, на вкус — чуть с железом. Кровь! Химера выцарапала ему глаза. То есть визоры.

Секундой позже тварь разочарованно взвизгнула, выплюнув невкусные стекляшки, и с шипением кинулась в атаку. Найт уже успел подняться и на ощупь бросился к лестнице. О первую ступень едва не споткнулся, но удержал равновесие и побежал вверх так быстро, как только мог. Химера, рыча, неслась следом. Эти твари гораздо быстрее молодых киборгов вроде Найта.

Он бежал вперёд и вперёд. Потом, повинуясь памяти тела, резко повернул направо и, угадав момент, кинулся кубарем на пол. Химера взвилась в великолепном броске, но добыча ускользнула. Прыжок на полпути прервать было невозможно, и охотник влетел точнёхонько в чёрный провал лифтовой шахты. Несколько секунд слышался злобный вой, потом приглушённый мокрый хруст далеко внизу.

Найт лежал на животе, уткнувшись вспотевшим лбом в прохладный пыльный пол.

— Эй, ты как? — Роберт подбежал и присел рядом. Перевернул Найта на спину, и тот поспешно закрыл руками окровавленное лицо.

— Не смотрите, молодой господин…

— О боже! Господи!.. Держись… чёрт… держись!

Роберт кое-как приподнял тяжёлое тело, закинул руку Найта себе на плечо и побрёл в полумраке к выходу.

— Вот так побухал с незнакомцем, — пыхтел Роберт, оглядываясь на зияющий квадрат дверей будущего лифта. — Чтоб я ещё хоть раз!

— Химеры ведь не могут пить алкоголь.

— Значит, он делал вид. Пил в основном я. Хороший урок, хороший…

* * *

Последние полчаса путешествия и пару суток после Найт не помнил. Он очнулся в госпитале неподалёку от особняка Мастера Ирона. Почувствовал большую тёплую ладонь на своей руке и с какой-то внутренней уверенностью определил: «Отец!»

— Тише, тише, не делай резких движений, — мягко произнёс Мастер Ирон, погладив парня по щеке. — Совсем скоро из столицы привезут визоры. Самые лучшие! Новейшая модель! Говорят, даже цвет радужки можно менять по своему усмотрению. Ты снова будешь видеть.

— Я предпочту бесцветные, — хрипло ответил Найт, осторожно улыбнувшись и чувствуя, будто в лицо впивается сотня невидимых тончайших иголок.

— Ты перепугал меня, мой мальчик, — дрогнувшим голосом сказал Мастер Ирон, прижав руку Найта к губам, отчего тот сильно смутился и покраснел до корней волос. — Я следил за тем, как ты выполняешь задание. Но потом координаторы сообщили, что связь пропала. Я успел подумать чёрт знает что!

— Я забыл включить связь снова. Впрочем, это вряд ли помогло бы координаторам направлять меня. Там не было камер.

— Молчи, молчи, береги силы. Я посижу с тобой. А помнишь это? «Баю-баю, белый зая. Спи, малютка, засыпай, свои глазки закрывай»… прости, у Лилии, конечно, лучше получалось…

Он чуть нервно хохотнул, потом осторожно убрал пальцами несколько белых волосков с лица Найта. Парень замер, не шевелясь, впитывая каждой клеточкой тела этот момент. За это стоило отдать глаза.

— Мы одни, господин Ирон? — с усилием проговорил Найт, проталкивая слова через сжавшееся горло.

— Да, здесь никого нет. Камеры я приказал выключить. О том, что я тебя навещаю, знают только Лиандра и Бобби. Даже врачи не в курсе. Всё хорошо. Спи, малыш, я посижу с тобой.

Найт глубоко и порывисто вздохнул. Потом очень медленно перевернулся на бок и прижался забинтованным лицом к рукам отца. Тот гладил его по неестественно густым, как у куклы, волосам и чуть фальшиво напевал старинную колыбельную. Найт захотел стать маленьким-маленьким. Конечно, это невозможно. Но это и не важно, если отец сидит с ним рядом и гладит по голове.

И вдруг короткий укол боли и испуга: почему отец говорил о маме в прошедшем времени?!

Но юноша уже заснул, чувствуя, как замирает сердце.

* * *

Окончательно оправившись от кровопотери, Найт вернулся в казарму, наотрез отказавшись дожидаться в больничных условиях операции по вживлению новых визоров. Увечье скрывали тёмные очки.

Лиандра отвезла его на своей машине и всё порывалась помочь добраться до общей комнаты, но Найт решительно положил руки ей на плечи и сказал:

— Не нужно, чтобы нас видели вместе, госпожа. Это плохо для вашей репутации.

— Мою репутацию ещё сильнее испортить сложно, мой милый. Впрочем, как скажешь.

С этими словами она наклонила к себе его лицо и поцеловала в губы. Потом отпустила и удалилась, унося с собой невесомый шлейф пряных духов и тепло своего по-мужски сильного и по-женски гибкого тела.

Найт нащупал двери, створки раздвинулись, и он переступил порог.

В полной темноте молодому киборгу пришлось провести всего трое суток. Но и их Найт не прожил впустую. Целый день он слонялся по казарме, упрямо отказываясь от трости для ощупывания близлежащего пространства. И даже сходил в тир. Конечно же, процент центровых был очень невысок.

— Зачем тебе этот выпендрёж? — спрашивали коллеги-киборги. — Дождись визоров, наверняка Мастер заказал самую навороченную модель. За спасение сыночка-то. Хотя, по правде, лучше б этого засранца химера сожрала.

Найт ничего не отвечал, отделывался лишь фразами о том, что хочет пока потренироваться обходиться без зрения вообще.

— Ещё пару Ироновских сыновей спасёшь — накопишь на внутренний эхолокатор.

— Железо не надёжно, — отвечал на это Найт.

Трёх дней, разумеется, не хватило для того, чтобы научиться действовать вслепую более-менее свободно. Но зато в полной темноте обострялись остальные чувства. Пальцы, уши и нос начинали «видеть» вместо потерянных глаз. Мир становился совсем другим. Новым, незнакомым. Это удивительно — открыть целый космос под собственными закрытыми веками.

Визоры прибыли в срок. Операция прошла успешно, правда, вместе с визорами пришлось установить второй стабилизатор и вживить несколько дополнительных чипов и карт памяти в мозг. На реабилитацию ушло около двух суток. Найт познал мир в четвёртый раз.

Сначала, от рождения и до первых визоров, он видел слишком много света, слишком размытые границы. Потом увидел

мир чётким и скудно окрашенным. Потом увидел мир, как он есть, без того, что порой навязывают глаза, которые так часто могут ошибаться. А сейчас он увидел мир во всех его измерениях. Казалось, он может повернуть солнце или луну вокруг оси и внимательно рассмотреть со всех точек. Он шутя приближал какую-нибудь веточку в саду Ирона и разглядывал каждую снежинку во всём её великолепии и индивидуальности. Он мог видеть инфракрасным зрением тепловые силуэты живых существ, определять температуру предметов по всем шкалам измерения. Он мог буквально фотографировать глазами и запоминать эти картинки так чётко, как не способен запомнить простой человек. Он мог видеть больше, чем какое-либо другое существо на планете.

На изучение возможностей своих новых глаз у Найта ушёл целый день, и он даже развеселился, демонстрируя приятелям то один трюк, то другой. В конце концов, большинству парней было далеко до солидных, взрослых воинов, которым по большому счёту было бы плевать на какую-то новую киберцацку. Если очень надо, технические характеристики и разухабистую рекламу всегда можно найти в Сети. Но молодым парням всё было гораздо интереснее испытать в реальности, здесь и сейчас.

* * *

На следующий день Мастер Ирон вызвал Найта к себе. Но, вопреки обыкновению, не в личный кабинет, а в Стеклянный зал.

Это было узкое, но довольно вместительное помещение со стеклянно-гладкими полами и прозрачными стенами, за которыми дремал сад, укутанный искрящимися сугробами, словно меховым манто. По периметру зала располагались кадки с живыми растениями.

Когда Мастер Ирон принимал высокопоставленных гостей и давал в их честь обед, в центр зала выносили большой стол натурального орехового дерева.

Стол стоял и сейчас. За ним уже сидели все сыновья Мастера Ирона, включая совсем маленького мальчишку на специальном высоком стульчике под бдительным наблюдением пожилой женщины, укутанной в пёстрое одеяние. Найту были знакомы только Роберт, Камил и Лиандра.

Найт даже попятился, резко ощутив тяжкую, болезненную неловкость. Что это ещё всё такое? Зачем его сюда позвали?

— Найт! Проходи, мой мальчик, тебя все ждут! — к парню стремительно приблизился Мастер Ирон с бокалом белого вина.

Вручив бокал, он едва ли не подтащил Найта к столу и усадил его на пустующее кресло по левую руку от себя. По правую руку сидел Камил, удивительно респектабельный и породистый в своём тёмно-синем свитере и стильных узких очках. Найт растерянно шарил взглядом по лицам, пока не натолкнулся на Лиандру. Её мягкая улыбка успокоила парня, и он едва заметно улыбнулся в ответ.

Мастер Ирон вернулся на своё место во главе стола.

— Дорогие мои сыновья! — звучно произнёс он, приподнимая бокал. — Я собрал вас сегодня здесь, чтобы выпить за удивительного человека. За воина, не избиравшего своей судьбы, но сумевшего достойно принять эту судьбу. За верного рыцаря, не раз доказывавшего удивительную преданность нашей семье.

Он набрал воздуха, чтобы добавить ещё что-то, но вдруг умолк. Неловко усмехнувшись, выпил вино залпом и нарочито громко зааплодировал. Остальные сыновья также выпили и похлопали. Особенно усердно хлопала Лиандра. Найт почувствовал, как радостно теплеет его сердце, потому что она улыбалась так искренне и ласково.

Мастер Ирон предложил детям наполнить свои стаканы и налил себе до краёв. Найт осуждающе нахмурился.

— Я очень рад, что мы наконец-то собрались все вместе, — продолжал Мастер Ирон, — мы так редко видимся. У всех свои жизни, свои заботы. Но мы ведь семья. Мы одна большая, крепкая семья. Все, кто за этим столом.

Найт похолодел и в ужасе уставился на отца.

— Найт, мальчик мой! — Мастер Ирон сделал широкий жест. — Поднимись, пусть твои братья посмотрят на тебя.

— Что вы такое говорите, господин? — Найт вскочил, тяжко сглотнув мгновенно пересохшим горлом. — Зачем вы разыгрываете этот спектакль?!

— Улёт, — прозвучал в воцарившейся мёртвой тишине голос пятнадцатилетнего подростка по имени Беллум, сидевшего слева от Лиандры.

— Прости, я не хочу ждать пятьдесят лет, чтобы признать, что ты…

— Господин Ирон! — вскричал Найт.

— …мой сын.

Мастер Ирон залпом осушил свой бокал и крепко обнял громадного киборга, который выделялся из толпы всех присутствующих так же, как мог бы выделяться белый медведь среди пингвинов, если бы вдруг оказался в Антарктиде.

— Прости. Прости меня за то, что я сделал с тобой, — Мастер Ирон повернулся к Камилу. — И с тобой. И со всеми вами, мои

мальчики. Вы вовсе не обязаны лезть из шкуры вон, чтобы заслужить мою любовь. Вы и без того её заслужили.

— Круто! — вскинул кулаки вверх Беллум. — Значит, я смогу бросить Академию и стать гонщиком!

Лиандра молча вскочила и бросилась вон из зала. Трёхлетний мальчик заревел белугой, и нянька кинулась его утешать.

— Лиандра! — растерянно крикнул Найт, рванувшись следом и нечаянно опрокинув свой стул. — Извините… Простите… Лиандра!

— Молодец, папа! — с сарказмом процедил Роберт, издевательски аплодируя. — Просто мо-ло-дец! Ты понимаешь, что натворил?! Из-за какого-то урода разрушил свою карьеру! А что будет с городом? Что будет с нами и нашими матерями?!

— Этот, как ты изволил выразиться, урод, — сурово проговорил Мастер Ирон, — твой родной брат. И он спас тебе жизнь. Причём не один раз!

Роберт замер и склонил голову, ощутив стыд. Быть может, ощутив его впервые в жизни.

— С городом будет полнейший порядок, — продолжал Мастер Ирон, и его уверенный, сильный голос гулко звенел под сводами зала. — Я передаю все дела и правление своему старшему сыну Камилу, а сам ухожу на покой. Все документы и бумаги уже подготовлены. Камил был извещён заранее. Правда, не смог выпытать у меня причину… хе-хе-хе… На ваше репродуктивное право родство с альбиносом не повлияет, так как я заявил об этом родстве сейчас, когда Генетическая Комиссия наконец признала его отклонение допустимым. Мне же предстоит лишиться репродуктивного права, так как в год рождения Найта альбиносы считались генму. Но мне сейчас это право без надобности! Половину моих женщин предстоит вернуть в Оазисы, в которых они были куплены. Но мне удалось составить бумаги таким образом, что в список не вошла ни одна из ваших матерей. Всё прекрасно, мальчики, не так ли? Ничего такого ужасного не произошло! Небо не упало на землю. Зато с моих плеч упал такой груз, тяжесть которого я не пожелал бы испытать даже врагу. Просто я признал своего сына! И я лично считаю, что вам следует гордиться таким братом, как Найт. Найт Ирон. Предлагаю тост за него!

Мастер Ирон плеснул себе вина, но вдруг Камил закрыл его бокал ладонью.

— Вам уже хватит, отец…

* * *

Найт догнал Лиандру на ступенях особняка. Она успела накинуть на плечи роскошную шубу из искусственного меха, но не успела надеть зимних сапог, и теперь её ноги в тонких чулках и модельных туфельках овевала позёмка.

— Госпожа, куда вы? Стойте! Вы простудитесь! — Найт в полтора прыжка оказался рядом, рванул Лиандру к себе и захлопнул дверь.

— Пусти меня! — воскликнула она, довольно ощутимо ударив киборга кулаком в грудь. — Ты… ты… как ты мог! Почему ты не сказал?! Мы же… мы же с тобой… я же твоя родная сестра!

Найт стиснул её в объятиях, подержал, пока не почувствовал, как расслабляются её крепкие мускулы, и нежно прошептал в аккуратное ушко:

— Но ведь всё произошедшее не может дать жизнь ребёнку.

— Да, — ответила Лиандра низким голосом. — Пожалуй, ты прав. Прости, я постоянно забываю, какого я был пола, когда появился на свет.

— Вы всегда останетесь мужчиной. Потому что вы мужчина не телом, но душой. Вы можете потратить все свои деньги, и вас могут превратить в Венеру, но внутри ваша суть будет страдать и причинять вам боль.

Лиандра молча прижалась к Найту, совсем уже не жеманно и без нарочитого сексуального желания, а крепко и доверчиво, будто её он тоже вытащил из тёмного колодца, как Роберта.

— Вот вы где, голубки! — послышался запыхавшийся голос.

— Бобби! — воскликнула Лиандра, поспешно размазывая по щекам потёкшую тушь.

— Чего задницы на сквозняке морозите? Пойдёмте ко мне, отметим! Такой день! Брат у нас появился, сеструха!

Он сгрёб в охапку Лиандру и Найта, и Лиандра вдруг произнесла низким голосом:

— Зови меня как раньше, Андрием.

Глава 27

После признания Мигелем Ироном родства с Найтом молодой киборг первым делом попросил о свидании с матерью. Но отец вдруг замялся и принялся увиливать. Несколько раз ему удалось замять разговор и сменить тему, а затем в права властителя вступил его старший сын, в ведение которого теперь входил и гарем отца, и Найта направили к Камилу. Тот постоянно сказывался то занятым, то приболевшим. Иногда и сам Найт не имел свободной минутки.

И вот наконец в середине лета он решил потребовать конкретных ответов. Мигель Ирон ответил:

— Лилия умерла.

Найт медленно опустился в кресло у окна гостиной, в которой происходил разговор. Помолчал. Молчал и отец.

— Почему вы не сказали мне сразу? — осипшим голосом тихо произнёс Найт.

— Послушай… — отец присел на подлокотник кресла и крепко сжал плечи сына. — Лилия была замечательной самочкой, я любил её. Но все умирают. Зачем придавать этому такое значение? Я просто не хотел тебя беспокоить лишний раз.

— Беспокоить? — вскричал Найт, вскакивая. Он впервые позволил себе подобную вспышку. — Беспокоить?! Как будто умерла породистая собачонка! Породистая — да, но собачонка! Не стоит внимания, так?

Отец встал с подлокотника и отступил. Он никогда не видел разъярённого киборга так близко.

— Успокойся, сын.

— Я и её сын тоже! — проговорил Найт сквозь стиснутые зубы. — И для меня она не была породистой собачонкой. Для меня она была матерью.

Мало кто в этом мире каменных джунглей и искусственно разобщённых семей мог похвастаться тем, что помнит или хотя бы знает родную мать. Найт нёс в своём сердце воспоминания о Лилии все эти годы, упрятав их так глубоко, как прячут самое дорогое сокровище. Казалось, эти воспоминания уже растворились в повседневной суете, не причиняя никакого беспокойства. Но на самом деле они всегда были с Найтом, который терпеливо ждал, когда сможет вернуться к матери и положить голову к ней на колени. Ожидание это было скорее сродни небывалой мечте. Настолько небывалой, что она всплывала в сознании очень редко и смутно, чаще всего в момент засыпания.

И вот — матери больше нет. И это просто незначительный факт.

Лилия родила уродца, генму. Личная ценность такой «самки» всегда снижается. Подумаешь, умерла!

Найт вышел из комнаты, не оглянувшись на оклик отца.

Молодой киборг чувствовал тяжкую, жгучую обиду. Всё, что он хотел — исчезнуть, сбежать отсюда.

Стараясь успокоиться и отвлечься, он зашёл в Сеть и стал перебирать идентификационные карты старых знакомых, погружаясь в воспоминания детства. Тогда мама была ещё жива…

На губах его затеплилась улыбка, глаза заблестели.

И словно против воли пальцы сами набрали «Делейт Лебэн». Сердце быстро стучало в ожидании загрузки… Глаза впились в открывшуюся страницу. Дэл теперь в Нидрэде, ликвидатор на службе молодого Мастера Шакса. Судя по дате начала службы, он уехал из Броксы сразу же после выпускного банкета.

И тут в голову Найта пришло неотвратимое решение.

* * *

На необъятный письменный стол Камила Ирона лёг лист тонкого полупрозрачного пластика. Новый хозяин города, взявшийся за реформы с невероятным усердием, был настолько погружён в какие-то свои документы, что лишь рассеянно кивнул.

Найт терпеливо подождал несколько минут, заложив руки за спину, как полагается при встрече с начальством, затем негромко проговорил:

— Господин Ирон, если вас не затруднит…

Камил оторвался от работы, взял в руки лист, принесённый Найтом.

— Хм. Заявление о добровольном увольнении?

— Так точно, господин.

— Хм… — Камил встал, сдвинул очки на переносицу и помассировал уставшие глаза. Просмотрел бумаги, медленно обходя стол и неподвижного киборга перед ним.

— Вот как. Значит, в Нидрэд подаётесь? Смело, смело. Вы уверены, что вас там ждут?

— Так точно. Я уже отправил резюме через Сеть. Документы рассмотрели и сообщили о гарантии приёма на работу в качестве ликвидатора при головной башне Мастера Шакса, — отчеканил Найт.

— Надо же! — усмехнулся Камил. — Вообще-то, я как новый хозяин города имею полное право не отпустить ценного

работника, который не удосужился даже предупредить о своём добровольном увольнении. Или не выдать вам индивидуальную формулу инъекций, и вам придётся подсесть на Топливо.

Его лицо и голос вдруг смягчились.

— Но в благодарность за то, что ты сделал для меня, вытащив из той клоаки, я даю тебе возможность следовать своим путём.

Он положил руку на плечо Найта, чуть смутившись от необыкновенной твёрдости его мускулов, по-дружески похлопал и улыбнулся. Затем дотянулся до магнитной печати на столе и поставил подпись под заявлением.

— Я изучу заявление позже. Наверняка у тебя имеется веская причина менять место работы.

После короткой паузы он произнёс доверительным тоном:

— Отец знает?

— Так точно, господин.

От Камила не скрылось то, как подпрыгнул кадык Найта над воротником-стойкой чёрной безрукавки. Поставив печать на заявлении, Камил протянул документ киборгу и пожал ему руку.

— Удачи. Брат.

Не выдержав, он обнял Найта и с чувством похлопал его по спине. Найт ответил тем же. Посмотрев несколько мгновений друг другу в глаза, братья расстались.

За дверями кабинета Найта дожидался Андрий. За пролетевшие полгода он удалил силиконовые имплантаты из груди и бёдер, пролечился курсом гормонотерапии и даже слегка поправил лицо, и теперь это был молодой мужчина с фигурой силового гимнаста, красивый странной, античной красотой. Он всё так же одевался в тёмно-красное. В руках Андрий держал букет белоснежных лилий.

— Ну, как прошло? — спросил он в волнении, передавая цветы.

— Всё хорошо, — кивнул Найт. — Пойдём.

Двое молодых мужчин в молчании покинули особняк и отправились вглубь сада, где за кованой оградой располагались каменные ниши для урн с прахом. Женщин, принадлежавших семье Иронов, хоронили отдельно, в нише, имитирующей разрушенный старинный фонтан. Урны из тёмно-синего непрозрачного стекла опоясывали небольшую колонну в центре чаши. На каждой поблескивали начищенные таблички с именами и датами. К бортикам «фонтана» присохли остатки цветов. Найт смахнул прах и положил вместо него ворох свежих лилий. Потом погладил кончиками пальцев табличку с именем матери. Судя по дате, Лилия умерла через полгода после того, как генерал Шибта увёз Найта в Академию. Наверняка её убила тоска.

Найт украдкой смахнул слезинку. Благо новые визоры не портились от органических солей и влаги. Андрий стоял чуть поодаль, деликатно «не замечая» проявления слабости у киборга.

Развернувшись спиной к «фонтану», Найт стремительно прошагал прочь, Андрий заторопился следом, бегло поправив букет.

На пороге казармы Найт повернулся к брату и проговорил:

— Не провожай меня, пожалуйста. Мне так будет легче.

Андрий опустил голову, закусив губу. Найт погладил его по щеке, убрал за ухо чёрную блестящую прядь. Потом ласково поцеловал брата в лоб. Андрий кинулся к нему на шею и со слезами расцеловал всё его лицо.

— Я люблю тебя, всегда буду любить. Может быть, не как женщина. Но разве есть разница, кто и как тебя любит?

Найт положил пальцы на мягкие губы Андрия, заставляя замолчать. Тот весь подался навстречу, ожидая поцелуя. Но Найт не поцеловал. Развернулся и ушёл.

* * *

Прежде чем покинуть Броксу, как он считал, навсегда, Найт навестил господин Миккейна.

Лицо учителя чуть осунулось от возраста. На висках появилось больше седины. Но ямочки в уголках губ были всё те же, и глаза смотрели всё так же тепло.

Киборг и историк болтали почти до вечера, но Найт решил, что злоупотреблять гостеприимством не стоит, и засобирался в дорогу.

— Куда же ты поедешь на ночь глядя? — господин Миккейн поднялся из кресла следом за Найтом. — Переночуй сегодня, как обычно, в комнате моего сына. А завтра с утра начнёшь новую жизнь.

Найт вдруг почувствовал невесомый укол под левую лопатку. Он очень хотел остаться, и не на ночь, а навсегда. И почему-то стало жаль, что отцом господина Миккейна называет какой-то другой мальчик. Точнее, уже юноша. Как летит время.

Последняя ночь в Броксе запомнилась Найту чудесным сном. Только о чём был этот сон, он не смог вспомнить после пробуждения. Важно было само ощущение волшебства, парения, чуда, а не смысл мелькающих картинок.

Господин Миккейн настоял на том, чтобы Найт хотя бы выпил с ним кофе. Затем пошёл проводить. На пороге молодого киборга догнала Мона и вручила пластиковый контейнер с

какими-то аппетитными на вид пухлыми конвертиками из теста. «Пирожки!» — вспомнил Найт название этого старинного кушанья. Растроганно улыбнулся и поблагодарил.

— На здоровье, маленький, — сказала Мона, привстала на цыпочки и поцеловала Найта в подставленную щёку.

Господин Миккейн обнял бывшего ученика на прощание и пожелал удачи. Найт ощутил, что это пожелание абсолютно искренне.

* * *

В соседний город он отправился на своём байке, как поступали многие молодые киборги. Конечно, на монопоезде гораздо быстрее, но парень хотел насладиться прекрасным видом полудикой природы, которую человек наконец-то оставил в покое, лишь иногда прокладывая ровные, как зеркало, трассы по равнинам и холмам.

Дорога пролегала по побережью Байкала, который в это время года всё ещё дышал прохладой, лениво переворачиваясь с боку на бок в своём ложе, глубочайшем в мире. Казалось, озеро следит за крошечной песчинкой — байком, несущимся мимо него.

Найт ощущал радость и свободу, словно он отработал какую-то повинность, и родной город отпускал его. С таким трудом приобретённая семья и любовь отца показались чем-то смешным, мелким, ненужным. Да и любовь ли это? И как можно понять и простить отношение к смерти Лилии?

Найт решил, что из Броксы его, вероятно, гнало ещё и чувство вины. Он ведь в какой-то степени сам убил свою мать. Его просто не было рядом, когда она звала его своим надорванным сердцем. Его просто не было рядом…

Если верить забавной примете — какого размера твой кулак, такого размера твоё сердце, то у Найта оно просто огромное. В этом сердце достаточно места всем: и братьям, и отцу, и маме. И они все останутся в нём, неважно, как далеко будет находиться Найт.

Молодой киборг улыбался своим мыслям, подгазовывая и летя по гладкому чёрному шоссе на юг, навстречу новой жизни.

Глава 28

Нидрэд — один из крупнейших городов Империи, раскинувшийся к западу от великого озера. Как и прочие мегаполисы подобного масштаба, он был обнесён стеной с несколькими бронированными и тщательно охраняемыми шлюзами. Величественную громаду было видно издалека в желтоватой степной дымке. Впрочем, Нидрэд не мог соперничать со столицей, чьи шпили виднелись даже отсюда, за много километров.

Все документы Найта были в идеальном порядке, потому на пропускном пункте его долго не задержали.

И вот мегаполис гостеприимно распахнул провинциалу Найту свои объятия.

Гости города или его вернувшиеся домой жители проследовали по широким коридорам на площадки исполинских лифтов, разделённых на отсеки для транспорта различных габаритов и для пеших людей. Найт некоторое время поднимался в одном лифте с небольшой группой равнинных байкеров. Один его даже узнал. По правилам пришлось выпить «за встречу» на одном из нижних уровней мегаполиса, улизнуть получилось только через пару часов, когда байкеры постепенно забыли о причине пирушки. Найт вселился в забронированный по Сети ещё из Броксы номер небольшого отеля уже под вечер.

Путешествие в Нидрэд длилось в общей сложности почти полтора суток с остановкой на ночь в придорожном мотеле, в котором не работал душ, и в котором не удалось выспаться из-за ора пьяных байкеров за одной стенкой и скрипа кровати за другой.

Здесь было получше и потише. Молодой киборг тщательно вымылся, потратив добрые полчаса на борьбу с гривой, поужинал последним пирожком Моны и сразу же отправился спать. Радостное возбуждение и волнение заставили ворочаться с боку на бок до середины ночи. Найт старался совладать с чувствами. Чего волноваться? Его уже приняли, не нужно будет даже проходить собеседование и стандартный тест на проверку боевых навыков.

Это странно. Обычно всегда проверяют, даже если киборг по всем параметрам подходит. Неужели настолько были впечатляющи резюме и послужной список Найта с прилагающимися отчётами Морица Дольфа? Или же тут дело в родстве?…

Решив не мучиться бесполезными размышлениями, Найт кое-

как смог заснуть и чуть свет отправился в головную башню Нидрэда.

* * *

…В казарме гремела музыка, ухали тяжёлые басы, то и дело раздавались взрывы хохота и улюлюканье. Найт только что вернулся из ознакомительного рейда по тренировочным базам, арсеналу и тиру, принял душ и собирался поспать. Но уже через пятнадцать минут вынужден был оставить бесплодные попытки сомкнуть глаза.

В общей спальне кроме него находилось ещё семеро киборгов старше двадцати пяти лет, которых, судя по всему, шум совершенно не смущал. Кто-то преспокойно читал книжку, кто-то спал, как будто вокруг царила тишина.

Некоторое время Найт пялился на ночное неоновое марево за окном. Затем спросил у соседа слева, Шусса:

— Сегодня какой-то праздник в Нидрэде?

— О да, — с сарказмом фыркнул тот. — Вторая круглая дата в жизни одной местной звезды.

— В таком случае, может, попросить их праздновать потише? В конце концов, это невежливо. Людям завтра вставать на тренировку, а они могли бы пойти и в какой-нибудь бар.

— Ты не в Академии, — усмехнулся Шусс, глянув на альбиноса хитрыми серыми глазами, — никакой обязаловки с тренировками нет. За центровые попадания баллы не начисляют и оценки не ставят. Лучше наведи контакты с местными координаторами. Особенно с таким мелким, белобрысым, в идиотских очках. Зовут Джексон. Дитрих Джексон. Он формирует отряды на самые опасные и, значит, самые денежные задания. Накопишь бабок, вошьёшься, зачем тебе тренировки?

— Чтобы на первом же задании не погибнуть, — сказал Найт и решительно встал.

Надев брюки и высокие ботинки, Найт вышел из спальни и почти сразу же заметил довольно большую и шумную компанию, которая двигалась по коридору к лифтам.

— Гуляем, мужики! Айда, гонку без правил на нижних уровнях устроим! Кого на байке новом покатать? — выкрикнул заводила.

Найт чуть замедлил шаги: голос показался ему знакомым. Но останавливаться на полпути сейчас уже поздно.

— Эй, ребята, — крикнул Найт, и постепенно вся толпа повернулась к нему, беззастенчиво рассматривая высоченного

полуголого альбиноса. — Я, конечно, понимаю, что у вас пирушка. Но вы могли бы её перенести куда-нибудь за пределы казарм? А ещё лучше идите спать, а утром приходите на тренировку.

— Тут у нас Правильный Мальчик? — усмехнулся кто-то.

И вдруг к Найту подошёл тот самый заводила. Ему пришлось приподнять голову, чтобы встретиться с Найтом глазами.

— Мыш, ты что ли?

— Дэл? — осипшим голосом проговорил Найт.

Он знал, что теперь работает на того же хозяина, что и Дэл, и весь свой первый день на новом месте только и думал о том, как бы так ненавязчиво узнать, к какой спальне Дэл приписан, когда он обычно ходит на тренировки, и затем придумать удобный предлог для встречи. Но судьба снова распорядилась обо всём гораздо проще.

— Ты что тут делаешь? — засмеялся Дэл. — Ты же в Броксе решил до Стирателей дожить, или я что-то упустил?

— Я передумал, — произнёс Найт, жадно рассматривая повзрослевшего Дэла, которого помнил ещё шестнадцатилетним подростком.

За четыре года угловатый бука превратился в мускулистого парня с горящими глазами и нагловатым полуоскалом вместо улыбки. Казалось, он всему миру говорил: «ну-ка, попробуй тронь!» — причём тронуть норовил сам. Чёрный ирокез Дэла напоминал жёсткую сапожную щётку. Найт поймал себя на мысли, что рука сама так и тянется потрепать его волосы. Всё такой же ершистый, напористый, огненный.

Найту показалось, что не было этих четырёх лет. Ничего не было: ни братьев, ни отца, ни Андрия-Лиандры. Это был смутный сон, который промелькнул в одно мгновение и растаял. Реален только этот момент.

— Раз уж всё равно не спишь, пошли кататься! — засмеялся Дэл, от души хлопнув Найта по плечу. И потащил его за собой, громко возвестив остальной компании:

— Это Найт, мы учились вместе. Никому не обижать!

— Обидишь такого, как же! — усмехнулся парень с зелёными волосами. — Да он же башку кому угодно откусит!

Найт вяло упирался, пытался объяснить, что вовсе не хочет кататься, а хочет только выспаться перед тренировкой, но Дэл упрямо тащил его за собой.

Шумная компания спустилась в гараж, оседлала свои байки и вылетела из подземной парковки на ночные улицы Нидрэда. Найт сидел позади Дэла, крепко вцепившись в его талию. Воздух со свистом бил в лицо, но глаза не слезились: визоры лишены этой

человеческой слабости. Мимо летело море разноцветных огней, громадные небоскрёбы уходили корнями в темноту между широкими и ярко освещёнными трассами, а крышами утопали в неоновой дымке реклам, свете огромных окон и застеклённых садов.

Найт жадно впитывал великолепие большого города, постепенно осознавая, что едет сейчас на одном байке с Дэлом. Чёрт побери, с Дэлом! И Дэл сам пригласил его на ночную прогулку, не открещиваясь от знакомства с генму. Впрочем, кажется, жителям крупных мегаполисов плевать на такие мелочи, как стопроцентный альбинизм.

Найт прижался к Дэлу крепко-крепко, улыбаясь широкой, открытой улыбкой. Грудь переполняли тёплый встречный ветер и настоящее счастье.

Дэл безбожно лихачил, обгоняя всех, кого только можно, и даже вылетал на встречную полосу, огибая пронзительно сигналящие машины и муверы. Немногие смогли бы за ним угнаться.

— Держись, Мыш! — крикнул Дэл, пригибаясь к рулю и разгоняясь на подъёме как можно сильнее.

И в следующее мгновение резко взмыл в воздух, пролетел несколько метров и грохнулся на крышу какой-то фуры. Но ни на секунду ни сбавил скорость, сразу же перепрыгивая с крыши фуры на шоссе второго уровня развязки.

Поддавшись безрассудному веселью, Найт вскинул одну руку и заулюлюкал.

Над головой прогудел флайер, резко мотнувшись и набирая высоту. Толстое стекло кабины опустилось, оттуда высунулось очень сердитое лицо пилота.

— Псих долбаный!

Дэл громко хохотал, не обращая внимания на ругательства. Найт помахал пилоту рукой.

Вскоре молодые киборги притормозили у какого-то кафе. В этот час народу было немного, в основном курсанты местной Академии. Небольшая их группка столпилась вокруг одного из столиков, на котором стоял взятый напрокат ноут, и ржала во весь голос над каким-то видео из Сети. В углу коротал перерыв полицейский, неспешно потягивая кофе.

Дэл заказал две большие кружки кофе с коньяком.

— Ну, за встречу, Мыш! — он стукнул краешком своей кружки о кружку Найта. Тот, всё ещё улыбаясь, кивнул и пригубил обжигающий ароматный напиток.

— Тут кофе самый клёвый на этом уровне города, — сказал Дэл, откинувшись на спинку стула. — Мне Акс эту кафешку

показал. Один приятель, как-нибудь познакомлю. Слегка отмороженный, но вообще мировой чел! Ну, рассказывай, как жил-то в нашей деревушке всё это время?

Найт поставил кружку на стол, чуть растерявшись от неожиданного вопроса. Впрочем, не такого уж неожиданного. Они не виделись очень давно. Настолько давно, что хочется просто молчать, глядя на смуглое скуластое лицо Дэла. Но Найт всё же нарушил блаженную тишину, в общих чертах обрисовав свою службу у отца. Разумеется, ни словом ни обмолвившись о том, что Мастер Ирон — его отец, и обо всём, что можно было посчитать семейными тайнами.

Подумав о семье, Найт вдруг вспомнил, как Дэл проводил многие часы в мнемотеке, пытаясь разыскать своего отца.

— А как твои поиски? — спросил вдруг Найт. — Нашёл отца?

— Да пошёл он, — резко огрызнулся Дэл, и Найт понял, что никогда больше не поднимет этой темы.

Парни болтали целый час или даже больше о всякой всячине. Дэл рассказывал про своих новых знакомых, заранее просил не обижаться на того самого киборга с зелёными волосами, Трана. «Тот ещё псих, но прикольный», — прокомментировал Дэл. Найт больше слушал и задавал вопросы, и все его подвиги в Броксе таяли в его молчании, превращаясь в никому не нужный и никому не известный груз прошлого. Хлам. Разве всё это имеет значение сейчас, когда он сидит напротив Дэла и слушает его голос?

Вдруг прошлое исподтишка укололо его крохотной иголочкой: со стороны компании курсантов донеслась едва слышная мелодия Вивальди «Зима». Найт дёрнулся и порывисто оглянулся через плечо. Курсанты таращились в монитор, то хихикая, то восхищённо качая головой. Кто-то поглядывал в сторону Найта, шушукаясь с приятелями и осторожно указывая пальцем.

— Дэл, пойдём, а? — предложил Найт, поспешно поднимаясь. — Поздно уже. Завтра вставать рано на тренировку.

Дэл пожал плечом и встал. Когда они вышли из кафе, Дэл обратил внимание, что Найт едва заметно дрожит. Ведь он до сих пор был полуголым.

— Держи, — Дэл протянул ему свою куртку, оставшись в чёрной футболке с фосфоресцирующим черепом.

Найт принял куртку бережно и медленно, как сокровище. Некоторое время смотрел на неё, пока короткое фырканье-усмешка Дэла не вернуло его в реальность.

Обратно ехали гораздо спокойнее. По пути в казармы попалось несколько сослуживцев. Они лукаво поглядывали на

парочку на байке, особенно на альбиноса, который с блаженной улыбкой прижимался к спине их приятеля.

— Ну, будь здоров, — отсалютовал Найту Дэл и развернулся в сторону своей казармы.

— Постой! — Найт быстро скинул куртку и протянул её хозяину.

— Да, чуть не забыл, — Дэл смущённо усмехнулся. Куртка ещё хранила тепло большого белого тела, которое он уже успел забыть. Хрустальный грот на берегу замёрзшего озера давно растаял в памяти молодого киборга, уступив место новым впечатлениям и воспоминаниям.

Он развернулся и ушёл в общую спальню, к которой был приписан. Найт отправился к себе. Он шёл, точно ступая по облакам, заставлял себя перестать улыбаться, но не мог.

Хорошо, что в казарме все уже спали. Найт бесшумно разделся и нырнул под одеяло.

Шусс на самом деле не спал. Но деликатно промолчал и не стал расспрашивать утром, где это пропадал его сосед.

Глава 29

Первый день на новой службе Найт встретил с необычайным воодушевлением, подскочил гораздо раньше побудки, привёл себя в порядок и отправился в тир. Нормативы для киборгов, уже имеющих визоры, отличались от нормативов тех, кто ещё не заменил глаза. Стрелять надо было на скорость, и любое попадание меньше чем в восьмёрку не только аннулировалось, но и отнимало очки предыдущих центровых попаданий. Для киборгов со вшивками в скелетные мышцы или даже с полной заменой оных нормативы были ещё жёстче, впрочем, если такие киборги продолжали посещать тир. Обычно не посещали.

Найт же усердно палил по мишеням разного типа ровно столько времени, сколько было положено по регламенту. Затем вышел из кабинки поинтересоваться своими результатами.

У маленького мониторчика с зелёными цифрами стоял какой-то взрослый киборг. Светлокожий пепельный блондин в обтягивающей майке и армейских штанах расцветки «городской камуфляж».

— Неплохой результат, — одобрительно покачал он головой. — Талант у вас, я погляжу…

Найт догадался, что это, должно быть, второй инструктор — киборг-ветеран, который курирует обучение новобранцев стрельбе. Парню очень не понравилось, каким сальным взглядом смерили его прозрачно-серые холодные глаза.

— Никак нет, господин инструктор, это не талант. Просто визоры, — отчеканил Найт и, склонив голову резким кивком, как положено по уставу, размашистым шагом вышел из тира. Между лопаток неприятно скреблось явственное ощущение изучающего взгляда.

Теперь предстояло провести пару часов в зале для физических тренировок под наблюдением первого инструктора по имени Дирк Вайсс. Хотя чаще всего все звали его Челюстью за умение ломать челюсть противнику одним ударом и за то, что его собственная нижняя челюсть вызывала ассоциации с ковшом экскаватора.

Найт успел изучить регламент тренировки и уделил каждому упражнению предписанное количество времени: полчаса на беговой дорожке; затем бег через зал с кувырками через плечо, при этом надо было уворачиваться от крупных резиновых пулек, пущенных специальными тренажёрами; после этого рукопашный бой с любым подвернувшимся соперником. Это была самая интересная часть: неизвестно, с какой стороны последует атака.

Многие даже откровенно веселились, щипая и шлёпая по заднице поверженного соперника.

Но вдруг что-то пошло не так.

Совсем рядом с Найтом началась настоящая драка. Всерьёз. Молодой киборг с выкрашенными в зелёный цвет волосами, которого Дэл назвал его Траном, сбил с ног какого-то парня. Тот попытался с такой же серьёзностью ударить противника кулаком в голову, но Тран отклонился и перехватил его руку. Противник ударил второй рукой, но Тран перехватил и её. А затем со всей силы ударил лбом ему в переносицу. Отшвырнув парня, Тран развернулся кругом и схватил следующего, собиравшегося напасть со спины. Его Тран перебросил через плечо, вывихнув ему руку. Когда Тран ринулся на замершего Найта, то оказался в фиксирующем захвате подоспевшего наконец Челюсти.

— А ну брейк!

И тут вдруг Тран резко сбросил с себя руки инструктора, после чего саданул ему ногой в солнечное сплетение с разворота. Челюсть отступил, подняв брови и пытаясь вздохнуть.

Найт приоткрыл рот в изумлении. Откуда у совсем ещё молодого парня такая сила?! Неужели эндоскелет? Но его же не вшивают раньше тридцати пяти лет!

Челюсть кое-как пришёл в себя, прянул вперёд со скоростью, удивительной для его комплекции, сшиб Трана на пол и попытался скрутить его болевым захватом. Тран гибко вывернулся из кольца мощных лап. В следующую секунду он со всей силы ударил инструктора апперкотом в челюсть. Казалось, пол вздрогнул во всём зале, когда громадная туша Дирка Вайсса рухнула, как подрубленная секвойя.

Молодые киборги замерли.

И тут на Трана с воплем налетел Дэл:

— Что ты творишь, чёрт побери?!

— Прекратите! — закричал Найт, срываясь с места.

— Да вы чего, ребята?! — вторили ему со всех сторон.

Тран улучил момент и мощным ударом в голову отправил Дэла в нокдаун. Тот попытался подняться, но Тран пнул его под рёбра. Дэл кашлянул и снова попытался встать, но повалился на пол. Тран со всей силы ударил его ногой между лопаток. Дэл охнул и распластался на полу.

Найт кинулся было вперёд, чувствуя, что сейчас просто оторвёт голову этому Трану, но кто-то из новобранцев схватил его за локоть:

— Не лезь! Этот псих тебя порвёт!

Тран сипло дышал, порывисто озираясь по сторонам болезненно блестящими глазами, как будто ожидал новых атак.

Но молодые киборги замерли кто где, никто даже не пытался нападать. И это был даже не страх, а сильнейшее удивление.

— Ну, Дэлли, — скалился Тран, обходя поверженного противника, — видишь теперь, что ты Вику не пара?

— Ты рехнулся совсем от своей наркоты! — прохрипел Дэл, прилагая неимоверные усилия для того, чтобы подняться хотя бы на четвереньки. — Ты разве не понимаешь, что тебя это просто угробит?!

— Это сделало меня совершенным, — просипел Тран. — И он теперь уж точно поймёт, кто ему на самом деле подходит… А о здоровье лучше о своём позаботься!

С этими словами он схватил Дэла за волосы одной рукой и сжал его горло в сгибе локтя второй.

— Ну, чувствуешь лёгкое недомогание, а, лучший ты наш? — прошипел Тран в ухо Дэлу. Тот попытался вырваться, выгнувшись дугой, но почувствовал, как трещат шейные позвонки, и замер, лихорадочно придумывая иной путь к отступлению. — Ну, и кто из нас лучше, а?! Ты, выскочка провинциальный! Думаешь, можешь прийти вот так и забрать себе всё, что хочешь?

— Слушай, Тран, ты болен, тебе нужна помощь… — прохрипел Дэл надсадно, впившись ногтями в руки противника.

— А мне кажется, это тебе нужна помощь! — оскалился Тран, сверкая белками широко распахнутых глаз.

Вдруг Челюсть приподнялся с пола и что было сил ударил кулаком в поясницу Трана. Тот охнул от неожиданности и едва удержался на ногах. Но Дэла выпустил.

Челюсть свалил Трана и попытался скрутить. Найт наконец вырвал руку из хватки незнакомого парня и кинулся на помощь инструктору. Его примеру мгновенно последовали остальные киборги. Тран успел отбить несколько атак, но когда на него навалились толпой, по трое-четверо на каждую руку и ногу, он не смог сопротивляться. Взвыл, словно дикое животное, заметался, дёргая головой из стороны в сторону.

Дэл отполз на безопасное расстояние, кашляя и держась за сдавленное горло. Найт успел заметить, что зрачки Трана расширены, а губы чуть заметно подёргиваются.

— Держите его, мать вашу! — гремел Челюсть. Раздобыв где-то полотенце, он скрутил его валиком и сунул между судорожно стиснутых зубов Трана, чтобы тот не прокусил себе язык.

— Что здесь происходит?! — раздалось с порога.

Найт вскинул голову и увидел там двоих киборгов с дистанционными электрошоками — того самого пепельного блондина из тира и светловолосого коренастого парня, наверняка ровесника Дэла. Они оба бросились к свалке. Ярко-циановый

разряд стрельнул в шею воющему Трану, усмирив его.

Найт смог наконец отпустить обмякшее тело и развернулся к Дэлу.

Однако второй инструктор опередил его. Отшвырнув электрошок, он бросился к Дэлу, упал рядом с ним на колени, помог сесть.

Найт моргнул, усилием воли отметая безошибочные догадки.

— Да что у вас тут произошло?! — крикнул тем временем коренастый блондин, оглянувшись на Челюсть.

Первый инструктор проревел в ответ:

— Да чёрт знает во что превратили армию Мастера! Молодняк уже на тренировках отношения выясняет!

Второй инструктор сглотнул. Поглядел на Трана.

— Что на него нашло? — пробормотал он.

— Скоро выясним, — Челюсть повернулся к новобранцам. — В санчасть его, живо!

Трана подняли на руки двое киборгов и потащили к выходу из зала.

Потом второй инструктор помог Дэлу подняться и осторожно увёл его. Дэл даже не оглянулся на Найта.

Альбинос смотрел им вслед, ощущая, будто готов вырваться из собственной кожи, бежать следом и кричать: «Кто он тебе, Дэл?!» Получать ответ, не слышать, не верить и кричать, кричать, кричать снова и снова. Но какое право он имеет задавать подобные вопросы? Дэл не обязан ждать его, нерешительного и молчаливого увальня, всю жизнь. Этот инструктор своего не упустит…

Ничем не выдавая внутреннего смерча самых мрачных чувств, Найт покинул спортзал.

Его трясло мелкой дрожью то ли от физической нагрузки, то ли от негодования. Пытаясь справиться с необоснованной ревностью, на которую не имел, по собственному убеждению, никакого права, Найт взял в казарме свой ноут и спрятался с ним в мнемотеке. Несколько часов он скрупулёзно работал в редакторе голограмм, оживляя в пространстве нулей и единиц любимые черты. Этот Дэл никогда не променяет его на какого-то престарелого сластолюбца. Этот Дэл всегда будет улыбаться одному ему…

Время летело незаметно. Обиду и ревность удалось заглушить монотонными, ювелирными действиями. К вечеру Найт почти забыл о происшествии в спортзале.

Но после ужина оно снова напомнило о себе: Тран сумел каким-то образом сбежать из лазарета, устроив погром в пятом отсеке лаборатории.

Едва узнав об этом, Найт отправился к координаторам и потребовал включить его в группу отлова опасного преступника, которую сформировали практически сразу.

Но уже через полчаса координаторы потеряли след Трана: наверняка он вырезал биокарту, растворившись в мегаполисе, словно призрак.

И словно от призрака, от него остался незримый шлейф холодка в душе Найта.

* * *

Время текло своей чередой. Лето постепенно приближалось к концу, но Найт до сих пор не мог выкинуть из головы драку в спортзале. Наконец, решившись, он осторожно задал несколько вопросов Шуссу. Тот всегда был в курсе всего обо всех, но не спешил делиться информацией по своей инициативе. Очень ценное, по мнению Найта, качество.

— Странно, конечно, что ты Траном интересуешься, — лукаво прищурился Шусс.

— Мы просто учились с Делейтом. Немного дружили, — как можно безразличнее ответил Найт, пожав плечом. — Просто хочется знать, почему моего друга задирает какой-то псих.

— «Задирает»! — усмехнулся Шусс. — Надо же, «задирает», а не «докапывается». Ты прям аристократ! Ну ладно. Я тебе расскажу. Только пошли в курилку. Это типа секрет.

Он подмигнул и встал с койки, на которой сидел. Оба молодых киборга вышли из казармы, долго шагали по коридору и остановились на небольшой площадке в тупичке. Она была застеклена, но створки окошек легко открывались. Повсюду стояли переполненные пепельницы.

Найт брезгливо поморщился. Это движение не укрылось от Шусса.

— Ну что ж, принц ты наш, слушай сказочку, — усмехнулся он, прикуривая и протягивая Найту пачку. Тот отказался, вежливо покачав головой. Шусс совсем не смутился и заговорил:

— Вообще-то, это многим известно доподлинно, многие просто догадываются. Но говорить об этом открыто как-то не принято… Тран когда-то кувыркался со Шталем. Ну, господином вторым инструктором. А тот — шалава знатная. Ни одних молодых трусов не пропускает. Ну и запал на твоего кхм… друга. На этой почве Тран окончательно слетел с катушек. А остальное ты сам видел.

Он замолчал и глубоко затянулся, внимательно разглядывая

будто окаменевшее лицо Найта.

— А… Угу. Ясно, — проговорил наконец тот. Потом сунул руки в карманы брюк. Прошёлся туда-сюда по площадке. Постоял. Опять прошёлся. Потом решительно приблизился к Шуссу и сказал чуть сбивчиво:

— Слушай, а дай закурить?

— Давно бы так, — улыбнулся тот и угостил Найта сигаретой. Дал огоньку. Найт закашлялся. Шусс похлопал его по лопаткам.

— Ну, ну, чего так нервничать?

Лишённая пигмента кожа Найта попунцовела от натуги, на глазах выступили слёзы. Шусс проговорил изумлённо:

— Ты что же, некурящий?!

Звучало как «Ты что же, с другой планеты?!» Найт помотал головой, не переставая кашлять. Шусс снова похлопал его по спине. Кое-как Найт сломил сопротивление своих несчастных лёгких и уже через минуту просил вторую сигарету. Пальцы остыли и чуть заметно дрожали. Зато в груди было спокойно и прохладно. Анестезия для души.

— Слушай, ну чего ты так, а? — спросил Шусс. — И дался тебе этот Лебэн! Ну да, он крут, конечно. Но не стоит всего этого. Пусть трахается, с кем хочет.

Найт рассеянно кивнул. И вдруг обнаружил, что Шусс так и не убрал ладонь с его спины. И даже осторожно поглаживает его между лопатками. Найт недоумённо глянул на соседа по казарме. Тот усмехнулся уголком рта и приблизился вплотную, его рука сползла на талию альбиноса.

— Он тебе не пара. Ты для него слишком красивый…

Он запрокинул лицо и почти прикоснулся губами к губам Найта, как вдруг альбинос с силой отпихнул его от себя и крикнул:

— Я урод! Я генетический мусор! Что, не видишь?! Посмеяться захотел, да?!

Потом развернулся и умчался бегом по коридору. Шусс крикнул ему вслед:

— Да я серьёзно! Я просто помочь тебе хотел! Эй!

Никакого ответа.

— А, ну и чёрт с тобой, — отмахнулся он раздражённо и отвернулся к окну.

* * *

Найт палил по мишени в тире, стараясь избавиться от

призрачного следа прикосновения к спине. И от сигаретной горечи на корне языка. Он урод, урод! Конечно же, Дэлу никогда не придёт в голову, что этот урод больше подходит ему, чем великовозрастная шалава, да ещё и с прицепом в виде больных на всю голову «бывших». Душила злоба, ревность, ненависть к себе.

Он давно выполнил все нормативы на эту неделю, но продолжал стрелять.

Когда обойма опустела, двинулся к стеллажам с коробками, в которых лежали боеприпасы.

И вдруг замер, будто споткнувшись о растяжку. У стеллажа спиной к нему стоял Дэл.

Развернувшись, он тоже замер. Но буднично поприветствовал соратника:

— А, привет, Мыш. Чего не спится в ночь глухую?

— Да я… Я просто… Кхм…

— А. Ну ясно, — Дэл прошествовал к ближайшей кабинке, ввёл на приборной панели свои метрики. У дальней стены раскрылись створки, явив мишень, подобающую количеству и типу его вшивок. Деловито упершись ногами в пол, Дэл вскинул одну руку и разнёс мишень в клочья. Поменял магазин, подождал следующую мишень, снова превратил «десяточку» в лохмотья.

— Дэл… — голос Найта гулко разнёсся в обширном пустом помещении.

— Чего? — спросил Делейт Лебэн, снова меняя магазин.

Найт приблизился. Подождал, пока стихнут выстрелы.

— А… А ты и… Ну, и он…

— Слушай, ты к Мастеру Шаксу устроился на работу или припёрся за мной следом? — резко развернулся к нему Дэл.

Найт опешил. Даже отступил.

— Знаешь чего, Мыш? Ты просто работай тут и всё, идёт? А за мной не бегай! Без тебя проблем полно.

Он отвернулся и продолжил палить по мишени.

Найт некоторое время постоял за его спиной. Надо кинуться, обнять, стиснуть крепко-крепко. Отобрать у этого Стального. У всех отобрать.

Но вместо этого развернулся и вышел из тира, даже забыв почистить оружие, как того требуют правила.

Никого он ни у кого не отнимет. Он ненавидел себя за слабость. И не мог решить, что же для него — сила? Он ведь физически был способен заломать Дэла прямо в той кабинке и получить своё. Это действительно просто. Гораздо сложнее тихо отступить в сторону. Для этого требуется гораздо больше сил. Настолько больше, что можно надорвать сердце.

Найт вернулся в казарму перед самым отбоем.

Он устроился работать, а не отношения выяснять. Вот и будет работать. Цель жизни киборга — вовсе не отношения, а совершенствование своего слабого человеческого тела. Да, это стремление к совершенству свело с ума Трана. Но виной тому просто ошибочные приоритеты. Тран стремился к совершенству не ради самого совершенства, а ради призрачной надежды, что бывший любовник посмотрит на него другими глазами. Глупо. Глупо расходовать силы на чувства.

Так пытался уговаривать себя Найт, лёжа в кровати. Он сможет, сможет отказаться от Дэла! Молодой киборг задумчиво посмотрел на свою ладонь. Сжал её в кулак. Вот его сердце — большое, крепкое и очень сильное. Он выдержит.

Глава 30

С побега Трана прошло семь месяцев. Это происшествие выбило его сослуживцев из колеи, оно до сих пор вспоминалось и обсуждалось. Подобного не могли припомнить даже ветераны. Парень, по слухам, нелегально вшил эндоскелет и постепенно сошёл с ума от препарата, который помогал его телу справиться с чужеродным металлом. А может быть, и от чувств, которые вынудили его пойти на этот шаг.

Тран просто исчез или даже умер (многие, в том числе Дэл, искренне считали, что смерть для него была бы лучшим вариантом), но он упрямо не хотел исчезать из памяти бывших сослуживцев. Потому в казарме теперь было тихо и ощущалось напряжение.

Напряжение усиливалось и внешними факторами.

В последнее время в городе будто бы шла война: какие-то неуловимые террористы взорвали несколько заводов, регулярно нападали на колонны грузовиков, а недавно и вовсе похитили одного из старших координаторов, голову которого чуть позднее прислали по почте Мастеру Шаксу. Мелких бесчинств было просто не счесть.

Многие стали подозревать, что такие чётко спланированные операции мог бы организовать лишь хорошо осведомлённый человек. Простой разведкой и даже подкупом агентов тут вряд ли можно обойтись. Кем бы ни был загадочный враг Мастера Шакса, он действовал явно не наугад, и ему не просто везло. Кроме того, удивляла и его «узкая направленность». Казалось, что вся его деятельность направлена против киборгов: взорванные заводы производили инъекции, которые помогали солдатам Мастера уживаться с «железом» в собственном теле; погибшие охранники грузовиков в основном были новобранцами в киберармии Мастера Шакса, да и сами колонны перевозили те самые инъекции; старшие координаторы, и обезглавленный в том числе, принимали участие во всех операциях киборгов-ликвидаторов, дистанционно направляя их по следу жертв и предупреждая об опасностях.

Эти факты многих заставили прийти к выводу, что за всем может стоять некто, имеющий зуб не столько на хозяина города, сколько на его киборгов. Но всё-таки Мастер страдал тоже, и весьма ощутимо: промышленность Нидрэда терпела убытки, население роптало и потихоньку перебиралось в соседние города.

Наконец координаторы решили, что всё это дело рук республиканцев, которых за два года, прошедших со смерти

Императора, развелось как мутантов нестреляных.

Как бы то ни было, с войной, идущей на улицах мегаполиса, следовало покончить как можно скорее.

* * *

Силовая полиция, расквартированная в Нидрэде по распоряжению Канцлера, вмешивалась лишь иногда. Основной её задачей являлся контроль настроений относительно системы. Задействовать всю мощь силовой полиции можно было лишь в случае прямой угрозы для государства.

Поэтому в операции участвовали только киборги Мастера Шакса. Хозяину города были необходимы сведения о группировках, которые могли иметь хоть какое-то отношение к творящемуся в Нидрэде безобразию. Благодаря наводкам осведомителей удалось выйти на след нескольких преступников. Дальше задействовали силы киберармии.

Особенность проведения операций по захвату преступников на нижних уровнях мегаполиса заключалась в том, что координаторы не имели возможности отследить всю местность через камеры наблюдения и проверить всех людей, оказавшихся на территории зачистки. Поэтому уничтожению подвергались все, кто не успел скрыться и уж тем более оказывал сопротивление. Ведь любой может ударить в спину в самый неожиданный момент.

Впрочем, сейчас директивы киборгов были смягчены, и людей надлежало не уничтожать, а арестовывать, чтобы затем предоставить их в распоряжение нейросканировщиков.

Группа захвата окружила небольшой стрип-бар, частично рассредоточившись по ближайшим закоулкам, в которых преступники могут попытаться скрыться.

Посетители бара, вышедшие покурить или просто проветриться, кинулись врассыпную при виде приближающихся байков. Те, кто бросился внутрь заведения, автоматически приравнивались к сообщникам находившихся там преступников, и шансы их на выживание стремительно уменьшались.

Киборги вломились в бар раньше, чем их жертв успели предупредить.

Завязалась перестрелка. Ни в чём неповинные люди с криками кидались на пол и пытались укрыться то за перевёрнутым столом, то за тумбой, на которой с визгом сжалась в комок какая-нибудь зазевавшаяся сучка-стриптизёрша. Киборги стреляли только по ногам тех, кто проявил хотя бы малейшую

агрессию.

Часть отряда осталась контролировать зал, остальные киборги разделились и принялись методично прочёсывать всё помещение. Они сносили двери с петель одним ударом ноги, пугая персонал бара и засевших в приватных комнатках посетителей. Два или три человека схватились за оружие. Но киборги стреляли гораздо быстрее и точнее. Они бесцеремонно выволакивали за шкирку тех противников, кто выжил, и сваливали их кучей в зале, прямо на танцполе. Трое киборгов держали арестованных на мушке, ни на что не отвлекаясь.

Внезапно один из киборгов — это был Найт — развернулся и мгновенно выстрелил куда-то вверх.

С кованого балкончика молча кувырнулся диджей с аккуратным пулевым отверстием ровно в центре лба. Он так и умер с изумлением на лице и с зажатым в руке пистолетом. Надеялся помочь своим дружкам, у которых доставал лучшую в городе синтетику по дешёвке.

Альбинос сразу же резко крутнулся в сторону какого-то движения у бара и выстрелил ровно над головой бармена, тот от неожиданности выронил обрез, который едва успел достать из-под стойки, и вскинул руки:

— Я сдаюсь, сдаюсь!

К двери метнулся посетитель, сидевший до того у стены на корточках очень близко от Найта. Но он не рассчитывал, что ноги у парня окажутся настолько длинными. Сшибив его на пол подсечкой, молодой киборг развернулся и сразу же придавил неудавшегося беглеца коленом к полу.

Остальных преступников и их сообщников схватили в следующие полчаса.

Сканирование мозга всех арестованных показало, что в городе действует весьма сильная и хорошо организованная банда. Насчёт политических убеждений её участников не удалось получить более-менее достоверной информации, поэтому версия о республиканцах отпала почти сразу.

В короткие сроки банду удалось переловить, но складывалось ощущение, что на смену одному схваченному или убитому преступнику приходят двое или трое новых.

Найту скучать не приходилось. Наконец-то он в полной мере ощутил различие между родной Броксой и крупным мегаполисом.

Удачно выполненные задания приносили неплохой процент, и Найт потратил накопления на первую вшивку так называемой тяжёлой группы — эндоскелет обеих рук.

* * *

Отойдя от наркоза, проведя положенное время с регенерациоными шинами, наложенными на руки, и получив полный комплекс обезболивающих, Найт вышел в коридор и медленно прохаживался туда-сюда, пытаясь бороться с сонливостью и головокружением. Он осторожно держался за стену, чувствуя непривычную слабость в руках, как будто отлежал. Неприятные мурашки никак не проходили.

На реабилитацию после вживления имплантатов тяжёлой группы отводилось обычно около недели. Но бывалые утверждали, что если не спать как сурок, а побольше шевелиться — «гонять кровь», то тело справится со стрессом гораздо быстрее. Найт хотел поскорее вернуться в строй и продолжить охоту за врагами Мастера Шакса.

Вдруг под рукой с лёгким шорохом разъехались двери, и Найт чуть не завалился вправо всем телом. Его подхватили крепкие смуглые руки. Найт увидел перед собой Дэла. Вместе с ним из палаты вышел уже знакомый Найту коренастый блондин, стриженный «площадкой».

— Ты чего тут делаешь? — спросил Дэл рассерженно.

— Я… — Найт сначала растерялся и как будто съёжился, но сразу же взял себя в руки, выпрямился во весь рост, мгновенно став на полголовы выше Дэла. — Я на реабилитации. Руки сделал.

— А, — Дэл смерил его беглым взглядом и, обогнув, зашагал по коридору. Его светловолосый приятель последовал за ним. Найт оглянулся на дверь палаты, рядом с которой произошла неожиданная встреча. Интересно, кого же Дэл навещал?

Оглянувшись по сторонам, Найт нажал кнопку. Матовые полупрозрачные створки раздвинулись в стороны, и парень скользнул в палату.

На кровати лежал увитый капельницами Виктор Шталь, второй инструктор. Его шея и торс были плотно забинтованы широкими лентами серебристого регенерационного материала. Смертельная бледность сделала и без того светлую кожу чуть сероватой. Сейчас с лица инструктора была стёрта привычная развязная ухмылочка, и это лицо больше не казалось Найту неприятным. Стали заметны антично-правильные черты. Печать страдания придавала Виктору Шталю какой-то возвышенности, торжественной, скульптурной красоты.

Вдруг светло-серые глаза, подёрнутые дымкой боли и остатков наркоза, резко раскрылись и уставились на замершего Найта.

— А… Помню тебя, — хрипло проговорил Шталь. — Ты из седьмой казармы, кажется.

— Уже навели справки? — буркнул Найт.

— Да. Интересуюсь, знаешь ли, — Шталь перевёл дыхание и сглотнул, прикрыв на секунду глаза, — юными дарованиями…

— Я наслышан, — мрачно отозвался Найт.

— Зачем ты здесь? — спросил Шталь внезапно изменившимся голосом.

— Я просто… Ну, я решил проведать вас, господин второй инструктор, — вопрос застал Найта врасплох.

— Хм… Вот как? И откуда же тебе стало известно, что я тут? О моей вылазке не знал никто, кроме Диджа, который зачем-то рассказал всё Дэлу.

— А Дэл тоже молчать не стал, — нашёлся Найт.

— Значит, мне стоит ожидать паломничества в ближайшее время? — слабо усмехнулся Шталь и через минуту, собравшись с силами, проговорил серьёзным тоном: — Ты не умеешь лгать, мальчик.

Найт смутился и опустил голову. Щёки его вспыхнули. От полузабытого ощущения парень смутился ещё больше.

— Зачем ты здесь? — спросил Шталь снова. Очень тихо и размеренно.

— Случайно столкнулся с Дэлом… Делейтом Лебэном. Он вышел из этой палаты, и мне стало интересно, кого он посещал… Простите, что побеспокоил.

Найт развернулся, собираясь выйти из палаты, но Шталь остановил его:

— Постой! Подойди…

Найт помешкал, потом осторожно приблизился и сел на стул рядом с кроватью.

— Такая удача, что ты зашёл. Я много интересного нашёл про тебя в Сети, — хрипло прошептал Виктор Шталь. — Танцующий Альбинос. Так, кажется?… Найт, я хочу попросить тебя об одной маленькой услуге.

— Конечно, господин второй инструктор.

— Ты мог бы ненадолго повернуть вон тот вентилёк на капельнице?

— Да, конечно, — Найт с готовностью поднялся, но замер и произнёс в недоумении: — Может, вы имеете в виду вот этот клапан? Уменьшить подачу лекарства?

— Нет, я имею в виду вон тот вентилёк.

— Но… Но ведь тогда в трубку попадёт воздух. Это опасно. Образуется тромб.

— Совершенно верно, — прошептал Виктор Шталь и широко улыбнулся. Глаза его заблестели, став слегка безумными.

Найт медленно сел обратно на стул и произнёс:

— Я не стану этого делать.

— Не беспокойся, в этой палате нет камер, а если ты боишься за отпечатки пальцев, то просто протри потом уголком одеяла, — с жаром заговорил Виктор Шталь, будто в горячке.

— Я не стану этого делать! — твёрже повторил Найт и сердито глянул на инструктора.

— Извини, что прошу тебя об этом, — продолжал Виктор Шталь, — но других возможностей уйти не вижу. Тран, к сожалению, не убил меня, хотя я очень на это рассчитывал. А ты… Ты ведь не только Танцующий Альбинос. Но и Смерть…

— Почему вы так хотите умереть?

— Сколько тебе лет, мальчик?

— Двадцать два, но при чём тут…

— Когда тебе стукнет тридцать или около того, ты поймёшь, какой ошибкой является твоя жизнь. Жизнь любого киборга.

— Почему?

— Они всё расскажут…

— Да кто, кто расскажет?

— Ведь тебе ничего не стоит повернуть этот чёртов вентилёк! Ты же сама Смерть, ты убиваешь людей пачками!

— Многое в Сети болтают, — холодно буркнул Найт и встал со стула в полной решимости покинуть эту палату.

— Пожалуйста, Найт, — проговорил Шталь, и глаза его заблестели слезами. — Помоги мне… Я так виноват перед моими мальчиками: Траном, Дэлом, всеми другими… Мне положено было сдохнуть уже давно, но всё не получается… Я очень, очень гадкий человек…

— Вы не человек, господин инструктор. Вы киборг.

С этими словами Найт поднялся и вышел, борясь с головокружением.

Только оказавшись в коридоре, привалился плечом к стене и несколько минут пережидал, пока перед глазами не уляжется рой тёмных мушек.

За это время он успел подумать: «Даже к такому, как этот Шталь, кто-то приходит. А ко мне…»

— Ах, вот ты где! — раздался знакомый голос, и к Найту приблизился Шусс. — В палате нет, в курилке нет, в оранжерее нет. Чего ты тут ползаешь?

— Да я… Просто…

— А. Ну пошли, пошли. Я тебе принёс шикарную штуку, вот держи, — Шусс не стал допытываться, что заставило его сослуживца отойти так далеко от палаты. Он сразу же сунул ему в руки закрытый пластиковый тюбик с трубочкой.

— Какую-то новую смесь завезли в столовку. Ты попробуй,

вкуснятина!

Найт растрогался.

Вдруг тюбик в его ладони хрустнул, густая пенистая жидкость, вкусно пахнущая чем-то одновременно мясным и сливочным, брызнула вверх фонтанчиком и медленно закапала с потолка.

— Бежим! — засмеялся Шусс, схватив растерявшегося Найта за локоть.

Оба молодых киборга вжали головы в плечи, как нашкодившие мальчишки, и умчались в сторону оранжереи.

— Я нечаянно! — смущённо бормотал Найт, когда они вдвоём присели на скамейку под каким-то молодым деревцем.

— Ты просто ещё к собственной силе не привык. Ты же теперь можешь голыми руками у нелегалов сердца выдирать, пальцами сталь пробивать. Ничего страшного, привыкнешь. На, моё попробуй.

Шусс вынул из нагрудного кармана такой же тюбик коктейля, повернул трубочку до характерного щелчка, сообщающего, что упаковка вскрыта, и, прежде чем отдать Найту, сказал:

— Погоди, дай я тебе помогу.

Шусс вложил трубочку в губы Найту. Тот засмеялся и осторожно, деликатно втянул смесь. Действительно очень вкусно.

— Ммм.

— Нравится? — улыбнулся Шусс. Найт кивнул и попытался отстраниться, но приятель покачал головой:

— Лопай-лопай. Я себе ещё достану.

Найту было неловко, но всё-таки он высосал почти половину тюбика. Очень странно и неудобно было ощущать себя беспомощным даже в таком простом деле. Найт отодвинулся.

— Спасибо. Очень вкусно. Слушай, а у тебя случайно нет сигарет?

— Держи, — Шусс таким же образом вложил Найту сигарету в губы, поджёг её. Найт даже прикрыл глаза от удовольствия, поняв, что, оказывается, по этому холодку в пальцах и груди можно соскучиться.

— Спасибо, Шусс, — проговорил он, докурив, и улыбнулся.

Тот поднялся со скамейки.

— Да не за что. Поскорее возвращайся в строй.

— Ты придёшь завтра? — Найт вдруг порывисто вскочил со скамейки, мгновенно нависнув над Шуссом белой громадой.

— Приду обязательно, — подмигнул Шусс, затем после короткой заминки отвернулся и скрылся среди густых жасминовых кустов.

Найт некоторое время постоял, глядя ему вслед и

прислушиваясь к собственным ощущениям. Где-то очень глубоко осталось горькое послевкусие от встречи с мужчиной, который отнял у него Дэла. Но эту горечь удалось перебить горечью сигарет. И теплом от встречи с Шуссом.

Вздохнув, Найт с непонятным лёгким трепетом в сердце вернулся в палату.

На краю металлической скамейки остались вмятины от его пальцев.

Глава 31

Найту удалось восстановиться через пять дней. И едва он вышел из лазарета, как произошло очередное ЧП, на сей раз действительно серьёзное: башня Мастера Шакса была атакована.

В сущности, «башней» называли целый комплекс разнообразных строений, соединённых между собой многочисленными мостами, тоннелями, виадуками. Она включала большинство предприятий, отчитывающихся непосредственно перед хозяином города. В головной башне, на самой её вершине, по традиции обитал Мастер Шакс, но его жилище охранялось столь тщательно, что террористы не решились направить удар туда. Под их ударом оказались лаборатории. Это надолго лишило бы киборгов Мастера Шакса привычных инъекций, без которых непобедимые воины превращались в страдающих от дикой боли слабаков.

В распоряжении нападавших оказалась довольно сложная техника, например, мини-танки, которыми легко было проламывать стены и которые игнорировали артобстрел. Нет сомнений: помощь от недобитых республиканцев.

Террористами руководил человек, которому было многое известно о системе защиты башни. Пожалуй, слишком многое.

Этим человеком оказался Тран.

Найта и несколько десятков других киборгов под руководством Дирка Вайсса координаторы направили в сторону парковки для муверов — именно туда двигался Тран.

Едва Найт вместе с соратниками выскочил из грузового лифта, как дальняя стена с грохотом проломилась, и на площадку выскочил киборг. На секунду Найт содрогнулся от его ужасного вида — как будто покойник выбрался из могилы, успев изрядно покормить червей. Но «покойник» не позволил слишком долго собой любоваться. Он скинул с плеча базуку и заорал:

— Жрите, суки!

Он целился не в бывших сослуживцев, а в энергобак ближайшего к ним мувера. Машина взлетала на воздух огненным шаром, зацепив и другие. Преследователи были вынуждены укрыться за уцелевшими муверами, спасаясь от летящих во все стороны горящих обломков.

Тран воспользовался заминкой и рванулся к лифту.

Подчиняясь слаженным приказам координаторов, следивших за перемещениями противника при помощи многочисленных камер наблюдения, Найт, Шусс и несколько их соседей по казарме бросились бегом в один из коридоров.

Они едва успели. Тран вскочил в лифт, но скрыться ему не удалось: кабину дистанционно остановили координаторы этажом ниже. При помощи специального домкрата Шусс развёл дверцы лифта, и его соратники немедленно осветили шахту мощными фонарями. Внизу на мгновение мелькнуло бледное лицо Трана, который выбрался из кабины через крышу и полез вверх по тросам, намереваясь улизнуть. Он действительно напоминал мертвеца: скулы и нос заострились, глубоко запавшие глаза болезненно блестели в затянутых тёмно-бурой кожей глазницах. Он оскалился и разжал руки, соскальзывая в темноту. Белые лучи шарили по стенам шахты.

— Ему никуда не деться! — прорычал Шусс, шагнув назад.

— Только если на сей раз через пол кабины не смоется, — ответил ему один из киборгов.

В микронаушниках прозвучал голос координатора:

— Восемнадцатый этаж.

Отряд разделился, пытаясь взять отступника в кольцо. Тот понял, что лифтами пользоваться бесполезно, и бросился вверх по аварийной лестнице.

На пятидесятом этаже находится энергоблок. Вероятно, туда Тран и направляется.

На девятнадцатом этаже Найт едва не споткнулся о распростёртое тело Шусса. Он полулежал рядом с воротами, которые вели на площадку, и от его затылка по стене тянулся кровавый след, из носа тоже текла кровь. Найт присел рядом на корточки, пощупал пульс под челюстью. Нитевидный. Ну почему большинство молодых киборгов пренебрегают шлемами?!

— Шусс, — прошептал альбинос, тяжело сглотнув. Потом оттащил приятеля к воротам, освобождая путь остальным соратникам, и сообщил о раненом. Им займутся медики.

Стиснув челюсти, Найт бросился вверх по лестнице. Догонит — лично проломит череп этому чёртовому психу, как тот Шуссу.

Киборги стреляли в ускользающего врага, Найт тоже стрелял, благо лестница тянулась вверх громадной квадратной спиралью, и ничто не закрывало обзор. Но Тран словно игнорировал боль, хотя и было видно, что многие выстрелы достигают цели. Координаторы предупреждали, что этот киборг нелегально вшил эндоскелет, поэтому справиться с ним будет нелегко. По сути, ему не нужна собственная плоть, прикрывающая металлический остов.

Найту было плевать на сложности. Он хотел уничтожить опасного врага Мастера Шакса. И отомстить за Шусса. И за когда-то раненого Дэла тоже…

Однако Найт был вынужден подчиниться приказу: его и ещё

нескольких киборгов с небольшим процентом вшивок и малым опытом работы координаторы отправили на поиски и уничтожение оставшихся в живых сообщников Трана.

Найту не нравилось, что он вынужден ловить каких-то голодранцев, пусть и вооружённых до зубов. Наверняка те побросают оружие, едва увидев такое количество киборгов, и начнут слёзно умолять о пощаде. Но приказ есть приказ.

Как будто кто-то поставил время на паузу, но при этом никто не застыл на месте… Этот день не кончается, этот час не кончается, эта минута не кончается. Тянется одна единственная бесконечная секунда, за которую Найт успел потерять счёт убитым противникам и перестал обращать внимание на падающих соратников.

Тело действует само, автоматически. Как будто лежишь на кушетке со шлемом виртуальной реальности на голове и действуешь лишь сознанием. И все эти погибающие люди — они такие ненастоящие. Как фигурки в тире.

Боли нет, времени нет, дыхания нет.

Он — машина.

Когда объявили окончание операции, Найт ощутил напряжение в скулах и вдруг понял, что улыбается хищной, кровожадной улыбкой. Потом нахлынула липкая, пронзительно-холодная волна боли и слабости. Сразу в нескольких местах тела вспыхнуло отчётливое ощущение инородных тел, застрявших в мясе. Оказывается, несколько пуль нашли свою цель. Найт повертел головой по сторонам, скользя безразличным взглядом по напряжённым лицам или спинам товарищей, а потом вдруг увидел перевёрнутый пол и понял, что лежит на боку. Больше он ничего не помнил.

* * *

Ранения оказались несерьёзными. Просто чудовищное напряжение всех сил организма и разума, плюс обычное для новичка перевозбуждение нервной системы. Найт довольно быстро восстановился и первым делом проведал Шусса.

По словам врача, он хорошо перенёс операцию и имеет все шансы на выздоровление. Впрочем, сейчас Шусс балансировал между жизнью и смертью. Найт сидел рядом с его кроватью, сложив руки на коленях, и тревожно рассматривал лицо друга. Вокруг глаз растеклись характерные синяки — «очки», и вообще выглядел парень неважно. Но Найт был склонен доверять мнению хирурга.

Посещения были запрещены, но работники госпиталя позволяли молодым киборгам навещать своих однополчан и даже не намекали на лимит времени. Найт мог просидеть в палате хоть целый день.

Ему было страшно за Шусса. Но ещё больше ему было страшно выйти отсюда и узнать, что Дэл погиб.

Найт ещё не интересовался списками погибших. В такой масштабной операции их должно быть немалое количество. А Дэл, помнится, не отличался высоким процентом вшивок и большим опытом работы. Вдруг этот проклятый Тран точно так же проломил ему череп, но его нашли слишком поздно, и операция не помогла?

Найта пугали эти мысли. Он жмурился и усилием воли гнал их, заставляя себя неотрывно смотреть на лицо Шусса. Но не видел его. Видел лишь ухмылку Дэла, его наглые чёрные глаза, а потом почему-то его же лицо, посеревшее и заострившееся, с этими страшными синяками-«очками».

* * *

Найта выписали, и он был вынужден вернуться в казарму. Те его товарищи, что не получили ранений, до сих пор возбуждённо обсуждали подробности побоища. Найт тихо присел на край своей кровати и достал из тумбочки подаренную антикваром вещицу — стеклянный шар, внутри которого крошечная балерина навеки застыла в вихре сверкающих снежинок. Если встряхнуть, то снежинки снова начинали кружиться, и их танец всегда успокаивал Найта. Его мысли, сначала сумбурные и мечущиеся в беспорядке, начинали витать и медленно оседать, как эти снежинки.

Окончательно придя в себя и почувствовав достаточно моральных сил, Найт убрал стеклянный шар, поднялся и отправился в информационный терминал. Там он вышел в локальную сеть башни и внимательно прочитал официальный отчёт координаторов. В том числе и список погибших.

Дэла там не было. Найт перечитал ещё раз, чтобы убедиться окончательно. Хохотнув, вскочил и вынесся из зала, нечаянно опрокинув свой стул и вызвав недовольство редких посетителей.

Рядом с соседней казармой Найт столкнулся с притихшей группкой молодых киборгов, которые шагали по коридору к выходу и угрюмо курили, несмотря на негласное правило — курить в специально отведённых для этого местах.

Один из парней заметил, как Найт направился к двери общей

спальни, и, приостановившись, окликнул:

— Эй, Мыш или как тебя там! Слушай, брат, не надо, не ходи сейчас. Дай ему время.

Найт замер, потом сказал спокойным голосом:

— Спасибо за совет.

С этими словами он решительно открыл двери и шагнул в общую спальню.

Дэла он увидел сразу. Тот сидел на кровати, согнувшись в три погибели. Шея его была забинтована эластичными бинтами, сквозь которые слегка просочилась уже запекшаяся кровь. Вокруг его головы медленно клубилось целое облако сигаретного дыма. На полу стояла почти пустая бутылка корна. Дэл был похож на огромный болотный валун, окутанный туманом.

Найт подошёл к нему, тихонько ступая, и проговорил полушёпотом:

— Дэл…

— Чего надо? — послышался надтреснутый хриплый голос, впрочем, вовсе не агрессивный, а усталый. — Иди лучше, куда шёл.

— Я к тебе шёл.

Дэл оглянулся через плечо, и Найт увидел, что он сильно оброс, запустил виски, и что глаза у него красные и заплывшие.

— Тебе не стоит столько пить, — твёрдо произнёс Найт.

— Иди ты в жопу. Тоже мне, воспитатель, — скривился Дэл и отвернулся снова.

Найт одним плавным движением оказался на его кровати, позади, и обнял так крепко, как будто хотел выдавить из него этот дым и эту горечь, как воду из утопленника.

Дэл взвился, заорал:

— Отстань ты, псих! Отвяжись от меня!

Но Найт не отпускал, зажмурившись и уткнувшись лбом в загривок Дэла, в ровный бугорок позвонка, не нарушенный металлом стабилизатора. Держал крепко-крепко и молчал.

К чёрту обещание, данное самому себе, о том, что научится жить без чувств. Без чувств к Дэлу. Разве этому можно научиться?…

Дэл попытался вырваться, обозвал генму и уродом. «Обзывай, обзывай, только не молчи и не тони», — думал Найт, не открывая глаз.

Дэл перестал вырываться и опустил голову.

— Ну что тебе от меня надо, что?! Ты не понимаешь, что ли, ничего, а?! — Найт услышал в голосе Дэла дрожь.

«Поплачь, тебе станет легче. Пожалуйста, поплачь, пока не окаменела твоя долина»…

Но Дэл не плакал.

Он заговорил как будто скороговоркой:

— Этот ублюдок отстрелил Аксу голову. К чёртовой матери, в ошмётки! Габриэля швырнул на кабели, и он до костей обгорел. А Вик… Вик… чёрт… он помешал мне, под руку полез. Специально. Но я всё равно Трана порешил. Только вот координаторы всё видели. Вчера был трибунал. Вика уволили. За саботаж, предательство. Он же типа помешал убить преступника. То есть попытался. Ещё его осудили за профнепригодность по причине недопустимой эмоциональности. А? Каково? Я не смог ему помочь. Слишком много свидетелей. Его уволили, ты понимаешь? Теперь он окажется на улице, без инъекций. Ты понимаешь, нет?!

— Я понимаю, — прошептал Найт, сглотнув пересохшим горлом.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Я слышал, что есть альтернатива — Топливо.

— Да, мать твою, Топливо! Он из-за этого Топлива за пару месяцев превратится в кусок дерьма! Господи, лучше бы он умер, лучше бы Тран убил его тогда…

Найт молчал, закусив нижнюю губу. И вдруг прошептал:

— Ты любишь его?

— Что? — спросил Дэл, оглянувшись.

Найт собрался с духом и спросил твёрдым голосом:

— Ты любишь Виктора Шталя?

Дэл резко вывернулся из его объятий и вскочил. Лицо его было злым, губы кривились в издевательской усмешке, из-за чёрной щетины он казался дикарём.

— А тебе-то какое дело, Мыш? Чего ты вообще лезешь ко мне, а? Что ты за мной бегаешь? Что, хочешь, чтобы я тебя трахнул? Ну давай, снимай штаны, хватит сопли жевать!

Найт сидел на коленях на его кровати и смотрел на его перекошенное злобой и отчаянием лицо. Он заметил, что глаза Дэла влажно поблескивают.

«Пожалуйста, урони хоть одну слезинку»…

Но Дэл не плакал. Он захохотал и принялся грязно обзывать Найта. Грязно и больно. Найт слышал слова, слышал его голос, но как будто оглох. Потом медленно встал, отвернулся и пошёл к двери.

— Да, вали, генму! — сипло заорал Дэл и швырнул Найту вслед бутылку, но вдруг альбинос резко развернулся и поймал её.

Потом аккуратно поставил на пол и сказал:

— Не мусори.

Он снова повернулся к двери и положил руку на кнопку, чтобы открыть её, но замер на секунду, загадав: если сейчас Дэл

не попросит остаться, он никогда больше не подойдёт к нему и даже не поздоровается.

— Чёрт, Мыш, прости, стой! — быстро и нервно крикнул Дэл. Найт почувствовал, как в его сердце серебряным роем взметнулись искрящиеся снежинки. Он развернулся, стремительно прошагал к Дэлу и крепко стиснул его в объятиях. Тот бормотал: «Прости меня, я на взводе. Я рехнусь скоро…» И настойчиво целовал белое лицо, пытаясь добраться до губ.

Найт слегка кривился, чувствуя кислый запах алкоголя и дыма, отворачивался, тихо успокаивал Дэла и гладил его по спине.

— Тише, тише, тебе сейчас этого не надо… успокойся…

— Нет, надо. Правда, очень. Найт…

Не Мыш и не генму.

Найт сглотнул ком в горле, а потом настойчиво, властно отвёл Дэла в душевую и засунул под струи ледяного влажного пара. Через несколько минут пришлось постоять рядом с дверью туалета, пока Дэла мучительно тошнило в унитаз. Потом заставил его умыться и отвёл в спальню.

— Чёрт, я киборг, а веду себя как размазня, сопля зелёная, — виновато усмехнулся Дэл, когда Найт заставил его лечь и укрыться одеялом.

— Тише, тише. Никто не видел… Кстати, вы тут чай вообще пьёте? Тебе бы сейчас крепкого чёрного чаю, хорошо мозги прочищает и тошноту как рукой снимет.

— Да, вон там, на полке. Над тумбой с чайником.

Найт принялся хозяйничать: наполнил электрический чайник водой из пластикового контейнера, нашёл коробку с чайными таблетками, залил кипятком сразу три. Над кружкой поднялся ароматный пар. Осторожно отнеся чай к кровати Дэла, Найт заметил, что его друг уже спит. Поставив кружку на тумбочку, Найт шагнул к выходу, но вдруг его остановил сонный голос:

— Посиди со мной немного, а?

Найт присел на край кровати и, не зная, что делать, стал напевать:

— Баю-баю, белый зая…

Не открывая глаз, Дэл тихонько прыснул со смеху и невнятно пробормотал:

— Смешной ты…

— Ага. Чудик, я помню, — беззлобно усмехнулся Найт в ответ.

Теперь Дэл уснул по-настоящему, даже всхрапнул. Найт наклонился и невесомо, стараясь не разбудить, поцеловал его в колючий висок. Затем встал с постели и покинул спальню.

На душе его танцевали серебряные снежинки.

Глава 32

С сумасшедшей зимы больше не происходило никаких серьёзных неприятностей. Молодые киборги лишь патрулировали город и изредка наводили порядок, причём чаще без смертоубийств, несмотря на всё ещё неспокойное время. Впрочем, республиканцы ушли в подполье и затаились. Надо думать, до лучших времён.

Дэл, пережив увольнение Виктора Шталя и смерть друзей, потянулся к Найту. Ему была нужна поддержка, с чем он, впрочем, нипочём бы не согласился.

Ещё весной Шусс вышел из комы и довольно быстро восстановился, хотя и продолжал пить таблетки от сильной головной боли. Благодаря его лёгкому нраву и юмору Дэл вскоре сдружился и с ним.

Найту казалось, что всё самое страшное уже позади. Да, наверняка Дэл любил своего Вика, и наверняка его погибшие друзья значили для него много. Но жизнь продолжается. И она, чёрт побери, классная штука!

Однако у судьбы были свои взгляды на этот счёт…

* * *

Свой двадцать первый день рождения Дэл решил отметить в недавно открытом клубе «Паноптикум», который, впрочем, уже успел снискать себе славу самого фешенебельного борделя в мегаполисе. Если не во всей Империи.

Дэл с Найтом, Шуссом и несколькими другими парнями отдыхали в чилауте, как вдруг Найт заметил вдалеке, на диванчике, Виктора Шталя. Выглядел тот как плохо выжатая половая тряпка не первой свежести. Рядом с ним сидел какой-то рыжий парень в рубашке-сеточке. Шусс вскоре заметил, куда смотрит Найт, и нахмурился.

— Чёрт. Этот что тут делает? Небось, со своим клиентом припёрся…

Вероятно, почувствовав на себе косые взгляды, бывший инструктор и его приятель встали и засобирались к выходу. Но вдруг их заметил и Дэл.

— Вик?! — выкрикнул он.

Стальной замер, сжав челюсти.

— Дэл, плюнь на него, пошли отсюда! — воскликнул Найт, судорожно хватая друга за локоть. Но тот отмахнулся и

направился к своему бывшему любовнику.

— Вик, ты жив! — парень кинулся обниматься, но Виктор Шталь отодвинулся, почти оттолкнул его от себя.

Дэл замер, нахмурившись.

— Это я, ты меня что, не узнал?

— Я вас не знаю.

— Да брось ты комедию ломать, Вик! Господи, как я рад тебя видеть! — Дэл настойчиво стиснул его в объятиях, не обращая никакого внимания на рыжего, который переминался рядом с ноги на ногу.

— Дэл, уходи… Или позволь уйти мне, — Виктор Шталь всё-таки вырвался и отвернулся.

Дэл рывком повернул его к себе.

— Что ещё за обезьяна рядом с тобой?!

— Эй! — возмутился рыжий и сразу же получил ощутимый тычок в грудь от молодого киборга. Вик встал между ними.

— Хорошо, хорошо, пошли поговорим! — он утащил Дэла в узкий коридорчик, ведущий в общий зал.

Найт забеспокоился, вытягивая шею, и хотел было отправиться следом, но Шусс удержал его:

— Дай им разобраться. Не лезь ради бога.

Рыжий некоторое время топтался у выхода из чилаута и наконец высунулся в коридор, развязно крикнув:

— Эй, солдатик, ты скоро?

С этими словами он покинул чилаут, а Найт прилагал огромные усилия, чтобы не сорваться с места и не кинуться туда, к ним. В воздухе сгущалось предчувствие чего-то тёмного, тяжёлого, опасного. Ладонь Шусса надёжно сжимала локоть, и Найт не шевелился, напряжённо ожидая развязки.

— Ты не должен так жить! — послышался вдруг крик Дэла.

Через несколько минут он вернулся в чилаут. Найт почувствовал невероятное облегчение и, приблизившись, похлопал друга по плечу и негромко проговорил:

— Пойдём. Не надо было тебе говорить с ним. Зря только расстраиваешься.

Дэл ничего не ответил. Найту не понравился его застывший, холодный взгляд.

Вскоре компания молодых киборгов вышла на улицу, села на байки. Дэл вдруг спрыгнул с седла, размашисто прошагав обратно в клуб.

Найт перекинул ногу, намереваясь слезть со своего байка и кинуться следом, но Шусс опять остановил его:

— Найт, я тебя прошу, не лезь! Ты многого не знаешь…

Найт сжал челюсти. Да, он чужой, это не его ума дело. Кто он

Дэлу, в конце-то концов? Чудик, поющий колыбельные и заваривающий чай?

Дэла не было довольно долго. Найту показалось — целый час, хотя на деле и пятнадцати минут не прошло. Но вот он появился снова. Какой-то бледный, резкий, и Найт почувствовал страх. Настоящий страх. Он как будто чуял далёкий запах крови. За Дэлом тянулся невидимый, неощутимый, чёрный шлейф убийства. Что он натворил, что?!

— Дэл, с тобой всё в порядке? — спросил Шусс, хмурясь.

— Да. В полном, — коротко буркнул тот, заводя байк, и рванул с места.

— Эй! — крикнули ему вдогонку соратники. И погнались за ним.

Дэл гнал что было сил. Найт прекрасно помнил, как он умеет летать по дорогам. Куда же он несётся?!

Встречный ветер забивал крик «Стой!» глубоко в глотку. Найт будто во сне видел, как неумолимо удаляется Дэл. Его никто не догонит.

Улица тянулась всего на пару километров, упираясь в высотный дом и огибая его двумя «рукавами». Дэл прибавил скорости. Он летел прямо на этот дом, странно петляя, как будто хотел свернуть, но какая-то неведомая сила возвращала его обратно. Машины и муверы шарахались в стороны, освобождая дорогу. Что он задумал?! Неужели…

Найт орал изо всех сил:

— Стой! Стой, Дэл!

Но тот не слушал его. А быть может, и не слышал.

Внезапно его обогнал приземистый серебристый мувер. Он поравнялся с Дэлом, и в следующую секунду из окна высунулась металлическая рука, отдалённо напоминающая часть эндоскелета, схватила Дэла за шкирку и втащила в мувер. Потерявший управление байк врезался в стену дома и разлетелся огненными обломками. Мувер плавно описал дугу и притормозил у обочины.

Киборги подъехали ближе, соскочили с байков и бросились к неведомому спасителю Дэла.

Из мувера грациозно выбрался высоченный и крупный киборг в белоснежной короткой шубке и в тёмно-синем латексном платье. Поставив искусственную руку на бедро, он нервно закурил тонкую сигаретку в мундштуке и нахмурился.

— Ну и что это значит? Я, конечно, уважаю солдата, который некогда содействовал поимке государственного преступника, но это не даёт ему права устраивать бойню в моём заведении! Что с этим делать будем, а, дорогуши мои?

Найт застыл на месте. Предчувствия не обманули его.

Ни для кого не секрет, что «Паноптикум» построен на личные средства Мастера Шакса, и он является непосредственным, прямым хозяином клуба, а этот киборг, кажется, Блисаргон Баркью — по проверенным слухам его бывший любовник и по совместительству директор клуба. Получается, что Дэл причинил ущерб Хозяину лично…

Вдруг Найт моргнул от узнавания. Это же тот самый киборг-проститутка, которого он встретил в родной Броксе! Кажется, Блис. Ну да, всё сходится. Удивительно, как он изменился. И где-то успел потерять левую руку и глаз. Интересно, почему же заменил такими старомодными на вид киберпротезами? Впрочем, на самом деле Найта интересовала лишь участь Дэла и ничего кроме неё.

Тем временем Блисаргон Баркью достал из кармана коммуникатор.

— В общем, так. Сейчас решим, что делать с этим стрелком.

Он отошёл, чтобы киборги не прислушивались к его разговору, и с кем-то недолго беседовал, вышагивая туда-сюда перед мувером, на переднем сидении которого сидел Дэл. Слишком неподвижно сидел.

— Ну вот, — Блисаргон спрятал коммуникатор. — Забирайте вашего буяна и прополощите ему мозги как следует.

Он поднял дверцу мувера, Шусс сунулся внутрь и потряс Дэла за плечо.

— Эй, вылезай. Эй!

Дэл таращился в пространство ничего не видящими глазами и не шевелился.

— Дэл… — снова потряс его за плечо Шусс.

Блисаргон наклонился, заглядывая в салон. Пощёлкал пальцами стальной руки перед носом молодого киборга. Никакой реакции.

Блисаргон медленно распрямился.

— Плохо дело, дорогие мои, — сказал он совершенно серьёзным голосом. — Он в коме.

Найт почувствовал, что ноги его стали будто ватными. Пришлось прислониться к байку.

— Почему? — едва пошевелил он губами.

— Ну… Вероятно, потому что после убиения своего любовничка он пытался покончить жизнь самоубийством, вмазавшись на всей скорости вон в тот образчик позднего Имперского модерна. Из-за конфликта сознания с программой «Антисуицид» наверняка нарушились некоторые процессы в его мозге.

— А он… кхм… Это обратимо?

Блисаргон ничего не ответил, лишь вытряхнул тлеющий окурок из мундштука на асфальт и уселся за руль.

— Поехали скорее в госпиталь. Чем раньше им займутся кибербиологи, тем больше шансов.

* * *

По белому коридору размашисто шагал высокий сухопарый человек в форменном белом комбинезоне. На бейдже его значилось «Винсентус Скарринг. Кибербиолог третьей ступени». Он хмурился, напряжённо разглядывая данные на полупрозрачных листах тонкого пластика. У палаты он вздрогнул, резко остановившись.

— Опять вы? Вы же были недавно!

Найт поспешно вскочил с диванчика, подхватив потёртый матерчатый рюкзак, и вежливо поздоровался. Потом склонил голову и проговорил:

— Как он?

— Никаких улучшений. Состояние стабильно тяжёлое, — устало произнёс господин Скарринг. — Я же всё сказал вам ещё на прошлой неделе.

— Я подумал, что за это время могли произойти изменения. В положительную сторону.

— Увы, увы, молодой человек. Позвольте…

Он обогнул высокого парня, будто дерево на дороге, и исчез в палате. Найт терпеливо дождался его. Вернувшись, господин Скарринг вздохнул и тихо проговорил:

— Ну что с вами будешь делать! Хорошо, можете снова его навестить. Хотя совершенно ничего нового не увидите.

Найт широко улыбнулся, сверкнув зубами, и шагнул в палату.

Совсем крошечная комнатушка, обитая белоснежными панелями стеклопласта, в ней едва умещается громоздкий саркофаг с крышкой, прозрачной до половины. У изголовья саркофага — маленький монитор, по которому непрестанно летят тысячи цифр: машина самостоятельно восстанавливает повреждённые сектора электронной части мозга пациента или генерирует новые. Внутри саркофага, в мутной вязкой жидкости, медленно парит обнажённое смуглое тело, увитое многочисленными пуповинами капельниц. Волосы Дэла отросли за шесть месяцев, колышутся, словно водоросли, иногда задевая открытые глаза. Но Дэл не моргает. Он может слышать, видеть и чувствовать, но в остальном его организм пребывает в полном

оцепенении, сходном с летаргией.

Найт наклонился над крышкой, поближе к динамику, и погладил её ладонью.

— Я читал древнюю сказку про принцессу, спящую в хрустальном гробу, — проговорил он. — Она проспала сто лет, чтобы дождаться своего принца. Поцелуй любви вернул её к жизни. Правда, красиво?

Найт неловко улыбнулся, не встретив никакой реакции. Потом он сел на пол, прислонившись спиной к саркофагу и слушая всё такие же ровные и размеренные тоны сердца.

— Жаль, что я не принц. А ты не принцесса. Ха.

Он помолчал.

— Дэл, проснись… Мастер Шакс имеет полное право приказать отключить систему жизнеобеспечения. Ты слишком долго спишь.

Сердце Дэла не дрогнуло, в палате раздавалось тихое и ровное «Пип. Пип. Пип. Пип».

— Он не стоит этого, Дэл, — буркнул Найт, угрюмо глядя в пол.

Тоны стали пикать быстрее. Найт поднял голову. Встал, снова склонился над саркофагом.

— Никто на свете не стоит того, что ты с собой делаешь, Дэл! Ты ведь можешь выйти из комы! Кома киборгов отличается от комы простых людей. Если ты будешь идти на мой голос, то выкарабкаешься. Если тебе больше незачем жить, тогда живи ну хотя бы для меня. Тебе же всё равно теперь, да?

Глаза Дэла оставались неподвижными и безразличными. Найт тщетно пытался увидеть в них хоть какое-нибудь движение мысли. Это были глаза куклы.

— Баю-баю, белый зая, — неровно пропел Найт, чувствуя, как слегка давит за грудиной. Никакой реакции.

— Его больше нет. А я есть. Я тебя никогда не брошу.

Дэл не шевелился, лишь медленно качался в толщах физраствора, как утопленник на дне озера.

Вдруг двери разъехались в стороны, и на пороге показался господин Скарринг.

— Вы всё ещё здесь, юноша! — сокрушённо зашипел он. — Через минуту вас не должно тут быть!

Кибербиолог с взволнованным видом выглядывал в коридор. Найт спохватился:

— Чуть не забыл!

С этими словами он выудил из своего рюкзачка стеклянный шар и поставил на крышку саркофага.

— Это тебе. Выздоравливай скорее, — быстро прошептал он,

бегло погладил на прощание крышку и поспешил к выходу.

На пороге он едва не столкнулся с Мастером Шаксом, но мгновенно вытянулся в струнку, чётко склонив голову. Молодой киборг даже не успел изумиться тому, насколько же хозяин одного из крупнейших городов Империи не похож на своих коллег: невысокий, полноватый, но главное — одетый в нечто совершенно невообразимое. Кажется, в старину это называли камзолом. Впрочем, под цветастой парчой поблескивал латекс вполне современного корсажа, маскировавшего не слишком-то поджарый живот Мастера Шакса.

Ответив на приветствие своего воина сдержанным кивком, хозяин Нидрэда скрылся в палате, и пока створки дверей смыкались, Найт успел заметить, что господин Скарринг торопливо убрал шар с крышки, поставив его на пол.

Вздохнув, молодой киборг зашагал по коридору, сунув руки в карманы брюк и глядя под ноги. И на углу врезался в чью-то широкую грудь.

— Ох, извините! — воскликнул он, вскидывая голову.

И увидел перед собой Блисаргона Баркью. Благодаря высоченным каблукам взрослый киборг смотрел на парня чуть сверху, что было для Найта непривычно.

— Какая встреча! — усмехнулся Блисаргон, дрогнув выщипанной бровью. Вторая бровь скрывалась под декоративной стальной пластиной вокруг киберпротеза левого глаза. — Что-то в последнее время мы с тобой видимся всё чаще и чаще, дорогуша. Дай-ка угадаю… Ты навещал своего возлюбленного психопата?

— Почему это психопата?! — Найт вспыхнул так сильно, что даже ощутил пульсирующий жар в щеках.

— Хм. Значит, против возлюбленного ничего не имеем? — усмехнулся Блисаргон, и в уголке его единственного глаза собрались отеческие морщинки. — Эх ты, дурень. Нашёл, в кого влюбляться…

Найт возмущённо приоткрыл рот.

— Да брось, — Блисаргон с удивительным изяществом отмахнулся своей механической рукой. — А то я не видел, как ты побледнел, когда я сообщил о его коме. Хотя куда тебе уж дальше бледнеть.

Найт заложил руки за спину и отвернулся, закусив губу.

— Вы что же, запомнили, господин Баркью? Полгода прошло.

Блисаргон взял его за подбородок металлическими пальцами, способными дробить кости, как печенье, и, заставив посмотреть на себя, произнёс серьёзным тоном:

— Я всё помню, даже то, что было ещё раньше. Как

удивительно порой судьба подстраивает встречи, не находишь?

Найт поймал себя на том, что неотрывно смотрит на его жирно накрашенные губы. Они остановились и медленно растянулись в улыбке. Мелькнуло полузабытое воспоминание о блаженстве, которое эти губы дарили. Найт вскинул глаза. Блисаргон усмехнулся и поцеловал его в щёку.

— Иди, малыш, иди. С твоим Дэлом всё будет хорошо, я тебе обещаю.

Найт кинулся к лифту, оттирая ладонью помаду со щеки. Блисаргон проводил его взглядом и прошагал к диванчику неподалёку от дверей палаты. Уселся на него, вальяжно закинув ногу на ногу, и задумчиво закурил.

Глава 33

Неделю Найт не находил себе места. Он боялся снова идти в госпиталь, потому что вполне мог застать там пустой саркофаг.

Как правило, впавшему в кому киборгу дают шанс. Если за полгода он не приходит в себя, его эвтанируют. Мастер имеет на то полное право. Киборги принадлежат ему почти так же, как оружие и техника. Неспроста же господин Шакс наведался тогда в палату Дэла. Он должен лично подтвердить решение об эвтаназии.

Найт старался забыться тренировками, но не мог избавиться от мысли, что видел Дэла в последний раз. Он очень хотел, чтобы произошло какое-нибудь чудо: либо Мастер дал своему верному воину ещё пару дней, либо Дэл вышел из комы. Хотелось верить и этому странному типу, Баркью. Что-то в его тоне заставляло ему верить.

«С твоим Дэлом всё будет хорошо». Всё будет хорошо, всё будет хорошо…

Найт сел на постели. В узкие стрельчатые окна общей спальни сочился неоновый свет ночного мегаполиса. Одевшись, молодой киборг осторожно вышел.

Он бродил по крытым мостам, безучастно смотрел на город и не следил за временем. Может быть, прошёл час, а быть может, полночи. Такие колоссы, как Нидрэд и прочие города с населением свыше десяти миллионов, никогда не спят. По артериям дорог носятся машины и муверы, в воздухе с каждым годом всё больше появляется новомодных флайеров, стены небоскрёбов украшены громадными плазменными экранами, на которых никогда не прекращается поток рекламы, иногда медленно плывут платформы с рекламными панелями. Люди, обитающие на средних уровнях, пытаются жить в соответствии с идеалами, демонстрируемыми на этих панелях. Чаще всего тщетно. Обитатели более низких уровней заняты насущными вопросами выживания и лишь изредка задирают головы, чтобы тоскливо проводить взглядом яркие кусочки чужой, невероятной жизни. Те, кто живёт на вершине города, почти никогда не покидают своих комфортных защищённых домов, соединённых с сооружениями инфраструктуры закрытыми переходами, мостами и тоннелями. И все эти люди похожи на цветы в саду Мастера Ирона: когда приходит пора засыпать одним, другие только-только пробуждаются.

Найт перебрался за ограждение громадной лоджии и уселся на широком парапете, обхватив одну ногу руками, а вторую

спокойно свесив вниз. Холодно. Декабрь начинался бесснежно, но температура была вполне зимней. Найт плотнее запахнул плащ и вздохнул. Он ощущал покой и свободу. Под его ногами — сотни метров пустоты, над головой — расчерченное линиями мостов сизое небо.

Его будто обнимало неоновое марево, наполненное мириадами разноцветных звёзд. Жаль только, настоящих звёзд не видно.

Найт вернулся в казарму перед побудкой. Многие уже встали и, будто зомби, тащились в душевую. Шусс, что удивительно, уже успел привести себя в порядок и выглядел вполне бодрым, хотя лёг вчера довольно поздно. В последнее время он спал всё меньше. Вероятно, сказывались последствия травмы.

— Ты чего это лунатизмом страдаешь? — спросил он Найта.

Тот вздохнул, потерев лицо.

— Не спится.

— Из-за него волнуешься? — Шусс кивнул и с искренним сочувствием потрепал друга по плечу. — Не волнуйся. Ребята из его казармы говорят, что он вышел из комы. Неделю назад. Ну, в тот день, когда ты его в последний раз навещал.

Сонливость Найта как рукой сняло. Он широко улыбнулся и просиял.

— Говорят, нормально всё, вроде бы последствий нет. Хотя будет дальше понятно, — продолжал Шусс. — Вчера вот даже на задание отправился твой Дэл. Называется, не успел к жизни вернуться, уже опять хочет с ней расстаться.

— А что за задание? — буркнул Найт, стремительно мрачнея.

— Да где-то в жуткой глухомани. Знаешь эти автономные города за границей Империи? Там когда-то Китай находился. Ну вот, в одном из городишек неподалёку от пустыни Гоби творится нечто очень серьёзное не только для Нидрэда, но и для всей Империи. Конечно, подробностей я не знаю. Эти-то сведения удалось насобирать с миру по нитке, там услышал, тут спросил.

— Почему же таким серьёзным делом не занялись киборги из столицы? Почему туда, в конце концов, не послали хорошо вооружённый карательный отряд? — хмурился Найт.

— Откуда мне знать? Может быть, и посылали, да что-то сорвалось. Мастер Шакс очень дружен с Принцем Империи, вызвался посильно помочь правящей семье.

— Но почему Дэла послали одного?! — взмахнув руками, воскликнул Найт довольно громко, на него даже оглянулось несколько соседей по общей спальне.

— Не беспокойся. Он лучший киборг Мастера. Он справится.

— Чёрт, Дэл не должен был уезжать один! Почему не

снарядили группу?! — кипятился Найт, не обращая внимания на доводы Шусса, казавшиеся неубедительными.

— Слушай, мы всего не знаем. Думаю, если Мастер не приказал эвтанировать Дэла после более чем полугодовой комы, то Дэл ему важен. Мастер не будет так просто разбрасываться хорошими воинами.

Найт рассеянно кивнул и стал собираться на тренировку. Однако сразу же после неё отправился к координаторам с твёрдым намерением убедить их отправить его на поиски Дэла.

Получив отказ, Найт не успокоился, пока не собрал сколько было возможно информации о том, что творилось в Баотоу. Удалось выяснить, что на стороне преступников оказались воины из состава внешней киберармии Бета. А Бета, как и киборги Альфа, могли справиться практически с любым противником. Это уже попахивало переворотом…

Что ж, тогда резонно, что Дэл отправился без поддержки: там, где не пройдёт армия, один лазутчик прошмыгнёт легко. Армия же наверняка спровоцирует нелегалов на открытое сопротивление. А уж сил-то у них точно хватит!

Едва познав, что неугомонный новичок собирает информацию о секретной операции под кодовым названием «Демиург химер», координаторы настоятельно порекомендовали ему самовольно не предпринимать действий, которые могут повлечь за собой провал Дэла. И только это заставило Найта отступиться от затеи. Он никогда не простил бы себе, если бы по неосторожности подставил друга.

Оставалось только ждать.

* * *

Найт изнурял себя тренировками, брался за любые, даже самые мелкие задания, только бы как-то отвлечься от своих мыслей и тревоги. Но время ползло слишком медленно. А в голову настойчиво ползли мрачные мысли.

Конец всему наступил резко и совершенно неожиданно.

В ничем не примечательное серое утро Найт проснулся и, хорошенько потянувшись, встал. Сначала не заметил, а потом застыл на месте. Ему показалось, что весь мир сжался до стеклянного шара на тумбочке рядом с его кроватью. Маленькая балерина протягивала к нему руки, а вокруг неё кружились серебристые искры.

Найт коротко хохотнул и как был — босиком, в одних трусах — рванулся бегом из спальни в соседнюю казарму, порядком

напугав тех соратников, что уже проснулись и собирались на тренировку.

Дэл спал, разметавшись на своей кровати, и изредка тихонько всхрапывал. С того момента, как Найт видел его в последний раз, он изменился. Теперь его волосы были серебристо-белыми, сбритыми не только с висков, но и с центра головы. Остались две пряди по бокам, которые можно было, к примеру, поставить гелем как рога — в последнее время это модно. Из-за этой непривычной причёски Дэл качался незнакомым. Найт как будто заново узнавал его — чужого, далёкого.

Впрочем, он разглядывал своего любимого всего мгновение, а потом стиснул в объятиях. Дэл мгновенно проснулся и ловко выкрутился, отпихнув Найта. Тот со всего маху плюхнулся на задницу. Дэл сел на кровати, осоловело хлопая глазами.

— Мыш, ты, что ли? Чего кидаешься, чёрт бешеный?

Потом он усмехнулся. Найт радостно рассмеялся, снова кинулся к нему и обнял. Проснувшиеся соседи Дэла поглядывали на странную сцену искоса, кто-то посмеивался, кто-то качал головой.

— Ну ты псих, а! — Дэл похлопал Найта по широкой спине. — А если б я тебе шею свернул? Ты смотри! Я, когда сплю, сперва делаю, потом думаю.

— Ты живой, живой! — шептал Найт, крепко стискивая жёсткий смуглый торс.

— Эй, приятель, полегче! — Дэл оглядывался по сторонам с растерянной кривой ухмылкой на лице.

Кто-то прыснул со смеху:

— Ребята, нам выйти?

— Ага. И иди прямиком в задницу! — огрызнулся на шутника Дэл.

Кое-как отцепив от себя Найта, Дэл сжал его плечи и легонько встряхнул.

— Ну чего ты, Мыш? Всё хорошо. Видишь, я живой и невредимый. Даже шарик твой не потерял. Ты его забыл у меня в палате.

— Нет, я не забыл, — покачал головой Найт. — Это был подарок тебе.

— Да что мне делать с таким подарком? — Дэл почесал в затылке.

Найт пожал плечом, смущённо улыбаясь.

— Ну хорошо, пусть пока мой подарок побудет у тебя, лады? — сказал Дэл. — У тебя он будет в большей сохранности. Штука-то редкая.

— Редкая. Как ты, — Найт смотрел на него во все глаза,

забыв о том, что сидит в чужой казарме на чужой кровати в одних трусах.

— Ну… — Дэл встал. — Ты иди лучше. Увидимся на тренировке.

Найт кивнул и встал. Вдруг Дэл сказал:

— Давай Новый год вместе отпразднуем, а? В «Паноптикуме»! Со всей компашкой. И вашей, и нашей. Посидим, выпьем, я тебе расскажу, как меня по пустыням помотало. Познакомлю с Диджем, ну, координатором моим. Может, он и тебя координировать согласится.

Найт посмотрел на него и заторможено кивнул, всё так же улыбаясь. Говорят, когда у двух киборгов один координатор — они друг другу всё равно что братья. Затем он ещё раз обнял Дэла на прощание и вернулся в свою казарму.

* * *

Время, словно компенсируя свою недавнюю медлительность, разогналось как локомотив и помчалось вперёд. До Нового года, казалось, пролетела лишь пара дней. Шусс вынужден был отказаться от приглашения, как и многие парни из их казармы: «Паноптикум» — это удовольствие очень дорогое, особенно в новогоднюю ночь. Найту пришлось идти одному. Но в одиночестве быть не пришлось: Дэл сразу же познакомил его со своими друзьями.

Дидж оказался бритым налысо очень серьёзным парнем примерно одного с Дэлом возраста, в несколько старомодных очках. Сперва он общался немного натянуто, но после пары крепких коктейлей и выкуренных наркотических «спиц» он расслабился и занимал Найта разговорами в то время, как Дэл отжигал на танцполе. В основном он рассказывал о похождениях Дэла в Баотоу, о которых тот сам счёл нужным поведать.

Найт слушал с искренним интересом и вниманием. Он был рад оказаться настолько близко с Дэлом — на том же расстоянии, что и его личный координатор. Всё происходящее казалось ему ярким неоновым калейдоскопом. Всё сверкало, переливалось, дышало радостью жизни. Не верилось, что Дэл или он сам могут погибнуть в любой момент на любом задании. Сейчас смерти как будто не существовало.

Дэл весь вечер не снимал ядовито-оранжевых зеркальных очков, за которыми невозможно было разглядеть его глаз, Найту эти очки ужасно не нравились, и он постоянно порывался их снять, но Дэл стойко отбивался.

Они пили, дурачились, танцевали, охотно отвечая на настойчивые знаки внимания Блисаргоновых «девочек». Киборг не пьянеет, если приложит определённое волевое усилие, но Найт хотел быть пьяным. Он хохотал, таскал Дэла на руках, тискал притворно пищащих сучек, лучших в этом городе, а вокруг кружилось, кружилось малиново-зелёное и сверкающее, как драконья чешуя, самое изысканное в городе царство порока.

* * *

Пробуждение было столь же ужасным, сколь прекрасным был прошедший вечер.

Найт совершенно не помнил, как добрался до своей кровати и что творил вчера.

Когда он, прилагая титанические усилия, отлепил лицо от подушки, солнце уже светило во всю, удивительно ярко для зимы.

Кое-как поднявшись, Найт почувствовал, будто его мозг всколыхнулся студнем и пару раз шлёпнулся о стенки черепа. Во рту стоял мерзкий привкус, и вообще ощущения в целом были совершенно безрадостными.

— С Новым годом, алкоголик! — послышался радостный и бодрый голос Шусса.

Найт поморщился и очень медленно сел на кровати. Шусс сидел напротив и протягивал ему запотевший стакан с минералкой, в которой шипела почти растворившаяся таблетка.

— М-да… Похмельный альбинос — это жуткое зрелище, — покачал головой он.

Найт простонал и попытался уползти под подушку, но Шусс вручил ему стакан и заставил выпить. Найта едва не стошнило, но препарат подействовал мгновенно, и молодой киборг быстро пришёл в себя.

— Ну, рассказывай, как вчера нарушал моральные устои, — сказал Шусс, закидывая ногу на ногу. Лицо его было почти серьёзным, как и тон голоса, но в серых глазах искрилось лукавство.

— Ничего не помню, — виновато пробормотал Найт. — Жаль, что тебя с нами не было, ты бы мне сейчас всё рассказал в подробностях.

— Ну должен же я был дать тебе возможность побыть наедине с Дэлом.

Найт вскинул лицо. Шусс мягко улыбнулся. Потом похлопал друга по плечу и встал.

— Ну, пошли. А то Челюсть расстроится. Представляешь,

какой он после вчерашнего?

— Да уж, — пробурчал Найт. — Тут не Академия с новогодними каникулами, не отоспишься…

Глава 34

После того как Дэл расправился с учёным по имени Фабиан Мигофф и доктором Цвеном Моргеном, которые начали нелегально создавать так называемых суперхимер, в Империи на некоторое время наступили спокойные дни. Редко выдавалось такое благословенное время в огромной стране, которая ещё не прочно стояла на ногах, балансируя между оголтелым тоталитаризмом и пережитками законов Эуро. Канцлер правил жёстко, но зато наступил порядок. Даже республиканцы не высовывались из нор. Поговаривали, это всё благодаря новому главному роботронику Империи, по слухам, происходившему родом из Крио. Он предоставил в распоряжение Канцлера такие технологии, каких не видел свет. Чего стоит одна знаменитая Ночь Стальных Пауков, как прозвали её республиканские повстанцы. В Сети некоторое время даже курсировали видеоролики, снятые редкими свидетелями. Потом ролики чудесным образом пропали даже из памяти персональных компьютеров обычных пользователей. Наверняка не обошлось без вмешательства хакеров, приписанных к Тайной полиции. Впрочем, немудрено: на видео были запечатлены поистине невероятные существа, которых не стоило видеть народным массам.

Конечно, в Империи существовали роботы, но по своему уровню они не дотягивали до творений главного роботроника и использовались главным образом на автоматизированных заводах. Найт когда-то видел эти ролики и уже тогда восхитился талантом неведомого изобретателя. Он, словно Бог, создал новую форму жизни — или нежизни.

Как бы то ни было, крупных неприятностей пока не происходило ни в одном городе. Разве что не так давно при странных обстоятельствах погиб Мастер Жиштав, хозяин Келамы, человек, очень близкий к правящей семье. Власть то ли принял по наследству, то ли захватил его дальний родственник, и об инциденте довольно быстро забыли.

Однако новый хозяин уволил практически всех киборгов предыдущего, и они, вынужденные принимать вместо инъекций Топливо, расползлись по всей Империи, став настоящей головной болью стражей порядка.

Мастер Шакс в основном боролся с расплодившимися нелегальными торговцами органами. Впрочем, банды келамовских киборгов тоже изредка досаждали ему.

В ликвидации одной из таких группировок Найт успел

принять участие вместе с Дэлом.

* * *

По наводкам координаторов бывшие солдаты Жиштава обосновались на нижних уровнях мегаполиса. Они организовали лабораторию по производству Топлива и «забывали» поделиться прибылью с хозяином города, а иногда даже торговали этим довольно дорогостоящим снадобьем в обход официальной системы. Немалые суммы циркулировали по так называемым «теневым» кредиткам, которые были в ходу среди маргиналов и нелегалов всех мастей. Настоящее «второе дно» внешне устойчивой экономики.

Прокололась банда весьма глупо: из-за каких-то внутренних разногласий попыталась избавиться от одного из своих боевиков, вышвырнув его, израненного, неподалёку от шлюзов города, где его и подобрал сердобольный старичок, владелец аптечной лавки и по совместительству осведомитель. За киборгом установилась слежка, и когда он нашёл вероломных товарищей, чтобы воздать им по заслугам, то привёл на хвосте и группу карателей.

Бывшие солдаты Мастера Жиштава выбрали для своего жилища, а заодно лаборатории, недостроенную и заброшенную часть канализационных катакомб. Здесь не было камер, и микрорации практически не ловили волн. Опытные городские воины сделали очень грамотный выбор.

Киборги Мастера Шакса вынуждены были действовать вслепую. Всё, что им удалось, — это раздобыть архивные чертежи и частично просканировать катакомбы эхолокационными приборами.

Противник был проницателен и прекрасно осведомлён о возможной схеме действий киберотряда зачистки.

Едва ворвавшись в катакомбы, солдаты Шакса столкнулись с яростным сопротивлением, как будто их уже ждали. В узких коридорах с низкими потолками погас свет, но в нём не было необходимости: на это задание отправили самых лучших воинов, у которых уже были установлены сложные визоры с инфракрасным и ночным зрением.

Найт действовал исключительно по инструкции, как положено в подобных условиях. Он был безупречен, как отлаженный механизм. Один его выстрел отнимал одну жизнь. Он видел лишь силуэты, переливающиеся оранжевым, жёлтым и красным, а не живых людей.

По чётко отработанной схеме часть отряда прорывала

оборону противника, затем другая часть проходила вперёд, стреляя во всех, кто сопротивлялся, и уже сама удерживала позиции, пока не подходили на подмогу остальные члены отряда. Те, кто двигался в середине группы, успевали бегло заглянуть в чёрные провалы боковых ходов, освещая их мощными прожекторами, вмонтированными в шлемы.

Келамовцы прекрасно знали все возможные схемы атаки, но всё равно отступали, поливая противников огнём и проклятиями. Разбитые застарелой наркоманией, они не могли соперничать с крепкими, молодыми солдатами Шакса.

Пленных не брали, раненых добивали. Тех, кто бежал, преследовали и уничтожали. Впрочем, бежали немногие…

База нелегалов оказалась зачищена менее чем за час. Со стороны солдат Шакса — только двое легкораненых.

Тела погибших киборгов выволокли на улицу, сложили рядком. Уничтожать трупы не очень экономно. Далеко не дешёвые имплантаты можно вырезать, обнулить генетические настройки и предоставить их в хранилище Мастера. И как знать, может быть, позже купить что-нибудь полезное с отличной скидкой.

Найт не подходил к этой «линейке смерти», он поглядывал на частокол подошв с настороженностью и едва осознаваемым мистическим трепетом. Мёртвые собратья одновременно пугали его и казались совершенно нереальными, ненастоящими, почти игрушечными. Подумать только, ведь в телах многих из них застряли именно его пули…

Вдруг он встрепенулся, заметив боковым зрением какое-то движение в глубине коридора, и бросился туда, на ходу надевая шлем. Но забыл включить прожектор.

Беглец тяжело дышал. Инфракрасным зрением было заметно некоторое понижение температуры в его боку и руке, на которых цвели маленькие, но яркие, хорошо заметные точки — там температура выше. Значит, туда попали пули. На полу быстро тускнели такие же яркие пятна остывающей крови. Противник вполне может заманивать в ловушку, но Найт всё равно не отставал.

Келамовец налетел на дверь в конце коридора, та заскрипела и поддалась. Он вдруг бросился на пол, прокатился вперёд и чуть вбок. И Найт почти инстинктивно последовал его примеру. В то же мгновение мерно загрохотал артиллерийский пулемёт на крутящейся платформе, и крупнокалиберные пули выбили каменную крошку из стены над головой Найта. Молодой киборг вскочил на ноги через пару перекатов и, развернувшись на звуки выстрелов, открыл огонь из дикрайзера.

Сидевший на платформе киборг коротко вскрикнул и вылетел с сидения. Найт не расслабился. Ускользнувший беглец где-то здесь. Не мог же он в пару секунд оказаться за пулемётом! Значит, противников двое.

Красно-жёлтый силуэт мелькнул совсем рядом, Найт развернулся, но вдруг оружие вылетело из его рук от мощного удара. В следующий миг в горло впились жёсткие пальцы. Два киборга, рыча, покатились по полу. Кое-как Найт оттолкнул противника и приготовился к новой атаке.

Пискнуло несколько выстрелов, и келамовец рухнул. Найт удивлённо поднял глаза.

К нему трусцой приблизился один из их группы. Судя по идентификационной картинке, которая высветилась на внутренней стороне забрала, — Дэл. Он скинул шлем и опустил дикрайзер.

— Ты в порядке?

Найт коротко кивнул:

— Да… Спасибо…

— Не за что, — холодно ответил Дэл и шагнул к раненому врагу.

Тот яростно хрипел:

— Проклятый Ковальски… он, всё он, сволочь… из-за него… надо было его грохнуть… скотина…

Коротко пискнул выстрел, и хриплое рычание оборвалось.

Затем Дэл прошагал к пулемёту и выстрелил в голову второму противнику. Контрольный.

После этого они с Найтом, согласно инструкции, вытащили оба тела на улицу. И вдруг Найт вскрикнул и отшатнулся. Безупречная боевая машина во мгновение ока превратилась в растерянного курсанта Академии.

Он узнал их.

Невысокий смуглый брюнет и смазливый, томный парень, мало похожий на киборга. Залитые кровью, осунувшиеся лица, измождённые Топливной зависимостью, но всё ещё легко узнаваемые, пусть и прошло столько времени. Пулемётчиком был Янек Птукльковски, а его товарищем — Тадэуш Мазур.

— Тод… Это же Тод, — сипло шептал Найт, не в силах оторваться от мёртвого, застывшего взгляда. — Господи, Дэл, ты же убил Тода!

Дэл стоял над телом, мрачный и молчаливый. Потом пробормотал:

— Чёрт. Правда, он. Изменился, конечно, за пять лет…

— Ты что, не понимаешь?! — Найт налетел на него и схватил за ворот, остальные киборги из группы зачистки замерли в

недоумении. — Вы же дружили, чёрт побери! А Янек… Я с ним практику проходил, отличный парень… Ты их убил!

— И ты тоже! — Дэл отшвырнул от себя его руки и с силой пихнул в грудь. — Я что, знал, мать твою?! Я что, видел, в кого именно стреляю?! Это у тебя навороченные визоры, а не у меня! Это ты мог увидеть их лица, а не просто тепловые силуэты! В конце концов, мог бы и прожектором подсветить. Ты не меньше меня виноват! А то и больше!

Найт тяжело дышал и ничего не отвечал, раздавленный его словами.

— Ты не в тире, понял? Вот, — Дэл ткнул пальцем в сторону Тода и Янека, — вот настоящая смерть, а не безликие фигурки, которые падают где-то там далеко, за пару сотен шагов!

Найт всё молчал.

Дэл поправил ворот и буркнул:

— Задание выполнено.

Он отошёл и размашисто зашагал к своему байку. Найт крикнул сорвавшимся голосом:

— Что, теперь Тод тебе посторонний?! Просто нелегал, который подлежит уничтожению?!

— Да, посторонний! — рявкнул Дэл, не глядя на него. — Прошло до хрена времени, многое изменилось.

— А тебе вроде как и не впервой убивать бывших друзей. Тран, Виктор Шталь…

— Сука! — взвыл Дэл совершенно не своим голосом и кинулся на Найта.

Соратники бросились разнимать. Дэл дрался так яростно, будто бы перед ним был не давний приятель, а очередной безликий нелегал. У него были стеклянные глаза. Он собирался убить. Кое-как капитану группы Айнекену Айсу удалось его вырубить. Затем он схватил Найта за шкирку и уволок подальше. Прижав его спиной к стене, капитан сорвал с Найта шлем, несколько раз наотмашь ударил парня по щекам, потом приблизил губы к его уху и быстро зашептал:

— Слушай меня внимательно, пацан. Никогда, слышишь, никогда, мать твою, не говори о Викторе Штале с Дэлом! Особенно об обстоятельствах его смерти! Ты понял?!

Найт медленно кивнул. Айс отпустил его и буркнул:

— Я не знаю, какая хрень случилось после того, как этот псих вышел из комы, но у него просто крышу рвёт каждый раз, едва кто-то хоть намекнёт на это давнее дело… У него точно мозги набекрень повернулись. Ведёт себя так, будто был со Шталем едва знаком, а если вот так прямо сказать, он выпадает из реальности. Вот увидишь, когда Дэл очнётся, он не будет помнить ни единого

твоего слова про Шталя. И не будет помнить ничего о том, как напал на тебя. В следующий раз он тебя замочит, глазом не моргнув. А на утро спросит, куда ты делся.

— Что с ним? — прошептал Найт плохо слушающимися губами.

— Не знаю и знать не хочу, — Айс отошёл на шаг. — Но слова мои запомни, если тебе дорога твоя задница. А пацанов этих келамовских… ну, ваших бывших дружков, лучше забудь. Так проще. Дэл прав, многое меняется. Кто знает, где ты будешь через год, где он будет, где все мы будем… Может, вы и с ним успеете стать врагами.

— Никогда… никогда… — Найт яростно замотал головой.

— Ладно, пошли, — Айс устало вздохнул. — В казарму придёшь, накурись хорошенечко. А лучше сходи в госпиталь и попроси вколоть тебе сильное успокоительное. Пффф. И куда ты сунулся с такой тонкой душевной организацией! Киборг, а! Хе…

Сплюнув, капитан развернулся и зашагал к своим солдатам. Найт подобрал шлем и двинулся за Айсом на негнущихся ногах. Его всего трясло, в голове метался вихрь смутных чувств и мыслей.

Тела погибших уже закрыли чёрным брезентом подоспевшие работники лабораторий, многих уже загрузили в фургон. Найт был бесконечно благодарен этим людям в обезличивающих респираторах. Они хоть немного избавили его прошлого.

* * *

Несколько ночей подряд он видел во сне то Янека, то Тадеуша. Они почему-то не ругали его и не нападали. Чаще всего они беззаботно смеялись или же просто смотрели ему в глаза. Найт просыпался с настойчиво зудящим в голове вопросом, но каким именно — вспомнить не мог. Каждый раз после таких снов было тяжело и тоскливо. Он курил и смотрел на ночной город с площадки в конце коридора, где когда-то впервые попросил сигарету у Шусса.

Однажды Шусс застал его здесь.

— Не спишь?

Найт вздрогнул, но сразу же успокоился и помотал головой. Шусс попросил огоньку. Несколько минут они курили молча.

— Знаешь, — нарушил молчание Шусс, — мне в детстве, ну, до Академии, отец рассказал одну сказку. Жил да был давным-давно, ещё до начала доядерной эпохи, один царь. В юности ему подарили колечко. Сказали, как будет тебе хреново, ты прочитай,

что на нём написано. И вот однажды у него начались в стране какие-то серьёзные проблемы. Он посмотрел на своё кольцо и прочитал: «Всё проходит».

— И что, прошло? — проговорил Найт.

— Надо думать, прошло, — усмехнулся Шусс.

Потом он обнял Найта, и тот положил подбородок ему на макушку, обняв в ответ. Они стояли так несколько минут. Потом Шусс отошёл и сказал:

— Пошли спать. На тренировку завтра.

Найт кивнул, раздавил окурок в пепельнице и послушно зашагал за своим другом.

После этой ночи Янек и Тод постепенно перестали приходить и вскоре вернулись в прошлое, откуда и пришли, превратившись в смутные, едва различимые тени.

Глава 35

Осень 328 года начиналась дождями и постоянной хмарью, в которой дрожали и плыли неоновые огни. Найту исполнилось двадцать пять лет. Он решил не отмечать эту дату в «Паноптикуме», хотя имел достаточно кредит-единиц на счёте. Это место напоминало ему о встрече Дэла и Виктора Шталя и о том, что из этой встречи получилось. Довольно популярный среди киборгов клуб «Фобия» не нравился Найту потому, что там постоянно случались драки, перестрелки, было шумно и слишком много секса по всем углам.

Найт не хотел отмечать такую красивую дату — четверть столетия — в подобном месте и выбрал небольшую тихую кофейню, куда позвал только самых близких друзей: Шусса и Дэла, — не возражая, впрочем, если они приведут с собой кого-то ещё. Насчёт Дэла стоило поволноваться: он склонен был окружать себя свитой малознакомых, но исключительно шумных и агрессивных типов, безоговорочно признававших в нём лидера. Подобная компания оказалась бы смертельным приговором для кофейни. Потому Найт очень надеялся, что друзья Дэла захотят потусить этим вечером в каком-нибудь другом, менее приличном заведении.

Шусс позвонил недавно, сказал, что застрял в пробке. Друзья Дэла не пришли. Впрочем, сам Дэл — тоже.

Найт сидел на высоком барном стуле (преспокойно доставая до пола ногами) и с грустной задумчивостью смотрел на струйки дождя, бегущие по витражному стеклу окна. На полу лежали тусклые цветные пятна, и казалось, будто по ним скользят тёмные змейки. В этот час посетителей было немного, они негромко переговаривались и изредка поглядывали на громадного альбиноса, одиноко понурившегося у стойки. Многие нервничали, разглядев на его нижней губе знак киборгов.

Бармен, подтянутый мужчина лет сорока, прервал своё занятие — он протирал стаканы — и негромко спросил:

— Что у тебя случилось, сынок?

Найт встрепенулся. Обычно бармены не очень-то стремятся приставать к киборгам с ненужными расспросами, рискуя получить в ответ грубое слово, а то и пулю. Но тон этого мужчины был очень спокойным и располагающим.

— У меня случился день рождения, — усмехнулся уголком рта Найт.

— О! — бармен широко улыбнулся. — Так это же повод как следует повеселиться! Правда, моё заведение вряд ли подходит

для веселья киборгов…

— Именно поэтому я здесь. Зачем устраивать все эти дикие пьянки, оргии, драки? Разве нельзя просто посидеть с друзьями… — Найт осёкся. Он сидел тут один.

— Если бы у тебя не было полоски, я решил бы, что ты просто турист из столицы, — сказал бармен. — Пожалуй, таких киборгов, как ты, я не встречал. Но мне кажется очень знакомым твоё лицо. Кажется, ты…

«Да-да, Танцующий Альбинос», — невесело подумал Найт.

— … один из лучших солдат Мастера Шакса. Найт Ирон, если не ошибаюсь?

— Да… — кивнул Найт, невероятно польщённый, что его наконец-то назвали солдатом, а не «Танцующим Альбиносом». — Но откуда вы меня знаете?

— Не удивляйся. Я просто иногда брожу по разным рейтинговым спискам в Сети. Ты несколько недель уже на самых верхних строчках. Правда, тебя постоянно опережает такой, в оранжевых очках, как его… Мёртвая Голова.

— Делейт Лебэн.

— Кажется так, да. Ну что ж, раз мою кофейню почтил своим присутствием один из самых лучших защитников нашего Мастера и нашего города, да ещё в такой день, то за счёт заведения!

Он устроил для Найта маленькое представление: продемонстрировав профессиональнейший флейринг, смешал красивый коктейль с густой ярко-красной пеной, воткнул в неё тонкий фитилёк и поджёг. Вспыхнул голубовато-зелёный огонёк. Найт даже поаплодировал и улыбнулся.

— С днём рождения! — бармен пододвинул Найту коктейль, воткнув рядом с догорающим фитильком трубочку. — И улыбайся почаще. У тебя замечательная улыбка. У вас у многих улыбки замечательные. Только вы об этом предпочитаете забыть.

Зашуршали створки двери, и в кофейню вбежал Шусс. С него ручьями стекала дождевая вода, короткий ирокез русых волос прилип ко лбу и потемнел. Шусс быстро отыскал глазами Найта и кинулся к нему.

— С днём рождения! — он стиснул друга в объятиях, а потом вручил небольшую пластиковую коробочку, обтянутую подарочной плёнкой, которая переливалась всеми цветами радуги. — Это тебе.

Найт с интересом счистил плёнку, открыл коробочку и ахнул:

— О! Последняя модель голографического генератора! Чёрт, стоит же немерено!

— Никогда не экономь на оружии, защите и на том, что доставляет тебе удовольствие, — Шусс был весьма доволен собой,

видя, как глаза Найта засветились от совершенно искренней благодарности и радости. — Ты извини, я пару раз видел, как ты что-то там химичишь. Не подсматривал! Просто видел… И мне кажется, на этом генераторе работать тебе будет приятнее, быстрее и удобнее.

— Спасибо, — Найт крепко обнял друга. Потом повернулся к бармену.

— Можно, пожалуйста, ещё такой же коктейль? Но на сей раз за мой счёт.

— Полцены, — бармен подмигнул парням. — В такой день, такому другу.

— Я думал, ты не придёшь, — говорил Найт Шуссу, когда они переместились за столик поближе к вертикальному обогревательному столбу в углу зала.

— Думал, что я так отмазался, мол, в пробку угодил? — усмехнулся Шусс. — Нет, на самом деле угодил. Ну встали и стоят, сволочи. И главное, объехать даже на байке — никак, сплошные стены кругом, ни одного поворота. Уф, думал, ты меня не дождёшься.

— Но ты приехал. А вот Дэл, — Найт отвернулся и сразу же погрустнел.

Шусс протянул руку и сжал плечо друга.

— Не обижайся. Он просто на задании, а тебе не сказал, потому что думал, управится быстро. Да, как видно, что-то его задержало.

— На задании? — Найт вытянулся в струнку. — Какое задание? Где?

— На сей раз в городе, где-то на нижних уровнях. Ещё один Притон нелегалы открыли, органами торгуют и Топливом. Мастер приказал ликвидировать.

— Опасное задание, — Найт заволновался. — Чёрт… а я тут сижу… Почему ты мне сразу не сказал?

— Не хотел портить праздник, — Шусс нахмурился. — Слушай, для Дэла нет слишком сложных заданий. Он у нас теперь номер один, звезда всех чартов, Мёртвая Голова, гроза нелегалов, мать его… Постреляет немного и притащится. Ещё и дружков своих притащит отмечать. Причём, скорее, свой очередной успех, а не твой день рождения. Если честно, я бы хотел, чтобы он притащился куда-нибудь в другое место, а про тебя забыл.

Найт поднял глаза на Шусса. Тот не смотрел на него, сжав зубами сигарету и яростно чиркая зажигалкой. Потом он затянулся и проговорил едва слышно:

— А ещё больше я хотел бы, чтобы *ты* забыл про него.

Найт протянул руку через стол и крепко сжал ладонь Шусса.

Тот быстро глянул на него и буркнул:

— Прости. Не моё дело, конечно.

— Это ты меня прости… А давай сгоняем куда-нибудь, а? Ты же на байке?

— Дороги мокрые, — улыбнулся Шусс. — Да и дождь ещё…

— Ну тогда давай просто погуляем под дождём!

Найт потащил Шусса из-за стола, тот едва успел затушить сигарету в пепельнице.

Снаружи лило как из ведра. В чёрном асфальте дрожал отражённый разноцветный неон. Вокруг цвели мириады огней. Воздух дышал молодой осенью. Найт запрокинул голову, подставив лицо дождю. Медики не рекомендуют так делать. Есть риск онкологических заболеваний кожи. Особенно опасно это делать альбиносам, кожа которых особенно чувствительна.

Но он улыбался, хохотал, пил дождь, дышал его запахом, кружился. Ему было хорошо наедине с собой, с темнотой под закрытыми веками, в том мире, который существует на самом деле. Потом Найт вспомнил несколько движений своего «зимнего» танца и танцевал под дождём в полном одиночестве, в огромном не спящем городе. В этом городе где-то далеко живёт самый любимый на свете человек, который никого не пускает в свою жизнь и не желает входить ни в чью чужую.

— Найт, перестань! — Шусс неожиданно схватил его за локти и встряхнул, заставляя очнуться. — Перестань, слышишь? Плюнь на него. Посмотри на меня! Да посмотри же!

Последнюю фразу он властно рявкнул, сжав ладонями скулы Найта. Тот замер и уставился в глаза Шуссу. Найт легко мог оттолкнуть приятеля, но покорно склонил голову, когда рука Шусса надавила ему на затылок. Шусс чуть привстал на цыпочки и поцеловал эту безропотную белую громаду, способную опрокинуть его лёгким шлепком.

Найт опешил от неожиданности и замер. Вихрем по телу пронеслись две волны: ощетинившееся шипами агрессии напряжение и сразу же — тёплая, мягкая слабость. Он выше всех, кого знает, почти на голову, и вдруг ощутить себя маленьким, беспомощным, слабым было каким-то волшебством. Точно ему снова двенадцать лет. Беззаботное, золотое время. Не без трудностей, конечно, но какими же они, оказывается, были смешными, эти трудности…

Найт прикрыл глаза и позволил Шуссу чуть осмелеть, а сам полностью расслабился. Хотелось как можно дольше оставаться маленьким мальчиком, к которому ещё можно испытывать нежность.

Редкие прохожие шарахались прочь от целующихся под

дождём киборгов, перебегали на противоположную сторону улицы или предпочитали повернуть назад. Через большие окна кофейни на странную пару поглядывали посетители. Бармен вздохнул и, покачав головой, убрал идеально чистые стаканы на полочку.

Глава 36

Осень приближалась к середине. Дни становились всё короче, ночи всё длиннее, дожди всё холоднее и продолжительнее.

Жизнь казалась Найту мутной рекой, на берегу которой он сидел и безучастно наблюдал за событиями: тренировки, задания, стрельба, чужие смерти. Падающие где-то там далеко, за сотню шагов, безликие фигурки.

С Дэлом он практически не пересекался, изо всех сил стараясь не интересоваться его жизнью и стремительным карьерным ростом. Стараясь избавиться от навязчивого желания всё-таки обратить на себя его внимание.

Но это возможно сделать, лишь став его прямым конкурентом. Даже Айс настаивал, что Найту пора начинать карьеру ликвидатора.

— Да ты этого деревенщину порвёшь, как мутант байкерскую покрышку, пацан! — уверенным тоном говорил Лёд.

Найт сдержанно улыбался, кивал, обещал подумать. Но продолжал участвовать лишь в командных заданиях.

Он не хотел никому ничего доказывать. Даже если он станет лучшим, это не заставит Дэла полюбить его. Скорее, наоборот.

Найт остро ощущал своё одиночество, погрязнув в нём, как в трясине, и не желая выбираться.

Он ощущал себя загнанным в ловушку. Бегущим по чужой дорожке. Живущим чужой, бесцельной и бесполезной жизнью. Он никогда не думал, что станет киборгом, и до сих пор не представлял до конца, что же это такое.

Но от «железа» теперь не избавиться. Как не избавиться и от привычки отстранённо считать падающие фигурки. Найту нравилась точность.

В последнее время ему удавалось отвлечься от невесёлых мыслей лишь разговорами с господином Миккейном, с которым Найт наладил связь по Сети. У учителя всегда было мало времени, но он старался выкроить хоть минутку для любимого ученика, а тот в свою очередь старался не докучать слишком сильно. Загоняя тревогу и тоску на самое дно души, он перекидывался короткими жизнерадостными фразами, рассказывал о событиях в Нидрэде и расспрашивал о событиях в Броксе.

Каждый раз Найт с неохотой отключал линию и выходил из информационного терминала. В казарме его ждало одиночество, ненужность и тишина.

* * *

— Собирайся, — заявил как-то раз Шусс, встав перед кроватью Найта.

Тот приоткрыл глаза и пробормотал:

— Что случилось?

— Я считаю, тебе надо срочно вправлять мозги. Чёрт побери, тебе двадцать пять, а выглядишь так, будто завтра Стирателей встретишь! Где вкус жизни? У киборгов она и так слишком коротка, чтобы тратить её на всякие там депрессии! Всё, сегодня всю ночь тусим в «Паноптикуме»!

* * *

В «Паноптикуме» было многолюдно. Приехал какой-то модный столичный диджей. Вся голова его была утыкана мнемокабелями, похожими на тонкие дреды, а вокруг мерцала чувствительными жидкокристаллическими панелями дюжина минисинтезаторов. Ритмы и правда зажигали. Профессионал своего дела, диджей удивительно точно угадывал, когда следует менять бит или делать бридж, а его грувы просто физически могли управлять пульсом и внутричерепным давлением.

Но Найт не вышел на танцпол. Он сидел в чилауте, развалившись на диване, и задумчиво щёлкал переключателем спящего режима на своём дикрайзере. Солдаты Мастера имеют право в любом общественном месте появляться с оружием и чаще всего охотно пользуются этим правом.

— Держи, — Шусс плюхнулся рядом на диван и протянул другу высокий стакан с коктейлем, плавным градиентом переходящим из красного в белое.

Найт рассеянно поблагодарил и пригубил питьё.

— Ну что с тобой такое? — Шусс сжал его плечо.

— Всё нормально, — натянуто улыбнулся Найт.

— Так, — Шусс стукнул своим стаканом по прозрачной столешнице, — дай-ка догадаюсь с трёх раз… Дэл?

— Не будем об этом…

— Нет уж, давай будем! Сколько можно?! Он обитает в соседней казарме, но даже не зашёл извиниться за своё свинское поведение, когда наплевал на твоё приглашение! Он с тобой совсем не пересекается, хотя не пресечься очень сложно. Как будто специально избегает тебя. И ты тратишь своё время на мысли о нём, хотя он совершенно того не стоит!

— Я всё понимаю, Шусс. Я не думаю о нём… — Найт

отвернулся и сцепил руки в замок.

Шусс помолчал, потом крепко сжал его запястье и поволок за собой.

Миновав богато и аляписто декорированный коридор, заполненный фриками всех мастей и целующимися парочками, оба молодых киборга оказались на танцполе.

У дальней стены похожий на паука в центре фосфоресцирующей паутины диджей заводил толпу. В центре зала на нескольких тумбах извивались любители выделиться. В подвешенных под балконами клетках танцевали профессиональные стриптизёры, которые уже вряд ли могли называться особями мужского пола из-за операций, гормонотерапии и обтягивающих вызывающе-сексуальных шмоток.

Звучал новомодный ремикс на «Зиму». Найт скривился. Усилием воли отогнал желание стащить диджея с помоста и сломать ему нос.

— Гляди. Видишь вон ту, в центре? — перекрикивая грохот музыки, Шусс указал на маленький стеклопластиковый помост, подсвеченный изнутри разноцветным неоном. На помосте танцевали две весьма неплохо сработанные сучки и одна… Или один…

— Вон та? — удивился Найт. — Мне кажется, для сучки она слишком уж мужланистая. Хоть бы побрилась…

Между затянутыми в алый латекс псевдодевицами танцевал обросший парень с длинными чёрными волосами, завязанными в два хвоста. На его крепком мускулистом торсе едва не лопалась куртка из чёрного винила с искрой, а круглые ягодицы бесстыдно подчёркивались ультракороткими шортами из того же материала. Развязный костюмчик дополняли чёрные ботфорты-«пуанты» с длиннющим каблуком-спицей, из которых торчали драные чулки. Ходить в такой обуви вряд ли возможно. Она годится лишь для того, чтобы красиво возлежать на постели или просто стоять. Желательно, вцепившись в стену. Анорексичные сучки в красном вполне уверенно держались на этих каблучищах, прохаживаясь туда-сюда по сцене. Для восьмидесятикилограммового «качка» это было уже непосильной задачей, и он в основном ползал на четвереньках по сцене, сексуально прогибая спину, или же аккуратно вставал на острые носочки «пуантов», едва не ломая нефункциональные каблуки, крепко держась за пилон, и изредка раскручивался вокруг него.

Какой-то подвыпивший посетитель притащил целую бутылку шампанского и, выбив пробку, окатил парня пеной с головы до ног. Тот расхохотался и стал ловить ртом мощную струю, высунув

при этом язык.

— Да, детка, глотай всё! — улюлюкал посетитель.

Однако едва он распустил руки, как получил вполне профессиональный хук слева. Найт нахмурился, разглядев под золотыми блёстками на нижней губе брюнета чёрную полоску.

— Киборг?!

— Да, — ответил Шусс. — Такие, как он, киборги-проститутки попадаются в клубах очень редко, в основном они предпочитают зарабатывать себе на Топливо уличным промыслом. Ни один сутенёр не хочет связываться с такими опасными наркоманами. Как ты думаешь, почему же Блисаргон Баркью связался?

— И почему? — без особого интереса спросил Найт.

— Потому что его лично попросил Делейт Лебэн.

Найт резко взглянул на Шусса, тот продолжил:

— Да-да, не удивляйся. Информации стоит доверять — лично из уст его координатора Дитриха Джексона… Помнишь то задание, из-за которого Дэл не пришёл на твой день рождения? Вот оно, пляшет на сцене перед пьяными уродами. Дэл обязан был ликвидировать всех, кого встретит в том Притоне. Однако почему-то пощадил этого киборга. Видать, чем-то запал он в душу нашему непобедимому ликвидатору. Да так запал, что Дэл забыл всех своих приятелей, а тебе даже на глаза попадаться не желает. Привёз его сюда, сбагрил Баркью и бегает в гости едва ли не каждый день.

Найт неотрывно следил за брюнетом, всё сильнее сжимая челюсти. На висках проступили вены.

— Но ты не знаешь ещё одной интересной детали, — продолжил Шусс. — Я тут с другими координаторами поболтал и выяснил кое-что. Этого даже Дидж и Дэл не знают. Помнишь, мы ликвидировали банду келамовских киборгов? Ну, в которой были двое твоих старых знакомых…

— Тод успел сказать: их подставил некто Ковальски, — прохрипел Найт, двинувшись к сцене. Шусс положил руки ему на плечи и удержал.

— Этот Ковальски, звать его, кстати, Радомиром, даже не удосужился удалить у себя биочип. Весь как на ладони. В Келаме в розыске, здесь наёмник в прошлом и проститутка в настоящем. Прекрасная пара для нашего Дэла, я считаю. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты.

Найт закрыл глаза и помотал головой.

— Перестань…

Шусс обнял его:

— Слушай… Давай съедем из казармы, снимем комнату или

квартиру поблизости от Башни, вместе будем работать, у нас ведь хорошо получается в тандеме, а? Найт… Найт, я тебя три года уже люблю.

Найт отшатнулся, отрицательно качая головой.

— Ну что ещё?! — воскликнул Шусс.

— Прости меня… Я… Я не могу…

— Не можешь быть любимым? Ты что, специально выбрал Дэла, чтобы страдать? Тебе нужен кто-то совершенно неподходящий и недоступный, чтобы он невзначай не ответил взаимностью, так?! Чтобы не отвлекал от твоих голограмм и безупречной стрельбы?!

— Не в этом дело, — растерянно проговорил Найт.

— Ошибаешься, — прошипел Шусс, ткнув его в грудь пальцем. — Именно в этом. Ты не хочешь перемен. Главное для тебя — чёткое, устойчивое и неизменное функционирование без погрешностей, неожиданностей, всплесков.

— Это не так! Я хотел бы изменить многое! — крикнул Найт в ответ.

— Тогда почему же до сих пор ничего не изменил? — холодно прошипел Шусс, и Найт хорошо услышал его тихий голос в этом гаме. — Иди, возьми своего Дэла! Сделай хоть что-нибудь! Не бойся погрешностей. Человек-машина.

Он усмехнулся и, развернувшись, скрылся в толпе. Найт шагнул было за ним, но замер и оглянулся на сцену. Потом решительно прошагал к ней, раздвигая людей, схватил Радомира Ковальски за руку и рванул к себе.

— Сколько берёшь за… приватный танец?

Парень медленно растянул губы в ухмылке и сказал:

— Пятьдесят кредит-единиц.

— Договорились.

— Иди в третью кабинку, я скоро подойду.

Через минуту Найт сидел на полукруглом диванчике в маленькой комнатке, слабо освещённой малиновыми и ядовито-зелёными бра. Тихонько позванивали занавески из стеклянных бус. За плотными раздвижными дверями гулко ухала почти неразличимая музыка. Звуконепроницаемый стеклопласт. Это хорошо. Не нужно лишних свидетелей. Найт осторожно погладил рукоять дикрайзера под курткой.

Мягко прошуршали створки двери, в комнатку на секунду ворвался тяжёлый бит, а затем вошёл келамовец. Он был обут в разношенные армейские ботинки с высоким берцем, а свои фетишистские «пуанты» перекинул голенищем через плечо.

— Тебе вообще танцевать-то надо или сразу отсосать? — безразлично спросил молодой киборг.

— Сперва станцуй, — хрипло проговорил Найт, чувствуя, как челюсти сводит от омерзения.

Радомир Ковальски в общем-то обладал довольно приятными чертами, типичными для жителей Келамы, — чуть выпуклый высокий лоб, вздёрнутый нос, большие слегка раскосые глаза редкого светло-карего цвета. Гордостью этого парня по праву могла считаться грива густых чёрных волос. Кроме того, он был отличного сложения, и даже Топливная зависимость не смогла его сильно испортить. Но всё в нём внушало Найту отвращение. Проститутский наряд, накладные ресницы, золотые блёстки, которыми щедро было обсыпано всё его тело и лицо. А особенно та неловкость и неуклюжесть, с которой Радомир носил всё это. Неизвестно, сколько он сидел на Топливе, но было очевидно: за не очень-то убедительной маской развязной, безразличной к собственной участи шлюхи скрывался всё ещё не сломленный, не побеждённый воин.

От него всё ещё пахло шампанским, которым его окатил какой-то перебравший посетитель. Найта душил этот запах. Он решил, что так должна пахнуть жгучая ревность, так же не дававшая дышать.

Радомир Ковальски вздохнул, плюхнулся на диванчик напротив Найта и принялся расшнуровывать ботинки.

— Тебя бы загнать в эти колодки. Так уж прям танец тебе нужен, ага! Как будто всё сексом не закончится. Небось, ещё дополнительно съёмку оплатил? Нравится вашей столичной братии, как на ваших плечах смотрятся чужие ножки в этом пыточном орудии.

Келамовец поднял голову и обнаружил, что в его лоб упирается дуло дикрайзера.

— Я не из столицы, — холодно проговорил Найт. — И на сей раз всё закончится не сексом…

Глава 37

— Охо-хо, — Радомир Ковальски медленно откинулся на спинку дивана и закинул ногу на ногу. — А позволь узнать, чем обязан столь высокой чести?

Найт возненавидел этого чёртового келамовца за спокойствие и смелость, а себя за промедление. Но решил удовлетворить его любопытство, надеясь, что за время короткого объяснения сможет собраться с силами и выстрелить.

— Тебе должны быть знакомы некие Тадеуш Мазур и Янек Птукльковски.

— Припоминаю, но смутно, — кивнул Радомир Ковальски, скребя щетину под челюстью.

— Ты их подставил. Они погибли из-за тебя.

— А мне казалось, из-за тебя и твоих соратничков, — келамовец посмотрел прямо в глаза Найту.

— Довольно! — рявкнул тот, вскакивая.

— Ну, наконец-то, сподобился! — ухмыльнулся келамовец.

Он развёл руки в стороны и положил их на спинку дивана. И Найт понял, что этот парень жаждет смерти.

Киборги, хоть раз служившие у того или иного Мастера, уже не могли наложить на себя руки по своему усмотрению: мешала программа «Антисуицид», которую устанавливали всем киборгам в добровольно-принудительном порядке ещё при устройстве на работу. Найт тоже носил её в своём сознании. Попытка преодолеть эту программу довела Дэла до комы. Не так-то легко киборгу распоряжаться собственной жизнью.

Выстрел принесёт Радомиру Ковальски избавление от всех страданий и унизительной участи проститутки.

Но палец на спусковом крючке как будто окаменел.

«Вот она, смерть. А не безликие фигурки, которые падают где-то там далеко, за сотню шагов», — будто бы Дэл стоит рядом и шепчет это Найту в ухо.

Найт убил несколько сотен человек, химер и киборгов. Но по-настоящему осознавал себя убийцей лишь в такие моменты.

Мальчишка из банды Свободных Волков, одетый в футболку с «Танцующим Альбиносом». Тод и Янек. Этот Радомир Ковальски. Очень сложно смотреть на их лица.

Рука молодого киборга не дрожала, будучи наполовину механической. Но его сердце, его живое сердце вздрагивало и сжималось.

Если сделать над собой усилие, то можно убить и глядя жертве в глаза. В данном случае это будет даже не убийство, а

благородная месть.

Радомир спокойно смотрел в лицо своей смерти и ждал.

И вдруг Найт опустил оружие.

— Дэл не просто так оставил тебе жизнь, — глухо проговорил он, обессиленно присев на диван. — Мёртвая Голова никогда не оспаривает приказов. Ты должен был умереть, как и все в том Притоне. Однако ж ты здесь. Почему? Скажи мне, почему?

— Наверное, твоему Дэлу отсос понравился, — пожал плечом келамовец и криво усмехнулся.

Найт прикрыл глаза и едва заметно дёрнулся от боли.

— Уходи.

— Так что, башку ты мне не отстрелишь? — Радомир тем не менее встал и шагнул к двери.

— Пошёл вон, — раздельно процедил Найт.

Келамовец фыркнул, подхватил свои ботфорты и вышел, на мгновение запустив в комнатку грохот музыки — изуродованную «Зиму». После него остался запах шампанского и несколько золотых блёсток на полу и диване.

Неужели Дэл любит его? Не мог Мёртвая Голова нарушить приказ без веских причин. Сохранил жизнь никчёмной шлюхе, хотя это наверняка повлекло бы за собой большие неприятности и трудности с дальнейшей карьерой. Сюда ходит только к этому мужлану, хотя «Паноптикум» славится своими роскошными сучками, которых практически невозможно отличить от биологических женщин.

Других объяснений Найту в голову не приходило. Любит… Любит, любит!

Тогда пусть этот Радомир живёт. И если его жизнь для него так невыносима — что ж, неплохая месть за Янека и Тода.

Зашуршали двери, качнуло модными басами. Найт медленно поднял голову и увидел перед собой Люция, который совершенно не изменился с годами, и Блисаргона Баркью.

— Знаешь, дорогуша, Папочке очень не нравится, когда его девочкам угрожают оружием, — спокойным тоном произнёс Баркью.

— Больше не повторится, — глухо отозвался Найт, снова опустив голову.

— Конечно, не повторится, — Люций шагнул к нему, скаля хищные зубы, — потому что ты сейчас отсюда вылетишь и никогда не вернёшься!

— Люц, дорогуша, оставь нас с этим зайчиком наедине, — остановил его Блисаргон.

Недовольно рыча, химера вышла.

— Что ж, давай поговорим, — Блисаргон присел рядом на

диванчик и, закинув ногу на ногу, приобнял Найта за плечо. — Чем тебе не угодил Эр?

— Ничем, господин Баркью, — помотал головой Найт. — Всё… всё хорошо. Я просто выпил слишком много…

Он встал, но Блисаргон Баркью лёгким рывком вернул его на место.

— Ты не пьян.

Найт вдруг сник, выдохнул скороговоркой:

— Я генму, урод, я хуже этого наркомана, этой проститутки…

— Ах, вот оно что! — грудным баском проговорил хозяин «Паноптикума». — Ревность. Ах, какая ностальгия… Ну-ну, такой большой мальчик, а нюни распускаешь!

Он взял Найта пальцами за тяжёлый, крепкий подбородок и заставил посмотреть себе в глаза.

— Никакой ты не урод. Просто тебе нужно чуть больше красок. Ну-ка…

Блисаргон Баркью деловито повертел его голову из стороны в сторону, затем достал из внутреннего кармана манто маленькую косметичку и принялся за дело.

Серебристо-серые тени, тушь, слегка намеченные с внутреннего края линии бровей. Грубые, резкие черты Найта проступали под умелой рукой Блисаргона Баркью, словно прекрасный сад из тумана.

Мазнув серебристым блеском губы Найта, слишком яркие на фоне беспигментной кожи, и усилив тем самым акцент на глаза, Блисаргон слегка отодвинулся и критически оглядел своё творение.

— Ну вот. А говорил, урод. Знаешь, дорогуша, это очень хорошо, что ты альбинос. Ты как чистый лист, на котором можно нарисовать что угодно.

— Вы правы, господин Баркью, я как чистый лист, — отозвался Найт, опуская ресницы, оказавшиеся неожиданно длинными. — Во мне ничего нет.

— Но разве это плохо? Машину, например, тоже можно запрограммировать на что угодно. Она сама по себе не злая и не добрая. Вероятно, этим она и совершенна. Идеальное равновесие.

— Но я не машина, — удручённо вздохнул Найт. И добавил: — Увы, не машина.

Он встал.

— Ещё раз простите меня, господин Баркью. Впредь я не позволю себе подобного поведения в вашем клубе.

Блисаргон Баркью встал, похрустывая длинной виниловой юбкой. Погладив парня по щеке, он медленно поцеловал его в губы и сказал:

— Удачи тебе на твоей дороге. Любой, какую ни выберешь.

С этими словами он вышел.

Посидев в тишине несколько минут, Найт тоже покинул комнатку, нырнув в густое море огней, дыма, лазерных инсталляций, извивающихся тел.

— Найт?! — послышался вдруг смутно знакомый голос сквозь грохот, и перед альбиносом внезапно оказался крепкий парень с совершенно фриковской причёской, в светящихся разноцветных линзах и с полоской на нижней губе.

— Опа! Да это же наш Мыш! — раздался точно такой же голос, и с ближайшей тумбы спрыгнул точно такой же парень.

Найт решил, что он здорово переутомился. Но через секунду узнал обоих киборгов. Это были Генрих и Штэф.

— Вот это встреча! — близнецы принялись наперебой тискать Найта, и по их объятиям ощущалось, что замене подверглись не только кости, но и мышцы.

Когда с бурными приветствиями было покончено, и компания решила усесться в чилауте и поболтать, братья пристали с расспросами. Найт рассказывал очень неохотно, в конце концов, один из братьев бухнул по столу пивной кружкой и заявил:

— Ну и сколько можно просиживать штаны в этой дыре, я тебя спрашиваю?! Чего тебе тут ловить, чего ждать? Выше должности ликвидатора всё равно не прыгнешь! Поехали с нами, а? Мы как раз утром прям отсюда и на вокзал, вон то музыкальное чучело в проводах сопровождаем по старой дружбе. В Октополисе тебе понравится, вот увидишь!

Найт неуверенно помотал головой.

— Что вы. В столице ведь так следят за чистотой крови. А я, если помните, генму.

— Об этом помнишь, кажется, только ты один! — усмехнулся один из братьев.

— Ладно, вот тебе наши координаты, — второй протянул Найту узкую полупрозрачную полоску с кодом. — Надумаешь, сигнализируй.

С этими словами близнецы похлопали его по плечам и унеслись куда-то в недра «Паноптикума».

Найт посмотрел на сетевой адрес Штэфа и Генриха, вздохнул и аккуратно поджёг полимерную полоску свечкой в фигурном стаканчике, стоявшем в центре стола.

Покинув чилаут, Найт собрался было выйти из клуба и отправиться в казарму, как вдруг заметил Дэла.

Сердце как будто упало в кипяток. Сглотнув, Найт подался вперёд. Потом отшатнулся назад. Но наконец решился и двинулся прямо к нему, раздвигая толпу, как ледокол торосы. Он всё

скажет Дэлу сейчас. Прямо сейчас.

Дэл заметил его и улыбнулся, правда, несколько натянуто.

— О, здорово, Мыш! Не ожидал тебя тут увидеть.

— Привет, — промямлил Найт, но сразу же заставил себя звучать увереннее. — Хорошо, что я тебя встретил. Надо поговорить.

— А подождать это не может? — Дэл оглядывался по сторонам, и Найт прекрасно понимал, в поисках кого.

— Не может. Я и так ждал слишком долго. Давай уедем в Октополис. Вместе. Поступим в подразделение «Шершень». Не вечно же тебе быть простым ликвидатором!

— Я не простой, я лучший, — усмехнулся Дэл. — Да и меня тут всё устраивает. Зачем мне эта сумасшедшая столица?

— Ты достоин большего! — воскликнул Найт.

Дэл положил руки ему на плечи и перебил:

— Я на своём месте. Мне и так хорошо. Если ты хочешь, то езжай без меня.

Помолчав, он добавил:

— Тебе в Нидрэде совсем ничего не светит. Понимаешь? Совсем ничего. В любом смысле.

Найт кивнул, чувствуя, как холодеет в груди. Дэл похлопал его по плечу и сказал:

— Ну, бывай. Кстати, классно накрасился!

Он развернулся и исчез в толпе. Найт некоторое время смотрел ему вслед пустым взглядом, а потом кинулся в туалет и стал с остервенением смывать макияж, пока щёки не начали гореть.

В дальней кабинке какая-то любвеобильная парочка раздражала своими ахами-охами. Но наконец вывалилась и двинулась к ряду умывальников. Найт поднял лицо и увидел Штэфа и Генриха. Один из них умывался, второй тщательно мыл руки.

— Опять ты! — хохотнул то ли Штэф, то ли Генрих и от души хлопнул остолбеневшего от удивления Найта по спине. — Совпадением уже не назовёшь.

— Это судьба, — поддержал его брат. — Кстати, зря макияж смыл.

Найт смотрел на себя в зеркало. Лицо его вновь было чистым листом.

— Когда, говорите, поезд? — спросил он ровным тоном.

— Молодца! Хвалю за оперативность! — потрепал его по затылку один из братьев.

* * *

Найт вернулся в казарму затемно, бегло составил заявление о добровольном увольнении и сразу же стал деловито собирать сумку.

— Ты уходишь? — послышался в тишине голос Шусса, Найт даже вздрогнул от неожиданности. Потом спокойно ответил:

— Да. Ты прав, давно надо было что-то делать. Сколько можно размазывать сопли?

— И… И куда подашься? — глухо спросил Шусс, усевшись на кровати.

— В Октополис.

— И правильно, чего мелочиться? — Шусс мрачнел с каждым словом.

Найт сел рядом с ним и проговорил:

— Если хочешь, поехали со мной.

— Зачем? — Шусс посмотрел на него с грустной улыбкой. — Я буду только мешать тебе в твоей новой жизни.

Он обнял Найта и погладил по спине, осторожно прикасаясь к стабилизаторам.

— Но проводить тебя не откажусь.

* * *

Ранним утром на вокзале было столько же народу, сколько и в любое другое время суток. Громадное здание под прозрачным куполом гудело сотнями голосов, которые то и дело перекрывал приятный баритон, объявляющий рейсы, да пронзительный высокочастотный писк тормозящих монопоездов.

Когда объявили прибытие прямого рейса из Октополиса, Найт, Шусс и близнецы шагнули за оградительную стену из толстого стеклопласта. Обтекаемое белое тело монопоезда пронеслось мимо на чудовищной скорости. Потоком воздуха стену качнуло, словно она не была прикручена к полу мощными скобами.

— Ну, вы тут прощайтесь, голубки, — сказали братья, — а мы пока расположимся.

Они исчезли в вагоне. Найт остался наедине с Шуссом. От неловкости и стыда он понурился и молчал. Шусс протянул руку и поднял лицо Найта, заставив посмотреть себе в глаза.

— Я не знаю, что случилось в «Паноптикуме», когда я ушёл, и почему ты принял такое решение. Но мне кажется, что ты совершаешь необдуманный поступок. Не надо бросаться в крайности, Найт. Подожди, подумай, последи за развитием ситуации. На этом Дэле свет клином не сошёлся!

— У царя из твоей сказки было волшебное колечко, которое помогало ему сносить невзгоды, — ответил Найт. — А у меня такого колечка нет. Я справляюсь с трудностями как могу.

— А знаешь, ведь я тебе не всю сказку рассказал. Однажды у этого царя умерла любимая самочка. Она была самым чутким и близким его помощником и советчиком. Горе и тоска охватили царя. Не веселили его ни танцовщицы и певуньи, ни состязания борцов… Он взял кольцо: «Всё проходит»? Тоска сдавила его сердце. С досады бросил кольцо, оно покатилось, и на внутренней поверхности царь заметил другую надпись: «И это тоже пройдёт».

Найт постоял, глядя в лицо Шуссу, потом обнял его и поцеловал в лоб.

— Если всё проходит, то я обязательно вернусь.

— Я всегда буду тебя ждать.

Шусс крепко пожал ему руку и кивнул в сторону поезда.

— Тебе пора.

Найт бегло улыбнулся и скрылся в вагоне, приложив к чувствительной панели сбоку от двери электронный билет.

Через несколько минут поезд издал звук, похожий на протяжный сиплый вздох, и тронулся в обратную сторону, постепенно набирая скорость.

ЧАСТЬ III

Глава 38

— Добро пожаловать в наше скромное жилище! — Штэф и Генрих сделали широкий жест, когда тяжёлые толстые створки двери раздвинулись в стороны. Найт медленно перешагнул порог, оглядываясь по сторонам с раскрытым ртом.

Он ещё не успел отойти от путешествия в монопоезде и воистину грандиознейшего зрелища — главного вокзала Октополиса, от миллиона бюрократических процедур проверки и временной регистрации в городе, от поездки в автоматическом такси и невероятных видов крупнейшего в Империи мегаполиса, как снова поразился — на сей раз необычному интерьеру. Пластик широко применялся в отделке помещений, но почему-то в Броксе он выглядел дёшево, а в Нидрэде аляповато. Небольшая же квартирка братьев смотрелась элегантно и стильно. По сути, это была одна громадная комната с несколькими горизонтально вытянутыми овальными окнами разных размеров, разделённая на части стеллажами из хромированного металла, стеклянными перегородками и ширмами. Преобладали чёрный, серебряный и белый цвета. Частично стены были раскрашены под шахматную доску. Найту показалось, что он очутился внутри трёхмерной модели интерьера для какого-нибудь шикарного кафе или салона.

— Вот это да, — восхищённо вздохнул Найт, рассматривая содержимое стеллажей и голографические картины на стенах.

— Душ там, сумку кидай куда хочешь, потом разберёмся. Сейчас сообразим что-нибудь пожрать, — распорядился Штэф (Найт уже научился их различать).

Генрих танцующей походкой продефилировал к окну, на ходу отдавая голосовые приказы интеллектуальной системе бытового управления:

— Жалюзи убрать. Проветривание. Температура водяного пара тридцать градусов.

Где-то в глубине квартиры тихонько зашипело, и Найт, встрепенувшись, с любопытством вытянул шею. За перегородкой из стеклянных кирпичей виднелась душевая кабинка, рядом с ней — дверь, ведущая, надо думать, в туалет.

Штэф возился на кухне, вытаскивая из холодильника контейнеры и вакуумные упаковки.

— Ну, ты идёшь с дороги ополоснуться, или я первый? — спросил Генрих.

Найт повернулся к нему ответить, да так и замер с раскрытым ртом — его бывший однокашник совершенно беззастенчиво разделся догола, расшвыряв одежду куда попало, и

копался во встроенном комоде, извлекая на свет банные принадлежности: полотенца, бутыльки с моющими лосьонами и прочее подобное.

— Эмм… Я потом. Пока хотелось бы осмотреться, — сбивчиво ответил Найт.

— Эй, без меня никаких водных процедур! — крикнул через всю квартиру Штэф, уже что-то дожёвывая.

— Кто первый встал, того и тапки! — захохотал Генрих, скрываясь за матовыми створками душевой кабины. Штэф перемахнул барную стойку, отделявшую кухню от остального жилого пространства и служившую столом, и в пару прыжков оказался в кабинке.

Высунув из неё голову, он торопливо крикнул Найту:

— В общем, разогрей сам на всех, что сочтёшь нужным, а хочешь — закажи. Терминал заказа вон там, от двери слева. Оплата автоматическая, так что не парься.

Створка кабинки захлопнулась, и сквозь шипение влажного пара послышался хохот и шутливые ругательства. Найт прошагал в ту часть квартиры, что считалась кухней, и принялся хозяйничать. Порций в контейнерах вряд ли хватит на троих, а в вакуумной упаковке не еда, а разве что закуска к пиву. Да и к тому же, разве не стоит отметить столь знаменательное событие, как переезд в столицу?

Разобраться с терминалом не составило труда: на чувствительной панели всё обозначалось доходчивыми картинками. Пища, одежда, медиа, софт, медикаменты, билеты на тот или иной транспорт и так далее. Внизу строка с иконками вызова полиции и медиков. Найт зашёл в директорию «пища», и приятный баритон сообщил:

— Система быстрого заказа корпорации «Никсель» приветствует вас. Пожалуйста, выберите супермаркет.

Найт ткнул наугад в один из логотипов.

— Вы выбрали «Озон». Пожалуйста, выберите тип продукции.

Найт довольно быстро собрал заказ, нажал кнопку «оплатить» и крикнул, заглушая шум пара:

— Ребята, а сколько заказ будет идти?

— Несколько минут, — донеслось в ответ из кабинки.

Найт кивнул и отправился на кухню прибраться. И вдруг различил сквозь шум пара весьма недвусмысленные вздохи, доносящиеся из кабинки. Так значит, в туалете «Паноптикума» ему не померещилось? Штэф и Генрих…

Пронзительно пискнул сигнал и рядом с дверью что-то стукнуло. Найт не сразу обнаружил щиток с кнопкой. За ним было что-то вроде миниатюрной лифтовой шахты. На подставке

лежало несколько контейнеров.

Поражаясь столичным чудесам, Найт унёс заказ на кухню.

— Спасибо, что воспользовались услугами системы быстрого заказа корпорации «Никсель». Приятного аппетита.

— Пожалуйста, — буркнул под нос Найт, положив контейнеры в микроволновку.

Из душевой кабины доносились уже более откровенные звуки. Мучительно краснея, Найт разложил еду по тарелкам из чёрного и белого стекла, заварил себе чай и уставился в окно, стараясь отвлечься и не обращать внимания на странных братцев. Может, для столицы это нормально? Внезапно укололо воспоминание о Лиандре. Найт даже мотнул головой.

Вскоре вид из окна и вправду отвлёк его и буквально зачаровал. Братья обитали на довольно высоком уровне, далеко от мостов, и весь город лежал словно на ладони. Он казался игрушечным или нарисованным в трёхмерном редакторе. Ничего подобного Найт никогда раньше не видел, если не считать картинок в Сети. Но разве они сравнятся?

Октополис тянул острые заиндевевшие шпили ввысь на двенадцать километров, воистину соединяя небо и землю. В некоторых зданиях насчитывалась тысяча этажей и больше. День только начинал клониться к вечеру, но в его свете всё равно отлично была видна реклама на бесчисленных антибликовых экранах. От неё рябило в глазах. Ролики были как коммерческие, так и социальные, в основном призванные пробуждать в жителях города патриотические чувства и напоминать о необходимости гражданского повиновения и благочестия. «Порядок Превыше Всего» — в разных вариациях мелькало на экранах тут и там. Один ролик был посвящён силовой полиции, которая «всегда на страже Порядка», а ещё один — подразделению «Шершень». Красавец-брюнет с голубыми глазами (судя по идеальной глянцевой внешности — трёхмерная модель), облачённый в чёрную амуницию защитного класса девять, устремил грозный взгляд вдаль. Слева от него вспыхнули буквы: «У преступности нет шансов». Затем красавец надел шлем, и резким монтажом ролик перескочил на картины беспощадной расправы над теми, кто, судя по всему, не спешил проявлять гражданское повиновение. Взрывы, стрельба, рушащиеся здания, беспомощно размахивающие руками преступники, в панике удирающие от неумолимо надвигающейся чёрной стены «Шершней».

Эпично и величественно. Действительно проникаешься подобострастным трепетом к этой непобедимой мощи.

Тем временем шум пара прекратился, и братцы вывалились из кабинки. Их невероятные причёски исчезли — свежевымытые

волосы лежали мокрыми упавшими ирокезами, стянутыми в хвост. Найт заметил, что волосы у близнецов достигали середины спины. Почему бы просто не носить косу, как у него? У братьев красивый, породистый свод черепа, лучше демонстрировать его, чем чудеса экспериментального парикмахерского искусства.

— Ну как ты тут, не скучаешь? — спросил Штэф и, заметив тарелки, воскликнул: — О, круто! Хавка! Молодец, Мыш, хвалю за самостоятельность!

Все трое расселись на высоких барных стульях и с аппетитом проглотили довольно плотный обед. В поезде была возможность перекусить, но близнецы дрыхли без задних ног после активного отдыха в клубе, а непривычный к перегрузкам в монопоездах Найт не хотел есть из-за лёгкой тошноты.

— Ну вот, червячка заморили, а сейчас будем праздновать твой переезд, — провозгласил Генрих и убежал к терминалу.

Через несколько минут он расставлял на столе целую батарею разнокалиберных бутылок и дорогую закуску: натуральное мясо, сыр и фрукты в нарезке.

Найт удивился подобной расточительности. Он заказал сбалансированный, питательный обед по приемлемой цене, зачем эти излишества?

Выпил он совсем мало, закусил с удовольствием. Братья наперебой обсуждали его дальнейшие перспективы.

— Поживёшь у нас, пока не устроишься. Сегодня отдыхай, осматривайся, завтра с утреца подашь заявление на вступление. Мы поручимся.

— Так вы что же, «Шершни»? — Найт от удивления вытаращил глаза.

— Ага, — кивнул Генрих. — Позор всего подразделения.

— Почему позор?

— О, — Штэф глянул на часы рядом с окном, — а вот как раз сейчас и увидишь.

Потом он схватил Найта за руку и потащил к окну.

— Гляди!

На ближайшем щите опять начинался ролик про «Шершней». Тот же голубоглазый красавец, та же надпись… Но вдруг из-за его спины вынырнули Штэф и Генрих. Они отпихнул трёхмерного киборга со своего пути и прыгнули в следующий кадр. Однако разбегающихся в ужасе преступников они не расстреливали, а самым натуральным образом насиловали. Во всех анатомических подробностях. Когда вакханалия закончилась, они смачно, взасос поцеловались друг с другом, потом посмотрели на зрителя томным взглядом, поиграли языками и послали воздушные поцелуи. Надпись же теперь гласила: «У преступности нет

шансов. „Шершни“ вставят по самые гланды».

Найт стоял с приоткрытым ртом и красными, как помидоры, ушами. Братья веселились от души.

— Дай пять, братишка!

— Держи, братишка! Йуху! Молодец Пиксель, не наколол!

— Р… ребята, я немного не понимаю, — проговорил Найт. — Что это вообще было?

— Это была милая шалость, — похлопал ресницами Генрих, состроив идиотскую физиономию.

— Есть у нас один знакомец, хакер и по совместительству гений монтажа и трёхмерки, — поспешно перебил его брат. — Единственный, кто выжил после разгрома одной местной банды. И выжил-то потому, что сдал своих приятелей. Ну, оттрубил на северных штольнях несколько лет, а потом мы как-то с ним пересеклись, разговорились. Нормальный чел, с юмором. И душою нам близок… Это его очередное творение. Обещал как раз в самый прайм-тайм впихнуть. Великого таланта человек.

— Кстати, три, два, один, — перебил его Генрих и театрально развернулся в сторону видеофона, — та-дааам!

В ту же секунду маленький экранчик замигал, раздалась мелодичная трель вызова.

— Оперативненько, — захихикали братья и, толкаясь, кинулись к видеофону. Остановившись, они глубоко вздохнули, их лица приняли серьёзное выражение, и Штэф нажал кнопку принятия вызова.

На экране появился генерал Макгвайер, отец близнецов. На его скулах играли желваки, а голубые глаза были прозрачными от гнева. В остальном он выглядел спокойным, как айсберг.

— Что это значит? — процедил он.

— Что? Где? — спросили с одинаковой интонацией Штэф и Генрих, являя собой саму невинность и недоумение.

— Только что. На всех рекламных щитах в центре.

— Наверное, реклама очередная. А что?

— Не стройте из себя ещё больших идиотов, чем вы есть, — прорычал генерал. — Это ваших рук дело?

— Пап, да ты чего? Мы же не рекламщики и не трёхмерщики, — продолжали ломать комедию братья.

— Отставить фамильярность! Отвечать по существу! — рявкнул генерал так, что даже Найт дёрнулся.

— Так точно, господин генерал! — вытянулись в струнку его непутёвые сыновья, прилагавшие заметные усилия, чтобы не рассмеяться.

— Вы позорите не только мои седины, но также доброе имя и честь подразделения «Шершень»! Эта самодеятельность… этот

кусок дерьма, который ваши дружки-хакеры всунули в эфир… Доколе это будет продолжаться?!

— Пап, ну ты же знаешь, как нас в городе ненавидят! Это мог сделать кто угодно, — залепетал Штэф, хлопая ресницами.

— Совершенно без нашего ведома! — поддакнул Генрих таким же точно голоском.

— Даю вам пять минут. Если это ваше… творчество появится ещё хоть раз, я похлопочу о вашем переводе в армию Бета, и вас зашлют в Гоби мутантов пасти.

— Не виноваты мы! — хором пропели братья, потом загалдели наперебой, и генерал, тяжело вздохнув, отключился.

Генрих и Штэф, хохоча, кинулись к ноуту на прозрачной тумбе замысловатого дизайна, прыгнули с ним на кровать и открыли крышку.

— О! Вот это рейтинг! Ты посмотри только! — веселились они, тыкая пальцем в монитор.

Генрих оглянулся к Найту и махнул ему рукой:

— Иди сюда, глянь!

Найт приблизился и деликатно остановился рядом с кроватью, заложив руки за спину.

— Ну что ты как неродной! — братья затащили его на кровать и сунули ноут под нос.

Какой-то видеоканал в Сети. Судя по тому, что страница была оформлена фотографиями Штэфа и Генриха (весьма откровенными и фриковатыми фотографиями), это их личный канал. Судя по набору функций, он открытый и интерактивный. Называлось всё почему-то «СС — Сумасшедшие Сестрички». Найт даже присвистнул от рейтинга просмотров. Это ж сколько они зарабатывают! Да, с таким рейтингом можно запросто покупать одни натуральные продукты и ни о чём не заботиться.

В топе страницы висело видео, которое только что довело генерала Макгвайера до белого каления, с фразой от какого-то пользователя: «Сестрички жгут напалмом»!

Под видео тянулась длинная вереница комментариев, общий смысл которых сводился к тому, что «Шершни» — это воистину страшная сила и гроза всего живого, похлеще киборгов Альфа. Некоторые требовали новых видео в разделе «Братская любовь», некоторые обещали совершить какое-нибудь преступление, чтобы за ними пришли «сестрички» и грубо наказали. Ближе к концу страницы начались недовольные и слёзные вопли: «Верните где росло!», что указывало на исчезновение видео из рекламного эфира. Неведомый Пиксель подразнил общественность и замёл все следы. Братья веселились, Найт чувствовал себя скованно и неуверенно.

Наконец Штэф сел, установив ноут на полочке над кроватью, нажал кнопку под этой полочкой, и кровать сразу же окружило разноцветное сияние — голографическая стена, своеобразный полог.

— Всем привет! — заговорил молодой киборг, нажав кнопку видеозаписи. — Этот и другие шедевры грязной…

— Гряяязной, — зловеще и сексуально прошипел вылезший из-под его рук Генрих.

— Гряяязной клеветы на наши святые, безгрешные личности истинных патриотов Империи вы можете приобрести по адресу…

Он ткнул в чувствительную панель в углу монитора, и во весь экран засветился код нужной страницы.

— Спасибо всем за сочувствие, дорогие наши патриоты. Уверяем вас, мы найдём негодяя, порочащего светлое имя подразделения «Шершень» и накажем его!

— Жестоко, больно и долго, — встрял Генрих и стал развязно облизывать и обсасывать свой средний палец.

— А что именно мы с ним сделаем, смотрите в новых выпусках «Братской любви»!

— Маленький спойлер, — Генрих отодвинул брата от экрана. — Как бы мы ни старались, этот негодяй обязательно выживет и ещё долго будет порочить светлое имя подразделения «Шершень».

— В разных выражениях и изображениях!

— Всем пока! — братья напоследок продемонстрировали долгий смачный поцелуй взасос и выключили съёмку.

Найт сидел на краешке кровати в полнейшем шоке.

Наконец он не смог больше молчать.

— Ребята, это, конечно, не моё дело, но… Вот это всё… Оно что вообще значит?

— Это значит, что нас достали правила, — подмигнул ему Штэф.

— Но ведь… Это всё и правда… как-то кхм… не подобает киборгам. И тем более киборгам-«Шершням».

— Ой, да брось! Киборг может делать вообще всё, что хочет. Кто ему запретит? Закон? Так мы законопослушные граждане. Папочка? Ну нам уже не годик давно. Общественная мораль? Пфф-хе-хе-хе, мораль!

— Ну хотя бы мораль, — Найт напряжённо искал корректные слова. — Вы ведь родные братья. И при этом, как я полагаю, вы… эм… ну…

— Сексовники, да.

— Чего? — Найт сбился с мысли.

— Ну, есть любовники, а есть сексовники. Мы не можем быть

любовниками, это же противоестественно! К тому же, я этого засранца терпеть не могу! Но братьев не выбирают. — Штэф отвесил оплеуху Генриху, и тот с интервалом в полсекунды ответил точно такой же оплеухой.

— Я тебя тоже ненавижу, чучело ты извращённое! — добавил он к оплеухе беглый поцелуй в губы. — Но чёрт, в постели тебе нет равных!

— Ещё бы! У меня ж длиннее на целый микрон!

— Погодите, — Найт зажмурился и помотал головой. — Господи, вы так рассуждаете, как будто всё нормально!

При этом перед глазами вдруг словно солнечное пятно под закрытыми веками проступил образ Лиандры, сжимающей ногами его торс.

— А что тебя смущает? — невинно поинтересовался Штэф. — Мы ж не наплодим болезненного потомства, портящего своей кривой ДНК безупречный Имперский генофонд.

— Между прочим, в Древнем Египте братья с сёстрами плодились и ничего! — подхватил Генрих.

— И в Воссоединённых Штатах плодятся, только дренажом ДНК плода корректируют, — перебил Штэф.

— А братикам уж невинно побаловаться нельзя? — встрял Генрих.

— И потом, — продолжил Штэф (Найту казалось, что это без пауз говорит один и тот же человек), — разве будет лучше, если братья станут относиться друг к другу как Каин с Авелем?

— Ну, Авель-то, положим, Каина вроде бы любил.

— И при этом был тем ещё сраным карьеристом, вон как перед боженькой выслуживался!

Братья как будто забыли о существовании Найта на своей постели и принялись спорить о чём-то совершенно невероятном, и Найт решил их прервать:

— Вы вообще о чём?

— Ты не читал, да? — хором спросили близнецы, повернувшись к нему.

— Что не читал?

— Бибель, книжка есть такая прикольная. Очень-очень древняя, — пояснил Штэф.

— Библия, тупица! — Генрих отвесил ему оплеуху, и брат ответил ему точно такой же с интервалом в полсекунды. — В принципе, сказки, но умные, чёрт! Кстати, вот ты часто говоришь ну там «господи» или «чёрт», а ты знаешь, что эти слова обозначают?

— Слушай, не приставай к нему, — перебил Штэф. — Лучше завтра отведём к господину Майкро Старру. Ему как раз

необходимы свежие мозги и неувядшие уши. Заодно проедемся до главного штаба, он там рядом.

— Да, заодно подашь заявление, — кивнул Генрих, поглядев на альбиноса. — Нельзя шататься без инъекций дольше недели. А то стабилизаторы перестроятся в аварийный режим, только Топливо и сможешь употреблять. Тогда всё, полный капут. Надо обязательно садиться на легальные инъекции.

— Если не получится в «Шершни», тогда в силовую полицию пойдёшь. Тебя туда с руками оторвут, — уверенно заявил Штэф.

— Но лучше, конечно же, в «Шершни». Там инъекции стандартизированные, без побочных эффектов. У Шакса тоже хорошие, так что быстро перестроишься и почти не будешь блевать, — Генрих вдруг подозрительно прищурился. — Ты же, надеюсь, официально уволился? Без тёрок? Шакс тебе формулу отдал?

— Да, всё в порядке, — кивнул Найт.

— А ты везунчик! — прищурился Генрих. — Мастера обычно очень не любят, когда их киберы вот так внезапно кидают и куда-то сваливают. Могут заартачиться и не отдать формулу.

— Согласно Конституции Империи от 190 года, — менторским тоном произнёс Найт, — Мастер обязан передать уволившемуся киборгу индивидуальную формулу его инъекций сразу же после того, как ставит свою подпись на его заявлении об увольнении. Мастер имеет право не передавать формулу только в том случае, если увольняет сам, либо если доказан факт предательства со стороны киборга.

Близнецы присвистнули.

— А ты сечёшь Конституцию, брат! Точно, в «Шершни» тебе дорога!

— Так, ну что, день ещё в разгаре, а мы все до сих пор трезвые! Не порядок! Поехали веселиться! Заодно столицу посмотришь, — Штэф отключил голографический полог и вскочил с постели. — Следующая остановка — «Звёздная Пыль»!

— Остынь, — дёрнул его за руку Генрих. — Лимит приключений твоя задница на сегодня уже преодолела. К тому же не будь таким эгоистом! Дай нашему маленькому другу хотя бы принять душ и отдохнуть с дороги. Завтра всем рано вставать. А нам с тобой ещё и сеанс жёсткого церебрального секса предстоит с папашей. Зато потом уж отметим новую Мышиную должность — так отметим!

— Уговорил. Ну ладно, тогда мы с тобой в отруб. Мыш, ты как из душа вылезешь, можешь к нам с краю падать. Кровать большая.

— Угу, — рассеянно кивнул Найт, вытаскивая из сумки

бритвенные принадлежности и полотенце.

Однако по возвращении из душа улёгся на приземистый диванчик, скрючившись на нём в три погибели.

Ему снился заснеженный лес, по которому он скользил искоркой света. На маленькой полянке стояла Лилия, нежно улыбаясь и протягивая к нему руки.

— Ты наконец-то дома, мой маленький. Наконец-то дома…

Глава 39

Ранним утром Генрих и Штэф растолкали Найта. Тот полночи промучился на крохотном для его роста диванчике и теперь блаженно посапывал на полу.

— Бодрое утро! — хором рявкнули братья, широко улыбаясь.

Найт резко сел, согнав остатки сна довольно быстро.

— Надо было к нам улечься, — сказал Генрих. — Кровать большая, места хватит трём таким, как ты.

— Не хотел злоупотреблять гостеприимством, — сдержанно улыбнулся Найт.

— Чтооо ты! Какое злоупотребление? — Генрих поиграл бровями и сразу же получил от брата короткий тычок локтем под рёбра.

— Так, у нас полчаса на то, чтобы привести себя в порядок, кинуть чего-нибудь на зуб и отправиться в генштаб, — деловито заявил Штэф и двинулся на кухню, перешагнув через вытянутые ноги Найта.

Трое молодых киборгов уложились в двадцать восемь минут и вот уже летели над городом в автоматическом такси, с лёгким шорохом скользившем по магнитной рельсе. Найт восхищённо рассматривал невероятные урбанистические пейзажи, прижавшись лбом к стеклу. Октополис не был похож ни на что, виденное им ранее. Громадные небоскрёбы, которые в Броксе заняли бы целый квартал, гладкие зеркальные стены, реклама на особых антибликовых панелях, парящих на магнитной подушке, объёмные голограммы, а внизу — бездна, настоящая бездна, плавным градиентом до чёрного, перечёркнутая линиями мостов, автострад, площадок с постройками и без. Корни города терялись в смоге и мраке, его вершины сверкали инеем, дотянувшись до брюха стратосферы, на уровне некоторых окон плыли кучевые облака.

Найт сглотнул от трепетного ощущения. Он — крошечная, ничтожная песчинка на каменной ладони величайшего города пост-ядерной Земли. Пятьдесят два миллиона человеческих тел. Двенадцать километров в высоту. Шедевр урбанистического искусства. Абсолютная власть.

— …вон там, вон, где пятно красное, это кленовый парк, — донёсся до его слуха голос Генриха.

Встрепенувшись, Найт рассеянно переспросил, о чём речь. Генрих продолжил разглагольствовать о некоторых достопримечательностях столицы, в частности, об Оазисах и парках, являющихся её жемчужинами. В отличие от Броксы, такие

гиганты, как Октополис, не могли позволить себе выращивать что-либо прямо в естественной почве, которая была практически полностью занята основаниями Столпов. Сельскохозяйственные зоны располагались на нижних уровнях, выше встречались обширные площадки с садами и парками, укрытые специальными климатомоделирующими куполами. Порой растительность встречалась прямо внутри небоскрёбов — в закрытых оранжереях, нишах или арках. Найт подумал, каково это — приезжать в сад на лифте или знать, что над твоей квартирой растёт лес?

— Обязательно надо тебя на водопады свозить, там как раз микроклимат для тебя щадящий. Есть ещё «Тропический рай», но ты там мигом волдырями покроешься, — говорил Генрих.

— Для начала пусть заявление подаст, — отозвался Штэф с сидения напротив. — А праздновать потом будем. Если будем.

— Да возьмут его! Послужной список хороший. Опять же, у Шакса служил. А Шакс вроде того-этого с Принцем, нет?

— Нет! — возмущённо ахнул Найт. — Это грязные, беспочвенные слухи! Они просто друзья ещё со времён Академии. Близкие друзья, но не любовники!

— Да ладно, шучу я, — Генрих похлопал Найта по плечу. — Вся столица знает, что наш дражайший Принц предпочитает кувыркаться только с нашей братией. Его даже называют Принцем Машин. Причём, шанс есть не только у «Шершней», но у любого крупного мужика…

— Со стальными яйцами, — ехидно добавил Штэф и прыснул со смеху.

Найт занервничал, вытягиваясь в струнку и сдержанно поглядывая на миниатюрные камеры наблюдения, прикреплённые к потолку салона.

— Расслабься, чего напрягся? — засмеялся Генрих. — Тайная полиция давно в курсе, как киборги относятся к господину Велиару Айзэну, за это не сажают и не аннигилируют. Тем более «Шершней». Хе-хе-хе. Да он сам тоже в курсе и прётся от своей славы, которая впереди него бежит. Он же звезда жёлтых изданий. Секс-символ всея Империи, мать его так!

— Давайте всё же сменим тему, — решительно предложил Найт ровным тоном. — В конце концов, это просто неприлично, обсуждать за спиной человека его интимную жизнь!

— А я б его трахнул, — прошептал Штэф, потягиваясь и красноречиво почёсывая в паху.

Найт попунцовел, это вызвало ехидный смешок Генриха.

— Да ладно, чувак, что ты как не свой, честное слово? Что тебя смущает?… Погоди-ка… Слушай, а ты вообще с кем-нибудь трахался-то?

— Д-да, — сдавленно проговорил Найт и безразлично пожал плечом.

— В глаза смотри, — Генрих повернул его к себе, Найт неуверенно улыбнулся и попытался отстраниться.

— Чёрт, да ты девственник! — воскликнул Генрих, просияв.

— Нет. У меня был секс, — Найт начал раздражаться.

— Тогда колись!

— Колись-колись! — пристал Штэф, наклонившись вперёд.

— Ребята, вам обоим по двадцать четыре года, а ведёте себя как первокурсники! Вы просто помешаны на сексе!

— Девственник! Девственник!

Найт понимал, что над ним вовсе не издеваются, а скорее добродушно подначивают. Но с его языка никогда не слетит ни слова о Лиандре. Уже не существующей женщине, о женщине, которой никогда не существовало. И о Блисаргоне, конечно, если приключение с ним можно назвать сексом. И тем более о Дэле.

— Мы, кажется, приехали, — кивнул он на небоскрёб строгого дизайна, с единственными массивными воротами из отполированной стали, выходящими к многоярусной остановке автоматического транспорта и к парковочной площадке для флайеров. Над воротами такие же стальные и массивные буквы гласили: «Генеральный Штаб Империи». К воротам вела необъятной ширины лестница в форме полукруга. Народу было много. В основном все двигались стремительно, но без излишней спешки. Кто-то парковался, кто-то выходил из личного или общественного автоматического транспорта, кто-то поднимался по ступеням, кто-то спускался.

— Тебе повезло! Но вечером с тебя душещипательная история о первом разе! — сказали братья Найту, выходя из такси.

Как только они вышли, их будто подменили. От дурашливости не осталось и следа. Слева и справа от Найта стояли вышколенные, подтянутые офицеры элитного киберподразделения «Шершень». Они одёрнули форменные чёрные кители и чётким шагом промаршировали к воротам. Найт не отставал.

За воротами оказался небольшой коридор, в котором мерцали тонкие, едва видимые нити сканирующего лазера. Найт чуть заметно дрогнул, когда полоска на его губе — спрессованный штрих-код — будто бы нагрелась на секунду. Затем братья приложили карточки к специальным панелям, назвали свои имена и чуть наклонились к сканеру сетчатки.

— Тебе вон к той фигне, — обратился Штэф к Найту, кивнув в сторону мерцающего экрана.

Альбинос остановился перед ним, и приятный низкий голос

произнёс:

— Назовите своё имя и цель визита.

— Найт Ирон. Цель визита — соискание должности рекрута подразделения «Шершень».

Экранчик коротко мигнул.

— Спасибо. Ваша идентификационная карточка.

Из щели под экранчиком выскользнул пластиковый прямоугольник с фотографией слегка растерянного Найта. Покрутив карточку в пальцах, молодой киборг повернулся к близнецам. Те таращились на него во все глаза.

— Ирон? Мать твою, я знал! — радостно воскликнул Генрих, потом ткнул Штэфа в бок. — Проспорил! Ну одно ж лицо! Я тебе говорил, а ты не верил!

— Ребята, не время сейчас, — произнёс Найт, спокойно прошагав мимо изумлённых братьев к раскрывшимся автоматическим дверям в конце коридора.

Там в бронированной будке сидел чуть одутловатый мужчина в форменном комбинезоне.

— Пожалуйста, сдайте оружие, — устало велел он Найту и нажал кнопку на панели управления. Тотчас под окошком выдвинулся поддончик, куда Найт аккуратно положил свой отключённый дикрайзер. Служащий сунул оружие в ячейку обширного бронированного шкафа, с которым его будка сообщалась маленьким коридорчиком, и выдал Найту номерок. Парень вежливо поблагодарил, и сонное лицо служащего как будто ожило на миг — его брови удивлённо приподнялись. Однако братья уже вели своего бывшего однокашника к лифтам через огромный холл с зеркально-гладким полом.

Мимо деловито сновали люди с папками и ноутами, тут и там стояли небольшими группками «Шершни» в форме или полном обмундировании, бодро маршировали солдаты и офицеры регулярной имперской армии, к которой, собственно, и относилось элитное киберподразделение «Шершень». Одна стена холла была стеклянной, расчерченной металлическими балками на узкие прямоугольники, и на полу лежали полосы бледного осеннего света. По периметру холла располагалось несколько десятков закрытых кабинок, внутри которых сидели клерки и секретари в серой или чёрной униформе. Найт удивился, что среди них нет миловидных псевдоженщин. Сучки порой устраивались на подобную «бумажную» работу. По крайней мере, у Шакса. Здесь же — сплошь мужчины зрелого возраста с сосредоточенными и хмурыми лицами. Попадались и молодые парни, которые, по всему было видно, лишь изображали кипучую деятельность. Чего-то действительно серьёзного им пока не

доверяли.

Вскоре Генрих и Штэф доставили своего протеже в отдел кадров. Непривычный к толпам Найт почувствовал, что ещё немного, и у него закружится голова. Столько людей сразу он не видел даже в аэропорту Хараба. Однако здесь было не в пример больше порядка. Вскоре подошла очередь, и Найт шагнул в кабинет.

Напротив двери за обширным письменным столом сидел сухопарый мужчина в едва заметных очках с тончайшими линзами. Он ловко управлялся сразу с несколькими ноутами, что-то выстукивая на клавишах то одного, то другого.

Клерк не глядя протянул руку в требовательном жесте, и Найт, поспешно приблизившись, подал ему папку со всеми необходимыми документами.

Тот отсканировал пластиковые листы, приложил необходимые печати к специальным панелям, ввёл код персональной формулы инъекций для Найта с такой скоростью, что у альбиноса невольно приоткрылся рот.

Затем клерк достал маленький пистолетик с мнемоиглой и сухо велел:

— Повернитесь.

Найт подчинился. Клерк привстал и очень чётко ткнул пистолетиком в ямку под затылком молодого киборга. Затем вставил мнемоиглу в специально гнездо на боковой панели ноута. Пару минут клерк что-то изучал, глядя в экран и постукивая тонкими длинными пальцами по столу, затем собрал документы, сложил их в папку и протянул её обратно. После этого пододвинул Найту несколько листов из тонкого пластика и ручку.

— Изучите и подпишите вот тут и тут.

— Это условия контракта? Я уже успел изучить. В Сети, на вашем сайте, — Найт поставил подписи.

— В понедельник заступайте. Жетон получите в кабинете семь пять семь шесть. Форму выдадут в казарме, в хозчасти. Оружие — в арсенале.

— А… Это всё? — спросил Найт, слегка сбитый с толку.

Клерк глянул на него поверх очков, и на костистом высоком лбу собралась гармошка морщин.

— Да. А что?

— Ну… кхм… я думал, будет какая-то проверка…

— Вас только что проверили вдоль и поперёк. Вы вообще понимаете, куда пришли? Это Генеральный Штаб Империи. Если ваши документы и биочип — подделка, значит, вы способны подделать и генетический код господина Канцлера Империи. А теперь ступайте и не мешайте работать.

Найт рассеянно кивнул, но повернулся кругом с похвальной чёткостью. Краем уха успел услышать за своей спиной фырканье: «Провинциалы!»

— Ребята, так это что же, — спрашивал Найт позже, уже в такси, глядя в хмурой задумчивости на новенький жетон, — получается, каждый с улицы может прийти и поступить в «Шершни»?

— Ну ты даёшь! По-твоему, ты «с улицы пришёл»? — засмеялся Штэф.

— Чувак, в этом месте, — Генрих ткнул пальцем за спину, где осталось величественное и суровое здание из стали и стекла, — «пришедший с улицы» застрянет ещё на этапе сканирования штрих-кода. А всё мясо ещё и нейросканированию подвергается, и надо быть реально крутым перцем, чтобы обмануть правительственные нейросканеры!

— Мясо? — переспросил Найт.

— Ну обычные, простые. Люди, у которых вшивки если и есть, то меньше пятнадцати процентов. Сюда же и простая солдатня после Академии приходит контракты подписывать. Да ты, наверное, видел этих неудачников с Армейского Отделения.

— Короче, расслабься, ты принят в наш клуб! — Генрих заулюлюкал. — С понедельника ты в обязательном порядке должен будешь поселиться в казарме и куковать там, пока не дадут офицера. Это пара лет — точно. Но ничего, по выходным увольнительные, будем с тобой встречаться, куролесить. А сегодня гуляем! У нас двое суток всего. Так, теперь срочно в «Вишнёвую пулю»!

— Минутку, мы же договаривались к Майкро Старру его свозить! Успеешь ещё набухаться за выходные! — возмутился Штэф.

Братья немного поскандалили для виду, затем внезапно умолкли, молниеносно придя к перемирию, и забили в автопилот такси новый маршрут.

Глава 40

Резвая машинка плавно перешла на другой монорельс и через четверть часа остановилась перед комплексом зданий, искусно имитирующих старинный стиль, точнее, сразу несколько — от барокко и готики до баухауса и модерна. Колонны, стрельчатые окна, лепнина. От действительно старинных построек эти отличались разве что буйной эклектикой и невероятной высотой. Здания были окружены чудесным садом. По белоснежным гравийным дорожкам неспешно прогуливались элегантно одетые мужчины — в одиночку, под руку друг с другом или с весьма качественно сделанными сучками в длинных обтягивающих платьях. Филигранная вывеска над входом гласила: «Государственный Комплекс Старинного и Современного Искусства».

Сердце Найта сладко встрепенулось в предвкушении. Штэф подмигнул брату, кивнув на альбиноса:

— Ну, что я тебе говорил! А ты — бухать, бухать, алкоголик чёртов, всю жизнь мне испортил, чучело некультурное!

Трое парней вышли из такси, нажали на дверце кнопку «свободно», и машина сразу же заскользила в сторону ближайшего вызова. Посетители комплекса поглядывали на киборгов с интересом и недоумением. В подобных местах редко можно увидеть этих дуболомов.

Найт и близнецы преодолели сад и вошли в тенистую прохладу обширного зала. Он заметно уступал размерами холлу в генштабе, но здесь почти не было народу, и каждый звук взлетал к высоким сводам, обрастая эхом. Так и хотелось вести себя как можно тише. Всё здесь казалось старинным, непривычным, удивительным. Элементы обстановки наверняка сохранились ещё со времён Пыльной Войны, а то и более ранних. Островками современности были лишь лифты, а также плазменные информационные щиты.

Впрочем, братья прекрасно знали, куда им нужно, потому прошагали мимо всех щитов. Они утащили Найта к лифту и набрали сложный код, свойственный не только вертикальным, но и горизонтальным лифтам. Движение с рывками в стороны, вперёд и назад, с закладыванием ушей, с ощущением падений и взлётов продолжалось несколько минут, но вот обитые имитационным деревом створки раздвинулись, и Найт оказался в огромном помещении, полумрак которого нарушал лишь свет, струящийся из коробок бронированного стеклопласта. В коробках стояли совершенно невероятные предметы, большинству из

которых Найт не знал названий, но некоторые вспомнил: пианино, арфа, скрипка, виолончель, гитара. Были тут и допотопные синтезаторы с механическими клавишами, без единой чувствительной панели или мнемовыхода, и искусно выполненные скульптуры людей в причудливой одежде, с огромными старинными микрофонами в руках. Среди скульптур попадались и женщины, и странные, непривычные, даже в какой-то степени уродливые люди с тёмно-коричневой кожей, толстыми губами и широкими носами. На полу иногда попадались фиксирующие панели для голограмм, сейчас выключенные и тёмные. На стенах поблескивали огромные плазменные экраны.

Музей спал.

— Извините, экспозиция ещё не готова, там же написано… Ах, всё никак не заблокирую доступ лифтовой кабины, — приближался дребезжащий голос, и вот из полумрака вышел, ковыляя, тощий и сухой, словно мумия, старик в утеплённом комбинезоне. Самый обычный старик, каких много в музеях. Однако вместо глаз у него торчали такие же древние, как он сам, визоры из чёрного пластика. Казалось, будто в морщинистое лицо вплавлены объективы старинных фотоаппаратов. Кожа вокруг визоров чуть воспалилась. Найт уставился на старика, хотя и понимал, что так пялиться невежливо.

— Аааах. Это же мои мальчики! — старик медленно развёл руки в стороны и слабенько обхватил торсы Штэфа и Генриха, те осторожно обняли его в ответ.

— Господин Старр, как вы тут? Без свежего воздуха, без солнца! Вам же вредно!

— Пустяки, — отмахнулся старик и обратил свои жуткие «глаза» к Найту.

— Представьте же мне вашего друга.

— Это Найт. Сын Мастера Ирона, хозяина Броксы.

— Ирон… Да, кажется… кажется припоминаю, — однако по тону его голоса было очевидно, что никого он не припоминает.

— Найт, это Майкро Старр, мы тебе о нём рассказывали… Господин Старр, наш друг просто обожает историю и музыку. И историю музыки. Мы подумали, что вам было бы интересно побеседовать с таким увлечённым человеком.

— О, конечно! Нынешняя молодёжь, увы, забывает истоки. А кто не помнит прошлого, не имеет будущего. Искусство же, искусство вечно, особенно искусство музыкальное. Ведь музыка — это универсальный язык Вселенной, — старик уже настраивался на свою излюбленную волну. Найт пробормотал:

— Музыка? Я думал, математика… — он в растерянности уставился на близнецов, которые потихоньку пятились к лифту.

— Что вы, юноша! Музыка, только музыка! Пойдёмте, я вам всё покажу.

— Ну, вы пообщайтесь, а мы скоро вернёмся. Найт, мы на часок, — с этими словами братья ретировались, и Найт остался один на один с хранителем старины.

Майкро Старр походил на истощённую черепаху или на призрак, который заблудился среди этих стеклянных коробок, сочащихся мягким светом. Но он прекрасно ориентировался среди них. Вскоре Найт забыл о неловкости, с жадностью слушая рассказ старика, почти такой же увлекательный и интересный, как у Дэнкера Миккейна, даже фразы попадались похожие. Кстати, надо бы по возможности сообщить любимому учителю об успехе в столице! Пусть пока маленьком, но успехе…

Майкро Старр удивительно стройно повествовал о развитии музыки от древнейших времён до конца доядерной эпохи, о Тёмном Времени, о первых восстановительных работах, о потерях и обретениях, об удивительных открытиях «хорошо забытого старого».

Он останавливался рядом с некоторыми коробками и нажимал кнопки на специальных панельках — так можно было включить запись того или иного инструмента.

Найт слушал как заворожённый. Майкро Старр тем временем повёл его к панели с целым рядом наушников. Каждый желающий мог послушать музыку давно ушедшей эпохи и самостоятельно провести параллель с современными сетами модных диджеев.

— Вот, юноша, полюбопытствуйте. Это классика. Сейчас такое вряд ли станут играть в клубах.

Найт поспешно надел наушники, но при нажатии кнопки услышал вовсе не что-то похожее на Вивальди или Генделя. Минималистичная, глуховатая электроника. Совсем, как сейчас сказали бы, «плоская». Ровный ритм, никаких модных синкоп, обычный человеческий голос, изменённый вокодером. Молодой киборг слегка скривился и сказал:

— Но ведь это не классика! То есть это как бы современная классика, но не…

— Узнаю, узнаю неугомонного Дэнкера! — тихо усмехнулся старик, покачав головой. На изумлённый взгляд альбиноса он ответил:

— Вы же учились в Броксе?

— Да.

— И историю вам читал некий Дэнкер Миккейн? Ах, помню этого юношу. Весьма талантлив, но, увы, склонен к ненужному бунтарству. Вы правы, Найт. С точки зрения человечества в целом эта музыка не является классикой. Но с точки зрения истории

нового человечества — является. И знаете, почему?

Найт отрицательно покачал головой.

— После Пыльной Войны старая цивилизация не исчезла бесследно. Она разлетелась на осколки. К этим осколкам относилась и музыка того времени. Как правило, выживали в Тёмное Время сильные, агрессивные мужчины. И музыку они любили соответственную, бережно сохраняя носители — диски, кассеты, которые представляли собой материальную память о прежней жизни. Эта память переходила из поколения в поколение, превращаясь в семейную реликвию. В реликвию прошлого. В эталон и классику. Правда, у Эуро и Империи произошло в этом смысле некоторое расхождение понятий. В Эуро больше чествуют так называемый металл. А вот в Империи высокой чести удостоилась электронная музыка. Вероятно, это связанно с тем, что Империя испытала наибольшее культурное влияние полиса Муниха, некогда находившегося на территории так называемой Германии. Только назывался он тогда Мюнхен. А Эуро всё больше склоняется к культуре Свенского острова, и чует моё сердце, недалёк тот день, когда столицу Эуро из Муниха перенесут в Осло… Однако мы немного отвлеклись. Пойдёмте, Найт, я покажу вам исток всего, что вы можете слышать сейчас в клубах и Сети.

Старик и молодой киборг подошли к одной из коробок. Внутри находился очень грубо сляпанный истукан: тело его представляло собой пластиковый торс, похожий на те, что стоят в некоторых ателье для малоимущих слоёв населения; его подпирали две металлические подставки; одна рука отсутствовала, а вторая была механической, с пластиковой полурасслабленной ладонью. Голова была выполнена довольно реалистично, но всё же с наивной простотой, и заметно потрёпана временем. Найт удивился, как это лицо, скопированное с мужчины, умершего более половины тысячелетия назад, похоже на те лица, что попадаются навстречу каждый день. Пожалуй, если бы по улице прошёл человек с такими чертами, он прекрасно вписался бы в толпу. Высокий, слегка выпуклый лоб с залысинами, выдающийся треугольный нос с лёгкой горбинкой, круглые, типичные для среднестатистического имперца, светлые глаза.

— Конечно же, это не истинное начало всех начал, — вздохнул господин Майкро Старр. — До них, в самом начале двадцатого века доядерной эпохи, было объединение творческой богемы Dada, породившее машину Noise Intoners. Затем — Стравински и Кандински… простите, это произносится как Стравинский и Кандинский. Затем — господин Теремин. Затем —

первый в мире аналоговый синтезатор Moog. И вот, наконец, пришли они. Люди, возведшие Машину в абсолют. После них все прочие были лишь вторыми.

Старик выдержал паузу, глядя на истукана под стеклом, словно загипнотизированный. Вдруг встрепенулся и энергично засеменил куда-то, бормоча на ходу:

— Позвольте, я всё-таки включу для вас…

Через минуту что-то щёлкнуло, и в помещении гулко разнеслись смутно знакомые Найту звуки, такие же плоские и нарочито-ритмичные, как те, что он слушал совсем недавно. Механический голос заговорил что-то, и Найту показались знакомыми некоторые слова. «Мы», «роботы», «батарея», «энергия», «механика». Только произносились они странно. Истукан вдруг дёрнулся, завертел головой, плавно приподнял руку и прижал её к пластиковой груди. Найт улыбнулся, с интересом следя за его скудными, отточенными движениями. Сейчас танц-андроидов делают с такими движениями, но вроде бы стремятся к большей натуральности.

Вдруг истукан протянул единственную сохранившуюся руку к своему зрителю и повернул к нему голову. Найт вздрогнул. Ему показалось, что эта кукла смотрит на него осмысленно. В уголках узких, красиво очерченных губ пряталась улыбка Джоконды.

Найт осторожно приложил к стеклу ладонь. Кукла смотрела на него лишь мгновение, потом снова завертела пластиковой головой из стороны в сторону, поскольку несовершенство конструкции не позволяло сделать больше никаких движений. Наваждение схлынуло, Найт качнулся назад и потряс головой. Наступила тишина. Истукан замер, держа руку напротив несуществующего сердца.

Найт вдруг ощутил невероятную полноту и совершенство этой примитивной музыки. Ничего лишнего, чёткость, бесстрастность, безэмоциональность, математическая точность. Универсальный язык Вселенной.

Зачем глупые люди хотят придать машинам «естественность»?

— Вам понравилось? — скорее утвердительно, чем вопросительно сказал Майкро Старр, появившийся из темноты. — Неужели вы никогда не слышали этого откровения, этих предтеч? Kraftwerk. Если вы интересуетесь искусством и историей, то обязаны были слышать.

— Ах да, точно, название слышал! — кивнул Найт.

— Их было четверо. Как стихий. Или всадников апокалипсиса. Хм… Бытует мнение, что они были первыми киборгами доядерной эпохи или, по крайней мере, дистанционно

управляли своими механическими двойниками при помощи каких-нибудь мнемокабелей. Но всё же эти версии несостоятельны, так как в то время не существовало подобных технологий. Это просто кукла, увы.

— Более древние цивилизации считали, — проговорил Найт, заворожено глядя в глаза истукану, — что в куклу может переселиться душа человека после смерти.

— Почему нет? — с удивительным спокойствием пожал плечами господин Старр.

— Когда откроется экспозиция, записи их музыки можно будет купить в сувенирной лавке, — сказал смотритель музея после паузы. И через секунду добавил: — Однако что-то подсказывает мне, что ждать вам не хочется.

Найт смущённо улыбнулся. Старик похлопал его по мускулистому предплечью сухонькой лапкой и опять исчез в темноте. Найт снова взглянул в лицо кукле. Та смотрела на него с неживым, каким-то космическим спокойствием, точно знала все тайны мироздания. Её нарисованные глаза видели расцвет и закат доядерной эпохи, вероятно, видели и Тёмное Время и с таким же точно спокойствием посмотрели на того археолога, что откопал эту куклу где-нибудь в пустыне, а быть может, на того подводного пирата, что поднял её со дна Эурийского моря. Наверняка эти глаза увидят расцвет и закат Империи. Быть может, даже нескольких Империй. Одни народы будут править другими, история будет ходить по кругу, а механическая кукла с улыбкой Джоконды будет безразлично смотреть на эту суету.

Найт уходил из музея, прижимая к груди целый ворох дисков, подаренных Майкро Старром, и чувствуя радостное возбуждение.

Ещё совсем недавно его душа металась между ураганом чувств и полным эмоциональным штилем. Хрупкая, как снежинка, пронзительная «Зима» и хор маленьких ангелов среди холодных туч спорили в Найте со скрежетом шестерней. Но теперь в этой новой классике, бесчувственной, но вызывающей эмоции, душа молодого киборга обрела равновесие.

Глава 41

Близнецы, казалось, забыли о его существовании. С них станется. Впрочем, Найт не обижался. Он понимал, что у Генриха и Штэфа есть своя жизнь, и он не вправе требовать к себе особого внимания.

Вместо того чтобы сидеть и ждать или без дела слоняться по саду, Найт решил потратить время с пользой. К чему располагало ещё и приподнятое настроение. Он тщательно изучил перечень музеев в Комплексе, выбрал несколько, посмотрел на трёхмерной карте, где они находятся, составил наиболее рациональный маршрут и отправился поглощать пищу для ума, бережно уложив подаренные Майкро Старром диски в сумку.

Найт посетил выставку абстрактных голограмм, погулял среди причудливых растений — генетических новоделов, полюбовался экспозицией защитной амуниции от Средних веков доядерной эпохи до первых биомехов.

Наконец он очутился в обширном зале, в котором из-за рассеянного освещения терялись очертания стен и потолка. В хаотичном порядке тут и там торчали прозрачные панели, внутри которых мерцали двухмерные голограммы. Это были зацикленные короткие видеоинсталляции. Везде одно и то же — обнажённые мужчины разных возрастов и телосложения, полностью покрытые белой краской, которые манипулировали с отрезом полупрозрачной алой ткани. Кто-то неуверенно и смущённо прикрывался ею, переминаясь с ноги на ногу, кто-то исполнял откровенный эротический танец, кто-то просто лежал, кто-то красиво демонстрировал мышцы, кто-то бежал, подняв руки, и над головой его вился, словно язык пламени, алый шлейф. Были здесь и просто фотографии в полный рост. Всё те же белые мужчины. Всё та же алая полоса, перечёркивающая их тощие, полные, мускулистые, поджарые, гибкие или подростковые тела. Среди них попадались даже киборги, судя по чёрным полоскам на губах и стабилизаторам на спинах.

Найт был так увлечён голограммами, что не сразу заметил наблюдающего за ним мужчину. Смуглый брюнет средних лет с жгучим, просто рентгеновским взглядом. Он был почти одного роста с Найтом, но заметно шире, и строгий чёрный костюм едва не лопался по швам, обтягивая могучие мускулы. Из-за стрижки «площадкой» его голова была квадратной. Мужчина казался чёрной прямоугольной заплаткой на белоснежной скатерти.

Найт из вежливости старался игнорировать навязчивый интерес. И вдруг обнаружил мужчину совсем рядом.

Тот улыбнулся немного резкой улыбкой и протянул руку в кожаной перчатке:

— Добрый день. Надеюсь, я не оскорбил вас своим пристальным вниманием. Не могу пройти мимо такого великолепного типажа. Вы альбинос, если не ошибаюсь?

Найт пожал руку сперва вяло от растерянности, а затем вполне твёрдо, но всё же сдержанно, тщательно дозируя силу.

— Эм… Не ошибаетесь. Но при чём тут…

Мужчина резко вскинул ладонь и перебил:

— С каким цветком вы могли бы себя сравнить?

— Простите, а с кем имею честь? — сурово, но вежливо спросил Найт.

— С каким цветком вы могли бы себя сравнить? — размеренно повторил странный мужчина.

— С розой, — ляпнул вдруг Найт первое, что всплыло в его памяти. Он дерзко взглянул в чёрные глаза незнакомца.

— Почему?

— Потому что с шипами.

Мужчина неожиданно рассмеялся, но не издевательски, скорее, как от хорошей шутки.

— Подумать только, какая мелодрама! Держу пари, это мнение какой-нибудь сучки. Меня интересует ваше личное мнение.

Найт нахмурился и вдруг проговорил:

— Тогда с эдельвейсом.

«Почему эдельвейс? При чём тут эдельвейс? Какого чёрта вообще происходит?! Что я несу? Чёрт, киборг сравнивает себя с каким-то цветочком!»

— Прекрасно, — прошептал мужчина, прищурившись и буквально спуская с Найта кожу этим взглядом. — «Благородный белый». Хрупкий, с виду такой болезненный, но обитающий среди камня и льда, где жизнь кажется невозможной. Прекрасно.

Красивым и стремительным движением он вынул из внутреннего кармана пиджака визитку и протянул Найту.

— Вольф Рамм. Художник. Я буду ждать вас завтра.

С этими словами он сдержанно, но весьма крепко пожал Найту руку и отступил за одну из панелей. Найт повертел визитку в пальцах, ровным счётом не понимая ничего из только что случившегося. Потом он поднял голову и огляделся. Чёрного прямоугольника нигде не было видно. Найт обошёл зал, но Вольф Рамм словно в воду канул. Если бы не материальное доказательство его существования — визитка, Найт решил бы, что ему всё привиделось.

От пронзительной трели коммуникатора парень едва не

подпрыгнул.

— Мы тебя потеряли, ты где? — раздался в динамике голос Генриха. — Выходи, мы тут такси держим.

— Да, иду, — чуть сбивчиво ответил Найт и поспешил прочь из белого зала.

До вечера братья катали его по Октополису. Перекусить останавливались в небольших тихих кафе или покупали баночки с белковыми коктейлями и тонкие роллы в уличных автоматах. Успели даже посетить обещанные водопады. До дома добрались за полночь, и голова Найта буквально раскалывалась от шквала новой информации и впечатлений. Наскоро поужинав, он принял душ и попытался лечь спать в надежде, что неугомонные братцы забыли о своём требовании вытянуть из него немного интимных историй. К сожалению, те всё прекрасно помнили. После получаса отнекиваний, отмахиваний и неуклюжей лжи Найт предпочёл признать себя девственником. Близнецы клятвенно пообещали завтра же помочь ему справиться с этим тяжким недугом. Поблагодарив за трогательную заботу, Найт блаженно вытянулся во весь рост на матрасе, купленном специально для него.

Утром он проснулся от звуков оживлённого спора: братья решали, в какой бордель везти их девственного друга. За барной стойкой они оба сидели абсолютно голые, как ни в чём не бывало попивая кофе и вырывая друг у друга ноут, чтобы набрать тот или иной адрес и определиться с маршрутом.

— Доброе утро, ребята, — помахал рукой Найт, чувствуя, что ещё немного, и сам не постесняется шататься голым по квартире, почёсывая при этом задницу. С кем поведёшься… Одна надежда — спрятаться от «Сумасшедших Сестричек» в казарме с завтрашнего утра. А сегодня, пожалуй, стоит попробовать удрать от них к тому странному типу из галереи. Его чёрную визитку Найт всё-таки не выбросил, хотя искушение было велико.

— Присоединяйся, — позвал Генрих Найта за стол. Пока альбинос молча ел бутерброды, запивая кофе, близнецы не прекращали своей дискуссии.

— Тебе какие нравятся, полная операция или с сюрпризиком между ног? О, смотри, вот тут девчонки неплохие. Всякие есть…

— Нет, давай лучше сюда, тут подешевле, а девчонки не хуже.

— А чего дешевить-то?

Найт только кивал на это. Затем привёл себя в порядок, оделся и сообщил, что ему необходимо съездить по делам, но прежде попросил разъяснить ему принцип программирования маршрута в автоматическом такси.

— По каким таким делам, а?

Уже через пять минут дотошные братцы выудили из Найта информацию о Вольфе Рамме.

— Да пристал какой-то странный тип, пока я вас ждал. Назвался художником. Имя такое металлическое…

Найт посмотрел на визитку и произнёс:

— Вольф Рамм.

Глаза братьев стали круглыми.

— Вольф Рамм? Ну ты даёшь! Это ж надо! Мы его, понимаешь, по сучкам тащить хотим, а наш невинный скромник и сам с усам! Ты погляди, к кому на свидание едет! — затараторил Генрих.

— Чувак, это же самый наикрутейший и наимоднейший псих столицы! Его пару лет назад даже запрещали, да и сейчас он по грани ходит. Кстати, если б не он, не было бы и «Сумасшедших Сестричек». Он нас, можно сказать, раскрутил, — подхватил Штэф.

— Ага, и развратил, — прыснул со смеху Генрих.

— Ну повезло тебе, красавчик.

— Или не повезло. У него оборудование будь здоров. Не соглашайся быть снизу ни за что!

Найт всё сильнее хмурился с каждым их словом и был готов немедленно смять визитку и выкинуть её прочь. Как он сразу не догадался? Интересно, а эта выставка с красной тряпкой — что, картотека его любовничков?

— Да ладно, может, он и правда тебя только сфоткать хочет и всё.

Найт поник плечами и насупился. И вдруг Генрих положил ему руку на плечо.

— Ну ты чего? Не обижайся. Ты на это позитивно посмотри. Ведь ты же ему действительно понравился. Он на всякое дерьмо не бросается, со вкусом у него более чем порядок. Может, кстати, ты ему как сексуальный объект и не нужен. Ты пойми, он же прежде всего художник. А уж потом… ну… э… всё остальное. Найт, а Найт. Ну если не хочешь — не едь. Мы вон парочку адресов подыскали, там девочки умелые, вмиг тебя исправят…

— А поеду! — решительно заявил вдруг Найт, подняв голову и чуть прищурившись.

— Молоток! — Генрих хлопнул его по плечу и улыбнулся. Найту показалось, что улыбка приятеля вышла натянутой.

Близнецы с большим рвением разъяснили ему, как пользоваться автоматическим такси. Электронная визитка облегчала задачу — достаточно было провести ею, как кредиткой, по специальной считывающей панельке, и останется

толькорасслабиться и наслаждаться видами за окошком.

Попрощавшись с приятелями, Найт закрыл дверцу и активировал автопилот.

— Возвращайся с победой! — махали ему вслед Генрих и Штэф.

Глава 42

Такси с шорохом замерло на монорельсе, дверца поднялась, и Найт ступил на бетонное покрытие площадки. В паре десятков метров в промозглом осеннем тумане темнели очертания небоскрёба. Солнце уже взошло, но было таким бледным, что люди разгоняли полумрак в своих квартирах электричеством. Сверившись ещё раз с адресом, Найт глубоко вздохнул и решительно двинулся к центральному входу.

В обширном холле с полом в крупную чёрно-белую клетку в кадках стояли растения, на стенах то и дело возникали радужные разводы и распускались диковинные бутоны фракталов, освещая пространство лоскутами разноцветного света. Рядом с каждым лифтом располагался видеофон. Найт взглянул на визитку, затем набрал код нужной квартиры. Господин Рамм не счёл нужным включать обратную видеосвязь, и экранчик оставался тёмным, когда раздался его низкий благородно-хрипловатый голос:

— Ты не заставил себя ждать, Эдельвейс. Это делает тебе честь. Входи.

Открылись дверцы одного из лифтов. Найт, помедлив секунду, шагнул внутрь.

Ехать пришлось довольно долго: художник, вероятно, жил очень высоко. Но вот лифт остановился, и дверцы раскрылись.

Найт оказался почти на такой же точно площадке, как внизу. Здесь было всего три двери с экраном видеофона на каждой. Вдруг все экраны вспыхнули, и на них появилось лицо господина Рамма.

— Добро пожаловать, — улыбнулся он. — Входи, куда хочешь.

И сразу же все три двери открылись с лёгким гудением. Найт успел заметить, что они очень толстые и, судя по конфигурации магнитных задвижек, вряд ли подвержены взлому. За каждой из дверей оказался отдельный узкий коридор, выложенный кафелем и световыми квадратными панелями. Один — с красным полом и стенами в чёрно-белую клетку, другой — с чёрным полом и бело-красными стенами, а третий — с белым полом и красно-чёрной мозаикой. От этого сочетания у молодого киборга едва не зарябило в глазах, но совершенные визоры легко справились с цветовой атакой.

Он ступил на белые гладкие плиты. Двери синхронно захлопнулись.

— Ты найдёшь меня сам, — послышался, казалось, отовсюду голос Вольфа Рамма.

Найт повертел головой по сторонам и двинулся по коридору. Справа и слева стали попадаться двери. Толкнув первую попавшуюся, Найт оказался в тёмном помещении, судя по движению воздуха, просто огромном. Не удивительно. Квартира Вольфа Рамма, кажется, занимала весь этаж. Молодой киборг собрался было переключить визоры в режим ночного зрения, но вдруг щёлкнуло, загудело, и помещение взорвалось ослепительным светом, а по всему периметру плавно поднялись плотные жалюзи. За сплошным окном, опоясывающим весь зал, плыли облака, а на толстом стекле оседали капельки влаги. В центре зала располагался маленький кофейный столик из чёрного стекла и два кресла, в одном из которых сидел хозяин апартаментов. На столике стояли два бокала с тёмно-красным вином.

— Присаживайся, — пригласил Вольф Рамм.

Найт приблизился и сел, держа спину прямой.

— Выпей, ты должен быть расслаблен.

Найт почувствовал, что сейчас просто необходимо прояснить ситуацию, и твёрдо заявил:

— Послушайте, прежде я хотел бы…

— Ты должен выпить, — прервал его Вольф Рамм.

— Извините за беспокойство, — Найт решительно поднялся и шагнул к двери.

— Сядь, — негромко велел художник спокойным тоном.

И Найт почему-то сел.

— Ты пришёл. Значит, должен остаться, — Вольф Рамм немного наклонился к нему, и молодой киборг невольно уставился на его губы с сексуальной ямкой посередине. — Ты сам выбрал этот путь, и вот ты здесь. Теперь пей.

«А какого, собственно, чёрта? Что мне будет?» — дерзко подумал Найт и залпом осушил свой бокал. Это было что угодно, но не вино. Закашлявшись, парень помотал головой и проговорил:

— Что это? Какой-то наркотик?

— Это твоё освобождение.

— Что вы хотите? — перестав кашлять, спросил Найт.

— Я хочу оставить тебя себе.

— Я неправильно понял ваше приглашение, прошу меня простить, — на этот раз Найт твёрдо решил уйти, здравый смысл взял верх над любопытством и чарами этого человека. Но едва он встал, как в теле взорвался огненный шар, пол качнулся под ногами, и Найт почувствовал, как его крепко обнимают сильные руки. Горячие, обжигающие. Найт чувствовал чужой пульс, чувствовал, как в его собственном теле циркулирует кровь, как с

шипением воздух входит в лёгкие, как тонко покалывает электричество в висках.

— Что вы мне дали? — хрипло проговорил он.

— Пойдём, — Вольф Рамм поддержал парня, но тот мог идти самостоятельно, тело его наполнилось упругой расслабленной грацией дикого зверя.

Найт изо всех сил цеплялся за ускользающее сознание, смотрел сквозь прорези своих глаз как будто издалека. Он чувствовал невероятную энергию, силу, животную страсть, желание бежать изо всех сил. Бежать вперёд, куда глядят глаза. Избавиться хоть от крупицы переполняющей его энергии.

— Жарко… Жарко… — хрипло и невнятно шептал он, наблюдая словно со стороны, как его руки расстёгивают куртку, швыряют её куда попало, стягивают тонкий свитер, расстёгивают ремень.

Перед его лицом раздвинулись створки двери, и в глаза ударил свет. И вот он уже совершенно голый бежит вперёд.

Остановился, повернулся вокруг своей оси, глядя вверх. И увидел чёрный космос. Со звёзд вниз сыпался невесомый снег. Он покрывал сухие ветки каких-то странных, серебристых кустарников и белые лепестки астр и хризантем. Найт медленно двинулся сквозь этот сказочный лес, плавно пригибаясь, поворачивая голову, словно осторожное дикое животное. Но не перепуганное травоядное, а хищник, попавший на неизведанную территорию. Внимание его то и дело привлекали странные призрачные вспышки то слева, то справа, то сверху. Среди переплетений ветвей мелькали белоснежные звери и птицы. Настоящие, живые звери и птицы. Чуткий олень поднял голову и трепетал розовыми ноздрями, готовый сорваться прочь в любой момент. Павлин распустил хвост, похожий на веер из великолепного белого кружева. Позвякивал цепью громадный голубоглазый тигр, с недовольным урчанием ушедший в тень.

Найт чувствовал невероятное единение с этим причудливым местом. Здесь была жизнь. Множество запахов, звуков, ритм чужого пульса, чужой настороженный интерес. Совсем не так, как снаружи, в каменных джунглях мегаполиса.

И вдруг он заметил чуть сбоку тёмный силуэт. Резко повернулся и увидел смуглого черноволосого мужчину, который смотрел на него, как в зеркало. Сначала Найту показалось, что это господин Рамм. Но через секунду понял, что ошибся. Незнакомец ничем не напоминал художника, зато напомнил Найту его самого — только щедро одарённого меланином. Они действительно были похожи, почти как близнецы, но в то же время не имели ничего общего. Молодой киборг не успел толком

рассмотреть незнакомца, прежде чем тот растаял. Или просто шагнул назад, и его скрыли белые ветки.

Найт ломанулся как медведь следом за своим видением и вышел к небольшому холму, усыпанному цветами. На вершине холма сидело обнажённое создание одного с Найтом биологического вида, но противоположного пола. Белое на фоне чёрного звёздного неба, тоненькое, хрупкое, как снежинка. Найт раздул ноздри, ловя тонкий аромат нежной кожи, потом плавно кинулся вперёд.

Замер у подножия холма. Создание повернуло к нему треугольное скуластое личико в обрамлении облака белых волос. Раскосые прозрачные глаза сперва подслеповато прищурились, а потом испуганно расширились, и полные ярко-розовые губки приоткрылись, выпустив короткий беззвучный вздох. Тонкие руки взметнулись к маленьким грудкам, скрыв такие же розовые, как губы, соски.

Девушка-альбинос рванулась в сторону, тонкая цепочка, приваренная к изящному ошейнику, натянулась и заставила её упасть на колени. Найт приподнял лицо и медленно стал подниматься вверх по холму.

* * *

Вольф Рамм внимательно следил за происходящим в белом павильоне, манипулируя удалёнными камерами, и выбирал ракурсы поинтереснее. Наконец киборг-альбинос, назвавшийся Эдельвейсом, нашёл свой приз и закономерно взобрался на холм.

— Умница, — проговорил сквозь зубы художник, поглядывая на несколько экранов своего рабочего терминала и нажимая кнопки «фиксировать». Великолепные получатся снимки. У этого парня огромный потенциал. Внутри него дремлет настоящий дикарь. Эта серия станет, пожалуй, самой шокирующей для пресытившейся любым развратом столицы.

— Делай с ней всё, что хочешь, — Вольф Рамм повернул несколько камер, добавил снега, запустил цикл умеренного мерцания звёзд.

Но альбинос почему-то медлил. Он уселся напротив девушки, протянул руку, потрогал её лицо. Ни дать ни взять — пещерный человек. Если бы не стабилизаторы на позвоночнике…

Девушка, конечно, нервничала, но она давно смирилась со своей участью и уже тянулась к его губам приоткрытым послушным ротиком. Она была прекрасно дрессирована.

— Ну что ты канителишься, — Вольф Рамм начал терять

терпение. — Давай, покажи истинную природу человека. Завали её, отымей по-скотски, ну!

Эдельвейс приблизился к девушке и плавно, бережно обнял её, положив подбородок ей на макушку. Посидев так несколько секунд, он вдруг поцеловал альбиноску в лоб с такой трепетной нежностью, с какой братья не целуют сестёр, а отцы не целуют дочерей. И уж тем более это не был поцелуй вожделеющего мужчины. Так ангелы целуют смертных.

Художник медленно откинулся в кресле. Потом усмехнулся и закурил.

— Вот засранец! — покачал он головой, улыбаясь. — Он гениален, чёрт побери!

* * *

В искусственном лесу на холме сидела маленькая, тоненькая девушка, похожая на дочку Снежной Королевы, а на её коленях спал, свернувшись клубком, громадный киборг с таким же точно генетическим нарушением, как у неё. Она трепетно гладила его хрупкой полудетской ручкой по голове и чувствовала невероятное притяжение к нему.

Они были тождественны друг другу, они были одинаковой породы. Одни в целом мире, одни на белоснежной искусственной планете под чёрным звёздным небом. Словно новые Адам и Ева.

* * *

Найт проснулся от ощущения, что его долго и настойчиво пинают в бок. Но с удивлением обнаружил, что находится в комнате один. Комната была незнакомая, вся обитая бордовым шёлком и приятно освещённая несколькими красными светильниками. Из мебели — небольшой столик, пара глубоких кресел и огромная полукруглая кровать, посреди которой он лежал голый, раскинув руки и ноги. Покрывало винного цвета скомканным валялось на полу.

Первый день службы — внезапно ударила мысль, от которой Найта прошиб холодный пот. Он вскочил на ноги, метнулся в одну сторону, в другую, схватил свою одежду, заботливо развешенную кем-то на подлокотнике кресла, начал судорожно, но с солдатской сноровкой одеваться, смутно припоминая, что же произошло.

«Я идиот! Я просто полнейший придурок! Как я мог так

безалаберно поступить?! Говорил же себе, что больше никогда напиваться не буду! Говорил же! Чёрт, да лезь ты!» — думал он, яростно пихая ногу в штанину.

Вдруг с уютным скрипом приоткрылась обыкновенная, на петлях, дверь, и в комнату вошёл господин Рамм с подносом в руках, на котором стояла пара тарелок с чем-то весьма аппетитным на вид и высокий стакан с прозрачной жидкостью. Мужчина добродушно рассмеялся, увидев панику на лице парня, и поставил поднос на столик.

— Если тебя интересует, сколько ты проспал, то не беспокойся, всего лишь четыре часа, — сказал Вольф Рамм. — Надеюсь, ты не торопишься? Я подумал, после фотосессии ты захочешь поесть.

Найт буквально рухнул на кровать всем весом.

— Чёрт… Я чуть не умер от разрыва сердца! Завтра в шесть утра мне нужно быть в казарме, — нервно рассмеялся он.

— О, похоже, я увековечил доблестного защитника столичного порядка? Силовая полиция? — произнёс Вольф Рамм баском, присаживаясь в кресло.

— «Шершень», — придя в себя и усмирив сердце, ответил Найт и принялся одеваться гораздо спокойнее.

— Потрясающе. Однако много же среди «Шершней» талантливых юношей. Признаться, ты меня поразил. Настоящее откровение, новое слово в галофотографии. Я хотел бы продолжить с тобой сотрудничать. Надеюсь, визитку ты сохранил?

— Благодарю за предложение, господин Рамм, но я боюсь, что моя работа не позволит мне слишком часто с вами видеться.

— Часто и не нужно. Ты — как раз тот случай, когда качество превыше количества, — отмахнулся художник. — Ну же, не стесняйся, перекуси хоть немного. Должно быть, ты ужасно голоден после этого стимулятора.

Найт и вправду чувствовал, что мог бы съесть целый ящик мясных брикетов. Но на угощение покосился опасливо. Желудок тоскливо заурчал.

— Не бойся, — засмеялся художник. — На сей раз всё натуральное и без всяких препаратов. Я был вынужден добавить кое-что в вино. Сам посуди, как долго мне пришлось бы уговаривать тебя раздеться и поиграть в зверушку. К тому же, мне нужна была полная естественность, первобытная дикость, абсолютное отсутствие контроля со стороны разума. Такого состояния не каждый даже под препаратом достигает. Но ты превзошёл все мои ожидания.

Найт уже принялся за еду, стараясь вести себя сдержанно, но

всё же куски глотал почти не жуя. О, блаженство! Как же вкусно!

Прожевав и запив чистейшей водой, Найт отодвинул тарелки и проговорил:

— Господин Рамм, у меня к вам два эм… вопроса… несколько, быть может, странных…

— Слушаю, — художник закинул ногу на ногу и сцепил руки в замок, обхватив ими колено.

— Мы с вами не спали? — шёпотом спросил молодой киборг и покраснел до корней волос.

— Нет. Не знаю уж, что тебе про меня наговорили, но я предпочитаю заниматься сексом с существами в здравом уме и трезвой памяти.

Найт облегчённо вздохнул, но художник снова вогнал его в краску:

— Хотя, признаться, ты пробудил во мне некоторые чувства. А каков второй вопрос?

— Второй… Ах, да… Те люди… Смуглый мужчина и девушка в лесу, на холме… Скажите, они настоящие или мне всё привиделось?

— Никакого мужчины у меня в павильоне не было, кроме тебя. Это я могу сказать с уверенностью.

— А… А девушка? — прошептал Найт.

— А вот она настоящая. По сути, это результат эксперимента. Некоторые мои знакомые проводят нелегальные опыты — пытаются отфильтровать хромосомы таким образом, чтобы восстановить генотип исчезнувших рас. К примеру, её можно было бы назвать азиаткой, хотя по своей сути она не азиатка, просто в её внешности проявились многие черты монголоидной расы. Как в тебе проявились черты североевропейской реликтовой расы… Эм… Как же она… Дальской. К сожалению, девочка родилась очень болезненной, практически слепой и глухой, она не умеет разговаривать, заметно отстаёт в развитии. Вдобавок ко всему ещё и генму… Ох, прости.

— Всё в порядке. Я привык, — усмехнулся Найт. Потом, покусав нижнюю губу, он спросил:

— А как её зовут?

— Обычно я зову её Юкки, но также у неё есть несколько других имён — Бьянка, Снежана, Альбина, Беляна; некоторые называют Снежной Принцессой. Она довольно популярна в Сети. Даже есть клубы поклонников. Парочка толстосумов хотела её выкупить. Пытались даже натравить на меня Генетическую комиссию. Но с документами всё в порядке.

— Она ваша жена? — спросил Найт упавшим голосом.

— Нет, что ты. Она бесплодна. Да и у меня не всё ладно с

генетикой. Я держу её исключительно как предмет искусства. По сути, она и является таковым. Предмет генетического искусства. Идея коллекции давно меня посетила, но найти альбиноса нынче нелегко. Вы с ней будто с одной планеты.

— Она не предмет, — буркнул вдруг Найт, и ярко-белой вспышкой в памяти резануло — колени, нежная кожа, ласковые пальцы, которые гладят его по волосам так, как только мама гладила.

Художник посмотрел на него долгим взглядом, покачал головой. Затем поднялся из кресла.

— Ну что ж, ты пока отдыхай. Если что-то понадобится, вызови меня по внутренней связи.

— Нет-нет, я не смею злоупотреблять вашим гостеприимством, — Найт быстро поднялся. — К тому же, я хотел бы подготовиться к завтрашнему дню.

Ему было неловко и даже страшновато здесь оставаться. Хотелось снова увидеть Юкки, но просить об этом он не решился.

— Хорошо. В таком случае ступай за мной, я провожу.

Всю дорогу по роскошным апартаментам, впрочем, обставленным со сдержанностью и геометрически-чётким минимализмом, Найт думал только о хрупком создании с его планеты.

На пороге художник вручил парню карту свободного посещения любой из его выставок, но Найт не пришёл ни на одну.

* * *

Новая выставка Вольфа Рамма из серии «Чёрное. Белое. Красное» под названием «Эдем» взорвала все чарты, вызвала бурю обсуждений, критики, похвальбы и вошла в список самых знаковых событий современной культурной жизни Империи. «Поцелуй ангела» стал таким же брендом, как «Танцующий Альбинос».

Бесконечные подражатели пытались в дальнейшем воссоздать в своих творениях такую же чистоту, изначальность, лаконичность, как у скандального гения Рамма. Но безуспешно.

Только его глухонемая «Ева» и полумеханический «Адам» были первыми и истинными.

Глава 43

В тот день, когда Найт ступил на платформу центрального вокзала Октополиса, 16 октября 328 года после Пыльной Войны, Канцлер Империи Эрц Айзэн подписал Закон о Топливе.

Отныне государство получило право монополии на производство этого продукта. У Мастеров были конфискованы все лаборатории, фабрики и заводы по производству Топлива, а также все склады, где оно хранилось. Любой Мастер, уличённый в нелегальной торговле или производстве Топлива, подлежал немедленному аресту, лишению права собственности на город, на любое движимое и недвижимое имущество, а в особо тяжких случаях ему грозила смертная казнь через аннигиляцию первой степени. То есть полное уничтожение тела путём разложения его на субатомарные частицы.

Открылись специальные центры, в которых Топливо официально продавалось по вполне приемлемым ценам, и это значительно облегчило жизнь зависимым киборгам: не нужно было больше отдавать последние деньги, продавать части своего тела, заниматься проституцией и идти на преступления. Те киборги, которые уже не могли существовать без этого снадобья, добровольно сдавались в так называемые «хосписы», где их подключали к Топливным генераторам, и где они доживали свой короткий век.

Все топливозависимые становились на строгий учёт. К этому моменту в Империи насчитывалось несколько сот тысяч так называемых бесхозных киборгов (они предпочитали называть себя свободными), которые по тем или иным причинам лишились своего Мастера и вынуждены были заменить легальные инъекции более разрушительным аналогом. Большинство приняло Закон с воодушевлением.

Но оказались и такие, кто предпочёл скрыться от всевидящего ока правительства и даже вырезать свой биочип, лишь бы не попадать под колпак. Многие из них и вовсе избавились от зависимости тем или иным образом — чаще всего простым удалением стабилизаторов — и теперь представляли собой весьма опасное явление. Улицы средних и нижних уровней мегаполисов наводнили профессиональные убийцы в отличной боевой форме и без какого бы то ни было сдерживающего фактора. Некоторые из них всё же одумывались и приходили с повинной. Тогда их снова комплектовали полным набором стабилизаторов и подсаживали на Топливо. Это было губительно вдвойне: однажды избавившись от зависимости, а потом снова

приняв хотя бы одну дозу, киборг уже не мог излечиться и погибал гораздо быстрее, чем если бы никогда раньше не принимал Топлива. Но зато это позволяло хоть немного пожить в полном покое.

И всё же основная масса свободных киборгов, в особенности тех, что сумели излечиться от Топливной зависимости, не согласилась с подобными реформами.

Среди них был некий Бехард Зильбер, считавшийся когда-то одним из лучших ликвидаторов в Империи. Его репутацию подпортила работа на Советника Мастера Джекса, который оказался государственным изменником. После его казни пять лет назад киборги интригана почти все погибли, но Бехарду повезло. Долгое время ему удавалось скрываться. Он каким-то образом сумел избавиться от зависимости, но был арестован на следующий же день после вступления в силу Закона о Топливе. Его в числе прочих арестованных должны были казнить на утро.

Однако в ночь перед казнью тюрьма, где содержался Бехард Зильбер, была атакована неизвестными. Судя по всему, дело было такой опасности и важности, что мобилизовали не только почти полный боевой состав, но и новичков, и даже тех, кто должен был приступить к службе только с утра. Как, например, Найт Ирон.

* * *

Его разбудило настойчивое зудение в мозгу — так бывает только тогда, когда сигнал вызова посылается прямиком на биочип. Проснувшись, молодой киборг сел, неловким размашистым движением своротил коммуникатор со столика, рядом с которым прямо на полу устроил свою постель, но быстро пришёл в себя и вышел на связь.

Через минуту он уже впрыгивал в штаны, застёгивая ремень на ходу. Шнурки он подтягивал уже в лифте. Судя по тому, что братьев не было дома, их мобилизовали ещё раньше.

Всего за пятнадцать минут Найт прибыл в генштаб на скоростном горизонтальном лифте прямого сообщения, который близнецы показали заранее. Сержанты профессионально распределили парней на отряды, по очереди отправляя их за вооружением и амуницией и инструктируя уже тех, что были готовы.

Конечно, самое начало операции Найту застать не удалось, его маленький отряд перебросили сразу же на улицы города, по которым шла погоня за беглецами из тюрьмы. Массивный грузовой вертолёт снизился и пронёсся между домами, где ещё

как-то можно было маневрировать, а из его люка вылетали на ревущих мотоциклах «Шершни». Приземлившись, они продолжали преследование там, где вертолёт пройти не мог. Гулко рассекая воздух чёрными лопастями, машина поднялась в ночное небо и двигалась на удобной высоте. На борту присутствовало несколько полевых координаторов, которые подстраховывали своих коллег, находившихся в Башне Совета. Те и другие корректировали маршрут киборгов и заранее сообщали им о неприятных неожиданностях на пути, но полевые следили за погоней также «вживую», а не только на экранах ноутов.

«Шершни» на байках рассредоточились по запутанным узким улицам, спускаясь по автострадам всё ниже и ниже. Вероятно, беглецы намеревались уйти из города простейшим путём — через шлюзы, которые располагались на «земляном» уровне.

Мимо летели безликие серые дома-коробки бедных кварталов, всё меньше попадалось безвкусной неоновой рекламы. То там, то тут мелькали разномастные байки беглецов. Найт почти не успевал их замечать, ориентируясь только на команды координаторов: налево, направо, огонь. Впрочем, среди сплошной чёрной массы «Шершней» беглецы выделялись вполне отчётливо как пёстрые пятна. Найт даже подбил нескольких и ранил одного, но тот резко вильнул в сторону и вылетел в боковой переулок. Найт последовал за ним в числе прочих «Шершней», отделившихся от основного отряда.

Далеко впереди из-за угла вдруг показался мувер последней модели экстра-класса. Странно, что в этой клоаке делает такая роскошная машина? Беглецы огибали мувер, пока наконец он полностью не перегородил узенькую улочку. Последний из них, придерживая одной рукой какого-то молодого черноволосого и смуглого парня в седле перед собой, резко поднял байк на дыбы и перемахнул преграду. Несущиеся на огромной скорости преследователи в большинстве своём не успели затормозить. За спинами беглецов послышались взрывы и скрежет искорёженного металла по асфальту. «Шершни» врезались в мувер, вылетали из седла, перекувыркиваясь через его блестящую чёрную крышу.

Найт успел резко наклониться вбок, сжав изо всех сил рычаги тормозов на руле. Стирая шины об асфальт, его байк неумолимо летел навстречу огненному аду, грозя упасть набок и размозжить ногу Найта. Затормозить всё же удалось.

Найт быстро огляделся по сторонам. Многие его соратники катались по земле, пытаясь сбить пламя. Но их товарищи уже пришли на помощь, а прочие быстро сориентировались и открыли огонь по машине. Найт присоединился к ним. Мувер превратился в огненный шар. Кто бы ни был за рулём, он принёс себя в

жертву, прикрывая отход остальных преступников, совершивших побег из тюрьмы…

И вдруг Найт разглядел среди чёрных клубов густого дыма громадный, почти прямоугольный силуэт человека в длинном плаще. Он был весь объят пламенем. Судя по его каменному спокойствию, этот плащ — последнее слово в разработках огнеупорных тканей. Но что-то было не так. И Найт понял, что. Искры. При попадании пуль в этого человека летят искры, как от рикошета. Что же на нём за защитная амуниция такая? Неужели это мятежный Альфа?

Вдруг незнакомец приподнял руку, снимая чёрную кожаную перчатку. Его ладонь представляла собой переплетения титановых «костей», тросов, миниатюрных поршней, сервоприводов и псевдоорганических волокон. Пальцы сложились вместе, деформировались, как и сама рука. И вот вместо неё — массивное оружие, напоминающее базуку. Из сетчатого дула ударила струя напалма такой силы, что нескольких солдат смело ею, как насекомых — струёй воды из брандспойта. Найт отшатнулся, ударившись спиной о стену. Странный незнакомец тем временем медленно двинулся вперёд. Он шёл, снося огнём всё живое со своего пути. «Шершни» отступали, отстреливаясь, но никакого эффекта это не возымело. Найт поднял руку с дикрайзером, но как будто неведомая сила вцепилась в его палец, не давая нажать спусковой крючок. Сердце прыгало под кадыком. Надо выбрать момент. Надо просто выбрать момент. Он полулежал у стены, скрытый массивной тушей своего байка, целился в горящего человека и ощущал лишь невидимую, неосязаемую нить, протянувшуюся между ними. И вдруг незнакомец оглянулся и посмотрел прямо на Найта. Альбинос замер, затаив дыхание. Страха не было. Было необъяснимое узнавание. Этот мягкий поворот головы, эти скудные, чёткие движения. Лицо противника скрывали уже чуть оплавившиеся мотоциклетные очки и респиратор, но под тонированным стеклом мелькнули две алые горящие точки, похожие на огоньки лазерных прицелов.

Машина.

Это машина! Это робот! Такого не может быть!

Найт сглотнул, медленно опуская оружие.

Тем временем робот сбил пламя и перестроил руку-огнемёт обратно. Затем он поднял чей-то уцелевший байк, забрался на него и исчез в чёрном смоге. «Шершни» бежали следом, стреляя, но вскоре поняли, что преследовать бесполезно.

Через несколько минут поступил приказ сворачивать операцию.

— Эй! Ты живой? — услышал Найт как сквозь вату. Встрепенулся и разглядел перед собой взволнованное лицо какого-то капрала.

— Д… да… Да, я в порядке…

— Вставай, приказ возвращаться, — процедил тот. — Ушли черти. Ещё и Принца похитили. Хотя я считаю, что никто его не похищал. Он сам заварил эту кашу. Чёртова черномазая шлюха.

Сплюнув, капрал зашагал к остальным, чуть прихрамывая и пошатываясь. Найт встал, держась за стенку, и двинулся следом. Перед глазами всё ещё стоял горящий человек с лицом машины. По-настоящему страшное и всемогущее существо.

Вот оно, истинное равновесие. Истинное совершенство.

* * *

Сумрачное утро Найт встретил в казарме. Общая спальня была гораздо меньше, чем в Академии, — всего десять коек, и каждая отделена от остальных полупрозрачной пластиковой стенкой. По счастливой случайности все его соседи уцелели, получив незначительные ранения, в то время как несколько спален полностью опустело.

— С боевым крещением, салага, — похлопал парня по плечу один из сослуживцев, с которым он когда-то проходил практику в Харабе, Ксафан Мара. — Ты везунчик, чёрт возьми! Первый же день работы и сразу такое! Работал хорошо, молодец.

— Мы не выполнили задание, — удручённо ответил Найт. — Преступники ушли.

— Дальше не наша забота. Мы лишь исполняем приказы, — огрызнулся «Шершень». — Приказ был отступать. Они справятся и без нас. Думаешь, там дураки сидят?

Где именно сидят дураки, Найту узнавать не хотелось, по крайней мере, сейчас.

Проведя чудесные выходные и встретив на сказочной планете существо одного с ним вида, Найт сразу же после снежного рая оказался брошен в настоящее адское пекло. От столь яркого контраста, пожалуй, стоит немного отойти. Быть может, со временем он привыкнет к подобным переделкам. Но сейчас молодой киборг просто лежал на боку на своей кровати и смотрел в глубину стеклянного шара, который поставил на прикроватную тумбочку. Внутри прозрачной сферы безмятежно парили снежинки, и маленькая балерина ловила их тонкими ручками. Хорошо и тихо. И никаких взрывов.

Командование дало своим крепко потрёпанным солдатам

передышку в несколько дней. Заодно и само тщательно проверило данные новичков. Боевое задание — самый лучший, пусть и самый жестокий, экзамен. Многие новобранцы погибли в этом своём первом и последнем бою. Многие показали себя с самой худшей стороны, растерявшись, а то и просто испугавшись. Однако мнения насчёт альбиноса из Нидрэда практически у всех офицеров сошлись в том, что парень обладает недюжинным талантом. Как слаженно работает в группе. Как чётко действует в нештатной ситуации. Хладнокровен, как рыба. Техничен, как автомат по сборке микропроцессоров. Разумеется, никто из них не видел Найта сейчас, тихонько лежащим на кровати в позе эмбриона.

* * *

Те самые «они», о которых говорил Ксафан, и правда прекрасно справились без «Шершней», через пару дней доставив Его Высочество в Дом Совета. Найт узнал об этом из разговоров соратников и проникся уважением к пока ещё неведомым ему спецслужбам. Неужели работа тайной полиции? Много о ней слухов и небылиц ходит. Некоторые даже поговаривают, что никакой тайной полиции не существует. Как бы то ни было, Принц Империи Велиар Айзэн был доставлен в целости и сохранности.

А на следующее утро после этого Найта разбудил сосед, настойчиво тряся за плечо. Альбинос раскрыл глаза и увидел в предрассветном сумраке испуганное лицо Ксафана. Тот проговорил севшим голосом:

— Вставай. Власть переменилась!

* * *

Через полчаса Найт, облачённый в форму, стоял в огромном зале в одной из нескольких сотен стройных шеренг «Шершней». По периметру зала стояли отряды киборгов Альфа, выстроенные массивными квадратными «коробочками». Цвет силы Империи. Её сокрушительный железный кулак.

На высоте в пару десятков метров находился одинокий балкон, украшенный чёрными стягами Империи. Вскоре взглядам солдат предстал Его Высочество в сопровождении нескольких охранников, киборгов Альфа, а также полного состава Советников.

Найта поразила бледность Принца Велиара. Ведь он же по своему этническому происхождению перс! Он должен быть смуглым. Да и волосы цвета воронова крыла непривычны для людей со столь светлой кожей. Приглядевшись ещё лучше, как только могли позволить сложные визоры, Найт с удивлением отметил, что лицо Принца скорее напоминает пластиковую маску, несмотря на поры и мельчайшие морщинки, будто у живого, а его чёрные глаза словно остекленели.

А ещё Принц не дышал.

Он приподнял руку в элегантном приветственном жесте, кивнул в ответ на слаженный хор голосов: «Вива Империя!»

Но он не дышал!

Найту на долю секунды померещилось, что над пальцами Его Высочества вот-вот мелькнет тончайшая леска. А за спиной его словно маячит тень кукловода. Огромная, прямоугольная, с широченными плечами. И с красными огоньками глаз.

Найт моргнул, и наваждение исчезло.

— Мои верные воины. Воины нашей великой Империи, — заговорил тем временем Принц. — Я собрал вас здесь, чтобы встретить грядущее. Мы ступаем на путь, предсказанный древними философами, на путь, ведущий к совершенству. Больше никаких ошибок, слабостей, компромиссов. Лишь чёткое, логичное, безупречное функционирование. Лишь уподобившись Машине, Империя достигнет истинного величия, а человек — совершенства.

Он поднял правую руку, сжав кулак, как того требовали традиции, но вдруг разогнул два пальца — указательный и средний — в знаке «виктория» и зычно крикнул:

— Вива Машина!

Через секунду абсолютной тишины в ответ раздался громкий, чёткий возглас, полный рвения:

— Вива Машина!

Найт стоял, вскинув лицо и протянув руку к Принцу в точно таком же жесте. Его глаза сверкали воодушевлением. Он всем сердцем желал перемен, о которых говорил Его Высочество. Наконец-то будет порядок! Безупречный порядок как в работе чётко отлаженного механизма.

— Вива Машина! — раздалось через мгновение отовсюду.

— Вива Машина! — рос частокол сильных рук, будто поднимался из тумана диковинный лес.

— Вива Машина!

— Вива Машина, — сказал Принц, опуская руку. — Я, Император Велиар Айзэн, говорю: да будет так.

Советники за его спиной, бледные как полотно, тоже

восславили Машину, не какую-то конкретно (хотя Найт мог бы с уверенностью назвать, какую такую «машину»), но Машину в широком понимании этого слова. При этом они опустили лица, удручённо вздыхая.

Глава 44

22 октября 328 года Принц Империи Велиар Айзэн принял власть по причине безвременной кончины господина Канцлера и официально провозгласил себя Императором. Наследником должен был стать шестнадцатилетний сын Эрца Айзэна, но внезапно выяснилось, что он и все его братья, как и их мать, мертвы. Официальные источники сослались на инфекцию.

Никто не мог сказать с уверенностью, что же произошло на самом деле. Канцлер, несмотря на весьма зрелый возраст, отличался отменным здоровьем. И вдруг — сердечный приступ. По крайней мере, согласно заявлениям патологоанатомов.

Церемония кремации тела прошла по всем правилам и традициям, разве что слишком поспешно. И не успел остыть пепел господина Канцлера, как в стране последовали радикальные перемены.

Прежде всего поменяли флаг. Теперь в белом круге на чёрном поле была вписана буква V. Или римская цифра «пять» — по количеству великих империй прошлого, особенно почитавшихся в Эуро: Римская, Османская, Рейх и Единая Европа XXIII века, окончательно стёршая границы некогда раздробленного на отдельные суверенные страны Евросоюза и провозглашённая монархической державой. Поговаривали, что новая Империя теперь называется Велиарийской, но пока не было официальных заявлений.

Позже были обнародованы поправки к закону о Топливе.

Отныне все киборги, начиная с четырнадцати лет, обязаны были носить полный комплект стабилизаторов, даже если количество имплантатов было минимальным, и принимать Топливо в обязательном порядке. От этой повинности освобождались только правительственные солдаты: Альфа, Бета, часть силовой полиции и подразделение «Шершень». Наёмникам Мастеров оставили право на ношение небольшого количества вшивок лёгкой и средней группы, всё остальное они обязаны были удалить. Те киборги, что успели до 328 года обзавестись имплантатами тяжёлой группы, которые удалить невозможно, — например, эндоскелет или искусственные мышцы — обязаны были принимать двойную дозу Топлива. Разумеется, любое неповиновение закону влекло за собой арест или даже казнь.

Благодаря этой политике в столицу потянулось огромное количество киборгов. Государственная армия росла как на дрожжах и довольно скоро стала сильнее армии любого Мастера.

Силовая полиция была упразднена и расформирована между

армиями Альфа, Бета и подразделением «Шершень». На смену ей пришли человекоподобные роботы — изящные создания с бесстрастными белыми лицами из пластика. Иногда лиц и вовсе не было — просто овал хромированного металла.

Невероятные технологии авторства некоего Кукольника, главного роботроника Империи, одновременно пугали и восхищали Найта. Они действовали безупречно и гораздо техничнее, чем киборги и уж тем более обыкновенные солдаты-люди. Они не имели сомнений и слабостей. Они были прекрасны. И вместе с тем сложно представить что-либо более страшное, чем белые изящные полицаи. «Игрушки» Кукольника.

Происходящее в столице, перекинувшись и на всю остальную Империю, не было столь радужным. Гайки закручивались всё сильнее.

Найт вполне закономерно беспокоился об участи родных и близких. Тем более что многие Мастера начали бунтовать. Да и господин Миккейн, по словам Майкро Старра, отличался вольнодумством. Он имел все шансы впасть в немилость новому правительству.

Теперь Найт переписывался с любимым учителем гораздо чаще, чем раньше, а то и подолгу общался с ним по видеосвязи. И с каждым разом всё тревожнее всматривался в лицо историка, на котором мелькали сумрачные тени наверняка непозволительных мыслей.

Найту удалось разузнать кое-что о своей семье. Старший брат, по словам господина Миккейна, правит вполне сносно. Отец, Мигель Ирон, прикупил маленький домик на окраине, отошёл от дел окончательно, даже отказался от всех своих женщин, вернув их в Оазисы, завёл сад. На расспросы о себе самом историк отвечал очень скудно, почти нехотя. Как Найт ни старался, ему не удалось вывести его на откровенную беседу.

* * *

Все выходные, не так часто выдававшиеся, Найт проводил у Генриха и Штэфа, на многие часы оккупируя ноут.

Он никак не решался созвониться с родными, лишь следил за их домами и жизнями с высоты навигационных спутников, разглядывая такие близкие и такие далёкие улицы и парки милой провинциальной Броксы, знакомые ещё с академической юности места.

Иногда на прозрачных, бесцветных глазах-визорах дрожала тонкая плёнка влаги. Но ни одна слезинка не падала с белых

ресниц.

Найт решил, что лучше не приставать к братьям и отцу, а просто незримо присутствовать в их жизни, наблюдать глазами спутников. Приближаться на двенадцать метров, регламентированных для частного гражданского лица.

А однажды он не выдержал и, пользуясь своими новыми связями среди координаторов (а именно — связями с вернувшимся в столицу Дитрихом Джексоном, некогда работавшим на Мастера Шакса), сумел по данным биочипа определить через спутник координаты Дэла.

Сцепив руки в замок и положив на них подбородок, молодой «Шершень» жадно следил за всеми передвижениями Дэла, чувствовал, как судорогой сводит сердце от непонятной тоски. Но как только за спиной начинали маячить братцы, Найт поспешно закрывал окно с виртуальной картой. А потом приходилось начинать всё сначала.

Однажды Найт настолько погрузился в свои мысли, что не заметил, как рядом возник один из близнецов и по-хозяйски взгромоздился к нему на колени, точно на стул.

— Уже устал смотреть, как ты мучаешься! — сказал Генрих (а это был именно он) и деловито застучал по клавишам.

По давней привычке он вышел из душа в чём мать родила, и уши Найта пылали от смущения и растерянности.

— Эммм… Генрих, я… — Найт неловко пытался выключить ноут или хотя бы закрыть окно, но Генрих не давал, со смехом отталкивая его плечами.

— Вот, готово, — сообщил он. — Теперь тебе достаточно будет активировать жучок, а не мучиться каждый раз с координатным поиском через спутник.

— То есть?

— Я к твоему Дэлу прикрепил жучок. Захочешь его увидеть, нажимаешь вот эту иконку… сейчас специально для тебя на рабочую панель вынесу… вот… в общем, сюда нажмёшь.

Ткнув пальцем в маленькое абстрактное изображение, Генрих извернулся лицом к Найту так, что оседлал его колени, и обвил его шею руками как ни в чём не бывало.

— А за это я хочу…

Он прикрыл глаза и потянулся губами к губам, Найта. Тот отодвинулся насколько смог и решительно положил руки на плечи приятелю.

— Чего такое? — недоумённо уставился на него Генрих.

— Эм… послушай, — проговорил Найт, нахмурившись, — я, конечно, тебе очень благодарен за помощь, но всё же, может, мы как-то…

— А мы и как-то, и так-то, и сяк-то, мы по-разному, — усмехнулся Генрих и настойчиво потянулся снова. Найт решительно остановил его.

— А как же Штэф?

— А, его позвать? — в голосе Генриха был лишь задор и энтузиазм. — Это мы мигом! Обожаю групповушки!

— Да какая к чёрту групповушка?! Ты что, не понимаешь ничего?! — Найт встал, спихнув Генриха с коленей. — Это у вас, может, нормально… как вы там говорите… сексоваться. А со мной не выйдет! Я не собираюсь быть ни твоим… кхм… сексовником, ни твоего братца, ни вас обоих! Вы отличные ребята и хорошие друзья. Но это ваше поведение…

— Ты чего так разошёлся? — совершенно искренне изумился Генрих. — Если не время, извини! Давай договоримся, когда тебе удобно, или сам скажи, когда захочешь.

— Да не захочу я никогда, как ты не понимаешь? Вы с братом для меня лишь друзья. Даже, я бы сказал, хорошие приятели, а не друзья. Прости, если обидел…

На лице Генриха не было обиды, только искреннее недоумение. Найт заметил его взгляд и удручённо вздохнул, отмахнувшись.

— Не поймёшь ты. Ладно, забудь. Спасибо тебе за помощь, я, наверное, пойду уже…

— Ты мне правда нравишься. И я хотел бы заняться с тобой любовью, — неожиданно проговорил Генрих совсем другим голосом. Без насмешки и дурачества. Он смотрел в глаза Найту совсем другим взглядом — ровным и спокойным.

Найт замер, не найдя, что ответить. Генрих приподнял руку в неопределённом жесте.

— Ты мне с Академии нравишься. Просто ты сложный какой-то был всегда.

— А с родным братом проще? — тихо усмехнулся Найт без издёвки в голосе.

Генрих фыркнул и помотал головой, отвернувшись.

— Вот почему вы спите друг с другом. Вы спите каждый сам с собой, со своим отражением. Вам никто не нужен, кроме себя. Вы никого не любите, — сказал Найт. — Так проще.

— А кого любишь ты? — неожиданно резко глянул на него Генрих с привычной саркастической ухмылкой. — Дэла? Ну так он теперь Топливный наркоман! Спаси его, если сможешь. Силой своей любви. Хе-хе!

С этими словами он развернулся и ушёл на кухню, начав демонстративно греметь там бутылками.

Найт постоял немного, потом поспешно покинул квартиру

братьев Макгвайеров.

* * *

Монопоезд летел через рыжую степь, запорошенную первым скудным снежком. Найт не смотрел на жидкокристаллические рекламные панели в салоне. Ему гораздо интереснее было читать прихваченную в дорогу электронную книгу, память которой была под завязку забита как классическими произведениями, так и сводами законов и синтезированными в программе-автосочинителе романами.

Особенный интерес представлял некий Фридрих Ницше, философ конца XIX века до-ядерной эпохи с его полубезумным пророком Заратустрой, имеющим, надо думать, прямое отношение к древним восточным верованиям. Найт подолгу смаковал каждое высказывание философа. Молодой киборг открывался от экранчика книги и глядел перед собой задумчивым, отсутствующим взглядом.

«…Кто хочет научиться летать, тот должен сперва научиться стоять, и ходить, и бегать, и лазить, и танцевать: нельзя сразу научиться полёту!»

Найт также хотел понять, что же общего у Штэфа и Генриха с Каином и Авелем. Поэтому он взял с собой наиболее полно сохранившийся текст Библии. Это и правда оказалось весьма занятное чтиво. Наконец стало понятно, что же такое Бог. Молодой киборг даже улыбнулся, вспомнив, как много лет назад, кажется даже, что в какой-то другой жизни, он спрашивал господина Миккейна, а не является ли Бог генным инженером. Отчасти, пожалуй, всё же является…

* * *

В Нидрэде почти ничего не изменилось за это время. По крайней мере, на первый взгляд. Не сразу бросилось в глаза меньшее количество рекламных щитов. Наверное, сейчас в мегаполисе темнее по ночам, чем раньше.

Странно было и то, что химеры бродили по улицам совершенно свободно, всячески демонстрируя, что теперь они хозяева в городе. Они беззастенчиво задирались к редким прохожим, и ни одного патруля киборгов не было видно поблизости, чтобы прекратить безобразие, как в прошлые времена.

Найт воспользовался автоматическим такси, в последнее время всё чаще встречающимся во всех крупных городах Империи, а не только в столице, и довольно быстро добрался до головной башни Мастера Шакса. Обычно уже на подходах к шоссе, ведущему к главному зданию в городе, попадались небольшие группки молодых киборгов. Но сейчас Найт не заметил привычных патрульных.

Парковочная площадка перед центральными воротами кишела химерами. Найт безошибочно определил их.

— Чего надо, кибер? — зашипело несколько новых охранников башни, обступив Найта.

На минуту он даже забыл об истинной цели своего визита и захотел немедленно выяснить, что тут вообще творится. Он произнёс с холодной сдержанностью:

— Найт Ирон, офицер подразделения «Шершень», — для весомости он продемонстрировал соответственные нашивки на рукаве форменного кителя. — Мне необходимо видеть хозяина города Мастера Шакса.

Химеры рассмеялись ему в лицо:

— А ты отстал от жизни, солдатик! Ладно… Эй, проводите железную жопу к… — они выделили особой интонацией, — … хозяину города!

Несколько химер окружили Найта и буквально отконвоировали его до самых дверей кабинета, в котором обычно заседал Мастер Шакс.

Подобострастно постучались и тихо проскулили:

— Господин, здесь правительственный кибер. Хочет немедленно вас видеть.

— Пусть войдёт, — послышалось за дверью. И Найт нахмурился, не узнав голоса, — какой-то скрипучий, потрескивающий. Кто это может быть?!

Едва тяжёлые створки дверей, украшенные настоящими деревянными панелями, распахнулись, Найту всё стало ясно.

За столом, вольготно закинув на него одну ногу, восседал Акер, первая химера Мастера Шакса.

— Хммм… Вот ведь остолопы, — проскрипел Акер, оторвавшись от каких-то бумаг и мельком глянув на вошедшего. — Никак не уяснят разницу между «Шершнями» и теми же Альфами.

Он встал и приблизился к Найту, обойдя его, словно зверь — незнакомый предмет.

— «Шершни» подчиняются кучке генералов, отличающихся порой возмутительным вольнодумством. Бывали времена, когда генералы пытались даже пойти против Императора, заручившись

поддержкой «Шершней». Конечно, сейчас многое изменилось. Но…

Химера резко остановилась сбоку и зашипела:

— Что тебе здесь надо, киборг? Ты не от… — Акер осёкся. — Ты не от Императора Велиара, иначе он уведомил бы меня.

— Я прибыл в Нидрэд по личным мотивам, — сквозь зубы ответил Найт. — Но теперь я вижу, что ты незаконно узурпировал власть.

— Хм. Да, об этом пока не писали в газетах, и в Сети нет официальной информации, — Акер растянул узкие губы в змеиной усмешке. — Но всё вполне законно. Как всегда при смене власти, новый глава государства сажает на местах своих лояльных ставленников. Я оказался более лоялен Его Императорскому Величеству, чем мой дражайший создатель.

— Но ты химера! Ты не человек и не имеешь права властвовать! — рявкнул Найт.

— Властвует Император Велиар, — смиренно ответил Акер, плавно возвращаясь к столу. — Я всего лишь исполняю его приказы и слежу за порядком в городе.

— Где господин Шакс?! Что ты с ним сделал, мерзкое животное?! — утратив самообладание, Найт настоящей снежной лавиной налетел на низкорослую химеру и, схватив за ворот куртки, приподнял её над полом.

— Убери руки! — взвился Акер, скаля двойной комплект клыков на каждой челюсти и пустив в ход когти. — Не то будешь иметь дело с охраной!

Найт знал, что химеры во многом могут дать фору киборгам, ведь они от природы обладают почти всеми качествами, присущими киборгам, но при этом лишены всех слабостей полумеханических воинов. Но Найт был так разъярён, что не думал о последствиях своего поведения.

— Трави на меня своих зверей, я с ними справлюсь!

— Зверей? — усмехнулся Акер.

В то же мгновение хлопнули двери, и на поясницу Найта обрушился сокрушительный удар, от которого подкосились ноги. Каким-то чудом Найт устоял и, отшвырнув Акера, развернулся к противнику, мгновенно выхватывая из кобуры дикрайзер.

И замер.

Ему в лоб смотрело дуло другого дикрайзера. А держал его Дэл.

У Найта пересохло во рту.

— Что ты здесь делаешь? — прошептал он, медленно опуская руку. Дэл оружия не убрал.

— Выполняю свою работу, — сухо ответил он каким-то

странным тоном. Как будто через силу.

— Ах, как мило, у нас тут встреча выпускников! — ощерился Акер. — Ладно, на первый раз прощаю. Дэл, выкини своего дружка из башни и проследи, чтобы его ноги тут больше не было. Иначе в следующий раз, когда ему вздумается побузить, тебе придётся убить его.

Найт пропустил мимо ушей угрозы химеры, но заметил, как побледнело вдруг лицо Дэла, став похожим на маску. Даже его глаза, казалось, остекленели.

— Пошли, — процедил он, стиснув локоть Найта жёсткими, как клещи, пальцами.

Найт не сопротивлялся. Сбитый с толку, он покорно шёл следом за Дэлом.

Когда они оказались у ворот, Найт резко повернулся к другу и спросил жёстким тоном:

— Дэл. Что происходит?

— Ничего, всё, вали, Мыш, — Дэл отвернулся и попытался скрыться за дверями. Химеры с интересом наблюдали за двумя киборгами, но Найту было плевать.

— Что они с тобой сделали?! — крикнул он, крепко сжав ладонями локти друга.

— Ничего, отстань, уходи же!

Найт развернул Дэла к себе и заглянул ему в глаза.

Тусклый взгляд, землистого оттенка кожа, на губах — характерные чёрно-синие трещинки Топливного наркомана. Но даже это не пугало Найта так, как неясные блуждающие тени во взгляде Дэла.

— Тебя накачали какой-то наркотой? — тревожно спросил Найт и быстро добавил: — Я хочу сказать, какой-то наркотой помимо Топлива.

— Тебе какая разница? — с вызовом спросил Дэл, дерзко и горько усмехнувшись. — Пропал на столько лет, а теперь здоровьем моим интересуешься! А у меня тут, знаешь ли, своя жизнь теперь. Работа даже почти прежняя… Разве что начальство другое.

— Ты всегда был лояльнее всех к Мастеру Шаксу, — проговорил Найт. — Что тут произошло? Что произошло с *тобой*?!

Дэл отмахнулся и двинулся к воротам под ехидными взглядами химер. Найт решительно догнал его и стиснул со спины в объятьях.

— Мне плевать, что случилось, можешь не рассказывать. Но я без тебя не уеду.

Дэл помотал головой.

— Я останусь. Я должен остаться. Быть может, он меня найдёт ещё…

— Кто, эта твоя шлюха?! — прорычал Найт, снова развернув Дэла к себе и глядя ему в мутные глаза своими прозрачными, как стекло, визорами.

— Шлюха тут только ты! — взорвался в ответ Дэл, оттолкнув его. — Пригрелся за пазухой у Империи, нашёл сытое местечко, бросил всех, кого знал, даже отца родного!

Найт отступил от него, чувствуя, как сжимается сердце. Захотелось броситься на колени, извиняться, оправдываться, но тут Дэл глянул на него с каким-то свирепым отчаянием и рявкнул:

— Никогда больше не приезжай, ясно? Не то я тебя пристрелю даже без приказа Акера.

Найт ощутил, как застыло всё внутри. Он постоял немного, потом развернулся на каблуках и зашагал на парковочную площадку для автоматического такси под издевательское улюлюканье химер, которое его уши точно отказывались слышать.

Он не видел, как Дэл едва заметно качнулся за ним следом, но замер, с силой зажмурился и потряс головой. После этого он скрылся за дверями башни.

Чтобы никогда в жизни больше не увидеть Найта.

Найт же, едва вернувшись в столицу, отключил маячок.

Глава 45

Новый, 330 год Найт встречал в полном одиночестве в недавно купленной, необжитой и неприветливой квартирке. Чтобы сделать её хоть немного уютнее, молодой киборг украсил комнаты свечами и несколькими картинами, а в кухне повесил голографическое панно, на котором было изображено морское побережье. Вряд ли реалистичное, но таким уж его видел художник-трёхмерщик. В холле стену украшала панель с постоянно меняющимся фракталом, который Найт запрограммировал сам. За единственным окном в квартире, находящимся в спальне, летели хлопья снега.

Молодой киборг глядел на своё полупрозрачное отражение на фоне ночного города. Вдалеке плыли в воздухе огромные жидкокристаллические панели, на которых летели минуты и секунды обратного отсчёта, приближая миг наступления Нового года. На обширные лоджии и на застеклённые площадки высыпали толпы народу. Найт почти безотчётно «подглядывал» за ними, приближая изображение при помощи своих визоров. Почти все — парами и весёлыми компаниями. А он один…

* * *

Одиозные братцы Макгвайеры вполне искренне приглашали его отпраздновать Новый год в одном из клубов. Найту было неловко вливаться в их компанию, особенно после разговора с Генрихом, но всё же он согласился.

К тому моменту, как он прибыл на место, оба сослуживца были уже пьянее сучек, с визгом крутившихся у прозрачных стеклянных пилонов.

Немногочисленная компания приятелей Штэфа и Генриха расползлась по клубу: кто под дозой валялся на диванчике в чилауте, кто у служебного входа бил каких-то идиотов, задиравшихся к киборгам, кто быстро и технично трахался в кабинке туалета.

Близнецы же купались в лучах дешёвой и мимолётной славы, позируя для зевак, которые фотографировали их и снимали на видео.

Найт приблизился к невысокому стеклянному подиуму, подсвеченному изнутри светодиодами, на котором Штэф и Генрих самозабвенно целовались и довольно неплохо для их состояния танцевали. На сей раз образы обоих, не утратив

фриковатости, обладали толикой элегантности: обтягивающие мини-комбинезоны из алого винила с белыми полосками, чёрные армейские бутсы, лохматые и нарочито-синтетические красные парики с белыми прядями, и лица, раскрашенные в точном соответствии с гримом Пьеро.

Генрих заметил Найта, подмигнул ему мутным глазом, под которым блестела нарисованная кровавая слезинка, и растянул чёрные губы в улыбке. Альбинос поморщился, будто от чего-то неприятного, и резким рывком стащил его со «сцены», желая прекратить этот балаган. Штэф вцепился в брата, и они оба рухнули в объятья Найта под улюлюканье и аплодисменты толпы. Найт удержался на ногах и быстро скрылся из-под прицелов камер, таща слабо сопротивляющихся братьев под мышками.

Свалив их на диван в чилауте, Найт рявкнул:

— Ну и зачем вам это надо? Почему вы себя так ведёте? Хоть однажды можете не испоганить праздник как минимум самим себе?!

— А разве мы поганим? — изумился Штэф, состроив идиотскую физиономию. — Да к тому же… Тебя пока дождёшься! Вот мы и выпили немного. Не ходить же с постной рожей, как ты!

И прыснул со смеху. Генрих поднялся и кое-как утвердился на подгибающихся ногах.

— А зато мы перед собой честны! — заплетающимся языком, но удивительно серьёзным тоном произнёс он, заглянув в глаза Найту. — Мы не хотим казаться лучше, чем мы есть. Да, делаем, что хотим, да, порой чего-то там поганим. Ну и плевать! Может, ты и прав, и мы выбираем путь попроще. А зачем усложнять? Надо принимать вещи такими, какие они есть. И не врать себе.

Он постучал пальцем по своей щеке.

— Чёрное, белое и красное. Эти цвета никогда не врут.

С этими словами он пафосно подбоченился, но вдруг его стошнило прямо на пол.

Найт скривился и отступил. Потом попятился быстрее и, резко развернувшись, попросту сбежал.

Около часа он бродил по ближайшим кварталам, сунув руки в карманы короткого чёрного пальто и втянув голову в плечи. Слова Генриха что-то всколыхнули в нём, но оставались непонятными, будто ночной кошмар, который после пробуждения почти сразу забывается.

И вот весь вихрь смутных чувств вдруг сложился в тоскливое желание обнять кого-нибудь близкого.

Желание до того сильное и острое, что даже заболело сердце.

Найт кинулся на ближайшую остановку автоматического такси и уже через полчаса сидел перед монитором компьютера в

общественном терминале. Пришлось немного подождать, пока освободится какое-нибудь место, впрочем, ждать пришлось недолго: люди лишь поздравляли с наступающим родных и близких, которых не было рядом, после чего спешили праздновать.

Найт сразу же набрал номер Дэнкера Миккейна.

— Здравствуй, Найт! — улыбнулось с экрана такое знакомое лицо. — С наступающим тебя!

— Я вам звоню с тем же, — с улыбкой ответил молодой киборг, чувствуя, как сладко сжимается сердце от тоски по дому. — Я так соскучился!

— Я тоже. Как у тебя там дела? Братьев и отца поздравил?

Найт замер. Улыбка его стала отсутствующей. Он ведь даже не вспомнил о семье. Ладно — отец, которого он до сих пор не мог простить. Но братья? Лиандра…

— Найт? — нарушил тишину господин Миккейн.

Парень встрепенулся и виновато помотал головой.

— Нет, не поздравил… Ещё не успел.

— Так поторопись! — кивнул учитель. — До Нового года всего ничего осталось! Давай, давай, я пока отключусь, чтобы не отвлекать.

Он подмигнул бывшему ученику и пожелал удачи. После чего отключился. Найт открыл окно многоканальной связи, набрал один за другим все номера своих родных. Подумав, стёр номер отца. Ещё немного подумав, закрыл программу видеосвязи и зашёл на сайт центрального вокзала. Найт принял решение: встреча воочию лучше всяких звонков.

Конечно, за пару оставшихся до полуночи часов он не достигнет Броксы, Новый год придётся встречать в поезде. Ну и пусть. К полудню он будет дома…

Однако судьбе был угоден иной расклад. Оказалось, что все билеты раскуплены на неделю вперёд. Не удивительно — праздники. Несмотря на политику Императора и всех его предков, нарочно или несознательно уничтожавших институт семьи, люди тем или иным образом сохраняли вековые традиции и семейные отношения: сыновья навещали отцов, отцы — сыновей, братья и любовники — друг друга.

А Найт смотрел на беспристрастное окно виртуального билетного терминала, лишённый возможности воссоединиться с семьёй. Он отправился домой в полной решимости поехать в Броксу хоть на мотоцикле, но постепенно пришёл к выводу, что путешествовать зимой по степи таким образом — это верное самоубийство.

Прислонившись лбом к холодному стеклу такси, Найт

безразлично глядел на город, который так поразил его когда-то и который до сих пор заставлял чувствовать себя ничтожной песчинкой на его фоне.

И вдруг взгляд Найта зацепился за рекламную панель. Удивительно, но на ней был изображён он сам, прижимающийся щекой к округлому лобику Юки. Этот образ то ли «Кая и Снежной принцессы», то ли «Постапокалиптических Адама и Евы» давно стал достоянием общественности, войдя в коллекции клипартов, но всё еще принося Вольфу Рамму неплохие дивиденды. А сейчас он был опошлен каким-то зазывным слоганом о лучшем зимнем предложении, которое обязательно порадует родных и близких. Но молодой киборг не обращал внимания на рекламную чепуху. Он видел, с какой нежной доверчивостью прижималась к нему девочка с его родной планеты. Такая же уникальная, как он, и такая же одинокая там, в своём белом лесу, как он в своих каменных джунглях. Такая же чистая и искренняя, как снег.

Белое никогда не лжёт.

Найт решительно изменил маршрут такси и через несколько пересадок остановился у дома художника.

— Не ожидал тебя увидеть, Эдельвейс, — послышался в динамике голос Вольфа Рамма. — Но не скрою, сюрприз приятный. Входи.

На сей раз Найт выбрал белый коридор.

Хозяин апартаментов ждал его в уютной зале, по стенам которой бежали, словно капли дождя по стеклу, белые огоньки. Сам он был босиком и одет в простой домашний костюм, что придавало ему сходства с ангелом, решившим прогуляться по земле.

— Это удивительное совпадение, что ты застал меня, — улыбнулся он Найту, жестом приглашая следовать за собой. — Ты как раз к ужину. Всё уже готово…

— Я ненадолго, — перебил Найт. — Я хотел бы обсудить с вами кое-что… Точнее, предложить. Точнее, попросить.

— Конечно, но только после ужина, — мягко улыбнулся художник и поспешно добавил: — Не бойся, на сей раз никаких препаратов.

Он привёл Найта в небольшую комнату, похожую на тот заиндевелый лес, где Найт встретился с Юки. Огоньки мерцали на белых ветках искусственных ёлочек, украшенных цветами — то ли живыми, то ли тоже искусственными. В центре комнаты находился стол, сервированный на одну персону. Напротив него под полупрозрачным балдахином на ворохе белых атласных подушек сидела юная альбиноска. Перед ней стояло несколько блюдец с красиво нарезанными фруктами и какими-то

кушаньями.

Заметив вошедшего, Юки привстала и широко улыбнулась. Она не могла толком различить черт его лица, но рост, силуэт, молочный оттенок кожи безошибочно подсказали ей, что это — Найт.

— Присаживайся, — сказал Вольф Рамм Найту, — а я принесу прибор. Снежана, кажется, рада тебя видеть. Можешь пока покормить её с рук.

Он развернулся было к выходу.

— Господин Рамм, — остановил его Найт. — Я хотел бы купить её.

Художник медленно оглянулся к парню и усмехнулся.

— Зачем тебе самка, Эдельвейс? Ты ведь киборг.

— А зачем она вам, вы ведь тоже киборг… — сдавленно, но решительно проговорил Найт.

Улыбка сползла с лица художника, нервно подрагивая в уголке рта.

— О чём ты, мальчик?

— Я заметил очень характерные шрамы у вас на шейных позвонках. И на нижней губе, кажется, тоже шрам? Вы удалили стабилизаторы и штрихкод. Рискованно в наше время…

Вольф Рамм помолчал, а потом тихонько засмеялся.

— Минутку, ты, кажется, что-то принял, пока ехал сюда?

— Я трезв как стекло. Я лишь говорю, что вижу. А вижу я многое, поверьте.

— Верю. Мне знакома модель твоих визоров, — Вольф Рамм развернулся к Найту всем своим широким торсом. Найт почувствовал угрозу, но не сдвинулся с места. — Однако не продам Снежану даже такому внимательному и умному мальчику.

— Но зачем она вам?! — воскликнул Найт. — У вас столько денег, вы можете купить ещё сотню таких, как она!

— Таких, как она, вряд ли наберётся сотня, — ответил Вольф Рамм, издевательски улыбаясь.

— Я отдам вам все свои сбережения.

— Как ты совершенно верно заметил, денег у меня предостаточно. Снежана не продаётся ни на каких условиях.

Тон художника стал холодным и непреклонным.

— Прошу вас, — проговорил Найт надтреснутым голосом. — Она ведь точно такая же, как я. Я буду беречь её как самую большую драгоценность. Для вас она просто предмет интерьера, модное домашнее животное, игрушка. А для меня… Мне она может стать по-настоящему близкой. Мы можем понять друг друга лучше кого бы то ни было. Она нужна мне… Пожалуйста…

Вольф Рамм долго смотрел на молодого киборга. Было странно видеть, как поникают его могучие плечи, и вся его громадная фигура как будто съёживается.

Но тут художник заметил взгляд Юки. Она вся вытянулась в струнку, смотрела с мольбой и надеждой, ожидая решения господина. Она что же, слышала разговор? Разве она не глухая? Хитрая тварь…

Нахмурившись, Вольф Рамм стремительно приблизился к Найту и сказал:

— Вот, что тебе на самом деле нужно…

С этими словами он поцеловал молодого киборга в губы так крепко, что тот еле вырвался.

Найт задохнулся от возмущения. Он собрался высказать кое-что нелицеприятное, но вдруг заметил, как легко колышется полог балдахина, а под ним никого нет.

— Куда она убежала? — возмущение сменилось волнением.

— Не беспокойся. Самка не стоит внимания.

Найт не слушал художника. Он совсем невежливо повернулся к нему спиной и бросился бегом из зала, крича:

— Юки!

Он заметил её у дверей студии. Её заплаканные глаза стали ещё краснее, кончик носа порозовел, дрожащие и мокрые от слёз губы казались больше и ярче.

— Юки… — Найт улыбнулся и протянул ей руку.

Девушка шагнула к нему, улыбаясь с отчаянием и надеждой, но заметила приближающегося Рамма и отпрянула, судорожно вздохнув.

— Прекрати капризничать! — строго рявкнул художник. — Ты же не хочешь испортить праздник своему хозяину и его гостю?

Юки замотала головой, а потом вдруг кинулась к Найту, схватила его за руку, упав перед ним на колени, и что-то отрывисто и невнятно мяукнула. При этом она потёрлась щекой о тыльную сторону ладони молодого киборга.

Господин Рамм сжал челюсти и прорычал:

— Я не продам тебя ему. И не подарю. И ни на что не променяю. Ты моя. Я купил тебя для моих картин.

Юки вскочила и помчалась стремглав через всю студию и быстрее, чем мужчины успели отреагировать, набрала код открытия вакуумных засовов одного из окон во всю стену высотой.

— Что ты делаешь?! — заорал Вольф Рамм. — Это опасно!

Они с Найтом бежали к Юки как будто наперегонки. Но оба думали вовсе не о соревновании, а о том, чтобы остановить её.

Толстое стекло поднималось медленно, но ветер чудовищной

силы уже ворвался в помещение, снося мебель, световое оборудование, декорации, сбивая с ног. Искусственные части белого сказочного леса носились в воздухе, грозя покалечить.

Прикрывая голову одной рукой, едва преодолевая силу ветра, Вольф Рамм попытался схватить девушку, которая уже выбралась на широкий парапет. Промахнулся. Но её успел схватить Найт. Он крепко вцепился в тоненькое запястье. Ветер со страшной силой рванул Юки. Найта потащило следом, но в локоть его второй руки клещами вцепились пальцы Рамма. Найт смотрел в глаза альбиноски, крича изо всех сил:

— Держись! Я тебя вытащу!

В конце концов, когда-то он спас Биффанта Худжина, оказавшегося в похожей ситуации.

Да, сейчас намного больше высота и сила ветра. Но и Найт давно не тщедушный подросток. Он аккуратно перенёс вес с одной ноги на другую и стал двигаться назад. В этом помогал и Рамм.

Юки вдруг нежно улыбнулась Найту и, посмотрев на хозяина с настоящей ненавистью, крикнула:

— Вот тебе твоя лучшая картина!

С этими словами она ловко выпростала руку из хватки Найта. Миг — и она исчезла в сизоватой пелене метели.

Найт ещё кричал, когда Вольфу Рамму удалось втащить его в студию и закрыть окно.

Он крепко сжал плечи парня и хорошенько встряхнул:

— Тихо! Прекрати! Она может быть ещё жива. Я посмотрю сам…

Он исчез куда-то и через некоторое время вернулся в комбинезоне и кислородной маске для выхода из помещения на больших высотах.

Размотав страховочный трос, художник защёлкнул карабин на надёжной петле рядом с окном и вышел на парапет. Обычно этим занимаются ремонтники или чистильщики, но он держал пару комплектов высотного снаряжения на всякий случай.

К своему удивлению, Юки он обнаружил сразу. Она лежала ниже на пару этажей, прибитая к карнизу ветром, зацепившаяся за него платьем. Без всякого сомнения — мертва.

Сглотнув, Вольф Рамм в ярости взмахнул руками.

— Чёртова глупая самка!

Прошёлся туда-сюда, как взбешённый тигр по клетке.

Потом вдруг вернулся к окну, отпер его снаружи и, схватив первый подвернувшийся под руку полуавтоматический фотоаппарат, выбрался на парапет снова.

— Ты прекрасна, Снежная Принцесса! — выкрикнул он

раздражённо и принялся щёлкать кнопкой. — Ты, чёрт побери, прекрасна!

Он снимал маленький трогательный труп с разных ракурсов до тех пор, пока тело Юки не оторвала от карниза метель и не унесла с собой, словно расшалившийся ребёнок тряпичную куклу.

Художник вернулся в студию и, швырнув фотоаппарат куда попало, прошагал к выходу мимо Найта. Тот стоял, словно обратившись в соляной столп.

— Нам лучше больше никогда не видеться, Эдельвейс, — хрипло проговорил Вольф Рамм.

До Найта не сразу дошёл смысл его слов. А когда молодой киборг очнулся от оцепенения, в студии никого не было.

Он вернулся домой как во сне. Кругом переливались и сверкали чужие счастье и радость.

Скоро на летающих тут и там гигантских панелях замигают цифры 0:00, и следом за ними в чёрном небе над мегаполисом расцветут охапки огненных цветов и причудливые фигуры, на стенах домов вспыхнут фантасмагорические световые полотна, а голограммы всех видов будут удивлять приезжих и жителей города. Люди будут кричать «Ура!» или — что гораздо моднее и актуальнее — «Вива Машина!», а полицаи будут скользить над толпами, контролируя их, словно пастушьи собаки стадо.

Глава 46

Найт некоторое время сидел перед выключенным ноутом, оттаивая от шока и боли. Потом порывисто наклонился вперёд, нажал кнопку включения.

К чёрту гордость, обиду и прочую чепуху!

Он набрал код Делейта Лебэна и нажал «вызов». Конечно, никакого ответа. Наверняка отключил коммуникатор или забыл где-то. Новый год всё-таки. Найт послал вызов напрямую в биочип. Обычно надо подождать. Абонент должен найти ближайший аппарат связи.

Но почему-то ответ высветился на экране ноута мгновенно: «Абонент перенесён в Архив». Найт потряс головой. Что за ерунда?

Все жители Империи с рождения зарегистрированы в Сети и могут исчезнуть из неё только, если избавятся от биочипа. Но в таком случае сообщение выглядит как «Абонент отсутствует в списках Сети».

В голове Найта никак не укладывалось, что «перенесён в Архив» обозначает «мёртв». Мозг понимает, но душа отказывается принять факт. Сеть не ошибается.

Найт несколько раз перенаправил запрос.

Абонент перенесён в Архив. Перенесён в Архив…

Найт почувствовал, как сердце несколько раз вяло вздрогнуло, и за грудиной разлился лёд, от которого затрясло. Стало тяжело дышать.

Найт оттолкнул ноут и вскочил, задыхаясь. За стенами его жилища в фейерверках огней и человеческой радости наступил Новый год. А в комнате страшно и темно. Или это в глазах темно?..

Снаружи шумела музыка и весело орали разгулявшиеся толпы. В комнате было тихо. Прекрасная звукоизоляция. Продавший квартиру агент не обманул. Пожалуй, здесь можно орать во весь голос, и никто не услышит.

Глаза жгло так, будто они плакали кровью. Как Пьеро, воплотившийся, словно в кривых зеркалах, в безумных близнецах. Но глаза Найта оставались сухими.

Молодой киборг качнулся к ноуту, застучал пальцами по клавишам. Открыл давно законченный проект. Нажал кнопку вывода модели на генератор голограмм и отвернулся от ноута.

В центре комнаты из нитей света в несколько секунд соткался образ Дэла в натуральную величину. Если бы не едва заметное мерцание, голограмму можно было бы принять за живого Делейта

Лебэна.

Найт никогда раньше не выводил его образ в трёхмерную фигуру.

Он выглядит совсем не так, как на экране ноута.

Стали видны сразу все погрешности и недочёты. Вот почему мастера-голограммщики часто материализуют промежуточные варианты будущей фигуры. Но сейчас Найту было не важно, насколько его модель идентична прототипу. Он мог закрыть глаза на все неточности. В детстве его воображению не нужны были никакие костыли в виде голограмм или просто двухмерных картинок. С течением времени воображение притупилось, но не исчезло совсем.

— Привет, Дэл, — улыбнулся Найт мерцающей фигуре. И голограмма стала живой. По крайней мере, на этот вечер.

Найт повернулся к ноуту, некоторое время составлял алгоритм, а потом встал из-за стола и приблизился к сияющему призраку самого любимого человека на свете.

Дэл посмотрел на него. Найт улыбнулся, и Дэл отзеркалил его улыбку. Найт протянул ему руку ладонью вверх, Дэл подал ему руку, совершенно невесомую и неосязаемую. Говорят, фотоны всё же имеют массу и давление, но Дэл оставался нематериальным призраком. Найт повёл танец. Моделирующий луч, идущий из минипроектора, встроенного в монитор, дотягивался не до всех точек пространства, потому определённые части голограммы пропадали или отображались некорректно. Но Найту было всё равно. Он закрыл глаза и танцевал в полной темноте под музыку тишины, шумевшей у него в ушах.

Если долго слушать тишину, то она откроет тебе твои истинные мысли. И Найт услышал «Зиму». Он слышал её так отчётливо, как будто она звучала наяву, а не в его воображении.

Накопившаяся, точно гной в ране, боль вырвалась наружу, и Найт с сиплым сдавленным вздохом открыл глаза. На него смотрел чуть мерцающий призрак Дэла.

Найт заорал от ярости и боли так громко, как только мог, и голограмма раскрыла рот в беззвучном крике. Молодой киборг бессмысленно размахивал руками, как будто хотел избить сотканную из света фальшивку, издевательский суррогат, и тот отвечал ему взаимностью, руки Найта проходили сквозь раскрашенный светом воздух, и руки голограммы проходили сквозь него.

Замерев на секунду, Найт вдруг бросился из квартиры.

Он бежал по коридорам, заставляя расступаться весёлые компании, украшенные разноцветными мигающими неоновыми безделушками.

Влетев в лифт, он ударил кулаком по кнопке последнего этажа. Лифт, казалось, полз, так и хотелось подогнать.

Найт смотрел на табло, отображающее номера этажей, и дышал ровно, глубоко и спокойно. У Дэла когда-то получилось, получится и у него.

Он выскочил из лифта, вспугнув стайку хорошо одетых сучек, и бросился бегом в коридор, ведущий к лестнице на технические этажи. Доброжелательное «С Новым годом!», донесшееся в спину, показалось издевательством.

Вход на технический этаж был по специальным электронным пропускам, которые иногда подделывали романтично настроенные молодые хакеры, желающие пофотографировать город или просто полюбоваться звёздами, но Найт применил простую грубую силу, выломав дверь. Пересёк обширное помещение, заставленное различными генераторами и аккумуляторами, которые перемигивались красными, зелёными и синими огоньками, будто новогодние гирлянды. Молодой киборг не без некоторых усилий выломал ещё одну дверь и оказался на узкой площадке, огороженной высокой стеной из толстого стеклопластика. Снести вряд ли получится. Найт подпрыгнул, схватился за край стены, подтянулся и через секунду стоял, выпрямившись во весь рост, на её гребне, словно древний рыцарь на стене завоёванного города.

Под ногами переливалось неоновое море, из которого, словно гигантские деревья из болотного тумана, торчали небоскрёбы. Так и не завоёванный город смотрел на рыцаря, который упрятал свои доспехи внутрь тела, на рыцаря, который проиграл ему битву, и посмеивался новогодними мелодиями, шумом машин, гулом монопоездов.

Найт посмотрел вниз. И почему-то вспомнил старинный рисованный фильм, сохранившийся ещё с конца доядерной эпохи. Удалось посмотреть восстановленный и переконвертированный вариант. Там точно так же стоял и смотрел вниз киборг. Только почему-то не мужчина, а женщина. Абсурдное искусство благословенной, полузабытой, страшной эпохи. Женщина не может быть полумашиной. Женщина может быть только хрупким существом из плоти и крови. Перед глазами мелькнул призрак-воспоминание: крошечное, жалкое тело маленькой Юки на заснеженном карнизе.

Найт мотнул головой и развёл руки в стороны, запрокинув голову. Секунда — и он утонет в неоновом море далеко внизу, совсем как та нарисованная женщина-киборг из старинного кино.

Всё, что он делал и к чему стремился, бесполезно. Тщетно. Ненужно. Вся его жизнь — одна большая ошибка. Он не должен

был родиться вообще.

Чёрт побери, почему же здесь нет такого сильного ветра, как на том уровне, где живёт Вольф Рамм? Этот ветер лишь растрепал белую косу Найта и слепил ресницы льдом, в который превратились его слёзы, но не смог сбросить его крупное, тяжёлое тело с прозрачной стены.

— Ну же… — процедил Найт, качнувшись вперёд, но все мышцы его тела в долю секунды подчинились команде программы «Антисуицид» и восстановили равновесие.

Умереть, оказывается, трудно. Но если жить ещё труднее, то надо постараться…

Найт боролся со своим телом несколько бесконечных минут. Он удивлялся, почему не наступает кома. Если сейчас в его мозгу произойдёт замыкание, как тогда у Дэла, то тело рухнет вниз само… Но проклятое тело боролось.

Пронзительный короткий писк заставил Найта вздрогнуть и замереть. Снова этот звук. Это сигнал напрямую в биокарту. Отец? Андрий? Дэнкер? Шусс? Да пусть даже братья Макгвайеры? Сердце Найта заколотилось с болью, сжалось горло. Если это кто-то из них, он бросит всё, он уедет домой, откроет маленький магазинчик, в котором будет торговать какими-нибудь безделушками или музыкой, он забудет о том, что когда-то хотел стать безупречной машиной. Он удалит стабилизаторы и штрихкод, как Вольф Рамм. Он заставит себя поверить в то, что он простой человек из плоти и крови. «Пожалуйста, спасите меня… Спасите хотя бы то, что осталось во мне человеческого…»

Сглотнув, он осторожно проверил исходящие координаты сигнала.

Штаб.

Найт рухнул на колени, будто его ноги стали ватными.

Машина никогда его не отпустит. Эта гигантская машина новой цивилизации. Безупречный отлаженный механизм, в котором он лишь маленький винтик. Стоит просто глянуть вниз, с этой стены, чтобы осознать, насколько маленький.

Разве могут быть у ничтожного винтика какие-то чувства, разве может он принимать решения?

Найт медленно оттёр льдинки-слёзы с глаз и спрыгнул со стены обратно на площадку. Спокойным шагом пересёк помещение с генераторами, прошёл по знакомым коридорам, вернулся домой. Людей немного пугал громадный растрёпанный киборг, слишком спокойный для окружающей праздничной атмосферы. Никто не решался поздравить его с наступившим. Мало ли, под каким он препаратом. Двигается как механический истукан, челюсти сжаты до желваков, взгляд застывший и

абсолютно бесстрастный. А может быть, это не киборг, а одна из так называемых «игрушек» Кукольника?

Дома Найт перезвонил в штаб и получил инструкции. Прибыть по приказу через полчаса в полной боевой готовности. Беспорядки на четвёртом уровне Октополиса. Отключив телефон, Найт в каком-то сонном оцепенении несколько минут смотрел на голограмму Дэла, которая всё так же стояла посреди комнаты, где её и бросили. Потом отвернулся и, найдя все исходные файлы, выделил их. Выбрал на всплывающей панели «Удалить», затем, в дополнительном меню — «Без возможности восстановления». «Вы действительно хотите удалить файл без возможности восстановления?» — всплыл стандартный вопрос. Сердце сжалось в ледяной комок, как там, на стене. Показалось, будто на экране ноута материализовался вопрос из подсознания Найта. Он глубоко вздохнул, усмиряя покалывающую ледяную боль в груди и силой воли удерживая слёзы.

И решительно нажал «Да».

Дэл исчез навсегда.

Найт медленно развернулся и отправился в холл облачаться в металлопластиковый доспех. У кого праздники, а у кого и работа. Подразделение «Шершень» всегда на страже вашего покоя и порядка в стране.

По возвращении с задания Найт спокойно принял душ, переоделся. И на миг задержался перед зеркалом. Рука будто сама по себе взяла электрическую бритву и тщательно, неторопливо сбрила брови Найта начисто. С его лица будто стёрли все эмоции, характер, личность.

Оно стало очень похожим на маску. На лицо манекена. На лицо Божественной Машины, вот уже два года исполняющей роль мудрого советника Его Императорского Величества.

Как никогда Найт был близок к своему идеалу.

* * *

С того дня при каждой удобной возможности Найт подавал рапорты на включение его в самые рискованные операции, будто полностью утратив инстинкт самосохранения.

К лету преступники вспомнили и накрепко запомнили его юношеское прозвище — Смерть, воспитатели стали пугать его именем непослушных детей, а за выдающиеся заслуги перед государством и несколько успешно выполненных сверхсложных заданий Найт удостоился капитанского звания.

Глава 47

Господин Торроф тщательно протирал руки дезинфицирующим раствором, настраиваясь на операцию. Пациент должен прибыть с минуты на минуту, причём прибыть своим ходом, а не на каталке. В его операционную не привозят несчастных страждущих, спасти которых может только хирургическое вмешательство. Сюда входят лишь совершенные люди-машины, чтобы стать ещё совершеннее.

За прошедшие годы господин Торроф зарекомендовал себя с самой лучшей стороны как профессионал высочайшего класса и вот уже несколько лет успешно работал в лабораториях непосредственно при Башне Совета, «вшивая», как выражаются в народе, офицеров Альфа и Бета, а также иногда «Шершней» — только если было свободное время. Подобная работа приносила немалый доход, что позволяло кибербиологу вести здоровый образ жизни, питаться натуральными продуктами, а также регулярно пользоваться последними достижениям в области омоложения и регенерации организма. Поэтому он почти не изменился за эти годы, разве что в аккуратно подстриженной бородке появилась элегантная седина.

— Господин Торроф! — в операционную вместо офицера Альфы, подавшего заявку на армирование грудной клетки, вбежал ассистент с коммуникатором. — Это вас…

— Вы что, с ума сошли? — процедил кибербиолог.

— Да, да, я сообщил ему о том, что вы на операции, но он настаивает, говорит, что дело очень срочное и очень личное… — залепетал ассистент. Господин Торроф не дослушал, с лёгким раздражением вырвав коммуникатор из его рук.

— Кто это?!

— Здравствуйте. Это Найт Ирон, — послышался в ответ спокойно-вежливый голос. — Вы меня помните?

— Ах, Найт Ирон! Конечно же, я вас помню…

Тон господина Торрофа мгновенно изменился, вызвав удивление ассистента.

Кибербиолог быстрым шагом вышел из операционной, обогнув Альфу, который только что перешагнул порог отсека предварительной общей дезинфекции и проводил господина Торрофа взглядом, не менее изумлённым, чем у ассистента.

В холле, рядом с закрытым балконом для курения, кибербиолог включил на своём коммуникаторе видеосвязь.

— Вот так встреча, — проговорил он. — Вы изменились, молодой человек. Если бы не ваша… эм… окраска, я бы не узнал

вас… Вы так похожи на Божественную Машину…

— А вы точно такой же, каким я вас помню, — ответил Найт. Судя по интонации, он немного удивился подобному всплеску эмоций, но его лицо осталось почти неподвижным.

— Позвольте взглянуть на ваши ушки… — велел кибербиолог деловым тоном дантиста, проверяющего недавно поставленную пломбу. Найт вежливо улыбнулся и медленно повернул голову в одну сторону, потом в другую.

— Хорошо, — произнёс господин Торроф с довольным видом. — Никакой деформации тканей. Хорошие ушки получились, хорошие… Хм… Кажется, вы другие визоры поставили?

— Эм… Да… — Найт даже моргнул, до того пристально кибербиолог рассматривал его глаза. Не смотрел ему в глаза, а именно рассматривал, точно занятный механизм. — Те, что установили вы, пострадали на одном задании.

— А я уж было подумал, что вам надоело сдерживать слёзы, — господин Торроф коротко рассмеялся, но сразу же отмахнулся. — Шучу. А модель хорошая. Правда, я могу предложить более новую. Как раз есть лишний комплект. Могу модернизировать и эту.

Найт увидел в глазах кибербиолога блеск сродни тому, что возникает в глазах художника, ощутившего сильный приступ вдохновения и стоящего перед чистым холстом. Это почему-то показалось неприятным.

— Я не планировал пока никакого апгрейда, — уклончиво ответил киборг.

— Ну, как только решите, можете лечь на операцию без очереди, — господин Торроф блеснул глянцевой улыбкой. — Для вас, мой мальчик, я всегда выкрою минутку.

Найт вежливо кивнул, хотя его неприятно резануло это обращение — «Мой мальчик», свойственное скорее господину Миккейну.

— Я, собственно, хотел бы попросить вас об одной довольно деликатной операции… Но не по телефону… — проговорил Найт. — Можно, я приеду завтра утром?

— Конечно! Признаться, заинтригован. И польщён оказанным доверием.

Господин Торроф даже не догадывался о том, с чем ему придётся столкнуться в действительности.

* * *

Утром следующего дня Найт Ирон прибыл в госпиталь в компании двух молодых мужчин: высокого загорелого блондина и крепко сбитого брюнета, — а также одной настоящей биологической женщины.

Все трое не имели биокарт.

Жизнь без биокарты — страшное преступление, караемое аннигиляцией, но если индивидуум одумается и вошьёт биокарту, его пощадят. Правда, будут всю жизнь держать под неусыпным наблюдением.

Господин Торроф не задавал никаких вопросов. Он лишь увёл всех троих в операционную, удивляясь, что они не понимают ни слова на новоязе.

В процессе сканирования их организмов кибербиолог удивился ещё сильнее…

* * *

Найт Ирон возбуждённо ходил туда-сюда по коридору, когда господин Торроф вышел к нему и окликнул по имени.

Киборг встрепенулся и приблизился.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал медик со значением. — Откуда эта троица взялась?

— Говорят, из степи. Вроде как побывали в плену, им там немного повредили рассудок. Я полагаю, что блондин и женщина — из байкеров. А парень с чёрным ирокезом-щёткой — это Дэл… Кхм. То есть Делейт Лебэн.

Господин Торроф очень внимательно посмотрел на киборга.

— Вы уверены, что это на самом деле Делейт Лебэн, известный также как Мёртвая Голова, ликвидатор на службе Мастера Шакса, ныне покойный?

— Эм… — в душу Найта закралось сомнение. — Нуу… Да. Да, я уверен.

— Вынужден огорчить вас. Этот человек никогда не носил в себе ни грамма инородного металла и электроники, и биокарту он не вырезал, её у него попросту никогда не было. Как и у байкера с самкой. Что касается байкера, то его организм вообще представляет собой нечто невообразимое. Стопроцентная регенерация, абсолютный иммунитет, да и много такого, что навело меня на мысли о его… эм… искусственном происхождении. Люди такими не бывают.

— Вы хотите сказать, что он — химера? — Найт мрачнел с каждым словом кибербиолога.

— Да, именно это я и хочу сказать. Хотя, должен признаться,

химера какого-то нового типа. Её геном всё-таки соответствует человеческому. Она не мешанина хромосом, она Homo Sapiens. Но с какими-то небывалыми физическими показателями… Боюсь, эти трое совсем не те, за кого себя выдают.

Найт нахмурился, сжав челюсти.

— Самочку можно сдать в Оазис, — продолжал медик. — А что делать с двумя мужчинами, решайте вы. Так как вы за них поручились, и они под вашим патронажем. Не беспокойтесь, все ошибаются. Этот парень действительно похож на Делейта Лебэна. Хм… Правда, на Делейта Лебэна, сделавшего пластическую операцию… Не думаю, что вы попадёте под трибунал за такую оплошность. Ну, обознались. С кем не бывает?

— Значит, это не Дэл, — прорычал Найт, словно не услышав больше никаких слов.

— Получается так. Кроме того, мальчику двадцать лет или около того, судя по данным диагностики состояния органов. Но никак не двадцать пять, как должно сейчас быть господину Лебэну. И… и у него никогда не было никаких пластических операций. Это его, так сказать, родное лицо.

Медик помолчал. И сказал жёстко и безапелляционно:

— Это не Делейт Лебэн.

Найт Ирон оскалил зубы и перебил его:

— Эвтанируйте обоих!

Господин Торроф едва заметно улыбнулся.

— Вы… хорошо подумали, господин Ирон?

— Да! То есть нет! То есть… Уф… — он глубоко вздохнул, одёргивая френч. — Нет, пожалуй, не надо. Мне этот забритый нужен живым. И байкер тоже пусть живёт. Я с интересом их расспрошу на темы разные…

— Как вам будет угодно, — кивнул кибербиолог. Потом он красноречиво указал взглядом на камеры наблюдения и проговорил полушёпотом:

— И… Эм… Постарайтесь сдерживаться, господин Ирон. Вы же не хотите вылететь с должности за недопустимую эмоциональность? Мне, право, было бы обидно.

Найт кивнул. О, да. Господину Торрофу было бы обидно лишиться столь удобного полигона для экспериментов.

Тем временем кибербиолог похлопал его по плечу и скрылся за хромированными дверями.

Найт же отправился в палату проведать своих странных найдёнышей, о которых сам толком ничего не знал, но которым кинулся помогать только из-за призрачного сходства молодого брюнета с погибшим два года назад Делейтом Лебэном. С тем Дэлом, которого он помнил по ледяному гроту на берегу

Байкала…

Вечером он увёз всех троих из госпиталя, оставив господина Торрофа один на один с тысячей вопросов.

И вновь появился в операционной лишь спустя несколько месяцев. На сей раз в одиночестве и с обыкновенной заявкой на какой-то незначительный апгрейд.

Молчаливый анестезиолог с усталыми заплывшими глазами сделал ему несколько уколов разными препаратами, и по телу киборга медленно поползли вязкие, маслянистые волны неприятной, тяжёлой мутори. Затошнило. Хотя Найт соблюдал правила и не ел до операции.

Над ним склонилось лицо господина Торрофа, и его искусственный загар представился полусонному Найту каким-то чересчур ярким. В глазах кибербиолога, казалось, можно утонуть. Как в холодном, глубоком омуте. Страшно.

— Не волнуйся, мальчик, всё хорошо. Ты же мне веришь?

Найту показалось, что он кивнул, и сразу же растёкся мазутом по столу, по всей комнате, по всей вселенной, теряя себя.

— Приступим, — сказал господин Торроф, стоя над спящим киборгом и придвигая к себе пульт управления «лапой» хирургического робота. В его голосе не было и намёка на отеческие тёплые нотки, звучавшие всего минуту назад.

* * *

Найт уже перенёс несколько операций на новой службе и успел привыкнуть к тому, что в реабилитационный период оставался в одиночестве. Но господин Торроф почему-то взял за правило навещать его лично.

Он присаживался на край постели, хотя это было запрещено регламентом пребывания в госпитале, и расспрашивал Найта о его жизни. Найт хорошо переносил операции и шёл на поправку очень быстро, но отвечал скудно, как будто ему было тяжело разговаривать. Его немного пугало рвение кибербиолога. А может быть, его сердце всё ещё не было готово к чужому участию. Лучше, когда никого рядом. Только больничные стены и потолок. Или стены своей небольшой квартирки и на всю катушку — «новая» классика нового человечества. Никакого Вивальди.

Несложно было догадаться, что господином Торрофом движет не только забота об особом пациенте, но и банальное любопытство. Начав издалека, он постепенно добрался до интересующей его темы.

— И всё же, где вы нашли эту троицу? За всю свою практику

не встречал ничего подобного, — спросил кибербиолог однажды, когда они с Найтом медленно прогуливались по коридору госпиталя.

— Летом нам поступило сообщение о свободно разгуливающей детородной самке, — ответил Найт. — Её охраняло двое нелегалов. Мой отряд должен был изловить самку и доставить в государственный Оазис. Но когда я увидел этого парня…

Найт надолго умолк.

— Вы играете в опасные игры, мой мальчик, — тихо проговорил господин Торроф, стараясь невнятно шевелить губами и поглядывая на камеры. — Вы понимаете, чем чревато укрывательство детородной самки, да ещё двух генетических преступников?

— Не беспокойтесь за меня, господин Торроф, — прохладным тоном ответил Найт. — Самку я сдал в Оазис, а двое парней живут теперь своей жизнью где-то на средних уровнях. Вы сами устанавливали им биокарты, так что теперь они вполне законопослушные граждане, не имеющие ко мне никакого отношения.

Найту стоило огромных усилий говорить ровным, бесстрастным тоном.

Господин Торроф не заметил этого и широко улыбнулся:

— Вот и славно. Надеюсь, вы не возитесь больше с этим дикарёнком.

Стабилизаторы работали в усиленном режиме. Внешне Найт выглядел абсолютно спокойным. Но внутри всё рвалось на части, а душа, казалось, прорастала ржавой колючей проволокой.

Этот юноша со сказочным именем Кай, пришедший из ниоткуда, рассказывающий небылицы о каких-то других планетах и мирах, об искривлении пространства и множественности вселенных, — этот юноша был для Найта Дэлом. И не только из-за внешнего сходства. Далеко, кстати, не полного. Незначительными погрешностями можно и пренебречь, как когда-то Найт пренебрёг ими в трёхмерном призраке. Призраки продолжают приходить. Теперь во плоти.

Безумная, волшебная история, Найт никогда бы не подумал, что такое может произойти с ним. Он считал, что изнутри весь выгорел дотла, но всё же смог полюбить. Пусть и не самого Кая, а того, кого видел в его чертах.

Найту ничего не стоило удержать юношу, даже перекроить его личность и внушить любые воспоминания. Но он отпустил Кая.

Ни о чём больше киборг не стал рассказывать господину

Торрофу, для которого вся эта история — лишь «возня с дикарёнком».

— Подобные связи могут навредить репутации офицера «Шершней» и помешать в дальнейшей карьере, — продолжал господин Торроф. — Вы удивительно неосмотрительно относитесь к выбору знакомых. Чего стоит только фотосессия с этим скандалистом Раммом.

Найт молчал, глядя перед собой.

— Его последняя выставка просто аморальна, — сказал господин Торроф. — Это же надо такое придумать! Эстетика смерти. Куда вообще смотрит Комитет Репродукции? Этак он скоро начнёт покупать самок и препарировать их ради очередной фотосессии!

Найт приостановился, чуть качнувшись.

— Вам плохо? — спросил кибербиолог, прикоснувшись к его локтю.

— Да… немного… — сквозь зубы проговорил Найт. — Я, с вашего позволения, хотел бы вернуться в палату и прилечь.

— Конечно.

— Не провожайте меня. Я сам.

Господин Торроф с пониманием отступил, и Найт, отвернувшись, быстро зашагал по коридору прочь.

Выписавшись, киборг даже не попрощался с ним.

Глава 48

Однако господин Торроф сам объявился довольно скоро — позвонил в ближайший выходной и справился о самочувствии.

Найт вяло ответил, что всё в порядке, и уже подумывал о том, как бы повежливее распрощаться, но кибербиолог быстро сказал:

— Что ж, раз вы окончательно поправились, не откажите составить мне компанию.

— Извините, господин Торроф, я хотел бы побыть один…

— Я ведь не на свидание вас приглашаю, — усмехнулся в коммуникаторе голос собеседника. — Хотя, признаться, я был бы не против, если бы вы, наконец, выбрались из своей берлоги с каким-нибудь симпатичным мальчиком из хорошей семьи вместо того, чтобы киснуть весь день в душном помещении из-за какого-то неблагодарного дикаря. Я всего лишь хотел пригласить вас на выставку, которая вас заинтересует как киборга.

Найт почувствовал слабый проблеск интереса.

— Такого в Октополисе ещё не было, — продолжал господин Торроф. — Американцы привезли несколько образцов продукции своей кибертроники. По сути, это не вполне выставка, а закрытое мероприятие. Но мне удалось раздобыть два пропуска.

Найт протянул:

— В принципе было бы интересно, но…

— Никаких «но»! Уверяю, вы не пожалеете. Заеду за вами через полчаса. До встречи.

Тихо пикнул сигнал отбоя. Найт некоторое время посидел на кровати, с которой его поднял звонок Торрофа. В квартире было пусто и тоскливо без Кая. Почему бы и правда не развеяться?

Кибербиолог был точен, как часы. Он прилетел за Найтом на своём личном флайере спортивной модели. Вытянутая чёрная машина мягко покачивалась над парковочной площадкой. Боковая дверца плавно приподнялась.

— Запрыгивайте, господин Ирон, — насмешливо крикнул кибербиолог.

Найт легко вскочил на крыло и забрался в кабину. Поздоровался, сразу же пристегнулся. Флайер медленно развернулся, уходя с площадки, а затем так рванул с места, что от перегрузки Найта вжало в кресло.

Через некоторое время машина села на площадку для флайеров и геликоптов на крыше головной башни Имперского Концерна Кибертроники и Роботроники. Господин Торофф выдал Найту магнитную карту именного пропуска, и через некоторое время они оказались в экспозале, в котором вполне могла бы

уместиться парочка стадионов. Всё обозримое пространство было заставлено стендами и помостами, на которых сверкали хромом самые диковинные имплантаты, какие только доводилось видеть Найту. Он успел на мгновение даже подумать, что господин Торроф разыграл его и привёз на выставку современного искусства. Но место проведения этой «выставки», а также прогуливающиеся тут и там киборги совершенно невообразимой внешности, безошибочно указывали на то, что все металлические причудливые предметы и правда являются продукцией кибертроники, а не скульптурами. Найт даже увидел почти такие же руки, как у Блисаргона Баркью — значит, он носит вовсе не «старьё», а очень дорогой и эксклюзивный «импорт».

Когда-то стоящий на пороге Пыльной Войны тотально глобализованный мир представлял собой единую массу, мало различаясь по регионам. Но когда старая цивилизация рухнула, и континенты на некоторое время утратили связь друг с другом, то новая цивилизация пошла разными путями в разных странах даже в одной и той же сфере, в частности, в кибертронике. Имперский и американский менталитеты различались в самой основе: для имперцев важнее всего была эффективность, а для американцев — эффектность. В то время как в Империи киборги стремились отличаться от простых людей только внутренне, для американских киборгов было важно отличаться и внешне. Имплантаты в Империи прятались внутрь тела и всё более и более облегчались, копируя органику или адекватно заменяя её. В Америке же чтили старые традиции, и «железо» торчало из тела киборгов во все стороны, как три века назад. Хотя, конечно же, с тех пор это «железо» порядком эволюционировало и даже стало полигоном для фантазии — порой не очень здоровой — инженеров и конструкторов.

Найт совершенно некультурно пялился на заокеанских коллег, у которых было несколько рук, как у древних индийских богов (причём каждая рука представляла собой какое-то оружие), или на тех, у которых было полностью металлическое лицо, а из висков торчали связки кабелей и проводков, подсоединявшиеся к затылку и спине. Засмотревшись, он едва не угодил под ноги какому-то трёхметровому чудовищу, напоминающему смесь богомола, скорпиона и человека.

— Мирь, дрюжьба, жэвачка! — жизнерадостно гаркнул американец с высоты своих «богомольих» ног, помахав хромированной клешнёй, в которой без труда угадывалось сомкнутое дуло портативной базуки. Обогнув Найта, вся эта гигантская конструкция загрохотала дальше.

— Американские кибертроники не ставили перед собой

задачу уподобить металл несовершенному человеческому телу, — прокомментировал господин Торроф, взяв Найта под руку и уводя его к стендам с какими-то непонятными, судя по строению, огнестрельными предметами. — Если можно заменить человеку конечность, то зачем делать её точно такою же, какая была, только из других материалов? Можно ведь подключить фантазию. По крайней мере, наши гости из-за океана считают именно так. Заодно достигается та же цель дифференциации от «простых смертных», что в Империи. Только у нас это штрихкоды. А у них, как видите, штрихкодов нет. И без штрихкода понятно, кто перед тобой.

— Но ведь штрихкод — это ещё и регистрация в специальном отделе Сети, — сказал Найт.

— Киборги у них отдельно не учитываются Сетью… Строго говоря, у них там и не всё население-то учитывается Сетью.

— А как же тогда осуществляется контроль за передвижением, финансовыми операциями? Да и репродуктивный контроль тоже? — поинтересовался Найт.

— Ах, в этой Америке такой беспорядок, — отмахнулся господин Торроф. — Представляете, у них там даже попадаются свободные женщины. До сих пор! Вот ведь дикость. Никто не контролирует размножение, американцы плодятся как попало и от кого попало. Удивляюсь, как они до сих пор не погрязли в наследственных заболеваниях. Только смотрите, не скажите им это в лицо. Американцы всегда считали свою страну самой лучшей на свете и самой правильной, и продолжают считать до сих пор. Империя, с их точки зрения, «ходит строем» и состоит из «педрил».

— А что такое «педрила»? — нахмурился Найт, пытаясь припомнить значение этого устаревшего, где-то когда-то вычитанного слова.

— Это… эм… — господин Торроф задумался на секунду, — это такой мужчина, который вместо того, чтобы вступать в интимную связь с собственной сестрой, матерью, тётей, кузиной, просто какой-нибудь проституткой биологически женского пола, нездоровой женщиной или даже химерой, которой придан вид женщины, предпочитает других мужчин.

Найт даже приоткрыл рот от изумления.

— А они, что же…?

— Не пытайтесь их понять, мой мальчик. Между нами не только океан, но и несколько веков совершенно различного существования. Империя только сейчас начала потихоньку налаживать связи с Воссоединёнными Штатами Северной Америки. Например, здесь мы находимся потому, что американцы

намерены заключить контракты с несколькими имперскими корпорациями. Хотя, мне кажется, им будет сложно это сделать…

Господин Торроф усмехнулся, указывая взглядом на очередную гору металла, слабо напоминающую очертаниями человека.

— Какой имперский киборг в здравом уме и трезвой памяти согласится сотворить с собой такое? Хотя, признаться, попадаются и у их конструкторов вполне занятные вещицы. Собственно, ради одной такой я вас и пригласил. Пойдёмте.

Через несколько минут они остановились перед стендом, на котором была прикреплена очередная непонятная конструкция, показавшаяся Найту набором тонких трубочек и плоских панелей из металла и белого толстого пластика.

У стенда стояли и попыхивали трубочками бородатые мужчины, чьи рыжеватые космы были частично заплетены в тонкие косички и украшены бусами, перьями и кожаными лентами. На головах их были нахлобучены странного вида шляпы с загнутыми широкими полями. Одеты мужчины были в кожаные куртки с бахромой на рукавах и спине, украшенные нашивками и заклёпками. Они напомнили Найту байкеров, сестру предводителя которых он когда-то спас. Хотя, конечно, байкеры не носят таких шляп. По крайней мере, носят очень редко.

Заметив зрителей, заокеанские гости оживились.

— Следует нам показать вам, как этот вещь есть работает? — спросили они с несколько странным выговором. Найт сдержал улыбку, сохраняя серьёзную физиономию.

— Нет, спасибо, — сказал господин Торроф. — Я вчера уже видел. А вот мой друг хотел бы примерить. Надеюсь, вы помните наш вчерашний разговор?

Американцы с интересом глянули на высоченного альбиноса и великодушно кивнули.

Найт в недоумении уставился на конструкцию. На какое место её надевают, и что это вообще такое?

— Раздевайтесь по пояс, господин Ирон, — деловито распорядился кибертроник, уверенным движением снимая со стенда набор трубочек и панелей.

Найт немного растерялся, но всё же пришёл к выводу, что этому человеку стоит доверять. Он быстро снял френч и лёгкий обтягивающий свитер. Тела коснулся холодок, витавший по огромному помещению. Господин Торроф обошёл Найта, говоря:

— Правда, требуются специальные разъёмы, но я изучил строение этой штуки. Вполне сгодятся и стандартные стабилизаторы.

Найт оглянулся через плечо, собравшись было задать вопрос,

но вдруг по его позвоночнику как будто пробежала стайка скользких мурашек, и конструкция резко прянула во все стороны, раскрываясь то ли как веер, то ли как зонт. От неожиданности Найт завертел головой по сторонам, заметил слева огромное крыло, и в тот же миг справа что-то грохнулось на пол. Найт глянул в ту сторону и увидел второе крыло, которым он своротил несколько экспонатов. Американцы наперебой загалдели что-то на искажённом новоязе, кинулись к Найту, размахивая руками.

— Что же вы так нервничаете, мальчик мой? — спросил господин Торроф, который, судя по опешившему виду, тоже не ожидал ничего подобного.

— Прошу прощения, — Найт попытался достать до собственных лопаток и отсоединить крылья. — Эм… как это снять? Простите, я такой неловкий…

— Не надо снимать, не надо, — господин Торроф оттеснил американских конструкторов от своего пациента и взял его за запястья. — Успокойтесь. Дышите. Дайте имплантату время настроиться.

Найт послушно вытянулся в струнку. И через некоторое время крылья, подёргиваясь, медленно опустились и сложились. Казалось, будто Найт закинул за спину две причудливые доски для серфинга. Американцы напряжённо следили за развитием ситуации, готовые в любой момент кинуться спасать выставочный экземпляр. Потянулись заинтригованные люди.

— Вот, хорошо, — успокаивающим голосом произнёс господин Торроф. — А теперь представьте, что вы медленно потягиваетесь, лёжа в постели, ощутите это…

Найт прикрыл глаза и вдруг почувствовал напряжение в мышцах спины, будто он и правда сладко потянулся. С лёгким шорохом крылья раскрылись снова. На сей раз они ничего не снесли и никого не задели. Господин Торроф отступил на шаг и широко улыбнулся.

— Прекрасно. Прекрасно, мой мальчик! А теперь потянитесь вверх, попытайтесь вытянуть шею, вот так…

С лёгким свистом заработали какие-то скрытые двигатели, бока Найта обдало горячим воздухом. И вдруг он резко взмахнул крыльями и, коротко охнув от неожиданности, взмыл к потолку.

— Осторожно! — закричал господин Торроф. — Представьте, что вы в воде!

Под самым потолком Найт резко выровнялся и, слегка задев одну из массивных ламп, ушёл в крутое пике. Но у пола изменил траекторию движения и понёсся вперёд, лавируя между стендами, подставками, помостами и посетителями. Американские киборги улюлюкали, имперцы, присутствовавшие на выставке,

поглядывали с неодобрением.

Найт судорожно пытался сбавить скорость и приземлиться, и вдруг ощущение правильных действий пришло само собой, подобно тому, как приходит умение плавать, стоит только свалиться в воду с пристани. Подчиняясь приказам центральной нервной и импульсам вегетативной систем, крылья несколько раз взмахнули, поворачивая Найта вертикально, двигатели порывисто заглохли. Пол ударил в подошвы высоких армейских ботинок, и молодой киборг, пошатнувшись, быстро восстановил равновесие. До него дошло с опозданием: он только что летал. Не на машине, а сам. Как птица. Ни с чем не сравнимое ощущение. Даже голова слегка кружилась от эйфории, и в горле пересохло.

К нему уже бежал господин Торроф и американские конструкторы.

— Браво, для первого раза совсем неплохо! — сдержанно поаплодировал кибертроник. — Видите, господин Ирон, наши американские коллеги умеют производить не только громоздкие несуразности, но и вполне элегантные и простые в обращении вещи. Это чудо называется «Архангел Михаил». К сожалению, не знаю, что это значит. Наверное, что-то из сказок про ангелов. Есть ещё «Немезида», «Дракон» и ещё какие-то модели, но мне понравилась эта. Она вам больше всего подходит… Работает имплантат на водородном двигателе. Вот сюда заливается обыкновенная дистиллированная вода, а в случае необходимости крылья берут жидкость прямо из тела, как и биотоки, посредством которых осуществляется контроль. Данный экземпляр не был заранее заправлен, так что у вас сейчас, вероятно, небольшое обезвоживание. Ничего, пройдёт после пары стаканов воды. В остальном вещь уникальная по удобству эксплуатации и сложности конструкции. Однако наши заокеанские друзья утверждают, что в Штатах она давно запущена в массовое производство. Поэтому… — с этими словами он повернулся к американцам, — они не будут против, если мы приобретём выставочный экземпляр?

Конструкторы переглянулись и словно нехотя ответили:

— Это будет приносить столько волокит… Мы делали нет предположение, что будем продать всего один экземпляр. Мы имеем привезти оптовый контейнер.

— Хорошо, — примирительно кивнул господин Торроф. — Сейчас мы возьмём один экземпляр, подпишем договор, согласно которому определим испытательный срок, и если капитану Ирону понравится, мы закажем партию для подразделения «Шершень».

— Мы будем уезжать послезавтра, если вы делаете нет успевание принять решение, то вам придётся заказывать

трансатлантическую перевозку…

— Погодите, — подал голос Найт, — господин Торроф, у меня сейчас нет свободных средств на такие игрушки…

— Всё в порядке. Это мой подарок вам, — мельком ответил кибербиолог и продолжил обсуждать условия сделки.

— Нет, нет, я не могу принять такой дорогой подарок… — Найт завёл руки за спину, пошевелил лопатками, и штекеры крыльев выскользнули из разъёмов стабилизаторов. Имплантат сложился в цилиндр из трубочек и панелей и скользнул прямо в ладони киборга. Он протянул крылья конструкторам.

— Большое спасибо за презентацию, но…

— Оплата на карту или на счёт? — господин Торроф отодвинул руки Найта, улыбаясь при этом американцам. Те лукаво поглядывали на молодого парня и зрелого мужчину, состоявших, по их американскому мнению, в «противоестественной» связи, как и все имперцы. А затем отвели господина Торрофа подальше от ненужных свидетелей, чтобы обсудить детали.

С выставки Найт возвращался, держа на коленях кейс с ангельскими крыльями. В душе царило странное чувство. Подарок был удивительный. Но обстоятельства его получения и уж тем более человек, сделавший этот подарок, — всё это вызывало смятение. Найт чувствовал неприятное ощущение, будто он взял в долг крупную сумму.

— Ну что ж, самое время обмыть покупку, — торжественно произнёс господин Торроф. — Надеюсь, господин Ирон, вы простите меня за самовольство, но я решил, что отпраздновать приобретение такого эксклюзивного устройства лучше всего будет у меня дома. Не таскаться же с этим чемоданом по барам. Оставлять в флайере тоже опасно. Угонщики не дремлют. Напрашиваться в гости к вам я считаю невежливым. Остаётся один вариант.

Он поглядел на парня с улыбкой.

— Да и не стану скрывать, что давно хотел пообщаться с вами чуть ближе.

Найт криво улыбнулся в ответ, чувствуя какую-то неловкость. Остро захотелось отказать, но из вежливости он смолчал.

* * *

Квартира господина Торрофа оказалась такой же элегантной и респектабельной, как и он сам. В меру хайтэка, в меру антиквариата, в основном натуральные материалы: дерево и

камень. Мебель в большинстве комнат встроенная, выезжающая из невидимых до времени ниш в стенах при нажатии на кнопки либо по голосовой команде. На полу — циновки из соломы, переплетённые пеньковой бечёвкой, на стенах — узкие свитки со старинными акварелями в восточном стиле, либо абстракции. Наверняка кибербиолог не знает ничего об этих произведениях искусства, а приобрёл их только ради престижа. В высшем обществе старина в моде.

Найт оставил крылья в холле и неспешно прогуливался мимо картин. С тоской вспомнился первый визит к господину Миккейну.

Из задумчивости молодого киборга вывел вопрос господина Торрофа:

— Вина?

— Я бы выпил воды, если можно.

— Значит, вина, — тихо и элегантно засмеялся господин Торроф, протягивая Найту бокал, который наполнил заранее.

Затем легонько чокнулся с Найтом, и резной хрусталь мелодично зазвенел.

— За вашу удачную покупку.

— За ваш подарок, — возразил Найт. Кибербиолог отмахнулся:

— Ну что вы. Не стоит… Может, расположимся чуть поудобнее?

Найт послушно проследовал в гостиную, начав сомневаться в правильности собственных действий. Здесь царил интимный полумрак, бордово-сиреневый из-за цвета абажуров приглушённых ламп и полупрозрачных ширм с китайскими или японскими росписями. Звучала тихая фоновая музыка.

— Присаживайтесь, — пригласил господин Торроф жестом.

Найт опустился в широкое чёрное кресло, обтянутое натуральной кожей. Господин Торроф уселся напротив, закинув ногу на ногу. Город за стеклом огромного окна во всю стену сверкал огнями на фоне вечереющего неба. Великолепный вид. Найт даже залюбовался, забыв про бокал в руке. И погрустнел, вспомнив, как они смотрели на город вместе с Каем.

— Ну расскажите же мне, как у вас дела на работе? В жизни? — нарушил неловкую паузу кибербиолог.

— Вряд ли это на самом деле интересно, — пожал плечом Найт. — Обычная жизнь обычного киборга. Убиваю, вшиваюсь, убиваю, вшиваюсь…

— Ну что ж, если вы не расположены хвастаться вашими бесспорными достижениями, давайте сменим тему, — кивнул господин Торроф. — Возможно, новая тема покажется вам

неприятной, но я всё же хотел бы настоятельно порекомендовать забыть о вашем мимолётном увлечении, о котором вы даже сейчас думаете. Я вижу это. Вы же сами понимаете его причины… Этот мальчик — не Дэл.

Найт опустил голову и отвернулся. Да, Кай — это Кай, а не Дэл. И появился тот, кто полюбил Кая за его индивидуальность, а не за сходство с Дэлом. Именно поэтому Найт вот уже несколько месяцев одинок.

Господин Торроф поднялся и, обойдя кресло своего гостя, положил руку на плечо молодому киборгу.

— Мне неприятно видеть, что эта малозначимая интрижка так повлияла на вас. Я надеялся, что вы хотя бы сейчас немного развеетесь…

— Мне на самом деле очень понравилась ваша экскурсия, — Найт посмотрел на кибербиолога. — Особенно я вам благодарен за подарок. Право, не стоило…

— Пустяки, — отмахнулся господин Торроф и, отставив бокал в сторону, на маленький столик из чёрного стекла, положил вторую руку на второе плечо Найта. — Если я смог хоть немного порадовать вас, это было бы лучшей благодарностью.

Найт попытался отодвинуться.

— Эм… Да, но… Кхм… Господин Торроф, вы не могли бы… Эм…

— Что-то не так? — невинно поинтересовался мужчина, чуть наклонившись к парню. — Вы так напряжены…

Его сильные, крепкие и вместе с тем очень чуткие ладони профессионального хирурга принялись умело разминать сведённые мышцы киборга.

— Вам необходимо расслабиться. В компании какого-нибудь представителя вашего круга, а не чёрт знает откуда взявшихся щенков…

Едва ощутив мочкой уха и шеей чужое горячее дыхание, Найт вскочил с кресла и спросил нарочито громко:

— А что изображено на этих картинах?

Господин Торроф немного растерялся.

— Честно говоря, не интересовался. Да не всё ли равно… — он приблизился к Найту, запрокинул лицо и погладил его по щеке. — Это просто предметы интерьера, не обращайте внимания. Вот чудак Миккейн любит покопаться в их истории, а мне не досуг…

— Это предметы искусства, а не интерьера, — Найт откинул его руку. — А я живой человек, а не механическая кукла, с которой вы можете играть!

— Простите, господин Ирон, я, кажется, был слишком

настойчив, — господин Торроф убрал руку, но не отступил. — Но и вам не следует так нервничать. Я не претендую на глубокие взаимные чувства и не настаиваю на активной роли, если вы понимаете… Давайте просто позволим себе небольшое приключение. Не будьте же угрюмым недотрогой. Зачем портить такой прекрасный вечер?

Он снова прикоснулся пальцами к шее Найта, к ямке под челюстью. Тело парня, истосковавшееся по плотским утехам, отозвалось мурашками и напряжением в мышцах внизу живота. Но Найт отбросил руку мужчины снова и осклабился:

— И правда, незачем! Прощайте.

С этими словами он, развернувшись, кинулся к выходу из квартиры.

Господин Торроф догнал его только у лифта.

— Ваши крылья! — размахивал он кейсом.

— Мне от вас ничего не нужно!

Кибербиолог всё же втиснулся широкими плечами между сомкнувшимися дверцами и, оставив кейс на полу, с коротким многозначительным взглядом подался назад. Дверцы лифта сомкнулись, и Найт остался один на один с подарком и неприятным осадком на душе.

Глава 49

Едва оказавшись дома, Найт сразу же кинулся к ноуту и набрал идентификационный номер Дэнкера Миккейна по видеосвязи. Невыносимо хотелось его увидеть и услышать его голос. Как будто смыть грязь ключевой водой или заесть горькое лекарство чем-нибудь вкусным.

На экране появилось лицо господина Миккейна. Он выглядел каким-то потерянным, болезненным, полной противоположностью цветущему, уверенному в себе Торрофу.

— Что с вами? — взволнованно спросил Найт вместо приветствия.

— Со мной ничего страшного, — улыбнулся господин Миккейн слегка нервно.

Найт недолго поговорил с ним, пытаясь выяснить, что же не так. Но учитель избегал прямых ответов.

Отключившись, Найт некоторое время посидел перед монитором, хмурясь и размышляя.

Между ним и господином Миккейном давно установилась особая связь. Никакие натянутые улыбки и неловкая ложь о прекрасном самочувствии не могли обмануть киборга. Он видел: господин Миккейн что-то скрывает. Что-то опасное для себя. Просто не хочет расстраивать любимого ученика.

Наклонившись к монитору, Найт зашёл на сайт вокзала и быстро забронировал билет до Броксы.

Он хотел видеть господина Миккейна воочию, а не посредством компьютерного суррогата. Никакие видеофоны и программы видеосвязи не заменят живого общения.

* * *

Родная Брокса встретила золотым листопадом и прохладным, прозрачным воздухом. Небо было затянуто сплошной пеленой жемчужных туч, на фоне которых дома казались нахохлившимися и чёрными. Только здание Академии, которое можно было видеть почти из любой точки города, помпезно сверкало стеклом и металлом.

Найт вышел из монопоезда, поправил жёсткий высокий воротничок форменного кителя, отмечая заинтересованные и восхищённые взгляды пассажиров, провожающих и встречающих. Потом поудобнее перехватил коробку с дисками, которые накупил специально для господина Миккейна, и отправился на

остановку.

Автоматическое такси в милой глуши ещё не было распространено, и Найт поймал обычную попутку. За рулём сидел молодой парень, беззастенчиво присвистнувший с трогательной провинциальностью:

— Ух ты, «Шершень»! Какая-то операция опять, да?

Найт снисходительно улыбнулся и ответил:

— Просто навещаю старого знакомого.

— Понял, не вопрос, молчу и лишнего не спрашиваю, — парень поднял руки в жесте «сдаюсь» и без лишних разговоров погнал по знакомым улочкам, которые ни в какое сравнение не шли с автострадами Октополиса.

Найт вертел головой по сторонам и чувствовал, как внутри у него всё оттаивает. Но всё же где-то очень глубоко шевелился колючий комок беспокойства.

У дома господина Миккейна машину остановили двое «Шершней».

«Поворачивай, запрещено», — показывали они жестами.

Найт с подозрением нахмурился. Попросил остановить, расплатился и вышел из машины. Водитель, изнемогая от любопытства, всё же вынужденно сдал назад и медленно скрылся из виду.

— Капитан Ирон, — представился альбинос, сдержанно отсалютовав «вива машину». Рядовые вытянулись в струнку. — Причина оцепления?

— В данном квадрате проводится операция по задержанию государственного преступника, — отчеканили рядовые. — Извините, пропускать никого не положено.

— Что за преступник? — спросил Найт, нахмурившись.

— Миккейн, бывший учитель истории в здешней Академии.

— Я должен поговорить с руководителем операции, — потребовал Найт, мастерски скрывая шок и испуг. Стабилизаторы работали безупречно. К тому же, на его коже смертельная бледность была мало заметна.

Его проводили к угрюмому незнакомому типу в звании лейтенанта, и тот сухо отсалютовал Найту. Впрочем, он всё равно смотрел на коренастого коллегу сверху вниз.

— Лейтенант, подозреваемый является моим учителем и близким другом. Разрешите узнать, в чём его обвиняют.

— Преступление первой степени. Удалил у себя биочип, анархист чёртов, — лейтенант сплюнул через сжатые зубы.

— Разрешите мне с ним поговорить, — сказал Найт, сглотнув пересохшим горлом. — Я попытаюсь убедить его одуматься, вшить биочип обратно и всячески облегчить свою участь.

Лейтенант словно очнулся от каких-то своих мыслей и с удивлением взглянул на бледную каланчу перед собой. Удивление сменилось чем-то вроде презрения. «Слюнтяй», — так и читалось в этом взгляде.

— Разрешаю, — ответил он тем не менее. — А это что?

Он сурово кивнул на небольшую коробку под мышкой Найта.

— Подарок, — сдавленно ответил он и, откашлявшись, заговорил ровно. — Я ехал сюда навестить господина Миккейна. Это для него.

— Что там?

— Музыка.

Лейтенант в недоумении приподнял бровь и фыркнул.

— Я обязан отдать приказ о проверке.

— Разумеется, — кивнул Найт. — Я понимаю.

Лейтенант приказал тщательно проверить свёрток. Коллекция дисков со всяким старьём.

После этого он отдал распоряжение пропустить капитана через оцепление. Тот кинулся в дом под удивлёнными взглядами соратников. Обычно переговорщиков вызывают, только когда дело касается заложников, которых нежелательно уничтожать вместе с преступниками. И уж точно переговорщики чаще всего не бывают киборгами, тем более в звании капитана подразделения «Шершень».

* * *

На звонок ответили не сразу.

— Какие вы вежливые. Я думал, просто выбьете дверь и всё, — послышался усталый голос учителя из-за двери.

— Это я, господин Миккейн! — воскликнул Найт. Дверь открылась после некоторой задержки.

— Найт, мальчик мой! Думал, не увижу тебя больше, — прошептал историк, обняв киборга за шею. — Как хорошо, что ты успел…

Найт быстро втолкнул его в квартиру и закрыл за собой дверь. Господин Миккейн замер, глядя на него с удивлением и смутной тревогой.

— Что вы натворили? — прошипел Найт. — Как вы могли избавиться от биокарты? Вас же аннигилируют!

— О, это, наверное, мне? — спросил господин Миккейн, будто и не слышал слов Найта, и забрал из его рук коробку. — Выпьешь со мной чаю?

Молодой киборг глубоко вздохнул и решил действовать

постепенно. Кивнув, он последовал за учителем на кухню. Здесь витал призрак запустения и оцепенения. Будто весь дом замер в испуге перед какими-то страшными событиями.

— А где Мона? — спросил Найт.

Господин Миккейн не ответил, будто не услышав, погружённый в какие-то тяжёлые мысли. Положил коробку с дисками на стол, едва не уронив, но поймал в последний момент.

Он принялся возиться с настоящим керамическим чайником. Найт присел на стул, положив широкие ладони на колени. Его взгляд мельком упал на большое старинное зеркало в тяжёлой раме, потемневшее и помутневшее от времени. Киборг сам себе показался картонной фигуркой, приклеенной на совершенно не подходящий фон.

— Ну, рассказывай, — сказал господин Миккейн. — Виделся с Торрофом? Он, кажется, сейчас в столице.

— Да. Работает в госпитале при Башне Совета, — Найт тихонько усмехнулся. — Вчера он мне крылья подарил. В смысле, имплантат. Занятная вещица…

— Надо же… Крылья. Не думал я, что этот карьерист способен на романтические порывы.

— Почему вы это сделали? — спросил Найт после долгой паузы.

Господин Миккейн ответил не сразу. Он, казалось, целую вечность заваривал чай, аккуратно разливал его в две чашечки старомодного дизайна, шёл к столу.

Поставил одну перед Найтом, сел. Обхватил ладонями свою чашку и подул.

Найт увидел, что его учитель постарел. Действительно постарел. Не то что господин Торроф, похожий на дорогой манекен или фотографию из глянцевого журнала. Кибербиолог выглядел как человек, взявший целый мир в кулак и выжавший из него всё, что хотелось. Историк же выглядел так, будто это его мир сжал в кулаке. Наяву даже хуже, чем на экране ноута. Осунувшийся, сутулый, с порядком поредевшими седыми волосами, в помятой одежде. Он держал чашку так, что казалось, вот-вот уронит её. Когда он прихлёбывал, фарфор едва слышно постукивал по его зубам.

— Мой сын недавно умер. От старости.

— Как? — опешил Найт. — Ему сейчас должно быть никак не больше восемнадцати.

— Ему было семнадцать, — ответил господин Миккейн. — Он обладал отменным здоровьем, делал большие успехи в командном спорте. Но потом у него выявили прогерию. Было слишком поздно… Этот мир способен выпотрошить человека и

превратить его в машину. Способен уничтожить человека в долю секунды единственной сверхгорячей вспышкой или разобрать на атомы в аннигиляционной камере. Способен излечить почти любую рану за несколько часов или эффективно бороться с раком. Но не способен выявить причины прогерии, и уж тем более излечить её. У этого мира есть для таких случаев лишь штамп «Репродуктивно негоден», которым клеймят того, кто произвёл на свет *дефективного* ребёнка. И если бы дело касалось только меня, я бы смирился. Уехал бы в какой-нибудь маленький городишко, в котором на меня бы не смотрели такими изменившимися взглядами. Или, наоборот, затерялся бы в толпах Октополиса. Но…

Господин Миккейн поставил чашку на стол, снял очки и дрожащими пальцами сжал переносицу.

— Но Мону тоже определили как репродуктивно негодную. Её конфисковали у меня и подвергли гистерэктомии. Мою бедную Мону…

Он скрючился и обхватил лицо ладонью. По дрожащим плечам Найт догадался, что его учитель беззвучно плачет. Захотелось обнять его и заслонить от всего этого мира своей широкой спиной. Недавно проармированной лентами мелкозернистой титаново-карбоновой сетки, которая прошита волокнами пьезоэлектрических кристаллов вместо мышц. Такую спину не всякой пулей пробьёшь.

Молодой киборг поднялся, приблизился, сел на корточки перед учителем и взял его за руки. Найт не знал, что сказать, он просто сидел и смотрел на господина Миккейна снизу вверх таким же взглядом, как много лет назад. Только совсем другими глазами. Учитель улыбнулся ему сквозь слёзы и погладил по голове.

— Всё хорошо. Это закон природы. Слабейший должен исчезнуть. Мир меняется. На дороге у несущейся машины лучше не стоять. Убежать от неё невозможно. Я могу лишь броситься под колёса, устав от этой гонки. Я больше не хочу подчиняться правилам этого мира, быть ничтожной, бесправной песчинкой на его ладони. На ладони, которая размозжила всё, что оставалось в нас от людей.

— Вы не должны так поступать, — проговорил Найт ровным убедительным тоном. — Вы прекрасный специалист, и репродуктивная негодность мало повлияет на вашу карьеру. Мону, конечно, жалко, но ведь её не убьют… и…

— Твои ли это мысли? — мягко перебил его господин Миккейн тихим голосом. Найт недоумённо приподнял бровь.

— Если бы я не знал, что это невозможно, я бы решил, что

Торофф запрограммировал тебя говорить его словами. Карьера, карьера, карьера, карьера… Основа мироздания, цель всей жизни — карьера. Ты оказался больше его учеником, чем моим.

— Господин Миккейн, я просто…

— Не надо оправдываться, — помотал головой историк. — Ты поступил так, как счёл наиболее верным и эффективным. В конце концов, ты киборг. Наполовину машина. Я лишь удручён, что ты всё-таки позволил Торрофу управлять твоим мнением, сделать тебя своим подопытным кроликом.

— Лабораторным мышем, — задумчиво усмехнулся Найт, посмотрев в сторону.

— Что? — не расслышал господин Миккейн.

— Ничего, я так, — мотнул головой Найт. — Речь ведь вовсе не обо мне и не о господине Торрофе. Речь о вас и вашем безумном поступке. Одумайтесь, господин Миккейн…

— Нет, речь всё-таки о тебе, мой мальчик. Тебе жить дальше. А я всё решил для себя. Теперь должен решить ты.

Найт долго смотрел на учителя, потом встал и медленно отошёл к зеркалу. Нерешительно посмотрел в глаза своему отражению. Прекрасные глаза дорогой коллекционной куклы в обрамлении белоснежных ресниц. Без бровей они казались ещё более искусственными. Глаза смотрели спокойно и безмятежно, хотя в душе поднялась буря чувств. Через минуту Найт отметил, что эта буря стихает. Стабилизаторы работали безупречно.

— Я боюсь, что-либо мне решать уже поздно. Моя долина окаменела.

Он увидел в зеркале, как господин Миккейн обессилено опустил голову и тяжко вздохнул.

— Что ж… Очень функциональная ваза тоже может быть из фарфора. А фарфоровые статуэтки совершенно бесполезны, — проговорил он будто самому себе. — Передай Торрофу мои поздравления. Он победил.

Найт почувствовал острый приступ отчаяния. Он хотел только одного — чтобы его учитель нашёл хоть единственную причину жить дальше. И вдруг, резко развернувшись, всей своей громадной массой кинулся к нему, стиснул в объятиях и поцеловал в губы. Глаза господина Миккейна расширились от настоящего ужаса, он принялся вырываться. Но разве может простой смертный, ослабленный горем и бессонницей, вырваться из объятий восьмидесятипроцентной машины?

— Я люблю тебя, Дэнкер! — проговорил Найт, настойчиво целуя учителя. — Я люблю тебя! Пожалуйста, не бросай меня! Не оставляй меня совсем одного! Я буду с тобой всегда, только не бросай…

Господин Миккейн отворачивал лицо, вырывался, бормоча:

— Перестань! Перестань, Найт! Что ты делаешь?!

Словно очнувшись, Найт отпустил его и сел на оказавшийся рядом стул. Историк же попятился к шкафчику, положив ладонь на грудь.

— Ты… ты напугал меня… — нервно усмехнулся он, покачивая головой. — Я, с твоего позволения, приму капли…

— Да… Да, конечно. Простите меня, господин учитель, — сдавленно произнёс капитан «Шершней» тоном провинившегося первокурсника. — Я… я не знаю, что на меня нашло… Но я правда вас люблю! Как очень хорошего человека. Как отца, больше чем отца… Я не знаю, что мне делать, если вас арестуют и казнят…

— Успокойся, мой мальчик. У тебя всё будет хорошо. Ты вернёшься в столицу и продолжишь свою блистательную карьеру. Или останешься со своей семьёй здесь. Кстати, твой отец совсем недавно интересовался у меня, не поддерживаю ли я с тобой связь, — улыбнулся господин Миккейн, беря свою чашку с остывшим чаем и отходя обратно к шкафчику.

Он достал с полки странный тёмный пузырёк и накапал из него в чашку прозрачную, как слёзы, жидкость. Руки его дрожали.

— А меня никто не арестует.

Найт приподнял голову. Он понял в долю секунды, что не так. Едва уловимый, лёгкий запах миндаля. Обычный человек не почувствовал бы на таком расстоянии. Но не существо с усиленной восприимчивостью рецепторов.

Киборг ринулся вперёд, коротко вскрикнув:

— Нет!!!

Но выбил чашку из руки историка мгновением позже, чем нужно. Тот успел проглотить отраву. Цианид подействовал за две секунды. На руки киборгу упало уже бездыханное тело.

— Нет, нет, нет… — шептал Найт, укладывая господина Миккейна на пол.

Он выхватил из наплечного кармана портативную аптечку, которая входит в состав амуниции любого служащего государственной армии или «Шершня», ловко вынул из коробочки шприц с универсальным антидотом, помогающим бороться даже со сложными синтетическими ядами, предназначенными специально для киборгов, которых не «брало» большинство известных человечеству ядов. Сделал господину Миккейну укол в вену. После чего сразу же начал делать искусственное дыхание и непрямой массаж сердца.

Но ничего не помогало.

Как яд, ещё толком не всосавшись в кровь, может действовать

так быстро и необратимо?!

Цианид ли это вообще? Или что-то новомодное, какая-то синтетика на его основе?…

Найт сделал историку укол адреналина в сердце. Но мужчина не пошевелился.

Киборг вытянул из специального отдела аптечки два тоненьких проводка с капельками-проводниками из твёрдого геля на концах. Включил генератор, приложил эти проводки к груди господина Миккейна. Замершее сердце вздрогнуло от удара током и снова затихло.

Ещё разряд. Ещё. Бесполезно. И ещё. И снова бесполезно.

Действуя чётко и технично, как автомат, Найт разорвал на груди учителя свитер, затем вынул из маленького чехла в аптечке резак с монолезвием. Нажал кнопочку на плоской рукояти, включая, собственно, поле монолезвия. Под кромкой толщиной всего в одну молекулу легко расходились любые материалы. Грудные мышцы слой за слоем расступались, обнажая розовато-жёлтые рёбра. Найту хватило небольшого разреза. Сунув в рану пальцы, киборг отодвинул лёгкое, протолкнул, словно зонд, в сочно-бордовую дыру проводки и дал заряд по открытому сердцу.

Надо действовать быстро, чтобы господин Миккейн не истёк кровью… Ничего, рану потом можно будет залепить «биосваркой».

Удар — едва заметный уху высокочастотный писк. Сердце вздрогнуло и снова замерло. На последующие удары оно не реагировало. Лёгкое упрямо наползало обратно, точно розоватый студень. Пальцы скользили в крови. Найт жал и жал на кнопку, дающей разряд электричества. Но всё было бесполезно.

Молодой киборг не оставлял тщетных попыток даже тогда, когда остывшая кровь на полу начала сворачиваться.

Господин Миккейн смотрел на ученика чуть прикрытыми глазами и едва заметно улыбался мягкой, умиротворённой улыбкой, как будто не лежал сейчас с дырой в груди.

Всё тщетно. Всё бесполезно.

Найт закрыл лицо окровавленными ладонями. Он сидел так, казалось, миллион лет и успел окаменеть. Потом, пошатываясь, поднялся. Задел ногой крошечный пузырёк со смертоносным содержимым.

Стабилизаторы работали в режиме максимальной нагрузки. От эмоционального вакуума оцепенело всё тело. Спокойствие было сродни ощущению пронзительного холода в первые мгновения ожога кипятком.

Как сомнамбула, Найт покинул тихую, больше необитаемую квартиру. Спустился в лифте. Вышел из дома, глядя ровно перед

собой.

«Шершни» примолкли, посматривая на совершенно спокойного громадного альбиноса с окровавленными руками и лицом. Кровь, кажется, не его.

— У вас эээ… — проговорил какой-то рядовой, растерянно прикоснувшись к своему носу.

— Что-что? — совершенно спокойно спросил Найт, проведя ладонью под носом. На ней, поверх засохшей крови учителя, осталась тёмная, почти чёрная кровь самого Найта. Киборг не успел увидеть её, рухнул пластом на спину, как задетый кем-то манекен. Он смотрел в жемчужное небо спокойно, будто задумавшись о чём-то своём. Рука его так и осталась по-кукольному приподнятой.

«Шершни» неуверенно приблизились. Растолкав рядовых, подошёл лейтенант. Присел рядом, пощупал пульс капитана. Нахмурился, потом вынул из наплечного кармана диагностический мнемокабель, подключил его к экранчику аптечки одним штекером, а вторым — к разъёму на виске Найта. Посмотрел на высветившиеся данные.

— Нормально. Сейчас кластеры повреждённые починит и очухается. Фиалка, мать его.

Встав, он взмахнул рукой:

— Хватит сопли жевать. Арестовать этого анархиста и притащить сюда. Чёрт уж его знает, что там произошло, но времени ждать больше нет.

Через полчаса солдаты вернулись и доложили, что арестовывать уже некого. И чуть тише описали то, что увидели.

Лейтенант поглядел на лежащего, словно неодушевлённый предмет, Найта уже совсем другим взглядом — уважительным и слегка опасливым.

Глава 50

— По шкале сложности операция приравнивается к чрезвычайно опасным, — звучал в наушниках штурмового отряда «Шершней» голос старшего координатора. — Ситуация осложнена захватом заложников. Командирам групп принять скорректированные инструкции. Капитан Никсон…

— Принято.

— Капитан Мирримэй…

— Принято.

— Капитан Хост…

— Принято…

Найт отстранённо слушал эфир, дожидаясь, когда старшие координаторы загрузят инструкции для высшего офицерского состава.

Не так давно он стал майором. Якобы в качестве поощрения за лояльность власти и уничтожение опасного оппозиционера. Это они Дэнкера Миккейна называют опасным оппозиционером! И это его самоубийство они повесили на совесть его любимого и любящего ученика… Как он ни отказывался. Как ни требовал нейросканирования, чтобы доказать, что на самом деле он не имеет к «уничтожению опасного оппозиционера» никакого отношения. Как ни подавал рапорты о добровольном увольнении.

Что ж, раз от «благодарности» Машины не спастись, тогда стоит добросовестно отблагодарить её в ответ за оказанную честь…

Немного смириться помог Кай. Умирая от тотального одиночества, Найт плюнул на гордость и, страшась лишь опоздать, как тогда, с Дэлом, разыскал своего «мальчика из ниоткуда» в дымной утробе Октополиса. Тот жил со своим любовником, но, как оказалось совсем недавно, по-настоящему любил лишь Найта. И ушёл за ним в мир киборгов, в подразделение «Шершень», не побоявшись ни постоянных болей, ни жёстко регламентированного существования правительственного солдата, ни страшной неизвестности, которую приносят с собой неведомые Стиратели в последний, сорок пятый день рождения каждого киборга. Кай стал беспрецедентным примером выживания после так называемых «взрослых» вшивок, ведь будущий киборг начинает постепенно изживать в себе всё биологическое и человеческое в ранней юности, а в более старшем возрасте организм просто не выдержит резкой и массированной «переделки». Но господин Торроф в который раз доказал свою гениальность. Кай остался жив-здоров

и находился сейчас, слава всем богам, в реабилитационном центре, а не среди рядовых, летящих на нескольких десятках армейских геликоптов штурмовать головную башню корпорации «Сайбертек», захваченную взбунтовавшимся персоналом и охраной. Кай хотел поучаствовать в операции, но господин Торроф запретил (по просьбе Найта), сославшись на медицинские причины. Найту хватало и лёгкого беспокойства за братьев Макгвайеров. Лёгкого, потому что стабилизаторы прекрасно справлялись с эмоциональным напряжением. Однако, отладив свою работу после сбоя, вызванного страшным горем, теперь они не гасили ненужных эмоций полностью, а лишь смягчали их. Ничто не мешало безупречной работе Машины.

Найт по привычке прикрыл глаза, когда на его мнемокарту поступил файл от его координатора. Пара уточняющих запросов мысленно — и вот он обладает всей информацией, необходимой для планирования адекватных действий. Да, задание не из лёгких, но оно выполнимо.

Вскоре геликопты один за другим приземлились на крышу небоскрёба в непосредственной близости от головной башни «Сайбертека» — на расстоянии гаубичного выстрела.

Найт погрузился в просчитывание нескольких возможных комбинаций проникновения на объект. Необходимо учитывать данные бойцов, из которых сформированы три его подопечных отряда. Сам он вступит в бой — согласно регламенту — только в крайнем случае.

«Сайбертек» — основной поставщик имплантатов не только в госпиталь при Доме Совета, но и по всей Империи. Головная башня этой богатой корпорации прекрасно оснащена, в том числе сложной многоступенчатой системой защиты, которая оказалась не в тех руках.

Согласно докладам координаторов не обошлось без финансирования и поддержки со стороны не желающих сдаваться республиканцев. Если они завладеют паролями от локальной сети, в которую включены все имплантаты, производимые корпорацией, по умолчанию, то они смогут запустить вирус и сбить настройки до изначальных. Тела тысяч и тысяч киборгов перестанут слушаться своих хозяев, а восстановление функций займёт время, за которое повстанцы смогут нанести ещё пару сокрушительных ударов. Мощь Империи почти полностью держится на плечах киборгов. Колоссальное государство опирается на шаткие, ненадёжные костыли технического прогресса. Регулярная армия, состоящая из обыкновенных людей, на протяжении десятилетий постепенно размывалась вливаниями полумеханического контингента. Особенно с приходом

Божественной Машины. И вот сила Империи грозит обернуться бессилием.

Но пока ситуацию удавалось держать под контролем. Высококлассные хакеры, работающие при Доме Совета, получили доступ к центральному компьютеру «Сайбертека» и отбивали атаки противников, спрятавшихся где-то в недрах головной башни корпорации, что позволило выиграть время.

Проводить операцию в привычной для киборгов манере — с налёту уничтожить всех, кто оказывает хоть малейшее сопротивление, а то и взорвать объект — было нельзя, слишком дорого обойдётся затем восстановление «Сайбертека» и поиск высококлассных специалистов, которые дважды подумают, прежде чем устраиваться туда на работу. Кроме того, уничтожение башни вовсе не гарантирует дальнейшую безопасность: террористы могут всё равно успеть ввести в систему вирус. Следовало просто обезвредить их. И по возможности захватить живыми для нейросканирования. Также необходимо было обнаружить все возможные, даже самые малейшие следы, ведущие к реальным зачинщикам и руководителям заговора, ведь работники корпорации — лишь пешки в их игре.

Обнаружить скопление основных сил противника оказалось не так просто: не успев избавиться от биокарт, повстанцы попросту избавились от камер наблюдения, причём — что значительно усложняло дело — не отключив их, а повредив физически. Что ж, не стоило недооценивать простых механиков, которые обслуживали камеры в здании и прекрасно знали расположение даже самых засекреченных. Поэтому правительственные координаторы прикрепили жучки абсолютно ко всем работникам корпорации, информацию о которых запросили напрямую у директората, и теперь каждый «Шершень» мог видеть на виртуальной трёхмерной карте башни передвигающиеся красные точки. Кто из них заложник, а кто бунтовщик — не известно. Для выяснения надо проникнуть на объект, прорвавшись сквозь систему охраны. Для киборгов это не сложно. Но вряд ли получится внезапно: к башне невозможно подкрасться незаметно, особенно большому отряду киборгов, привыкших сносить всё на своём пути.

Любая попытка атаки заставляла сопротивленцев нервничать. За что уже поплатился один из заложников: его попросту вышвырнули из окна сорок второго этажа, когда небольшому отряду удалось десантироваться с геликопта на парковку для флайеров. Киборги успели уничтожить пару десятков сопротивленцев, но оставшиеся в живых укрылись в глубине

небоскрёба, а вступившие с ними в сговор охранники заблокировали ворота, после чего открыли из окон огонь по нападавшим. «Шершни» отстреливались почти полчаса, затем смогли взломать несколько флайеров, остававшихся на площадке, на них протаранили окна, из которых вёлся огонь, и едва не погибли. Корпорация, производящая «начинку» для киборгов, располагала также средствами для их нейтрализации: «Шершней» остановили электрической ловушкой и почти всех перестреляли. Киберсолдаты оказались не готовы к подобному, так как никогда раньше не сталкивались с этими новейшими разработками, ещё не поступившими на рынок. Нескольких «Шершней» захватили в заложники, остальные подчинились приказу об отступлении.

Координаторы повысили уровень сложности операции и вызвали подкрепление в виде нескольких отрядов с дополнительными командирами.

Найт рассматривал внутренним взглядом присланные ему напрямую в мнемокарту трёхмерные карты и считывал прочую информацию, которую удалось раздобыть.

Итак, на любой, даже совсем небольшой отряд повстанцы реагируют слишком нервно. Если довести их до вынужденного уничтожения всех заложников, то это развяжет «Шершням» руки. И всё же Найт не хотел рисковать жизнями захваченных сослуживцев, среди которых был капитан Генрих Макгвайер. Не целесообразно отвергать неплохой вариант из-за глупой сентиментальности.

Но тут на помощь мятущейся, задавленной стабилизаторами душе пришёл машинный разум.

Если позволить бунтовщикам уничтожить заложников, это ударит по репутации не только подразделения «Шершень», но и по репутации правительства, вызвав новую волну гражданского неповиновения. А также это заставит террористов пойти на отчаянные меры, например, взорвать всё здание. Координаторы доложили о взрывчатке, которую удалось обнаружить благодаря спектральному сканированию башни. Взрыв ударит не только по репутации, но и по экономике Империи. Нет, переть танком, поступаясь жизнями заложников, нельзя. Слава Богу, на операцию не отправили Альф: тех даже в народе называют «ластиками», и не только за форму громоздкой защитной амуниции, напоминающей кусочек старинной стирательной резинки, но и за свойство стирать что угодно до основания и кого угодно в порошок. «Шершни» действуют тоньше.

Найт построил план операции для нескольких вверенных ему отрядов.

Затем согласовал его с планами остальных двух майоров.

Решено было всё-таки идти на штурм, но не так открыто. Несколько отрядов прорываются через подземную парковку, один заходит с моста, ведущего к ближайшему Столпу, ещё два десантируются на расположенные со всех сторон здания парковочные площадки для летающего транспорта. Причём основной задачей является установка портативных камер наблюдения или починка стационарных, испорченных мятежными работниками «Сайбертека». Так у координаторов вновь появятся «глаза».

Солдаты рассредоточились. Операция началась.

Самим майорам регламент запрещал лично участвовать в штурме без специального разрешения генерала Макгвайера.

Найт стоял чуть позади сослуживцев, не отрывавших взгляды от небоскрёба «Сайбертека», то и дело отдававших скорректированные приказы капитанам и принимавших инструкции от координаторов. Затем он стал потихоньку пятиться, пока совсем не ушёл с крыши. Его отсутствие заметили только после того, как старший координатор послал запрос его коллегам — проверить физическое состояние майора Ирона. Он отключился, но при этом не перенесён в Архив, а значит, не убит.

Сослуживцы Найта не смогли определить его месторасположение.

А в следующее мгновение радары засекли какой-то странный летающий объект. Передвигался он со скоростью аэроскутера, но медленнее флайера или геликопта, и напоминал громадную птицу.

— Что за чёрт… — прошептал один из майоров, настроив визоры на приближение.

Второй наконец разглядел «птицу» и скривился:

— Этот чёртов генму всегда любил выделываться!

* * *

Слабым местом головной башни, бесспорно, было внутреннее пространство кольцеобразного строения, но с неба подобраться незаметно было невозможно: предупредят радары, настроенные на любую технику, которая может оказаться в распоряжении «Шершней». Любую. Но к *подобному* сопротивленцы не были готовы, отвлекаясь, к тому же, на солдат, наседавших со всех сторон.

Исполинский цилиндр небоскрёба был разделён по «экватору» толстенным стеклянным перекрытием, напоминая колодец с застывшей водой. Мятежные работники корпорации,

приоткрыв рты и забыв о заложниках, проследили, как с неба в этот «колодец» головой вниз рухнул ангел небесный. Только не такой, как на картинках в Сети или на чудом сохранившихся фресках. У него были стальные крылья. Он был облачён в защитную амуницию «Шершней», класс третий. Он был вооружён двумя бронебойными штурмовыми пулемётами в удобных кофрах, надевавшихся прямо на руки, до локтей.

«Ангел», не сбавляя чудовищной скорости и даже не переворачиваясь головой вверх, начал быстро вращаться вокруг своей оси, расставив пулемёты в стороны. Свинцовый смерч косил всех, оказавшихся поблизости от больших, во всю стену, окон. Многих посекло осколками толстых стёкол, считавшихся пуленепробиваемыми.

Мятежники не успели отреагировать и прикрыться телами заложников, которых запоздало потащили поближе к окнам.

Выставив перед собой руки-пулемёты, «ангел» разнёс стеклянную преграду — потолок центрального зала совещаний и переговоров, приземлился на одно колено и, крутанувшись, скосил противников, оказавшихся здесь. Несколько заложников жались к стенам, прикрывая головы руками и подвывая от ужаса. Но ни на ком из них не было ни царапины. Пули «ангела» настигли только тех, кто держал оружие.

Не теряя ни секунды, он скинул один из пулемётов, в котором закончились патроны, затем разогнался и, высадив окно, мгновенно взмыл вверх.

— Мать вашу, мы предупреждали! — надсадно орал в рацию один из мятежников, держа за волосы молоденького транссексула-секретаршу. Сучка хрипло визжала и умоляла пощадить. Но через секунду вылетела в окно.

Её крик оборвался подозрительно быстро, мятежник в изумлении высунулся в окно, глянул вниз. И медленно отступил, хлопая глазами. Напротив него завис, едва заметно шевеля раскинутыми в стороны стальными крыльями, громадный киборг-альбинос. Одной рукой он обхватил поперёк туловища секретаршу, которая лишилась чувств от шока, другая его рука плавно поднялась — и сопротивленец сполз по противоположной стене кабинета с огромной рваной раной от пулемётной очереди поперёк груди.

Найт осторожно положил секретаршу на пол: совершенно не было времени унести её в безопасное место.

Вдруг с порога раздался нервный окрик с привизгом:

— Сдай оружие, кибер! Не то твоему дружку кранты!

В дверях стоял полубезумный от ужаса и ярости мятежник, прижимавший пистолет к голове Генриха. Тот слегка

пошатывался, лоб его был разбит и залит кровью, под носом тоже запеклась кровь. Но Найт не успел даже отреагировать, когда Генрих резко ударил террориста под локоть — выстрел ушёл в потолок — затем развернулся и ребром ладони сломал парню шею. Выхватив пистолет из онемевших пальцев ещё не упавшего трупа, он сказал в притворном возмущении:

— Слушай, чувак, с киборгами так обращаться нельзя! Мы создания нежные!

Потом лукаво взглянул на друга и шмыгнул носом.

— О, мой спаситель! Я тебя прям заждался в этой башне, как принцесса! Где остальные-то? А то начинает становиться скучно…

— Отвлекают от меня внимание. Ты как?

— Я в порядке. Ну, не смею задерживать, — Генрих отсалютовал трофейным пистолетом. — Спасибо, что заскочил на огонёк!

С этими словами он исчез, отправившись выручать свой отряд.

А Найт выпрыгнул в открытое окно, расправляя крылья.

* * *

— Это не десант! Эта хрень умеет летать! — пытались предупредить друг друга сопротивленцы, которых постепенно охватывала паника.

Найт проносился мимо окон, словно чёрно-серебристая молния, скашивал выстрелами всех, кто стоял и держал оружие в руках, с ювелирной точностью не задевая тех, кто вёл себя, как и подобает заложнику, — прикрывал голову, жмурился, кричал от страха — и кем безрезультатно пытались заслониться преступники. Киборг всё равно улучал момент для единственного точного выстрела.

Бунтовщики не успевали расправляться с заложниками. И те, ощутив нежданную свободу, кинулись кто куда, лишая своих тюремщиков единственного козыря.

Паникующие клерки, секретарши и молодые менеджеры хаотично метались под пулями, а программисты, добравшись до ноутов, по мере сил помогли своему спасителю — разблокировали ворота ангаров, лифты, даже принялись мешать хакерам, которые упорно боролись с системой защиты центрального компьютера «Сайбертека».

На помощь Найту уже прибыли «Шершни», довершая начатое. Сдававшихся не убивали, а обездвиживали специальными инъекциями и стаскивали всех в одно помещение.

Найт не успокоился на достигнутом. Он отбросил в сторону второй пулемёт, ставший бесполезным, и бросился к лифтам. Он знал по загруженной в память трёхмерной карте, где именно находится центральный компьютер. Главная задача — добраться туда.

Приятный низкий голос объявил этаж.

Едва створки лифта плавно раздвинулись, на киборга вылетело несколько человек в форме охранников, вооружённых пистолетами-пулемётами. Найт снёс их с дороги выстрелами дикрайзера, дожидавшегося своего часа в кобуре на поясе.

Влетев в обширный зал с несколькими рядами серверов, Найт замер: со всех сторон к нему неслись бывшие охранники корпорации. Они окружили киборга и сразу же принялись стрелять. Но он отреагировал мгновенно — закрылся стальными крыльями, словно коконом. Пули рикошетили от них, высекая искру из прочных корпусов серверов или попадая в незадачливых вояк.

Дождавшись паузы, Найт расправил крылья, крутанулся, в радиусе почти трёх метров от него не осталось никого, способного сражаться: сталь рассекла кому грудь, кому горло, кому лицо, кому отрубила руки с оружием. Расшвыряв остальных, Найт кинулся туда, откуда слышался быстрый стук клавиш.

Он уже вытягивал вперёд руку с дикрайзером, но хакер, будто почуяв опасность, нырнул под стол. Выстрелы разнесли монитор и клавиатуру компьютера, ринулись неумолимым пунктиром за ускользающим хакером.

Вдруг тот вскочил и выкинул руку вперёд. Перед глазами Найта полыхнуло ярко-цианового. Он коротко рявкнул и рухнул на колени.

— Тебе кранты, кибер, конкретные кранты! — хакер, совсем ещё щенок лет шестнадцати, потряс маленьким диском и, сдув с левого глаза косую чёлку пшеничного цвета, бросился прочь из терминала.

Найт кое-как смог выдернуть из щеки тончайшее стрекало электрошокера и, пошатываясь, поднялся. Когда-то он негодовал по поводу легкомысленного отношения к шлему, а сейчас и сам так глупо попался. Однако восстановиться удалось довольно быстро, и вот громадный киборг уже несётся по коридору следом за наглым малолеткой. Чёртовы крылья из союзников превратились во врагов: удар электричества нарушил их работу, и теперь они хаотично раскрывались и закрывались, царапали стены, норовили поднять Найта в воздух. В конце концов, он отстегнул их. Бежать сразу стало легче.

Хакер успел вылететь к пожарной лестнице и с ловкостью

бывалого паркурщика съехал по перилам. Найт ухватил его за капюшон чёрной толстовки, но щенок буквально выскользнул из неё. Погоня длилась несколько минут, прежде чем мальчишка выскочил на парковочную площадку для флайеров. Найт остановился и принялся стрелять. Электрошок всё ещё давал о себе знать: попасть в вёрткого мальчишку никак не удавалось. Одна пуля угодила в бак с горючим как раз над головой вовремя пригнувшегося беглеца. Машина взлетела на воздух. Отброшенный взрывной волной юный хакер вяло пополз куда-то. Найт подскочил к нему и взял на мушку.

— Сопротивление бесполезно.

— А я попытаюсь… — прохрипел хакер, приподняв лицо. Затем, заметно превозмогая боль, подмигнул и скатился с площадки туда, где теперь в ограждении зияла оплавленная дыра.

Найт подошёл к краю и глянул вниз.

Как он мог подумать, что этот крысёныш благородно покончит с собой, лишь бы не доставаться правительственным солдатам! Далеко внизу пестрел маленький парашют, какие в ходу у городских аэродайверов, любителей затяжных прыжков с крыш небоскрёбов.

Нельзя позволить мальчишке уйти с вирусом: в противном случае опасность для киборгов Империи всегда будет существовать.

Найт развернулся к ближайшему флайеру, взломал замок и систему защиты и продолжил погоню.

— Преследую особо опасного преступника, — сообщил он в горошинку микрорации и не сразу вспомнил, что забыл включить её. Исправил оплошность. Отослал координаторам мыслеобраз и запросил навигацию в реальном времени. Теперь сложностей возникнуть не должно — в городе полно камер.

Сверившись с местоположением Найта и распознав мыслеобраз, координаторы быстро обнаружили хакера. Он нёсся по улице на заранее подготовленном байке. Не слишком резво: вероятно, взрывом его немного контузило.

Найт вскоре упал ему на хвост и начал потихоньку снижаться, приоткрыв окно и высунув руку с дикрайзером.

Этот мальчишка почти такой же, как тот Свободный Волк, фанат «Танцующего Альбиноса», которого Найт застрелил много лет назад. Они, чёрт побери, чем-то даже похожи, эти мальчишки-бунтари… Но теперь не останется никакого сожаления.

Вдруг флайер Найта дрогнул и стал снижаться. На приборной панели замигала красная лампочка напротив уровня горючего, и машинный голос сообщил очевидное: «У вас недостаточно горючего. Для вашей безопасности флайер приземлится».

Не дожидаясь полной остановки, Найт откинул боковое крыло кабины и спрыгнул с высоты нескольких метров, сразу же устремляясь бегом за дешёвеньким байком. Юный хакер оглядывался, пытаясь скрыть испуг раздражением. Выходило не очень убедительно. Киборг настигал. Страшный киборг. Похож скорее на одну из «игрушек» жуткого Кукольника, над свержением которого и работает Сопротивление.

Вильнув в сторону, хакер вылетел на широкую трассу и едва не угодил под колёса целой колонны мотоциклистов. Судя по бронированным мощным байкам и немного аляповатой защитной амуниции, это городские гонщики. А судя по тому, что на перекрёстке нетерпеливо приплясывала одетая явно не по погоде сучка с клетчатым чёрно-белым флагом, он оказался в самом финале ралли.

Финишировал гонщик в «черепахе», стилизованной под скелет грудной клетки. Шлем его тоже был стилизован под череп невиданного чудища. На поясе висела шипастая цепь. Гонщикам не возбранялось избавляться от конкурентов на трассе самым жестоким образом. Радуясь победе, парень сорвал шлем, и хакер едва не свалился с мотоцикла: на миг ему показалось, что это его преследователь. Но секунду спустя стало очевидно, что, конечно, это не он. Гонщик не альбинос, моложе киборга лет на пять, да и не может же кто-либо находиться в двух местах одновременно!

Хакер пронёсся мимо под полупрезрительное улюлюканье. Победитель благосклонно принимал восторги повисшей на нём силиконовой красотки, как вдруг мимо пробежал офицер «Шершней».

— Найт? — задохнулся от изумления молодой гонщик. Потом просиял: — Чёрт, Найт! Братуха! Это мой брат, чёрт побери, а! Да стой же!

Оттолкнув псевдодевицу, парень вскочил в седло байка и быстро нагнал Найта. Тот глянул на него лишь мельком.

— Здравствуй, Беллум. Извини, я на задании, пообщаемся позже, если ты не против…

— А где же «как ты вырос» да «тебя не узнать» и прочие сентиментальности? Чёрт, мы не виделись сто лет! И такая встреча… Я ведь, по сути, благодаря тебе гонщиком-то стал! — парень немного обиделся. — Кстати, тебе не кажется, что преследовать мотоциклиста удобнее на байке? Притормози, возьмёшь мой…

Найт в изумлении снизил скорость и остановился, совсем не запыхавшись.

Беллум слез с байка и вручил его старшему брату.

— Держи. Спасибо говорить будешь потом, — он приподнял

руку, заметив, как Найт собирается что-то сказать. — Делай что должен.

Найт быстро забрался на разгорячённого железного монстра и, бросив на брата короткий взгляд, полный благодарности, рванул с места.

И каково же было его изумление, когда Беллум нагнал его на байке кого-то из своих приятелей через пару минут.

— Эх, учись играть в догонялки, пока я жив! — он снял с пояса цепь и пошёл на обгон.

— Хакер нужен живым! Только отбери у него диск с вирусом! — успел докричаться Найт.

— Как скажешь, братуха!

Беллум наклонился к рулю и стал стремительно удаляться. Найт прибавил скорости. Ветер растрепал его косу и холодил голую, незащищённую доспехом спину. Но за младшим братом он всё равно не мог угнаться.

Вылетев из-за поворота, Найт похолодел от ужаса: Беллум нёсся прямо на огромную фуру. Ни он, ни водитель фуры не успевали затормозить — это очевидно. Хакер мелькал где-то вдалеке, на встречной полосе. Это именно он напугал водителя фуры, и тот начал судорожно выкручивать руль. Гигантская машина грузно кренилась набок.

И Найт заметил, как его младший брат, всю жизнь мечтавший стать гонщиком, ради мечты пренебрегший «приличной» карьерой и одобрением отца-перфекциониста, рыбкой проскользнул между колёсами многометрового чудовища и выровнялся с лёгкостью, выдававшей профессионала экстра-класса, сразу же, как ни в чём не бывало, продолжив погоню. Жив!

Сердце Найта наполнилось настоящим счастьем. Счастьем и покоем, какие не могли и никогда не смогут дать ни одни, даже самые лучшие стабилизаторы.

В следующую секунду он вдруг увидел бледное и перекошенное от испуга лицо водителя: казалось, они стоят друг напротив друга, так близко оно мелькнуло, а потом это лицо заслонила чёрная, воняющая бензином и гарью железная громада, накатила, погребла под собой, как волна. Найт вспомнил чёрный ледяной Байкал, вспомнил волшебный грот и маленького злого мальчика с чёрными ледяными глазами, самыми красивыми на свете.

Потом барабанные перепонки лопнули от чудовищного лязга, треска и грохота. И ватным одеялом упала всеобъемлющая, вселенская тишина.

Глава 51

Белый лес дышал миллионами шёпотов. Заиндевелые голые ветви качались, хотя не ощущалось никакого ветра. Кругом пела тишина, лукаво щурясь на одинокую массивную фигуру, которая скользила меж зарослей.

Найт шёл на едва различимую песню. Мелодия и голос до боли знакомы. Он помнит, как лежал, свернувшись клубочком и положив голову на мягкое мамино бедро, а она ласково гладила его по плечу, тогда ещё остренькому и слабому. Она пела ему: «Баю-баю, белый зая, поскорее засыпай, глазки-вишни закрывай». Эту смешную и немного нелепую колыбельную мама придумала сама, для своего особенного сына.

«Особенный» — то есть «урод» с точки зрения Репродуктивной Комиссии. Альбинос. Генетический мусор. Генму. Но мама любила его таким, какой он есть…

Безупречно функционирующий мозг, уже почти не содержащий органической нейронной ткани, не оставлял иллюзий сумрачному сознанию.

Это сон. Прекрасный сон о зимнем лесе. Кто-то шепчет. Кто-то тихонько посмеивается. Смотрит. Дышит. Напевает песенку, от которой больно в груди, как раз напротив сердца.

— Баю-баю, белый зая. Поскорее засыпай, глазки-вишни закрывай.

— Мама?

Она сидит к нему спиной на заснеженном холме. Нет, это не снег. Это мелкие белые цветы. Такие мелкие, что кажутся сплошной массой. Женщина сидит, обняв себя за плечи, и напевает старую наивную колыбельную.

— Мама…

— Это ты, мой маленький?

Она не поворачивается. Он делает несколько шагов — огромный, тяжёлый, но совсем не проваливающийся в снежные цветы.

— Это я. Мама, ты же звала?…

Он падает рядом с ней, подтягивает колени к груди, кладёт голову на её мягкое бедро. Ледяное.

— Тебе холодно, мама?

Он смотрит вверх, но не может разглядеть её лица за пологом волос. Она отворачивается. Начинает нежно и невесомо гладить его по плечу. Странно онемевшее тело ничего не ощущает.

Но вдруг — как будто царапина.

— Ай…

Ещё, только больнее. Ещё раз, и ещё больнее. Очень больно. Ласковая мамина ладонь сдирает с него покрытие, пласты искусственного «мяса», с мерзким металлическим скрежетом царапает его кости.

— Мне больно, мама… — растерянно бормочет он.

— Я знаю, маленький, знаю, — её голос дрожит. Она плачет.

— Мне больно, мама! Мне больно!

Он не может встать. Он прирос к ней, к этой плачущей безликой женщине. На ней нет одежды. На нём — тоже. Оказывается, он был голым. А теперь он ещё более голый. Клочья его плоти парят в воздухе, словно снежинки.

— Мне больно!!!

Он раскрывает рот и кричит во всю силу лёгких. Но не слышит собственного голоса.

И не может проснуться.

Зима шепчет и смотрит на него. Круговоротом летит вихрь его бледного неживого мяса.

* * *

— Я… я не видел, правда! Я правда не видел! — захлёбывается бессвязным скулением бледный как полотно водитель фуры. — Он вылетел из-за угла, я по тормозам, но тут же пара десятков тонн… я… я не смог бы затормозить моментально!

— Вам необходимо успокоиться, — звучит ровный механический голос полицая — белого металлопластикового создания, напоминающего манекен.

Робот делает бедолаге укол тиопентала натрия. Парень расслабляется, закатывает глаза.

— Вам инкриминируется порча государственного имущества и вероятное убийство по неосторожности офицера подразделения «Шершень», — почти доброжелательно произносит полицай искусственным голосом. — Предусмотренное Конституцией наказание за это преступление — эвтаназия пятой степени.

Парень даже улыбается, когда ему колют павулон и хлорид калия.

Под колёсами перевернувшейся фуры, перегородившей улицу, дымятся остатки бронированного байка. На несколько десятков метров растянулся кровавый след. Валяются фрагменты тела, искорёженные титановые кости, обломки металлопластикового доспеха. Торс с ошмётками чуть подрагивающих конечностей. Некогда красивое лицо, теперь

наполовину расплющенное и стёртое об асфальт. Незрячий прозрачно-серый глаз, глядящий в никуда со спокойствием Будды.

* * *

— Ага, прям по всей улице размазало, как масло по тосту. Ужас. И что ужаснее всего — говном не воняет. Прям непривычно так. Вроде труп же, кишки наружу.

— Да не труп, а гора металлолома. Слышь, а поршенёк-то, небось, тоже оторвало. Валяется там где-то.

— Вот радости-то будет тамошним сучкам. Хе-хе-хе. Говорят, у этого кибера, как бишь его… майорчика, сантиметриков за двадцать-то было.

Двое парней в светло-серых робах разнорабочих, хихикая и отпуская циничные шуточки, везли по длинному белому коридору небольшую платформу на магнитной подушке. На платформе грудой было навалено то, что осталось от Найта Ирона, офицера элитного киберподразделения «Шершень» в ранге майора, погибшего при исполнении — во время погони за преступником. Хотя о киборгах такой высокой «процентовки» говорят: «вероятно, погибший». Их ещё можно починить. Но в случае с Найтом Ироном — вряд ли.

— Куда сваливать? — парни вкатили платформу в обширный, вылизанный до блеска операционный зал.

Несколько ассистентов с лёгкой нервной суетливостью указали пару столов, принялись за сортировку фрагментов. Разнорабочие убрались восвояси.

Ведущий кибербиолог вышел из дезинфекционной камеры в полном облачении и деловито прошагал к стеллажу с инструментами, по пути включая мониторы и генераторы.

— Господин Торроф, вы… вы собираетесь попытаться его реанимировать? — неуверенно пробормотал старший ассистент.

— Не собираюсь, а реанимирую, — ответил кибербиолог ровным и жёстким тоном, проверяя клеммы.

— Но… Кхм… но согласно инструкции при более чем восьмидесятипроцентном повреждении тела предписана эвтаназия, полное отключение и деактивация нейронных сетей, — голос ассистента стал чуть увереннее.

— Мне плевать на инструкцию. Я его реанимирую, чего бы мне это не стоило, — господин Торроф даже не повернулся к коллеге.

— Тут нечего реанимировать! Посмотрите только на него!

Это груда мяса!

— Это, — кибербиолог резко развернулся и ткнул пальцем в сторону Найта Ирона, — не груда мяса, а сломанная машина, которую починить пусть сложно, но можно. И я починю. Я проводил все его операции по апгрейду. Я знаю его тело лучше собственного.

— Будьте же милосердны, — ассистент позволил эмоциям вырваться на волю. — Ему ужасно больно. Мы даже не можем себе представить насколько, потому что любой давно умер бы от болевого шока. Не мучайте человека!

— Это не человек! — рявкнул кибербиолог, сверкнув серо-зелёными глазами. — И это — МОЁ! Я решаю, когда отключить его. Я заставлю его снова функционировать. А ваша задача — избавить меня от мелкой несущественной работы и от ваших ненужных советов!

На пару секунд в операционной воцарилась гулкая тишина. Умиротворяюще гудели генераторы. Тихонько жужжали подёргивающиеся сервомоторы изувеченного киборга.

Удовлетворённо кивнув, господин Торроф приблизился к столу и пристально посмотрел в единственный сохранившийся глаз Найта.

— Всё будет хорошо, мой мальчик. Просто подойди ко мне, когда я позову тебя.

* * *

— Найт… Найт, иди сюда, — звал кто-то издалека.

Звал долго, настойчиво.

Солнечный зайчик настырно прыгал по лицу. Найт улыбнулся сквозь дремоту и замотал головой, тихонько посмеиваясь. Зайчик пролез под веко. Найт распахнул глаза.

Нестерпимо яркий свет ослепил его на минуту. Потом проступили очертания галогеновых панелей на потолке, гладкого кафеля, проводов. Чьё-то лицо. Скуластое, покрытое элегантным искусственным загаром, с модно подстриженной бородкой, с внимательными серо-зелёными глазами, с тщательно замаскированными морщинами на лбу и веках. По периферии поля зрения дрожала искажённая координатная сетка.

— Господин Торроф? — произнёс Найт. И сам испугался своего голоса. Сиплое скрежетание и шипение.

— Тссс, всё хорошо, ты вернулся. Пока не говори ничего, береги силы. Я отключу тебя ненадолго.

— Что? Но ведь… — только и успел проговорить Найт, и

сразу же вспыхнула циановая звезда. Растеклась непроглядная тьма.

* * *

— Функционирует нормально, — произнёс кибербиолог, пряча в нагрудный карман комбинезона тонкий фонарик. Потом украдкой от ассистентов перекрестился и принялся с ювелирной точностью оперировать «рукой» робота-сборщика, перенося «мозг» временно дезактивированного киборга в новый цельнолитой карбоново-титановый череп.

Этот эндоскелет он заказал сам, на свои личные сбережения. Всю электронную начинку везли аж из Хинди, работа самых лучших программистов и «пайщиков», личных знакомых господина Торрофа, всегда державших его в курсе новинок. Органы — оттуда же. Покрытие прибудет на днях. Мышцы уже лежат в криокамерах и ждут своего часа. Неделя или около того уйдёт на реабилитацию. Мальчику необходимо сперва привыкнуть к новому телу. Он слишком долго болтался между жизнью и смертью в искусственно поддерживаемом состоянии, близком к летаргии.

Операция длилась почти четырнадцать часов.

Но вот последний штрих. Несколько минут на то, чтобы отдышаться и успокоиться, и, мысленно помолившись богу, в которого в этом пыльном мире уже, кажется, совсем никто не верит, тихонько активировать генератор в мозжечковой области.

— Найт, — полушёпотом позвал господин Торроф.

Медленно и плавно, будто автоматически жалюзи, поднялись временные полимерные веки. Заморгали.

— Где я? — проскрежетал механический голос.

— Всё хорошо, ты в госпитале. Небольшая авария, — склонился над ним кибербиолог, широко улыбаясь, будто только что вышел из комы его родной сын.

— Я… кхм, — Найт попытался сглотнуть, — я совсем не чувствую своего тела…

— Оставьте нас, — бегло попросил господин Торроф ассистентов, и те после некоторой заминки вышли.

Оставшись наедине с киборгом, мужчина отошёл от прозекторского стола на пару шагов и протянул к Найту руку.

— Встань.

Найт неловко пошевелился. Мягко зажужжали сервоприводы и моторы.

— Давай, мальчик, вставай.

И вот Найт сумел подняться. Сперва сел. Затем перенёс ноги на пол, встал. Огромное сооружение из блестящего металла, больше всего напоминающее человеческий скелет, но с резиновой маской на лицевой части черепа. Под рёбрами и несколькими эластичными пластинами, образующими брюшину, билась и пульсировала полумеханическая *не-жизнь*.

— Хорошо, хорошо, Найт, — господин Торроф радостно улыбался, чуть пятясь. Киборг плавно перенёс вес с одной ноги, сделал шаг. Приподнял руку. Механизмы, поршеньки, моторчики пели чудесную симфонию.

— Иди. Иди ко мне, давай, хорошо, — господин Торроф отступал, а Найт неуверенно шёл к нему, чуть покачиваясь, протягивая руку.

И вот холодные металлические пальцы киборга коснулись мягкой ладони человека. Господин Торроф приложил некоторое усилие, чтобы не отшатнуться. Найт ещё не достаточно хорошо владеет своим телом. Может нечаянно сжать ему руку так, что раздробит кости в муку.

— Меня нет, — прошипел вдруг металлический голос. При определённом воображении его можно было бы назвать шёпотом.

— Что? — встрепенулся господин Торроф, опьянённый своим триумфом над смертью.

— Я не чувствую вас. И своего тела. Вообще. Меня как будто нет.

Кибербиолог шагнул вперёд и по-отечески погладил прохладную скулу своего детища.

— Ты здесь. Всё хорошо. Скоро я одену тебя в тело, ещё лучше прежнего. Правда, теперь ты на пятнадцать сантиметров выше. Хиндийцы немного напутали с пропорциями. Ну да не суть. Ты вернулся.

Найт посмотрел на свою всё ещё вытянутую вперёд руку. Медленно опустил лицо, оглядел своё тело.

— Небольшая авария, да?

Интонации киборга были искажены открытыми связками и отсутствием покровов. Не понятно, шутит он или злится. Господину Торрофу на мгновение стало страшно. Но он вспомнил, что это механическое чудовище когда-то было четырнадцатилетним мальчиком, прибежавшим в лазарет при Академии в слезах и смятении с просьбой вырезать ему глаза, которые слишком много плачут. Доверчивое, хрупкое создание. Маленький уродец, отчаянно боровшийся со своей первой душевной болью.

Это было их настоящее знакомство. Тогда Найт получил свой первый стабилизатор и действительно стал меньше плакать.

Душа его успокоилась хоть на некоторое время. Но не навсегда.

Она поедала Найта изнутри. Истощала его шквалом эмоций, приносивших лишь боль. Господин Торроф с радостью пошёл навстречу желанию юного киборга отринуть всё человеческое раз и навсегда, избавиться от боли. От чувств, которые её приносят. И через многие годы это почти удалось.

Найт — его шедевр, его гордость, живое доказательство его конструкторского и инженерного таланта. Да что там! Гениальности! Хм… живое ли?

— Тебе больно? — спросил кибербиолог, опустив руку Найта. Почти ласково. Так доктор не спрашивает о самочувствии. Так спрашивает любящий родитель.

— Нет. Мне совсем… никак, — в механическом голосе угадывалась растерянность.

— Главное, что не больно. Ведь ты хотел этого всегда?

Киборг помолчал. А потом отвернулся.

Глава 52

Господин Торроф лично возился с Найтом весь период реабилитации: регулировал настройки его барокамеры, осторожно поддерживал под локоть во время коротких прогулок по коридорам центра, ставил капельницы с питательными смесями. Постепенно проводил операцию за операцией. Следил за восстановлением нервной системы.

Найт возвращался к нему. Тот Найт, которого он знал. Тот Найт, которого едва не отнял, пусть и опосредованно, этот чёртов выскочка, учителишка истории Дэнкер Миккейн. Запудрил парню голову какими-то высокими идеалами, глупыми сказочками про величие и красоту человека. А сам совершил преступление первой степени, самовольно удалив биокарту, а в довершении всего покончив с собой. Ходят слухи, что это именно Найт его убил. И был за это повышен до майора. Но господин Торроф не верил молве. Найт не мог убить этого мечтательного идиота — слишком любил. Как отца родного, если не больше. Ну что ж, в этом мире не место слабакам. Туда Миккейну и дорога.

Да только после его самоубийства Найт сам стал искать смерти: ввязывался в самые опасные операции, лез в самое пекло. И если бы много лет назад трогательный беленький уродец с чуть раскосыми красными глазами не заставил сердце кибербиолога дрогнуть, то сейчас эти поиски увенчались бы успехом. Наверняка Найт мог уйти от столкновения с фурой. Господин Торроф не удивится, если выяснится, что Найт сам кинулся под колёса. Но как же ему удалось преодолеть программу Антисуицид?

Впрочем, теперь всё позади.

Всё будет, как раньше. Только ещё лучше — без сказочек Миккейна о «венце природы».

* * *

— Как он? — Генрих и Штэф Макгвайеры синхронно вскочили при появлении господина Торрофа в светлом и даже уютном фойе госпиталя.

Тот смерил молодых киборгов строгим взглядом, который мельком кинул на смуглого и черноволосого парня, неуверенно переминавшегося с ноги на ногу за спинами близнецов. Действительно похож на Дэла. Если бы в Дэле проявилось больше реликтовых славянских черт, если бы его нос был шире, а рот крупнее. Парень смотрел с надеждой и отчаянием.

— Найт сейчас отдыхает, — сказал господин Торроф, снова взглянув на близнецов. — К нему нельзя.

— А ему почему можно? — Генрих кивнул в сторону Беллума Ирона, как раз выходившего из лифта. Молодой гонщик нёс под мышкой отполированный чёрно-красный шлем и был в задумчивости.

Заметив небольшую компанию у регистратуры, он подошёл поздороваться.

— Господин Беллум Ирон — ближайший родственник Найта, — ответил Генриху господин Торроф. — Брат.

— Мы тоже братья, — нагло заявили Макгвайеры и коротко посмеялись над собственной шуткой. В ответ — саркастически полуприкрытые глаза и поджатые губы кибербиолога.

— Хм. Да, шутка не прошла, — Штэф потёр загривок ладонью.

— Кроме того, — назидательно произнёс кибербиолог, — господин Беллум Ирон оказал содействие правительству, предотвратив применение опасного вируса. Ему, знаете ли, можно дать поблажку.

— Послушайте, — тихо заговорил Генрих, придвинувшись. — Мы знаем, что здорово проштрафились, особенно я. Ну так за это меня батюшка уже наказал, ссылает в Баотоу в армию Бета. Но мне кажется, что профессиональные проколы никак не должны быть связаны с дружбой. Позвольте нам хотя бы попрощаться с ним!

— Почему это «вам»?

— Так неужели я брата одного в Гоби отпущу? — встрял Штэф. — Тоже перевожусь. Пустите, а? Мы ведь можем больше никогда не увидеться с Найтом…

Господин Торроф непреклонно молчал.

— Пожалуйста, пустите их, — попросил Беллум. — Он ждёт.

— Ну хорошо, — будто нехотя согласился господин Торроф. — Только не утомляйте его. Новый эндоскелет пока отнимает много энергии. Как-никак, беспрецедентный случай, обычно максимум кибертроники в организме достигается никак не раньше тридцати — тридцати пяти лет…

— Спасибо! — обрадовались близнецы и кинулись к лифту. Генрих оглянулся и показал большой палец Беллуму.

— Кстати, я твой фанат, Череп!

Черноволосый юноша-киборг шагнул за братьями, радостно улыбнувшись, но господин Торроф упёр руку ему в грудь.

— А вас разрешение не касается.

— Ну что вам стоит? Ну, пожалуйста!

— Вам нельзя, господин Кай Галло.

— Я не нравлюсь вам, — проговорил парень утвердительно. — Но почему от этого должен страдать Найт?

— Много вы знаете о его страданиях, — скривился кибербиолог. — Госпиталь — не проходной двор.

— Да, я не ближайший родственник и не уезжаю завтра на край света, но я люблю его и должен с ним увидеться!

— По-вашему «люблю» — это аргумент? — фыркнул кибербиолог.

— Да, — Кай уставился на него упрямо и чуть просительно, по привычке едва заметно закусив твёрдую полоску на нижней губе.

Господин Торроф первым отвёл взгляд.

— Чёрт с вами. Только уложитесь в пятнадцать минут, не то у меня из-за вашего паломничества будут проблемы.

* * *

— Ну вот и вырываемся мы на свободу, Мыш, — говорил Генрих, сидя на краю постели Найта. — Говорят, там, где нет Сети, даже Стиратели не появляются.

— В Баотоу есть Сеть, тупица! — отвесил ему несильную оплеуху Штэф.

— Рановато вам бояться Стирателей, — усмехнулся Найт.

— Ментo… как его там? — Генрих повернулся к брату.

— Мори, — приподнял тот палец.

— Вот-вот, ментo мори, как говорили древние. Я лично собираюсь встретить Стирателей в красных кружевных стрингах. Прикинь, как они офигеют? Хе-хе-хе! Нет, правда, приходят такие, думают, кибер весь трясётся, не знает, хвататься ли за дикрайзер или за успокоительное, а тут опа — ажурные трусы!

Найт тихо прыснул со смеху:

— Сумасшедшие сестрички в своём репертуаре.

— Слушай, Мыш, — проговорил Генрих через минуту в воцарившейся тишине, опустив голову, — ты извини, что тебя сбили с пути…

— Чем это вы меня с пути сбили?

— Ну вот хотя бы в столицу притащили.

— Я сам приехал.

— Ну не хотел же ты сам приехать, пока мы тебе не предложили? — встрял Штэф.

— И правда, зачем тебе всё это? — неожиданно серьёзно спросил Генрих. — Это же бег по кругу. В колесе. Знаешь, как в старину белочек запускали, зверьков таких.

— Это бег за совершенством, — ответил Найт, подумав.

— Мыш тоже в своём репертуаре! — хлопнул его по плечу Штэф.

— Да кому оно нужно, совершенство твоё! — фыркнул Генрих. — Человечество уже не знает, из чего бы культ сделать. В какую бы клетку залезть и запереться изнутри. Каких бы трудностей себе напридумывать. Жить надо, и всё. Просто жить.

Больше он ничего не сказал, умолкнув.

Найт смотрел на свои сцепленные в замок пальцы, лежащие поверх термоодеяла.

Он понял, что с самого начала неправильно определил для себя причины достижения своей цели. Глупо стремиться к совершенству ради чьего-то одобрительного или восхищённого взгляда. Всё это преходяще. Все, кто может одобрить или восхититься, рано или поздно исчезают из твоей жизни, и ты остаёшься один на один со своей недостигнутой целью и ощущением бессмысленности бега в колесе.

Так не правильнее ли будет руководствоваться иными причинами?

Совершенство Машины в глобальном и философском смысле, который придавал этому слову господин Миккейн, заключается, прежде всего, в её замкнутости. Машине не нужно одобрение, восхищение и любовь. Она совершенна сама по себе, объективно, а не в чьих-то влюблённых глазах. Она не тратит время на бессмысленные страдания. У неё не болит сердце.

С Машиной вовсе не нужно бороться или убегать от неё. Гораздо целесообразнее войти с ней в симбиоз. Уподобиться ей.

Он уже не боялся ни одиночества, ни бега по кругу за иллюзорной мечтой. Со страхом прекрасно справлялись стабилизаторы. Осталось лишь немного тоски…

Вдруг братья оглянулись на мягко прошуршавшие раздвижные двери. В палату стремительно вошёл Кай. Не говоря ни слова, он кинулся на шею Найту, который при виде него поспешно сел на кровати.

Так они сидели, обнявшись, всё отведённое на посещение время.

— Никогда тебя больше не отпущу одного… — услышал Найт шёпот в самое ухо и почувствовал, как сжалось сердце от нежности и тоски.

Ты не Дэл, мой маленький, ты не Дэл… Но я буду любить тебя в ответ твоей отражённой любовью, как Луна светит отражённым солнечным светом, никого не согревая.

Он не видел, как в глазах Генриха мелькнула и сразу растаяла нейтрализованная стабилизаторами ревность.

* * *

За огромным овальным окном летели крупные хлопья первого снега. Чудился призрак полузабытой колыбельной.

Найт, уже полностью восстановившийся, сидел рядом с господином Торрофом на удобном диване в комнате отдыха и рассеянно смотрел в монитор его ноута. На экране мелькали картинки из меланинового каталога.

— …или этот? Вот такой сейчас оттенок в моде, — господин Торроф заметил, что Найт его не слушает. Мягко похлопал его по плечу.

Найт встрепенулся. Кибербиолог продолжил:

— Так вот. Для кожи советую вот этот оттенок. Приятная такая благородная смуглость. Хорошо сочетается с любым цветом волос. Есть, например, абсолютно чёрный, очень редкий. Ты какой хочешь?

Они перешли на «ты» совсем недавно. Точнее, Найт всё никак не мог заставить себя перейти.

— Я хотел бы оставить всё как есть, — твёрдо произнёс Найт.

— Эм… мальчик мой, эта кожа и волосы — просто стандартное покрытие, оно пока что не раскрашено, если можно так выразиться. Что ты хочешь оставить? Оставлять же нечего.

— Я хочу оставить то, что мне было дано от природы при рождении. Я альбинос, если вы помните.

Мужчина засмеялся и потрепал парня по плечу.

— Найт! То, что тебе было дано при рождении, уже давно кремировано как отработанная биомасса. В тебе абсолютно всё новое и искусственное.

— Не всё. Только девяносто шесть процентов.

— Ну и какие-то миллиграммы нейронной ткани. Это не важно. Важно то, что ты наконец-то можешь перестать быть альбиносом.

— А что плохого в том, что я альбинос? — прозрачные глаза спокойно уставились на кибербиолога. Тот немного нервно кашлянул:

— Ничего, конечно же. Просто я не понимаю тебя, мой мальчик. Зачем отказываться от возможностей? Пойми, человек сейчас способен на всё. Прошли те времена, когда наши предки полностью зависели от прихотей природы. Человек перешёл на новый этап эволюции — Хомо Механикус. Мы победили природу!

— Так ли это? — буркнул Найт. — Тогда почему мы до сих пор боимся проявления рецессивных признаков изначальной мутации? Почему рождаются уродцы, которых потом тайком эвтанируют и сжигают или прячут от людей? Почему у

совершенно здоровых детей вдруг ни с того ни с сего обнаруживается прогерия?

Господин Торроф нахмурился. Прогерия… У сына Миккейна выявили прогерию.

— Человеку никогда не победить природу, — проговорил Найт, отворачиваясь. И вдруг добавил очень мрачно:

— Увы…

— Человеку, может, и не победить, — кибербиолог подсел чуть ближе и крепко обнял Найта за плечо. — Но не ты ли живое доказательство того, что её может победить более совершенное существо? Следующая ступень эволюции человека. Человек-машина. Сверхчеловек. О таких, как ты, мечтали философы прошлого. И мы сейчас воплощаем их мечты в реальность.

Найт смотрел на свои сцепленные в замок руки и не отвечал.

— Человек сам по себе — это ошибка природы, — продолжал господин Торроф, чуть скривившись. — Он не может усовершенствоваться или хотя бы исправить свои погрешности биологическим путём. Деградировать — да, пожалуйста, но не развиваться дальше. Без костылей кибертроники, роботроники и генной инженерии он не может подниматься по эволюционной лестнице. Его бьёт всеми ветрами, его мотает туда-сюда по воле хаотичной природы. Он подвержен всем страстям, как неразумное животное. Он ни на что не способен. Он умирает от ран, которые тебя не заставят даже прекратить сражаться. Он болеет, страдает, совершает глупые ошибки. Он может быть злым без причины и совершать отвратительные мерзости. Он — просто кусок мяса. Вы же, киборги, чем меньше оставляете в себе от человека и чем больше приближаетесь к машине, тем совершеннее становитесь.

— Но нам всё же не стать машинами, — негромко перебил его Найт. В голосе молодого киборга звучала настоящая горечь.

Потом он посмотрел в глаза господину Торрофу.

— И глубоко под этой кожей я остаюсь человеком. Куском мяса, раздираемым всеми ветрами. И вы, тот, кто считает себя равным Богу и имеет на то бесспорные основания, вы тоже человек.

С этими словами Найт встал и зашагал по коридору в сторону своего бокса. Господин Торроф не остановил его.

Посидев некоторое время на диванчике в окружении живых растений, воссозданных искусственно из фрагментов ДНК, он закурил и подошёл к окну.

В ночи царил громадный мегаполис. Столица Империи, величайший город Земли — Октополис, чьи шпили царапали брюхо стратосферы, а население перевалило за пятьдесят два миллиона. На фоне неонового моря и чёрного неба летели хлопья

снега.

— Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя. Человек есть нечто, что нужно превзойти, — насмешливо проговорил кибербиолог, выпуская кольцо дыма и глядя в глаза своему отражению. — Что сделали вы, чтобы превзойти его?

ЭПИЛОГ

Ранняя осень в Броксе привычно дышала прозрачным ветерком и ускользающим теплом. Золотистые солнечные зайчики прыгали по деревянным лавкам вдоль стен небольшой церквушки, проникая в узкие окошки под самым сводом.

Найт сидел в дальнем углу и слушал хор мальчиков. Незнакомый старинный язык, напоминающий речь коренного населения страны, на большей части территории которой сейчас раскинулась Империя. Но звучит так же чисто и нежно, как Дигнаре. Найт смотрел из своего тёмного угла на чуждых всему этому миру маленьких ангелов, у которых никогда не вырастут стальные крылья. Мальчиков забирали прямо из Инкубатора, минуя Интернат и Академию, и растили здесь, в стенах крохотной церквушки, которую местное население посещало как музей, но не как духовное заведение. Людям в голову не приходило искать здесь успокоение для души. Скорее — новые впечатления. Подумать только! Это здание недавно откопали и перевезли на окраину Броксы в его оригинальном виде, только слегка отремонтировали. Его основной части больше тысячи лет.

И тысячу лет назад мальчики другого народа пели здесь ту же самую песнь на том же самом древнем языке.

Дождавшись окончания вечери, Найт поднялся и прошагал к маленькому терминалу с облупившейся краской. Провёл над считывающей панелью кредиткой, жертвуя пару сотен кредит-единиц.

Худой мужчина средних лет, с длинноватой бородкой и волосами, стянутыми в хвост, — дирижёр хора — отпустил маленьких певцов и теперь немного опасливо смотрел на громадного киборга в полном боевом облачении, с толстой белоснежной косой до поясницы.

— Простите, — наконец обратился он к Найту взволнованным тоном. — Я часто вижу вас здесь, господин начальник киберармии Броксы. Наша скромная обитель чем-то беспокоит хозяина города?

— Нет, нет. Ваша деятельность полностью легальна, — успокоил его Найт. — Я посещаю церковь как частное лицо. Для души.

— Для души? — изумился священник. — О… Это так необычно… Киборг… И вдруг для души… Простите, я, конечно же, не то хотел сказать!

— Всё в порядке, — мягко улыбнулся Найт. Он видел, что пугает этого человека одной своей внешностью.

В сознании обычных людей есть так называемая «зловещая долина» — резкий провал в графике соотношения симпатии к предмету и человекоподобия этого предмета. Они обожают кукол, роботов и скульптуры, похожие на людей, но только до определённой степени схожести. Если же неодушевлённый предмет похож на живого человека сверх этой негласной нормы, то он начинает внушать вовсе не радостный трепет, а неприязнь и даже страх.

«Можно ли считать машину с незначительным вкраплением нейронной ткани всё ещё человеком, только *изменённым*? Если глаза — „зеркала души“ — заменены имплантатами, значит ли это, что самой души больше нет? И не являются ли те четыре процента биологической ткани, четыре процента „человеческого“, что невозможно никак и ни на что заменить, пресловутой душой?»

— Скажите, как вы думаете, с точки зрения этой религии у киборгов есть душа? — спросил Найт.

— Всё, что я могу вам ответить, будет слишком субъективно и вряд ли близко постулатам Библии, — замялся священник. — К тому же, я прежде всего профессор истории, не богослов…

Найт посмотрел в пол.

— Когда у киборга болит тело — это фантомные боли от удалённых живых частей. Но иногда болеть вроде бы нечему. А болит. Наверное, это фантомные боли удалённой души…

Он взглянул на немного растерянного священника. Тот вдруг сказал с совершенным спокойствием и теплотой:

— Этот мир как слепой котёнок в поисках матери: он тычется в стены и углы и ищет своего Бога. У каждого Бог свой. По образу и подобию. У вас есть свой путь, и вы ему следуете. Значит, действуете в соответствии с Божьим промыслом. Значит, у вас есть душа. И она успокоится…

— Я читал, что существует ритуал, помогающий успокаиваться душам и тех, кто… ушёл…

— Да, всё верно. Вам нужно поставить свечки вон там, к ногам Иисуса, и мысленно попросить его позаботиться о тех, кто был вам дорог.

— Благодарю вас.

Найт взял три свечки. Поставил одну за другой — Дэнкеру Миккейну, Дэлу и маме, легкомысленного отношения к смерти которой так и не простил своему отцу. Мысленно попросил у скорбного лакированного идола, прибитого к кресту, тепла и покоя для всех них.

Подумав, убрал свечку для Дэла. В его смерть не верилось.

Найт видел его живым.

Почти два года назад, на новогоднем приёме в Доме Совета, когда горстка анархистов, среди которых был и Дэл, передала пароли от суперсервера Триединство Императору Велиару, фактически марионетке Кукольника. Власть вернулась законному главе государства, но почему-то в стране сразу начался форменный бардак, длящийся по сей день. Это заставило Найта и Кая уволиться из подразделения «Шершень» и уехать из столицы. К счастью, до тихой Броксы волнения пока не докатились. А вот крупные города штормило прилично…

Найту всё это не нравилось. Он верой и правдой служил ныне свергнутой Божественной Машине и считал, что её правление шло людям только на пользу. Но люди не понимали своего блага, стремясь к свободе, к которой не были готовы. Чтобы быть свободным, надо быть сильным. Как Машина. Плоть человеческая слаба и несовершенна. О какой свободе может идти речь?!

«Да кому оно нужно, твоё совершенство?»

Глубоко вздохнув, Найт вышел из церкви. Сел на байк и отправился домой.

Он уже отвыкал от громадных пространств Октополиса, от тысяч метров под ногами и над головой, и Брокса потихоньку переставала казаться крошечной. В её знакомой неизменности было что-то уютное. Уютной была и небольшая квартирка неподалёку от коттеджа Иронов, в которой Найт жил теперь не один. Со своим «не-Дэлом»…

* * *

Ещё на лестничной площадке Найт почувствовал какое-то шевеление в квартире. Воры? Стало даже скучно. Пожалуй, просто отшлёпает их по заднице хорошенько, чтобы неповадно было…

Но едва переступив порог квартиры, Найт запоздало догадался, в чём дело.

— С днём рождения! — слаженным хором проскандировала толпа его родных и близких: здесь были почти все его братья, Кай и пара сослуживцев, с которыми удалось почти сдружиться. В том числе Кристоф или просто Ка, который, попытав счастья во многих мегаполисах, всё же вернулся на малую родину, чтобы работать на Мастера Ирона.

Все они кинули в именинника пригоршни неонового конфетти, кое-кто загудел в яркие пластиковые дудки.

— Чёрт, совсем забыл, — смущённо усмехнулся Найт.

— Как ты мог забыть! — обвил его шею руками Андрий,

слегка пополневший с возрастом и утративший толику «рокового» шарма, но ставший от того ещё более милым. — Такая дата красивая! Тридцать лет!

— Я, с вашего позволения, приведу себя в порядок, неудобно… — Найт двинулся к ванной.

— А не надо было с работы опаздывать! — напутствовал Кай. — Давай только скорее!

Потом он занялся гостями. Найт покинул общество, включил воду, а не водяной пар, как в Октополисе, и с наслаждением забрался в ванну.

Он глубоко вздохнул и прикрыл глаза. Вода мерно шумела и едва заметно пахла железом.

Запах стал более явственным. И вот жирная металлическая вонь облепила гортань. Найт открыл глаза. И взметнулся, расплескав содержимое ванны. Это была кровь.

— Кай?! — закричал Найт, вывалившись в коридор.

В квартире царила мёртвая тишина и холод. Выключатели не работали. Где-то громко и гулко тикали старинные часы.

Найт подул на озябшие руки.

— Кай! Андрий! Эй! Кто-нибудь! — Найт осторожно двинулся по коридору.

Вдруг где-то оглушительно грохнуло. Эхо прокатилось по воздуху, точно жестяная бочка по бетонной дороге. Найт вздрогнул и кинулся на звук.

Это гостиная. Только почему-то вся выложена белой кафельной плиткой и освещена холодным галогеновым светом. Посреди комнаты стоит единственная криокамера. Внутри — тёмный силуэт.

Найт медленно приблизился и стёр влагу с запотевшего толстого стекла.

В цианово́й, чуть фосфоресцирующей жидкости стоял Дэл. Его кожа была белой и гладкой, как пластик. Чёрные глаза с кукольным безразличием смотрели перед собой.

Таким Найт увидел его в последний раз. Только тогда, в Доме Совета, Дэл казался живым. Но ведь то, что движется, не всегда может считаться живым. Найт видел таких воинов — они называются криокиборгами. И они не считаются живыми…

Найт помотал головой и почувствовал, как стали ватными ноги. Хотелось упасть и казалось, что он вот-вот упадёт. Но мягкие ткани тела как будто повисли на эндоскелете, как одежда на вешалке. Найт не мог двинуться с места.

И вдруг снова грохнуло. Найт вздрогнул и попятиться.

Дэл мёртв. Дэл умер. Дэла больше нет. Это не Дэл.

Осознание глубочайшей бездны, пустоты, одиночества,

бессмысленности. Нет больше никакого смысла. Ни в чём.

Вдруг где-то сбоку прошуршало, скрежетнуло, и потянулся дребезжащий, ржавый голос, точно кто-то медленно наматывал проволоку на железную бобину.

— В юности мудрому царю Соломону подарили кольцо. «Как станет тебе тяжело — посмотри на него» — было напутствие. И вот однажды почувствовал Соломон, что не справляется с горестями своей страны. Посмотрел на кольцо, как было велено, и прочитал гравировку: «Всё проходит». С тех пор он часто поглядывал на своё кольцо в самые трудные минуты. Но однажды постигло его страшное горе: умерла его любимая жена, верный советник и опора. И кольцо не помогало, как ни смотрел на него Соломон. Тогда он сорвал кольцо с руки и швырнул его прочь. «Пройдёт и это» — увидел он гравировку на внутренней стороне кольца.

Найт прижался голой спиной к холодной скользкой стене. Где же, где же его успокоение? Почему призраки прошлого не покидают его, и почему так невыносимо болит душа? Как ни заменяй её стабилизаторами, как ни приближайся к идеалу — никогда не приблизишься. Как к горизонту.

Когда же всё пройдёт?!

— Но была и третья часть этой старинной сказки, — шелестел голос, приближаясь вместе с каким-то странным мерным шарканьем. — *Прошло ещё много лет. Соломон превратился в древнего старца. Царь понимал, что дни его сочтены. «Всё проходит», «Пройдёт и это»,* — вспомнил он, *усмехнулся: вот всё и прошло. Теперь царь не расставался с кольцом. Оно уже истёрлось, пропали прежние надписи. Слабеющими глазами он заметил, что на ребре кольца под лучами заходящего солнца блеснули буквы: «НИЧТО НЕ ПРОХОДИТ»…*

Чёрные глаза — единственное, что он успел вспомнить под колёсами фуры, — резко обратились к нему.

Найт рванулся прочь из комнаты. И вдруг рухнул в огромную яму. Тьма охватила его со всех сторон, спину разорвала боль, и в стороны развернулись громадные железные крылья, то ли ржавые, то ли покрытые кровью.

Он падал камнем, в отчаянии протягивая руки вверх, будто прося помощи. Но у кого?

Его лица коснулось нежное тепло. В ушах сквозь вой ветра и ритмичный скрежет каких-то механизмов всё чётче проступал хор юных голосов:

— Сподоби, Господи, в день сей без греха сохранитися нам. Помилуй нас, Господи, помилуй нас. Буди милость Твоя, Господи, на нас. Якоже уповахом на Тя.

Найт заплакал, повторяя слова. И вдруг его пальцев, точно любящий создатель, коснулся его совершенный, бесстрастный, хромированный Бог.

Судорожно набрав воздух в лёгкие, Найт выгнулся дугой и открыл глаза.

Он в ванне. Дома. Обычная вода, слегка отдающая ржавчиной. Из носа тихонько ползёт тёмная кровь.

— Найт, ты там не утонул? — насмешливо, но всё же взволнованно спросил Кай из-за двери.

— Всё… Всё в порядке… Я просто немного задремал… — Найт наскоро вытерся, смыл с лица кровь, переоделся в чистую футболку и брюки.

— Совсем себя не бережёшь, — покачал головой его молодой любовник, когда Найт вышел из ванной. — Не надо так переутомляться, аж в ванне засыпаешь. Ну ничего, немножко посиди с гостями из вежливости. А потом будешь спать хоть сутки. Мастер Ирон — он, кстати, пришёл — говорит, что на ближайшее время в городе ничего не планируется. Может, тебе отпуск взять?

Найт рассеянно улыбнулся и поцеловал Кая в висок.

Когда они вошли в гостиную, Найт почувствовал, как вдоль позвоночника пробежал холодок: до того реальным был сон и оставшиеся воспоминания. Никакой криокамеры с мертвецом, конечно, тут не оказалось.

— Ну наконец-то, наш именинник! — встретили его возгласы.

Найт некоторое время терпеливо принимал поздравления, но мыслями был далеко — в том чёрном колодце, где прикоснулся к своему Богу.

Из задумчивости его вывел звонок в дверь.

— Я открою! — Кай убежал в холл.

Через минуту он вернулся. В комнате постепенно стихли разговоры. Найт оглянулся, проследив за взглядами, и поднялся с дивана.

Рядом с Каем стоял отец Найта, бывший хозяин города. Совсем не изменившийся, только сильнее поседевший.

— Я на минутку, — сказал он негромко. — Не буду мешать молодёжи. У меня для тебя подарок.

С этими словами он протянул Найту маленькую коробочку. Найт открыл. Внутри лежало колечко. Оно вряд ли налезло бы даже на мизинец громадному киборгу. Поэтому через колечко была продета тонкая цепочка.

Найт сразу узнал это кольцо. Лилия любила его больше всех.

— Перед смертью она просила передать его тебе. Но я всё не решался… — проговорил Мигель Ирон. — И… Хотел оставить

себе как память, но теперь… Теперь оно по праву твоё.

Найт шагнул к нему и молча обнял. Бережно, как может обнимать только тот, кто знает свою силу. Потом надел цепочку с кольцом на шею и спрятал под футболкой.

— Проходи, папа, чувствуй себя как дома, — улыбнулся Найт, приобняв отца за плечо.

С души киборга свалился огромный груз. Он больше не держал обиды на отца и не обвинял его ни в чём. Отец любил Лилию. Всё-таки любил. И своего сына он тоже любит, несмотря ни на что.

Пришло осознание: Найт никогда не был лишним и ненужным. Его любили отец и мать. Его, как своего маленького протеже, любил друг отца, генерал Агласис Шибта. Его любил Бофи, неуклюжей и жестокой детской любовью. Его любил Шусс, строгой и зрелой любовью человека, способного принимать его таким, как есть. Его пылко любил Кай. С ним хотели поиграть в любовь Генрих и Блис, мимолётный любовник в полулегальном бордельчике в подвале кофейни, которой сейчас уже нет на прежнем месте. Его любил господин Торроф как своё лучшее творение. Его любил господин Миккейн как свою хрустальную мечту и надежду. Его любили две удивительные женщины, которых больше не существует: Лиандра и бедная маленькая Снежная Принцесса. Даже Дэл, располосовавший его сердце на куски, вплавившийся в его подсознание, любил его по-своему.

Всем им не нужно было его совершенство. Они любили его каким угодно.

Но необычайно ярко укололо воспоминание о чёрном колодце. И Найт понял раз и навсегда, *кто* его любит по-настоящему.

2011 год 22 декабря Санкт-Петербург